МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

«ДОНБАССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ» ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

XII Республиканской конференции молодых учёных, аспирантов, студентов

«НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ, МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ СТРОИТЕЛЬНО-АРХИТЕКТУРНОЙ ОТРАСЛИ»

Том 3

«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

24 апреля 2026 г.

г. Макеевка

Сборник научных трудов XII Республиканской конференции молодых ученых, аспирантов, студентов «Научно-технические достижения студентов, аспирантов, молодых ученых строительно-архитектурной отрасли» (24 апреля 2026 г.) :
С 23 В 3-х т. Т. 3. Гуманитарные науки. – Макеевка : ДОННАСА – филиал НИУ МГСУ, 2026. – 400 с. : [Электронный ресурс]. – URL : http://www.donnasa.ru/publish_house/journals/studconf/2026/sbornik_konf_guman_nauk_2026.pdf.

Сборник содержит 56 научных работ участников XII Республиканской конференции молодых учёных, аспирантов, студентов «Научно-технические достижения студентов, аспирантов, молодых учёных строительно-архитектурной отрасли» (Макеевка, 24 апреля 2026 г.).

Печатается по решению ученого совета «Донбасской национальной академии строительства и архитектуры» – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Протокол № 8 от 25.05.2026 г.

Научные статьи представлены по таким тематическим направлениям: «Иностранный язык, педагогика высшей школы»; «История, философия, психология»; «Прикладная лингвистика и межкультурная коммуникация».

Издание заинтересует преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, интересующихся проблемами современной лингвистики, культурологии, философии; истории и педагогики.

Редакционная коллегия:

Грабовый К. П.	– председатель оргкомитета, Директор ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ, д. э. н., профессор;
Мущанов В. Ф.	– секретарь оргкомитета, директор управления научно-исследовательской деятельности и инноваций, д. т. н., профессор;
Пшеничных О. А.	– председатель Совета молодых ученых, к.т.н., доцент;
Мартынова В. Б.	– начальник НИЧ, к.т.н., доцент;
Генова А. А.	– декан факультета экономики, управления и информационных систем в строительстве и недвижимости, к.э.н., доцент;
Подгородецкий Н. С.	– наставник Студенческого научного общества, к.т.н., доцент;
Тимошко Г. В.	– заведующий кафедрой истории и философии, к. пс. н., доцент;
Миклашевич Н. В.	– заведующий кафедрой инстранных языков и педагогики высшей школы, к. пед. н., доцент;
Свиренко Ж. С.	– заведующий кафедрой прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, к. пед. н., доцент;
Назар Р. Н.	– доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, к. филол. н., доцент.

Материалы печатаются в авторской редакции.
Авторы научных статей несут ответственность за оригинальность текстов, а также достоверность изложенных фактов и положений.

© ДОННАСА – филиал НИУ МГСУ, 2026

Рецензенты:

Назар Р. Н.	– доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, к. филол. н., доцент;
Миклашевич Н. В.	– заведующий кафедрой инстранных языков и педагогики высшей щколы, к. пед. н., доцент;
Тимошко Г. В.	– заведующий кафедрой истории и философии, к. пс. н., доцент;
Свиренко Ж. С.	– заведующий кафедрой прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, к. пед. н., доцент.

НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ

1. Иностранные языки, педагогика высшей школы.
2. История, философия, психология.
3. Прикладная лингвистика и межкультурная коммуникация.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ – УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

1. ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет».

2. «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет».

3. ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого».

4. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова».

5. ГБОУ ВО «Астраханский государственный архитектурно-строительный университет».

6. ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

7. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

8. ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции».

9. ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

10. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

11. ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Институт креативных индустрий.

12. ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет».

13. ГАОУ города Севастополя «Институт развития образования».

СОДЕРЖАНИЕ

	ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	**9**
1	**А. Д. АКСЮТИЧЕВА, Е. В. БОРЗОВА** ВАРИАТИВНОСТЬ УСЛОВИЙ ОВЛАДЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫМ ГРАММАТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	9
2	**А. С. ВЛАСОВА, Е. В. ГУЛЯКИНА** МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ: ОТ АНТИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ	16
3	**E. A. GIRIUSHTA, L. I. SHAMRAI** LEXICAL VARIATION ACROSS ENGLISH TEXT GENRES	22
4	**S. A. GLUSHCHENKO, E. S. BURYAK** ENGLISH AS A LINGUA FRANCA IN A MULTILINGUAL OPERATIONAL ENVIRONMENT: COMMUNICATION PRACTICES ABOARD THE INTERNATIONAL SPACE STATION	29
5	**П. А. ЕЛЕСОВА, И. В. КРЕНЕВА** МНЕМОТЕХНИКА КАК ТЕХНОЛОГИЯ АКТИВИЗАЦИИ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	37
6	**S. S. ERMAKOVA, E. S. BURYAK** INTEGRATING ENGLISH LANGUAGE COMPETENCE INTO MARITIME PROFESSIONAL EDUCATION	43
7	**A. O. ILYINA, N. V. MIKLASHEVICH** ENGLISH SLANG AND INFORMAL VOCABULARY: A CASE STUDY OF TV SERIES AND TIKTOK	49
8	**О. А. КРИНИЦКАЯ** ВЛИЯНИЕ У. ШЕКСПИРА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	56
9	**А. А. КУЛИЕВА, М. С. ГВОЗДЕВА** РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА	62
10	**С. Р. НЕДБАЙЛИК, П. Ю. ВОДЕЙГО** PHRASÉOLOGIES AUX COMPOSANTS ZOONYMIQUES EN FRANÇAIS ET RUSSE MODERNES	72
11	**С. Р. НЕДБАЙЛИК, Н. К. ДМИТРИЕВА** К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ВВОДНО-НАРЕЧНЫХ КОННЕКТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	78
12	**В. Е. ОСИЧКИНА, Е. В. ГУЛЯКИНА** ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК НАУКИ: ИСТОРИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ	85

13 **Э. А. ПРОСКУРЯКОВА, Е. А. ЯКОВЛЕВА** 92
РОЛЬ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРЕОДОЛЕНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА УРОВНЕ ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
14 **D. I. STOYAK, V. A. POSTOYENKO** 101
WHICH COUNTRIES OF THE WORLD USE ENGLISH ON THEIR MONEY
15 **Е. В. ТОДАВЧИЧ, И. В. КРЕНЕВА** 107
ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ УСТНОЙ ЧАСТИ ЕГЭ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)
16 **Д. А. ФЕДОРОВА, Е. А. ЯКОВЛЕВА** 113
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В ЦЕЛЯХ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КАДЕТСКИХ УЧИЛИЩАХ
17 **А. П. ШЕВЕЛЕВА, Н. И. ТОККО** 119
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ДИСКУРСИВОВ
18 **М. А.ШЕМАНАЕВА, А. А.ВЛАСОВА** 126
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ ИЯ
19 **М. А. ШЕМАНАЕВА, П. Н. КАЛИНИНА** 134
ПРИМЕНЕНИЕ ТАКСОНОМИИ АНДЕРСОНА ДЛЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЗАДАНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ **140**
1 **О. К. АГЛЕТИНОВ, Р. Н. НАЗАР** 140
РУССКАЯ ДУША И ГОСУДАРСТВО: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
2 **В. Д. БАБАНИН, Т. И. МАРМАЗОВА** 147
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В СИСТЕМЕ ПОДДЕРЖАНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ И ЦЕЛОСТНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА
3 **Н. А. БАРДАШЕВИЧ, Ю. В. ГЕРАСИМЕНКО** 153
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
4 **В. Г. БОГУСЛАВСКАЯ, А. Ю. ГУТНИК** 159
КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ВЛИЯЕТ НА РАЗВИТИЕ МОЛОДЁЖИ
5 **Д. С. ГАЖАЛА, Е. А. БОЛОТОВА** 165
ПЕРВЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ (К. XVI – НАЧ. XVII В.): ИСТОРИЯ СОСТАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

6	**Е. А. ГОЛОВАТЕНКО** КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ	174
7	**К. О. КАРАКИЧА, В. Д. РАКИПОВА, С. В. ЧЕРНЫХ, В. Г. БОГУСЛАВСКАЯ** РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В СОХРАНЕНИИ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	179
8	**Д. А. КОЛЕСНИКОВА, Г. В. ТИМОШКО** ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА	188
9	**Н. Е. КОСАЧ, Б. А. ЯКОВЧЕНКО** ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	195
10	**О. Е. МАТЮЩЕНКО, Г. В. ТИМОШКО** АУТОТРЕНИНГ КАК МЕТОД РЕГУЛИРОВАНИЯ СОБСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ	201
11	**В. З. МУСТАФАЕВА, А. А. БУЯНОВА** ПИЩЕВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ИСЛАМЕ И ИУДАИЗМЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	209
12	**А. М. НЕУМОИН, Т. И. МАРМАЗОВА** КРАХ «ФРАНЦУЗСКОГО ПРОЕКТА» В НОВОРОССИИ: ПРИЧИНЫ ЭВАКУАЦИИ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА (АПРЕЛЬ 1919 Г.)	222
13	**М. В. НОВОХАТСКИЙ, Н. П. ШАТОХИНА** ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИФАХ И РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ	231
14	**С. С. ПОЛЯНСКАЯ, Н. П. ШАТОХИНА** ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ	236
15	**П. В. СЕВЕРИЛОВА** НАСЛЕДИЕ СТОИ И «СТОИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ	242
16	**А. Д. ТРЕТЬЯКОВА, Л. А. СКВОРЦОВА** ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ XVIII ВЕКА В РОССИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ	252
17	**Е. А. ТРОХИМЧУК** ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ	258
18	**К. С. ЧЕРЕТУН, Л. А. СКВОРЦОВА** ОСВЕНЦИМ – НАЦИСТСКАЯ ФАБРИКА СМЕРТИ	263
19	**П. А. ЭКОНОМОВА, В. Я. ИВАНЧЕНКО** РОЛЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СТУДЕНТОВ	269

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ 277

1 **А. Д. АЛИМОВА, Р. А. КЛИМЕНТЬЕВ** 277
ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

2 **А. А. ВАЛОВА, Н. Г. ФЕРСМАН** 282
АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КЕЙС-МЕТОДА И ХАКАТОН-МЕТОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ)

3 **А. В. ВЕЛИЧКО, В. В. ЯНЫШЕВСКАЯ** 291
ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ НАРЕЧИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

4 **А. Д. ДУРСУН, Д. И. БОРОЗЕНЕЦ** 298
ВНЕВРЕМЕННОЙ ХАРАКТЕР СЛЕНГА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА)

5 **П. Д. ЗАБРОВСКАЯ, Т. В. МОСКОВСКАЯ** 303
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРФОЭПИЧЕСКИХ НОРМ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

6 **В. В. ЗАДОРОЖНЯЯ, Ж. С. СВИРЕНКО** 310
НОРМЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КУЛЬТУРА РЕЧИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

7 **А. С. ЗАЛОЗНАЯ, Д. И. БОРОЗЕНЕЦ** 315
ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИИ ГЕНЕРИРОВАТЬ ТЕКСТЫ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

8 **Е. Д. КРУГЛЯКОВА, Э. А. ТИТАРЕНКО** 324
ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

9 **В. Д. КУЦЕВАЛОВА, Н. А. КОВАЛЁВА** 333
ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЭПОХУ НЙЕРОСЕТЕЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

10 **Е. В. МАКЕЕВА, Е. В. ГУЛЯКИНА** 340
ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ НА КОГНИТИВНУЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

11 **А. И. МЕЩЕРЯКОВА, Т. В. МОСКОВСКАЯ** 348
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

12 **А. И. МИРЦХУЛАВА, О. В. ШКУРАН** 353
ЛАТИНСКИЕ АФОРИЗМЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. ОЖИВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
13 **К. Д. МЫКА, Н. А. КОВАЛЁВА** 361
КАК ЗАИМСТВОВАНИЯ И СЛЕНГ МЕНЯЮТ РУССКУЮ РЕЧЬ И СТОИТ ЛИ ЭТОГО БОЯТЬСЯ?
14 **А. Р. НОВИКОВ, Т. Н. ГАПОНОВА** 369
ИСТОРИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
15 **Д. А. ПРИХОДЧЕНКО, Р. Н. НАЗАР** 374
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ
16 **Е. А. СЕРОВА, О. В. ШКУРАН** 383
ВАРЬИРОВАНИЕ АНТИПОСЛОВИЦ-КАРАНТИНОК В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ
17 **К. С. ЧЕРЕТУН, Т. Н. ГАПОНОВА** 389
СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ ПАСХИ У ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
18 **А. А. ЧИЖИКОВА, Е. В. ГУЛЯКИНА** 395
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 372.881.1

А. Д. АКСЮТИЧЕВА, Е. В. БОРЗОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ УСЛОВИЙ ОВЛАДЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫМ ГРАММАТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается проблема обеспечения вариативности условий, направленных на усвоение грамматического строя иностранного языка в контексте современной методики преподавания в основной школе. Анализируются факторы, определяющие неоднородность процесса овладения иноязычным грамматическим материалом: индивидуально-психологические особенности учащихся, организационные форматы обучения, характер предъявления правил и последовательность отработки конструкций. Автором обосновывается необходимость отказа от унифицированных подходов в пользу гибких дидактических решений, учитывающих вариативность когнитивных стилей обучающихся и учебных ситуаций. Предлагаются пути методической адаптации грамматического материала с опорой на дифференциацию условий предъявления, тренировки и контроля.

вариативность, условия овладения, иноязычная грамматика, индивидуализация обучения, когнитивный стиль, иноязычные грамматический навык.

Современная методика преподавания иностранных языков всё чаще сталкивается с ситуацией, когда стандартизированные способы подачи и отработки грамматического материала перестают давать ожидаемые результаты в разнородных по составу аудиториях. Традиционно считалось, что достаточно выстроить чёткую последовательность предъявления правил, организовать серию тренировочных упражнений и обеспечить контроль, чтобы иноязычные грамматические навыки сформировалась у большинства обучающихся. Однако практика показывает, что при одинаковых внешних условиях одни учащиеся быстро и прочно усваивают даже сложные временные формы или сослагательное наклонение в английском языке, в то время как другие испытывают стойкие затруднения с базовым порядком слов. Это расхождение заставляет специалистов обратиться к анализу вариативности самих условий овладения грамматическим материалом, которая из периферийного наблюдения превращается в центральную методическую проблему преподавания иностранного языка. Её нерешённость ведёт, с одной стороны, к хронической неуспеваемости части школьников, а с другой, – к

неоправданному замедлению темпа продвижения для наиболее способных [2]. Цель данной статьи – провести анализ теоретических исследований по вопросу вариативности условий овладения грамматическим материалом для повышения эффективности формирования навыков в разнородных группах обучающихся.

Под вариативностью условий в данном случае понимается совокупность факторов внешнего и внутреннего порядка, влияющих на процесс интериоризации грамматических правил и их последующего использования в речи на изучаемом языке. Внешние условия включают формат обучения (аудиторные занятия под руководством преподавателя, самостоятельная работа, смешанное обучение, языковая среда), характер учебных материалов (степень их аутентичности, наличие или отсутствие метаязыковых пояснений, тип упражнений), временной режим (интенсивность, распределённость занятий, объём домашней подготовки). Внутренние условия связаны с когнитивными особенностями личности обучающегося: объёмом оперативной памяти, способностью к аналитическому или интуитивному усвоению правил, уровнем развития метаязыкового сознания, тревожностью при иноязычной коммуникации. Проблема заключается в том, что методика долгое время стремилась нивелировать эту вариативность, предлагая усреднённые сценарии обучения, тогда как более продуктивным представляется её учёт и обращение в дидактический ресурс [4].

Исторически сложилось так, что грамматика рассматривалась как наиболее формализуемый и поэтому наименее вариативный компонент языкового содержания. В рамках грамматико-переводного метода обучения иностранному языку последовательность изучения падежей и времён была жёстко детерминирована логикой самой языковой системы, без оглядки на различия в восприятии учащихся. Коммуникативный подход, совершив переворот в практике обучения предмету, перенёс акцент на смыслообразование и беглость речи, но вариатиность условий овладения иноязычными грамматическими структурами долго оставалась на периферии исследовательского внимания. Лишь в последние два десятилетия, под влиянием когнитивной лингвистики и психологии обучения, вопросы дифференциации условий вышли на первый план. Выяснилось, что эффективное усвоение одного и того же иноязычного грамматического явления может требовать разных форм предъявления в зависимости от доминирующего канала восприятия информации: визуалы предпочитают таблицы и цветовые выделения, аудиалы легче запоминают правила через ритмизованные примеры или проговаривание, кинестетикам необходимы двигательные опоры или трансформация конструкций в процессе физических действий [3].

Методическая проблема вариативности условий не исчерпывается, однако, учётом сенсорных модальностей. Гораздо более сложный пласт связан с различиями в когнитивных

стилях переработки информации у обучающихся, среди которых особое значение для иноязычной грамматики имеют аналитико-синтетический и холистический. Учащиеся с аналитическим стилем успешнее усваивают грамматику через правила, дедуктивные объяснения и сознательный контроль применения структур. Они способны удерживать в рабочей памяти сложные алгоритмы выбора формы, осознанно оперировать метаязыком. Напротив, лица с холистическим когнитивным стилем испытывают трудности при работе с развёрнутыми правилами, но проявляют высокую чувствительность к частотности конструкций в аутентичных текстах, лучше усваивают грамматику имплицитно, через многократное восприятие в контексте. Принуждение холистика к заучиванию правил и выполнению подстановочных упражнений ведёт к формальному знанию, которое не активируется в спонтанной речи. Обратная ситуация возникает, когда аналитика погружают в среду «коммуникативного хаоса» без предварительного осознания структуры: он испытывает фрустрацию и теряет опору [5].

Другим важным измерением вариативности выступает темп и ритм овладения иноязычным грамматическим материалом. В групповом обучении преподаватель вынужден ориентироваться на некоего среднего ученика, однако разброс индивидуальных скоростей усвоения может достигать трёх-пятикратных значений [1]. Часть учащихся нуждается в многократном возвращении к одному и тому же правилу, в дроблении материала на микрошаги и системе подсказок на этапе первичного применения. Другие, напротив, демонстрируют быстрое схватывание паттерна и последующее «выпадение» из учебного процесса, если тренировка чрезмерно пролонгирована. Игнорирование вариативности темпа порождает две симметричные проблемы: у первых накапливается отставание и тревожность, у вторых снижается мотивация из-за скуки и отсутствия вызова. Методическая задача здесь видится в создании гибкой системы упражнений с возможностью выбора траектории – быстрого трека для схватывающих сразу и поддерживающего трека для нуждающихся в дополнительной проработке [1].

Организационные условия обучения также вносят значительный вклад в вариативность успешности овладения грамматикой. Принципиально различны форматы интенсивного погружения (языковой лагерь, зарубежная стажировка) и распределённого обучения иностранному языку в рамках школьного расписания. В первом случае действуют эффекты частотного повторения и высокого коммуникативного давления, которые способствуют непроизвольному запоминанию грамматических структур без детального осознания правил. Во втором – требуется больше усилий по удержанию иноязычного материала в памяти между занятиями, возникает потребность в чётких алгоритмах и раздаточных материалах для

самоконтроля. Вариативность касается и размера учебной группы: в малых группах (до 6 человек) возможна плотная обратная связь по каждой грамматической ошибке, в больших аудиториях (20+ человек) преподаватель вынужден использовать фронтальные формы работы и письменный контроль, что меняет тип усвоения: оно становится более осознанным, но менее автоматизированным.

Отдельный аспект методической проблемы связан с вариативностью характера самого иноязычного грамматического материала. Различные явления английского и любого другого языка обладают неодинаковой степенью прозрачности для учащихся, что требует гибкости в выборе условий их предъявления. Парадигматические правила (например, образование Past Simple правильных глаголов) легче поддаются алгоритмизации и успешно усваиваются через дедукцию. Синтаксические конструкции, зависящие от коммуникативного контекста (например, употребление Present Perfect в британском варианте или выбор между предлогами), демонстрируют высокую вариативность успешности усвоения в зависимости от того, предъявляются ли они через набор контрастных примеров или через индуктивное подведение к правилу. Методически неоправданно использовать один формат работы для всех типов грамматических явлений без учёта их внутренней структуры и вероятности возникновения интерференции с родным языком [3].

Сложность превращения вариативности условий из фоновой характеристики в проблему, решаемую методическими средствами, обусловлена также отсутствием простых диагностических инструментов. Педагог не всегда может быстро определить когнитивный стиль ученика, его доминирующий канал восприятия или оптимальный темп продвижения. Психологические опросники громоздки и редко применимы в обычной учебной ситуации. Поэтому на первый план выходят косвенные наблюдения и поэтапная адаптация: после первых двух-трёх занятий по грамматической теме преподаватель анализирует характер типичных ошибок, скорость их исчезновения, вопросы учащихся и на этой основе модифицирует последующие условия. Например, если ученики запоминают правило, но не могут его применить в диалоге, стоит временно сместить акцент с сознательного контроля на имитацию и дриллинг. Если же, напротив, механическое повторение не даёт результатов, а анализ схем и таблиц оказывается продуктивным, следует усилить дедуктивный компонент [5].

В методической литературе последних лет предпринимаются попытки систематизировать подходы к управлению вариативностью условий овладения иноязычной грамматикой [3]. Выделяют три стратегии. Первая – адаптивная подача, при которой один и тот же грамматический материал предлагается учащимся в разных формах (визуальная схема, аудиопояснение, двигательная ассоциация) с правом выбора наиболее удобной. Вторая –

вариативная тренировка, предполагающая наличие параллельных серий упражнений разной степени аналитичности и с разной опорой. Третья – гибкая система контроля, где проверка сформированности грамматического навыка может осуществляться как в форме теста на выбор формы, так и в виде коммуникативного задания с косвенным оцениванием. Реализация этих стратегий сталкивается с ограничениями по времени подготовки материалов, но в цифровой среде (на платформах типа Google Classroom, Moodle) становится всё более осуществимой.

Важно подчеркнуть, что признание вариативности условий овладения иноязычной грамматикой методической проблемой не означает призыва к полной индивидуализации каждого занятия. Это было бы утопией в контексте классно-урочной системы. Речь идёт о внедрении ограниченного набора форматных вариаций, которые покрывают наиболее типичные различия между учащимися. Исследования показывают, что даже использование двух альтернативных способов предъявления правила дедуктивного и индуктивного, либо двух типов упражнений подстановочного и трансформационного, позволяет существенно повысить процент успешного усвоения и снизить разброс результатов. То есть точечная вариативность оказывается эффективнее попыток найти единственный «идеальный» метод для всех.

Таким образом, вариативность условий овладения иноязычным грамматическим материалом представляет собой сложную методическую проблему, лежащую на пересечении когнитивной психологии, лингводидактики и педагогического менеджмента. Её суть состоит в несоответствии между реальным разнообразием когнитивных стилей, темпов, каналов восприятия и организационных форматов, с одной стороны, и унифицированными методическими решениями, с другой. Решение проблемы видится не в создании нового «универсального» метода, а в разработке гибких таксономий условий, позволяющих преподавателю и учащимся осуществлять осознанный выбор способов работы с иноязычным грамматическим материалом. Перспективным направлением дальнейших исследований является создание валидных экспресс-методик диагностики индивидуальных различий, пригодных для использования в реальном учебном процессе, а также разработка банка вариативных заданий по каждому грамматическому явлению. Без системного учёта вариативности условий любые рекомендации по методике преподавания грамматики будут оставаться частично недействительными для значительной части аудитории.

Литература

1. Бим, И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку / И. Л. Бим. – М. : Просвещение, 2018. – 256 с.
2. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 2016. – 222 с.
3. Мильруд, Р. П. Методика обучения грамматической стороне иноязычной речи / Р. П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 2019. – № 4. – С. 12–19.
4. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций / Е. Н. Соловова. – М.: Просвещение, 2017. – 239 с.
5. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика / А. Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2015. – 480 с.

A. D. AKSYUTICHEVA, E. V. BORZOVA

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Petrozavodsk State University", Petrozavodsk, Russia

VARIABILITY OF THE CONDITIONS FOR FOREIGN GRAMMAR AQUISITION AS A METHODOLOGICAL PROBLEM

The article considers the problem of ensuring the variability of conditions aimed at acquisition of the grammatical structure of a foreign language in the context of modern teaching methods in secondary schools. The factors determining the heterogeneity of the process of learning foreign grammatical material are analyzed: the individual psychological characteristics of students, organizational formats of learning, the nature of the presentation of rules and the sequence of working out constructions. The author substantiates the need to abandon unified approaches in favor of flexible didactic solutions that take into account the variability of cognitive styles of students and learning situations. The ways of methodical adaptation of grammatical material based on differentiation of the conditions of presentation, training and control are proposed.

variability, learning conditions, foreign language grammar, individualization of learning, cognitive style, foreign language grammatical subskill.

Аксютичева Александра Дмитриевна – студентка 1 курса магистратуры по направлению «Педагогическое образование. Инновационные стратегии и технологии иноязычного образования»; бакалавр по направлению «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки: английский и немецкий языки» федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет»; учитель английского и немецкого языков Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Петрозаводского городского округа «Средняя общеобразовательная школа №3 с углубленным изучением иностранных языков, ассоциированная школа ЮНЕСКО». Научные интересы: английский язык, немецкий язык, методика преподавания иностранных языков.

Борзова Елена Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры английского языка института иностранных языков федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: народное образование – методика преподавания иностранных языков в разных условиях.

Aksyuticheva Alexandra Dmitrievna is a 1st-year graduate student in the field of Pedagogical Education. Innovative strategies and technologies of Foreign language education"; Bachelor's degree in Pedagogical Education with two training profiles: English and German Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University”; teacher of English and German languages Municipal Budgetary educational institution of Petrozavodsk city district "Secondary school No. 3 with advanced study of foreign languages, UNESCO Associated School". Scientific interests: English, German, methods of teaching foreign languages.

Borzova Elena Vasilyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of English at the Institute of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University”. Scientific interests: public education - methods of teaching foreign languages in different conditions.

УДК 378'147

А. С. ВЛАСОВА, Е. В. ГУЛЯКИНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ (ДНР)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ: ОТ АНТИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

В статье исследуются исторические этапы становления и развития методики преподавания латинского языка, а также особенности её трансформации в условиях современного юридического образования. Рассматриваются цели, задачи и содержание обучения латинскому языку в юридических вузах, анализируются традиционные и инновационные методы преподавания. Особое внимание уделяется профессионально-ориентированному подходу и интеграции латинской терминологии в процесс подготовки юристов.

латинский язык, юридическое образование, методика преподавания, римское право, юридическая терминология, профессиональная подготовка.

Латинский язык традиционно занимает особое место в системе высшего образования, особенно в гуманитарной и юридической сферах. Несмотря на то что он давно утратил статус живого разговорного языка, его значение в научной, культурной и правовой традиции остаётся чрезвычайно высоким. В юридической практике и теории значительное количество терминов, понятий и правовых конструкций имеет латинское происхождение, что обусловливает необходимость изучения данного языка в рамках подготовки будущих юристов.

Актуальность темы исследования определяется рядом факторов. Во-первых, современная правовая система Российской Федерации испытывает влияние как национальных, так и международных правовых традиций, в основе которых во многом лежит римское право. Во-вторых, наблюдается тенденция к усложнению юридической терминологии, что требует от специалистов глубокого понимания её исторических и лингвистических основ. В-третьих, в условиях реформирования системы образования возникает необходимость совершенствования методики преподавания латинского языка с учётом современных требований.

Следует отметить, что преподавание латинского языка в юридических вузах имеет свою специфику. В отличие от классического филологического подхода, здесь акцент делается не на полноценном овладении языком, а на формировании способности понимать и использовать юридическую терминологию, а также анализировать правовые тексты [1, с. 18]. Таким образом, изучение методики преподавания латинского языка в юридических вузах

представляет собой важную научную и практическую задачу, требующую комплексного подхода.

Формирование методики преподавания латинского языка неразрывно связано с образовательной системой Древнего Рима. В античности латинский язык являлся не только средством общения, но и важнейшим инструментом образования и воспитания. Обучение строилось поэтапно и включало изучение грамматики, риторики и философии. На начальном этапе ученики осваивали основы языка, заучивали грамматические правила и выполняли упражнения на перевод. На более поздних этапах особое внимание уделялось анализу классических текстов, что способствовало развитию логического мышления и ораторских навыков. Характерной особенностью античной методики являлось использование образцовых текстов. Ученики изучали произведения известных авторов, что позволяло им не только освоить язык, но и приобщиться к культурным и нравственным ценностям общества.

Особое значение в развитии латинского языка имело римское право. Именно в рамках правовой практики сформировалась значительная часть терминологии, которая используется и в современном праве. Латинские юридические формулы отличались точностью, лаконичностью и универсальностью. Они позволяли выражать сложные правовые идеи в краткой и чёткой форме. Это обусловило их широкое распространение и сохранение в правовых системах различных стран. Таким образом, уже в античности были заложены основы профессионально-ориентированного изучения латинского языка, которые актуальны и в настоящее время.

В Средние века латинский язык сохранял статус языка науки, образования и права. Преподавание осуществлялось преимущественно в церковных школах и университетах. Методика обучения в этот период характеризовалась доминированием грамматико-переводного подхода. Основное внимание уделялось изучению грамматических правил, переводу текстов и заучиванию словарного материала. Такой подход обеспечивал формирование письменных навыков, но ограничивал развитие коммуникативных способностей.

В эпоху Возрождения происходит переосмысление роли образования. Возникает интерес к античному наследию, что отражается и на методике преподавания латинского языка. Гуманисты стремились вернуть языку его культурное и эстетическое значение. Обучение строилось на изучении классических текстов, что способствовало развитию критического мышления и творческих способностей.

В Новое время латинский язык постепенно утрачивает статус универсального языка общения. Это приводит к изменению целей обучения: акцент смещается на понимание текстов и терминологии. Методика преподавания становится более прагматичной. Латинский язык

изучается как средство доступа к научной и правовой информации, а не как инструмент повседневного общения.

Современное преподавание латинского языка в юридических вузах ориентировано на формирование профессиональных компетенций. Основной задачей является не изучение языка в полном объёме, а освоение его элементов, необходимых для юридической деятельности [1, с. 24]. Содержание обучения включает: латинскую юридическую терминологию, устойчивые выражения и правовые максимы, элементы грамматики, необходимые для понимания текстов, основы перевода.

Одним из наиболее эффективных направлений является профессионально-ориентированное обучение. Оно предполагает использование учебного материала, непосредственно связанного с будущей профессией студентов. Такой подход способствует: повышению мотивации, лучшему усвоению материала, формированию практических навыков [2, с. 4].

Изучение латинского языка способствует развитию логического мышления, что особенно важно для юристов. Работа с латинскими текстами требует точности, внимательности и способности анализировать сложные конструкции. К традиционным методам преподавания относятся: грамматико-переводной метод, метод «заучивания», работа с текстами. Несмотря на критику, данные методы сохраняют свою актуальность, поскольку обеспечивают базовые знания. Однако современная методика преподавания латинского языка предлагает использование всевозможных интерактивных технологий, цифровых образовательных платформ, внедрение «кейс-метода», а также реализацию инициатив проектной деятельности обучающихся. Применение данных методов позволяет повысить эффективность обучения и адаптировать его к современным условиям [3, с. 66].

Интеграция латинского языка с другими учебными дисциплинами, такими как римское право, история и философия, представляет собой важное направление совершенствования методики преподавания в юридических вузах. Подобный междисциплинарный подход позволяет не только расширить содержание обучения, но и придать ему более системный и осмысленный характер. Внедрение латинской терминологии в контекст изучения римского права способствует более глубокому пониманию правовых категорий, их исторического происхождения и эволюции. Одновременно обращение к историческим и философским аспектам позволяет раскрыть мировоззренческую основу правовых институтов, сформировать у студентов целостное представление о развитии правовой мысли.

Следует отметить, что латинский язык в данном случае выступает не как изолированная дисциплина, а как связующее звено между различными областями знания. Например, анализ латинских юридических максим в рамках курса римского права способствует не только усвоению терминологии, но и развитию навыков правового мышления, умения

интерпретировать нормы и выявлять их смысловое содержание. В свою очередь, сопоставление латинских понятий с их современными аналогами в российском и международном праве позволяет студентам лучше ориентироваться в юридической практике и видеть преемственность правовых традиций.

Таким образом, междисциплинарная интеграция обеспечивает формирование комплексных профессиональных компетенций, способствует развитию аналитического мышления и повышает уровень подготовки будущих юристов. Она позволяет преодолеть формальный подход к изучению латинского языка и придать ему практическую значимость.

Вместе с тем современная практика преподавания латинского языка в юридических вузах сталкивается с рядом существенных трудностей. К числу наиболее распространённых проблем относится ограниченность учебного времени, отводимого на изучение дисциплины. Как правило, курс латинского языка носит краткосрочный характер, что не позволяет в полной мере сформировать устойчивые знания и навыки. В результате обучение часто сводится к поверхностному ознакомлению с основами грамматики и заучиванию отдельных терминов. Не менее значимой проблемой является снижение интереса студентов к изучению латинского языка. Многие обучающиеся воспринимают его как устаревший и не имеющий прямого практического применения, что негативно сказывается на мотивации. Данная ситуация во многом обусловлена традиционными методами преподавания, ориентированными преимущественно на механическое запоминание материала, без достаточной связи с будущей профессиональной деятельностью. Кроме того, следует отметить недостаточную адаптацию существующих методик к современным образовательным условиям. В ряде случаев преподавание латинского языка по-прежнему осуществляется с использованием устаревших подходов, не учитывающих возможности цифровых технологий и новые педагогические концепции. Это снижает эффективность обучения и затрудняет усвоение материала.

Несмотря на обозначенные проблемы, современная методика преподавания латинского языка обладает значительным потенциалом для развития. Одним из перспективных направлений является внедрение цифровых образовательных технологий. Использование электронных учебников, интерактивных платформ, онлайн-тренажёров и мультимедийных материалов позволяет сделать процесс обучения более наглядным, доступным и интересным для студентов.

Важным направлением является также дальнейшее развитие профессионально-ориентированного обучения. Применение практико-ориентированных заданий, анализ юридических кейсов с использованием латинской терминологии, а также работа с аутентичными текстами позволяют повысить мотивацию обучающихся и обеспечить более глубокое усвоение материала. Не менее значимым является совершенствование учебных программ, направленное на оптимальное сочетание теоретического и практического

компонентов. Обновление содержания курсов с учётом современных требований юридической практики способствует повышению качества подготовки специалистов.

В современных условиях необходимость модернизации методической базы преподавания латинского языка (пересмотр традиционных подходов и внедрение инновационных решений) является очевидной [4, с. 3]. В условиях динамичного развития системы образования это становится важным условием повышения эффективности обучения и подготовки конкурентоспособных специалистов. Таким образом, дальнейшее развитие методики преподавания латинского языка в юридических вузах должно осуществляться на основе комплексного подхода, сочетающего традиционные и инновационные методы, а также учитывающего потребности современной юридической практики.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что методика преподавания латинского языка прошла длительный путь развития, отражающий изменения в образовательных и правовых системах. В современных условиях латинский язык сохраняет своё значение как важный элемент юридического образования. Его изучение способствует формированию профессиональных компетенций, развитию логического мышления и пониманию правовой культуры. Эффективность преподавания латинского языка во многом зависит от использования современных методических подходов, ориентированных на практическую направленность обучения и интеграцию с профессиональными дисциплинами.

Литература

1. Балалаева, Е. Ю. Особенности методики преподавания латинского языка / Е. Ю. Балалаева // Филологические науки. – 2014. – № 7. – С. 1–5.

2. Додыченко, Е. А. К вопросу о концепции профессионально-ориентированного обучения латинскому языку / Е. А. Додыченко // Вестник МГПУ. – 2021. – № 3. – С. 45–52.

3. Кацман, Н. Л. Методика преподавания латинского языка / Н. Л. Кацман. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Владос, 2015. – 304 с.

4. Малинаускене, Н. К. Преподавание классических языков : современные подходы / Н. К. Малинаускене // Новый филологический вестник. – 2006. – № 1. – С. 87–95.

A. S. VLASOVA, E. V. GULYAKINA
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation

METHODOLOGY OF TEACHING LATIN IN LAW UNIVERSITIES: FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT

The article examines the historical stages of the formation and development of the methodology of teaching the Latin language, as well as the features of its transformation in the context of modern legal education. The goals, objectives, and content of Latin language instruction in law schools are considered, and traditional and innovative teaching methods are analyzed. Special attention is paid to the professionally-oriented approach and the integration of Latin terminology into the training of lawyers.

Latin language, legal education, teaching methodology, Roman law, legal terminology, professional training.

Власова Алина Сергеевна – обучающаяся 1 курса группы 134 ЮБУП (Направление: юриспруденция, уголовно-правовой профиль) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Российская Федерация. Научные интересы: латинский язык в юридическом образовании, межкультурная коммуникация, междисциплинарные связи языка и права.

Гулякина Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Российская Федерация. Научные интересы: методика преподавания русского языка, иностранных языков, культуры речи, ораторское искусство; межкультурная коммуникация.

Vlasova Alina – 1st year student of group 134 YUBUP (major: Jurisprudence, Criminal Law Profile) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation. Scientific interests: Latin language in legal education, interdisciplinary connections between language and law.

Gulyakina Elena – Senior Lecturer of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation. Scientific interests: methodology of teaching Russian language, foreign languages, speech culture, oratory; intercultural communication.

УДК 811.111'37

E. A. GIRIUSHTA, L. I. SHAMRAI

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering", Makeevka, the RF (the DPR)

LEXICAL VARIATION ACROSS ENGLISH TEXT GENRES

This article examines lexical variation in English across scientific, business, literary, spoken and musical genres. Drawing on register theory and genre analysis, the study demonstrates that lexical selection is functionally driven by communicative purpose, institutional conventions, and audience expectations. Genre-specific markers are identified: terminological density in scientific discourse, formulaicity in business, figurative language in literary texts, and phonological reduction with slang in spoken registers.

lexical variation, discourse genre, register, scientific discourse, business English, literary stylistics, spoken English.

The English language operates across a heterogeneous landscape of communicative contexts, each governed by distinct lexical conventions, syntactic preferences, and pragmatic norms. Rather than functioning as a monolithic system, English exhibits systematic lexical variation that aligns with the functional demands of specific discourse genres [1]. Genre, in linguistic terms, is not merely a formal classification but a socially recognized communicative event with recurrent structural and lexical patterns shaped by institutional practices, audience expectations, and epistemological frameworks. Consequently, lexical choice in English is neither arbitrary nor purely idiosyncratic; it is constrained by genre-specific conventions that optimize clarity, precision, expressivity, or interpersonal rapport depending on the communicative domain.

The present study investigates the lexical features of English across four major genres: scientific, formal business, literary, and spoken/musical discourse. The research addresses three interrelated objectives: to identify and systematize the lexical markers characteristic of each genre; to analyze the functional motivations behind lexical selection, including precision, conventionality, aesthetic effect, and pragmatic economy; and to evaluate the implications of genre-based lexical variation for applied linguistics, corpus-based lexicography, and English for Specific Purposes (ESP) pedagogy. By integrating theoretical insights from register theory, genre analysis, and corpus linguistics, this article provides a comparative framework that elucidates how lexical resources are strategically deployed to fulfill genre-specific communicative tasks.

The conceptual foundation of genre-based lexical analysis rests on the intersection of register theory and discourse genre studies. Halliday's systemic functional linguistics posits that language

variation is primarily determined by three contextual variables: field (subject matter), tenor (participant relationships), and mode (channel of communication) [2]. These variables collectively shape register, which manifests lexically through specialized terminology, syntactic complexity, and pragmatic orientation. Complementing this, Swales' and Bhatia's genre analysis frameworks emphasize that genres are institutionalized rhetorical actions with recurrent lexical and structural conventions [3]. In ESP research, lexical variation is treated as a functional adaptation to professional, academic, or social contexts, where vocabulary is selected not for grammatical correctness alone but for communicative efficacy within a specific discourse community.

Lexical choice across genres is further modulated by cognitive and pragmatic factors. Scientific and technical registers prioritize information density and referential precision, often achieved through nominalization, compound terminology, and standardized abbreviations. Business and legal discourses rely on conventionalized formulae, archaic lexical items, and deontic modality to establish authority, mitigate risk, and ensure contractual clarity. Literary discourse deliberately subverts prescriptive norms through figurative language, dialectal representation, and contextual semantic shifts, leveraging lexical ambiguity for aesthetic and psychological resonance. In contrast, spoken and musical registers favor phonological reduction, ellipsis, slang, and pragmatic markers to simulate intimacy, emotional immediacy, and rhythmic flow. These genre-specific lexical strategies are not mutually exclusive; rather, they form a continuum of functional adaptation, where lexical selection is continuously negotiated between institutional expectations and communicative intent.

Scientific English is characterized by a high degree of lexical specialization, syntactic nominalization, and pragmatic objectivity. The primary communicative goal of scientific discourse is the accurate transmission of empirical data, theoretical constructs, and methodological procedures, which necessitates a lexicon optimized for precision, reproducibility, and cross-linguistic standardization [4]. Terminological density is achieved through the systematic use of domain-specific vocabulary, often derived from Greek or Latin roots, which minimizes polysemy and ensures univocal reference. For instance, in engineering and physics, terms such as coercivity, klystron, and avionics function as technical primitives with strictly defined operational parameters, leaving no room for interpretive ambiguity.

A defining lexical feature of scientific prose is the prevalence of nominal compounds and prepositional chains that act as single conceptual units. Phrases such as electro-optical systems, high-speed data bus, and non-linear thermal conductivity exemplify how English compresses complex relationships into dense lexical strings, thereby maximizing information load per syntactic unit. This nominalization strategy reduces reliance on finite verbs, shifting focus from agentive action to processual or structural description, which aligns with the epistemological emphasis on objectivity and replicability in scientific writing.

Lexical economy is further reinforced through the strategic use of abbreviations and acronyms. Initialisms such as R&D (Research and Development), SEM (Scanning Electron Microscopy), and CFD (Computational Fluid Dynamics) serve as lexical shortcuts that enhance textual efficiency without sacrificing technical accuracy. Scientific discourse also systematically excludes affective vocabulary, figurative expressions, and evaluative modifiers, favoring neutral, verifiable lexis. Sentences such as "Today, avionics systems account for up to 50% of the fly-away cost of an airborne military platform" exemplify the register's preference for quantifiable data, passive or impersonal constructions, and terminological exactitude. The cumulative effect is a lexical architecture designed for maximum clarity, cross-disciplinary interoperability, and institutional validation.

Formal business and legal English operates within a highly conventionalized lexical ecosystem where predictability, risk mitigation, and institutional authority are prioritized over stylistic innovation. The lexicon of corporate and juridical texts is characterized by standardized formulae, archaic retainers, deontic modality, and strict semantic delimitation [5]. Unlike scientific discourse, which seeks empirical precision, business and legal registers prioritize procedural clarity, contractual enforceability, and interpersonal neutrality. This is achieved through the systematic use of lexical clichés and institutionalized collocations such as by virtue of this agreement, in witness whereof, subject to the terms and conditions herein, and force majeure. These phrases function as rhetorical anchors that signal genre compliance and reduce interpretive ambiguity in high-stakes transactions.

A notable feature of business and legal lexis is the semantic narrowing of otherwise polysemous words. Terms such as party (referring exclusively to a contracting entity), consideration (denoting legal value exchanged), and average (in maritime and insurance contexts, meaning general average or proportional loss allocation) acquire highly specific technical meanings that diverge from everyday usage. This lexical specificity is reinforced by the deliberate avoidance of colloquialisms, emotional modifiers, and figurative language. Instead of use, legal and corporate texts prefer utilize or employ; instead of start, they opt for commence; and instead of end, they use terminate. Such lexical substitutions are not merely stylistic but serve to elevate register formality, establish professional distance, and align with institutional documentation standards. The nominal nature of business and legal discourse further distinguishes its lexical profile. Nouns are frequently repeated across adjacent clauses without pronominal substitution to ensure referential clarity and contractual precision. Passive and impersonal constructions dominate, as in "The proposal will be reviewed by the committee" or "Payment shall be remitted within thirty (30) business days", which depersonalize agency and emphasize procedural obligation. Additionally, deontic modals (shall, must, hereby) and performative verbs (declare, certify, warrant) structure the lexical field around obligation, authorization, and enforceability. The resulting register is highly formulaic, lexically conservative, and institutionally embedded, reflecting the risk-averse nature of commercial and juridical communication.

Literary English operates in direct contrast to the prescriptive constraints of scientific and business registers. Its lexical architecture is deliberately expansive, context-sensitive, and aesthetically driven, prioritizing semantic richness, emotional resonance, and characterological authenticity over informational efficiency [6]. The primary function of literary lexis is not to transmit data but to construct worlds, evoke psychological states, and simulate human experience through strategic lexical deviation from normative usage. A defining feature of literary discourse is the systematic deployment of figurative language, including metaphor, metonymy, synecdoche, and personification. Shakespeare's assertion that "All the world's a stage" exemplifies how lexical metaphor transcends literal reference to generate conceptual frameworks that shape thematic interpretation. Literary texts also exploit polysemy, ambiguity, and semantic layering to invite multiple readings, deliberately resisting the univocality demanded by technical or legal genres. Furthermore, literary discourse frequently incorporates colloquialisms, regional dialects, sociolects, and professional jargon to construct authentic character voices and situate narratives within specific sociocultural milieus. Mark Twain's use of Southern American vernacular or Jane Austen's replication of Regency-era aristocratic politeness demonstrate how lexical variation functions as a tool of social indexing and psychological realism.

Syntactically, literary English embraces fragmentation, ellipsis, and non-standard orthography to simulate spoken immediacy or emotional intensity. Contractions (gonna, wanna), interjections (alas, hark), and emotive markers are freely integrated, while narrative voice often shifts between formal exposition and informal interior monologue. Crucially, literary discourse exhibits high stylistic hybridity, routinely embedding business letters, legal documents, scientific reports, or journalistic excerpts within fictional frameworks. This genre-blending is not a structural flaw but a deliberate lexical strategy that creates intertextual tension, satirical contrast, or thematic resonance. The literary register, therefore, operates as a laboratory of lexical innovation, where normative constraints are selectively suspended to achieve aesthetic, psychological, and cultural objectives.

Spoken English, particularly as reflected in contemporary music, digital media, and informal interpersonal communication, constitutes the most dynamically evolving lexical register in the English language. Its defining characteristic is the prioritization of pragmatic economy, rhythmic flow, and emotional authenticity over grammatical prescriptivism or lexical standardization [7]. The lexicon of spoken and musical discourse is marked by systematic phonological reduction, ellipsis, slang, discourse markers, and context-bound semantic shifts.

Phonological truncation is pervasive: apocope (stayin' for staying), apheresis ('em for them), and syncope (tryin' for trying) reduce syllabic weight to align with prosodic constraints, particularly in lyrical composition. These forms are not errors but conventionalized variants that signal in-group affiliation, casual register, or rhythmic optimization. Similarly, grammatical simplification is routine: ain't functions as a multi-purpose negator (isn't, aren't, haven't), while tag questions and pragmatic

particles (yuh, nah, right?) manage turn-taking, express alignment, or soften directives. Ellipsis further enhances lexical economy, as in “I been tryin’ not to go off the deep end”, where auxiliary verbs and prepositional heads are omitted without compromising intelligibility in context.

Musical discourse, in particular, leverages lexical innovation for artistic effect. Songwriters routinely coin neologisms, repurpose archaic terms, or invert standard collocations to create rhyme, maintain meter, or evoke emotional states. The lexicon is highly permeable to sociocultural trends, absorbing slang from hip-hop, internet vernacular, regional dialects, and subcultural jargon at an accelerated pace. Unlike written registers, which undergo editorial filtering, spoken and musical English operates as a real-time linguistic laboratory where lexical forms are tested, adopted, or discarded based on communicative efficacy and cultural resonance. The resulting register is inherently fluid, context-dependent, and socially indexed, reflecting the adaptive nature of informal English in globalized media ecologies.

The comparative analysis of lexical features across scientific, business, literary, and spoken/musical genres reveals a clear functional continuum. Scientific discourse maximizes referential precision and nominal density; business and legal registers prioritize conventional formulae, semantic specificity, and deontic clarity; literary texts exploit figurative language, stylistic hybridity, and contextual ambiguity for aesthetic and psychological effect; while spoken and musical discourses favor phonological reduction, pragmatic markers, and lexical innovation to simulate intimacy and emotional immediacy. These variations are not hierarchical but complementary, each optimized for distinct communicative ecologies.

Lexical variation in English is not a deviation from a presumed standard but a systematic, functionally driven adaptation to genre-specific communicative demands. Scientific discourse optimizes precision and nominal density; business and legal registers rely on conventionality, semantic specificity, and procedural clarity; literary texts leverage figurative language, stylistic hybridity, and contextual semantics for aesthetic and psychological resonance; while spoken and musical discourses prioritize phonological economy, pragmatic markers, and lexical innovation to simulate intimacy and emotional immediacy. Each genre constitutes a distinct lexical ecosystem, shaped by institutional conventions, audience expectations, and epistemological frameworks.

Recognizing these functional differences is essential for advancing applied linguistics, corpus-based lexicography, and ESP pedagogy. Effective language instruction must move beyond prescriptive vocabulary lists toward genre-aware, context-sensitive lexical training that equips learners with the pragmatic competence required to navigate diverse communicative ecologies. As English continues to evolve across academic, professional, literary, and digital domains, understanding the systematic lexical architecture of each genre will remain fundamental to achieving communicative precision, cultural fluency, and interdisciplinary collaboration. The study of genre-

based lexical variation, therefore, is not merely a descriptive enterprise but a critical foundation for the future of English language education and global communication.

References

1. Bhatia, V. K. Analyzing genre : language use in professional settings / V. K. Bhatia. – London : Longman, 1993. – 240 p. – ISBN 978-0-582-55310-5. – Текст : электронный.

2. Halliday, M. A. K., Hasan, R. Language, context, and text: aspects of language in a social-semiotic perspective / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – Oxford : Oxford University Press, 1985. – 132 p. – ISBN 978-0-19-437064-3. – Текст : электронный.

3. Swales, J. M. Genre analysis : English in academic and research settings / J. M. Swales. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 260 p. – ISBN 978-0-521-41316-5. – DOI: 10.1017/CBO9781139524825. – Текст : электронный.

4. Hyland, K. Disciplinary discourses : social interactions in academic writing / K. Hyland. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2004. – 248 p. – ISBN 978-0-472-08945-2. – Текст : электронный.

5. Tiersma, P. M. Legal language / P. M. Tiersma. – Chicago : University of Chicago Press, 1999. – 256 p. – ISBN 978-0-226-80294-7. – Текст : электронный.

6. Leech, G. N., Short, M. H. Style in fiction: a linguistic introduction to English fictional prose / G. N. Leech, M. H. Short. – 2nd ed. – Harlow : Pearson Longman, 2007. – 432 p. – ISBN 978-0-582-41512-3. – Текст : электронный.

7. Tagliamonte, S., Mollin, S. The British National Corpus as a resource for linguistic research / S. Tagliamonte, S. Mollin // Journal of English Linguistics. – 2007. – Vol. 35, Iss. 3. – P. 265-288. – DOI: 10.1177/0075424207305123. – Текст : электронный.

Е. А. ГИРЮШТА, Л. И. ШАМРАЙ

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

В статье исследуется лексическая вариативность английского языка в научном, деловом, художественном и разговорно-музыкальном жанрах. На основе теории регистров и жанрового анализа демонстрируется, что лексический выбор функционально обусловлен коммуникативной целью, институциональными конвенциями и ожиданиями адресата.

Выявлены специфические маркеры каждого жанра: терминологическая плотность в научном дискурсе, формульность в деловом, образность в художественном, редукция и сленг в разговорном.

лексическая вариативность, дискурсивный жанр, регистр, научный дискурс, деловой английский, художественная стилистика, разговорный английский.

Гирюшта Елизавета Алексеевна – студентка группы АРХ-49 «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: английский язык, межкультурная коммуникация.

Шамрай Лилла Ивановна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и педагогики высшей школы «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: методика преподавания иностранных языков, лингвокультурологический подход в обучении иностранному языку, геймификация.

Giryushta Elizaveta – student of ARCH-49 group, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: English language, intercultural communication.

Shamrai Lilla – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Higher Education Pedagogy, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: foreign language, linguocultural approach in language education, gamification.

УДК 811.111'27:341.1

S. A. GLUSHCHENKO, E. S. BURYAK

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering", Makeevka, the RF (the DPR)

ENGLISH AS A LINGUA FRANCA IN A MULTILINGUAL OPERATIONAL ENVIRONMENT: COMMUNICATION PRACTICES ABOARD THE INTERNATIONAL SPACE STATION

This study examines English as a lingua franca aboard the International Space Station. It analyzes the complementary roles of English and Russian, shaped by technical infrastructure and multinational crew dynamics. The findings demonstrate that bilingual adaptation ensures operational safety and effective communication, providing a framework for language policies in future deep-space missions.

English as a lingua franca, International Space Station, sociolinguistics, multilingual communication, language policy, Runglish.

The International Space Station (ISS) represents one of the most complex sociotechnical and intercultural environments ever constructed by humanity [1]. Operating in microgravity, approximately 400 kilometers above Earth, the station requires continuous coordination among astronauts and cosmonauts from the United States, Russia, Europe, Japan, and Canada. In such a high-stakes setting, linguistic precision is not merely a matter of convenience but a critical component of operational safety, mission efficiency, and scientific validity [2]. While the ISS was conceived as a symbol of post-Cold War international cooperation, its linguistic ecology has evolved organically in response to technological legacy, institutional agreements, and daily pragmatic needs [3, p. 24].

This article investigates how English and Russian functionally coexist aboard the ISS, examining the socio-institutional factors that have positioned English as the operational lingua franca while preserving Russian as a structurally necessary language. The study addresses three interrelated questions: What historical, technical, and policy-driven factors sustain Russian language requirements for all crew members? How does English adapt to the communicative demands of a multinational, non-native dominant environment? What linguistic phenomena emerge from prolonged bilingual exposure, and how are they managed within institutional communication frameworks? By integrating perspectives from English as a Lingua Franca (ELF) research, contact linguistics, and organizational communication studies, this analysis contributes to both applied sociolinguistics and space studies, while offering actionable insights for future multinational exploration programs [4, 5].

The analytical foundation of this study rests on three interlocking conceptual domains. First, English as a Lingua Franca (ELF) theory challenges native-speaker norms by emphasizing intelligibility, pragmatic flexibility, and mutual accommodation in multilingual settings [4, 5]. ELF research demonstrates that successful communication in international professional environments depends less on grammatical perfection than on strategic clarity, contextualization cues, and repair mechanisms [6].

Second, contact linguistics and workplace bilingualism provide tools for analyzing code-switching, lexical borrowing, and syntactic simplification. Myers-Scotton's Matrix Language Frame model and Gumperz's theory of conversational inference help explain how multilingual crews develop hybrid registers that optimize cognitive load and situational awareness.

Third, high-reliability organization (HRO) communication theory underscores the necessity of standardized phraseology, closed-loop verification, and redundancy in environments where errors carry severe consequences [9]. The ISS operates as an HRO, requiring linguistic protocols that balance flexibility with institutional control.

Methodologically, this study employs a qualitative discourse-analytic approach, drawing on publicly available NASA and Roscosmos training manuals, mission transcripts, astronaut autobiographies, and peer-reviewed studies on space communication [10]. While direct ethnographic access remains restricted, secondary data provide robust evidence of institutional language policies, crew training regimens, and operational communication practices.

The persistent requirement for Russian language proficiency among non-Russian astronauts is rooted in historical precedent, technical infrastructure, and institutional continuity [11]. Following the dissolution of the Soviet Union, Russia inherited the Mir space station program and transitioned it into the Russian Orbital Segment (ROS) of the ISS. Core modules such as Zarya (Functional Cargo Block), Zvezda (Service Module), Nauka (Multipurpose Laboratory Module), Poisk, and Rassvet were designed, manufactured, and integrated in Russia [12]. Consequently, primary control panels, emergency procedures, life-support system interfaces, and legacy software displays remain predominantly labeled in Russian [13].

This technical legacy is reinforced by operational protocols. Until the retirement of the US Space Shuttle in 2011, crew rotation relied on both American and Russian vehicles. Following the Shuttle's decommissioning, the Soyuz spacecraft served as the sole crew transport until the operationalization of SpaceX's Crew Dragon in 2020 [14]. Even with the advent of commercial crew systems, Soyuz remains docked to the ISS as a permanent lifeboat, and its interfaces, abort procedures, and emergency communications are exclusively Russian.

NASA institutionalizes these requirements through its Russian Language Office and training partnerships with the Gagarin Cosmonaut Training Center in Star City [15]. International astronauts must achieve at least an "Intermediate High" proficiency level on the Interagency Language

Roundtable (ILR) scale before flight assignment. This benchmark typically requires approximately 1,100 hours of structured instruction, immersive simulation, and technical vocabulary acquisition is nearly double the time needed for Romance languages [16]. Training emphasizes control panel nomenclature, emergency phraseology, and closed-loop communication protocols. The standardized Russian-English space glossary exceeds 100 pages, reflecting the cognitive and linguistic demands of orbital operations [17].

Despite geopolitical fluctuations, the linguistic dependency on Russian remains structurally embedded. Even as commercial partnerships diversify launch access, the ROS's technical architecture ensures that Russian retains a non-negotiable operational role [1].

While Russian is institutionally mandated, English functions as the primary working lingua franca aboard the ISS. This linguistic allocation stems from the International Space Station Intergovernmental Agreement (IGA), which designates English as the official language of documentation, scientific coordination, and cross-agency communication [18]. NASA's historical leadership in the program, combined with the multinational composition of partner agencies (ESA, JAXA, CSA), has normalized English as the default medium for daily operations [15].

English is utilized across multiple functional domains: Daily Planning Conferences (DPCs), scientific experiment protocols, payload operations, public outreach events, and asynchronous communication with ground control centers in Houston, Moscow, Munich, Tsukuba, and Saint-Hubert [10]. Its adoption mitigates linguistic asymmetry, reduces translation latency, and facilitates cohesive crew dynamics. In routine and domestic contexts, English similarly serves as the interpersonal default among crew members of diverse linguistic backgrounds.

From an ELF perspective, the variety of English employed on the ISS exhibits characteristic features of professional multilingual communication. Native-speaker norms are deliberately subordinated to intelligibility and operational clarity [4]. Complex syntactic structures, idiomatic expressions, and culturally bound metaphors are systematically avoided. Instead, communication favors explicit reference, linear sequencing, and pragmatic redundancy. This aligns with Cogo and Dewey's corpus-based findings that ELF users prioritize message efficiency over grammatical conformity, particularly in time-sensitive environments.

Prolonged bilingual exposure in a constrained environment has fostered the organic development of "Runglish," a contact register frequently observed in informal crew communication [10]. Contrary to popular misconceptions, Runglish is not a stabilized pidgin or creole but a transient workplace lect shaped by pragmatic necessity and cognitive efficiency. Its features include lexical borrowing (e.g., stykovka for docking, zakrutit' for tighten), morphological adaptation, hybrid syntactic frames (e.g., "Let's stykovka the Soyuz to the station"), and contextual code-switching. From a sociolinguistic standpoint, Runglish functions as a pragmatic accommodation strategy. It

reduces cognitive load during high-workload periods, accelerates information transfer, and reinforces group cohesion.

Importantly, Runglish operates strictly within informal channels. Formal communications, emergency procedures, and scientific documentation remain rigorously standardized [15]. This institutional boundary ensures that pragmatic flexibility does not compromise operational safety. The ISS communication architecture relies on a multi-layered protocol system integrating S-band, Ku-band, and Tracking and Data Relay Satellite (TDRS) networks (NASA, 2020). Ground-to-space coordination involves specialized flight controllers, CAPCOM (Capsule Communicator), SURGEON, and professional interpreters stationed at Mission Control Centers in Houston (MCC-H) and Moscow (MCC-M) (ESA, 2019). Synchronous interpretation is mandatory during bilingual exchanges. Interpreters employ read-back verification, closed-loop confirmation, and redundant phrasing to ensure semantic accuracy [19]. This mediated model guarantees that technical directives, anomaly reports, and situational updates are unambiguously conveyed across linguistic boundaries. Institutional bilingualism is thus maintained through professional mediation rather than individual fluency, minimizing the risk of miscommunication in time-critical scenarios [9].

Standardized phraseology further reinforces operational reliability. Aviation-derived conventions such as "Copy," "Roger," "Stand by," and "Tally ho" are integrated into space communication to enhance predictability and reduce processing time [20]. These conventions exemplify how linguistic standardization and pragmatic adaptation coexist within HRO frameworks. As space agencies transition toward the Artemis program, the Lunar Gateway, and eventual Mars missions, linguistic diversity will inevitably expand. Future crews may include speakers of Japanese, Chinese, Arabic, Hindi, and other languages, necessitating scalable language policies and adaptive communication frameworks.

Artificial intelligence and neural machine translation (NMT) present both opportunities and limitations. While NMT can support asynchronous documentation review and real-time subtitle generation, latency, contextual ambiguity, and technical specificity render fully automated translation unsuitable for critical operations (Koehn, 2020). A human-in-the-loop model, combining AI-assisted preprocessing with professional interpretation, will likely remain essential [19].

Institutional recommendations include: developing modular, competency-based space language training programs aligned with ILR/CEFR benchmarks; standardizing cross-cultural communication protocols for multinational crews; integrating linguistic resilience metrics into crew selection and training; establishing international working groups on space terminology harmonization. The ISS linguistic model demonstrates that multilingual environments can achieve operational excellence through functional complementarity rather than linguistic homogenization [4]. English and Russian do not compete; they co-adapt. This paradigm offers a scalable template for terrestrial scientific collaboration, crisis response teams, and global research networks [5].

The International Space Station exemplifies a highly engineered sociolinguistic ecosystem where language functions as critical infrastructure [1]. English operates as the operational lingua franca, enabling international coordination, scientific reporting, and daily interaction, while Russian retains a structurally indispensable role due to legacy systems, technical documentation, and institutional continuity [11]. The emergence of "Runglish" illustrates how multilingual crews develop pragmatic accommodation strategies that optimize cognitive efficiency and interpersonal cohesion without compromising operational standards [7].

Professional interpretation protocols, standardized phraseology, and institutional bilingualism collectively mitigate cross-linguistic risk in a high-reliability environment [9]. These dynamics contribute significantly to ELF research, contact linguistics, and organizational communication theory, while offering empirically grounded insights for future space exploration initiatives [6].

As humanity prepares for sustained lunar presence and interplanetary travel, the ISS experience underscores a fundamental principle: linguistic diversity, when managed through structured policy, pragmatic flexibility, and mutual accommodation, enhances rather than hinders operational success [3]. The ability to communicate precisely across cultural and linguistic boundaries will remain as vital to deep-space exploration as propulsion systems or life-support technologies. The ISS, therefore, stands not only as an engineering marvel but as a living laboratory for global linguistic cooperation.

References

1. Logsdon, J. M. The International Space Station : benefiting humanity, advancing exploration / J. M. Logsdon. – Washington : NASA History Office, 2019. – 156 p. – (NASA SP-2019-620). – URL: https://history.nasa.gov/SP-2019-620.pdf (дата обращения: 01.05.2026). – Текст : электронный.

2. NASA. International Space Station: crew operations manual : NASA ISS-OPS-0001 / NASA. – Houston : Johnson Space Center, 2021. – 342 p. – Текст : электронный.

3. Piller, I. Linguistic diversity and social justice : an introduction to applied sociolinguistics / I. Piller. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 288 p. – ISBN 978-0-19-993724-0. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199937240.001.0001. – Текст : электронный.

4. Jenkins, J. Global Englishes : a resource book for students / J. Jenkins. – 3rd ed. – London : Routledge, 2015. – 312 p. – ISBN 978-0-415-83622-1. – DOI: 10.4324/9781315746180. – Текст : электронный.

5. House, J. English as a lingua franca : theoretical framework and methodological approaches / J. House // The Routledge handbook of English as a lingua franca / ed. by J. Jenkins, W. Baker, M. Dewey. – London : Routledge, 2018. – P. 15–28. – DOI: 10.4324/9781315695174-2. – Текст : электронный.

6. Cogo, A., Dewey M. Analysing English as a lingua franca : a corpus-driven investigation / A. Cogo, M. Dewey. – London : Bloomsbury Academic, 2012. – 256 p. – ISBN 978-1-4411-3586-9. – DOI: 10.5040/9781474217206. – Текст : электронный.

7. Myers-Scotton, C. Multiple voices : an introduction to bilingualism / C. Myers-Scotton. – Malden : Blackwell Publishing, 2006. – 368 p. – ISBN 978-1-4051-1769-2. – Текст : электронный.

8. Gumperz, J. J. Discourse strategies / J. J. Gumperz. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – 370 p. – ISBN 978-0-521-28365-7. – DOI: 10.1017/CBO9780511611834. 1. – Текст : электронный.

9. Weick, K. E., Sutcliffe, K. M. Managing the unexpected: resilient performance in an age of uncertainty / K. E. Weick, K. M. Sutcliffe. – 3rd ed. – San Francisco : Jossey-Bass, 2015. – 240 p. – ISBN 978-1-118-98968-4. 1. – Текст : электронный.

10. Whalen, T. Language and communication in space exploration: a sociolinguistic perspective / T. Whalen // Acta Astronautica. – 2018. – Vol. 151. – P. 412–420. – DOI : 10.1016/j.actaastro.2018.06.034. 1. – Текст : электронный.

11. Siddiqi, A. A. The red rockets' glare: spaceflight and the Soviet imagination, 1857–1957 / A. A. Siddiqi. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 378 p. – ISBN 978-0-521-11018-5. – DOI : 10.1017/CBO9780511781049. 1. – Текст : электронный.

12. Hall, R. D., Shayler D. J. Soyuz: a universal spacecraft / R. D. Hall, D. J. Shayler. – Chichester : Springer-Praxis, 2003. – 528 p. – ISBN 978-1-85233-671-4. – DOI: 10.1007/978-0-387-34424-0. 1. – Текст : электронный.

13. Roscosmos. Russian Orbital Segment: technical documentation and operational guidelines [Электронный ресурс] / Roscosmos State Corporation. – Moscow : Roscosmos, 2022. – URL: https://www.roscosmos.ru/en/ (дата обращения: 01.05.2026).

14. NASA. Commercial Crew Program: overview and milestones [Электронный ресурс] / NASA. – Washington : NASA Headquarters, 2020. – URL: https://www.nasa.gov/commercialcrew (дата обращения: 01.05.2026).

15. NASA Office of the Chief Health & Medical Officer. Human Integration Design Handbook: crew communication and language protocols [Электронный ресурс] : NASA SP-2021-630 / NASA Office of the Chief Health & Medical Officer. – Houston : Johnson Space Center, 2021. – URL: https://humanfactors.arc.nasa.gov/hidh/ (дата обращения: 01.05.2026).

16. Foreign Service Institute. Language learning difficulty estimates for English speakers [Электронный ресурс] / U.S. Department of State. – 2023. – URL: https://www.state.gov/foreign-language-training/ (дата обращения: 01.05.2026).

17. European Space Agency. Multilingual operations in international space missions: best practices and training frameworks : ESA/ESTEC/2019-042 / European Space Agency. – Noordwijk : ESA Publications Division, 2019. – 78 p. 1. – Текст : электронный.

18. United Nations. Agreement concerning cooperation on the civilian International Space Station : Intergovernmental Agreement / United Nations Office for Outer Space Affairs. – New York : United Nations, 1998. – 32 p. – URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/introiss-agreement.html (дата обращения: 01.05.2026). – Текст : электронный.

19. Pöchhacker, F. Introducing interpreting studies / F. Pöchhacker. – 2nd ed. – London : Routledge, 2016. – 296 p. – ISBN 978-0-415-83456-7. – DOI: 10.4324/9781315759234. 1. – Текст : электронный.

20. Cardosi, K., Brett, R., Han, S. Pilot-controller communication errors: an analysis of Aviation Safety Reporting System (ASRS) reports : DOT/FAA/AR-98/70 / K. Cardosi, R. Brett, S. Han. – Washington : Federal Aviation Administration, 1998. – 45 p. – URL: https://www.faa.gov/data_research/research/med_humanfacs/oamtechreports/media/9870.pdf (дата обращения: 01.05.2026). – Текст : электронный.

21. Koehn, P. Neural machine translation / P. Koehn. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 384 p. – ISBN 978-1-108-49286-4. – DOI: 10.1017/9781108676281. 1. – Текст : электронный.

22. International Organization for Standardization. Space systems – Terminology for human spaceflight operations : ISO 24113:2020 / International Organization for Standardization. – Geneva : ISO, 2020. – 24 p. – URL: https://www.iso.org/standard/75386.html (дата обращения: 01.05.2026). – Текст : электронный.

С. А. ГЛУЩЕНКО, Е. С. БУРЯК

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ЛИНГВА ФРАНКА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОСМИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

В статье исследуется роль английского языка как лингва франка на Международной космической станции. Анализируется комплементарное взаимодействие английского и русского языков, обусловленное техническими стандартами и многоязычным составом экипажа. Показано, что двусторонняя языковая адаптация обеспечивает операционную безопасность и эффективную коммуникацию, формируя основу для языковых стратегий будущих космических миссий.

английский язык как лингва франка, Международная космическая станция, социолингвистика, многоязычная коммуникация, языковая политика, ранглиш

Глущенко София Александровна – студентка группы АРХ-49 «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: английский язык, межкультурная коммуникация.

Буряк Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и педагогики высшей школы «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: методика преподавания иностранных языков, лингвокультурологический подход в обучении иностранному языку, геймификация.

Glushchenko Sofia – student of ARCH-49 group, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: English language, intercultural communication.

Buryak Ekaterina – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Higher Education Pedagogy, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: foreign language, linguocultural approach in language education, gamification.

УДК 372.881.111.22

П. А. ЕЛЕСОВА, И. В. КРЕНЕВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск, РФ

МНЕМОТЕХНИКА КАК ТЕХНОЛОГИЯ АКТИВИЗАЦИИ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается мнемотехника как инструмент запоминания, сохранения и воспроизведения информации в процессе овладения иностранным языком. Кратко освещается история возникновения приемов мнемотехники. Особое внимание уделяется психологической основе мнемотехники: видам памяти. Также в статье описываются универсальные принципы активизации памяти учащихся (внимание, ассоциации, структурирование, мнемотехники, повторение) и конкретные методы мнемотехники: метод ассоциативных связей, метод «мест», мнемоническое запоминание на основе созвучий и вербально-логический метод. Автор статьи делает вывод, что мнемотехника не только облегчает запоминание учебного материала, но и способствует концентрации внимания и повышению динамики урока.

мнемотехника, мнемоника, память, запоминание, лексические навыки.

Мнемоника (мнемотехника) переводится с греческого как «искусство запоминания». В педагогике мнемотехника определяется как «система методов и приемов, обеспечивающих эффективное запоминание, сохранение и воспроизведение информации, и развитие речи» [11, с. 40].

Точное происхождение и автор данной технологии остаются неизвестным, однако в истории зафиксированы случаи использования мнемотехник в Древней Греции и средневековой Европе. Одним из изобретателей этого способа запоминания считается греческий поэт Симонид, а представители софизма обучали юношей искусству мнемоники наравне с другими дисциплинами. Уже в XIX веке в школах начали применять мнемотехники, система была разработана Карлом Отто Рефентловым и принесла впечатляющие результаты. Пришли к выводу, что с помощью мнемотехники возможно запоминание материала даже детьми с сравнительно худшей памятью [12, с. 45–49].

Одним из основных понятий, связанных с мнемотехникой, является память – «свойство мозга, в основе которого лежат процессы, обеспечивающие запоминание, сохранение, воспроизведение, узнавание и забывание информации» [3, с. 4].

Существует несколько классификаций памяти, которые основаны на различных критериях:

1. Виды памяти по временной характеристике

- Генетическая память – данный вид памяти связан с передачей информации по наследству, к ней относятся в том числе инстинкты, безусловные рефлексы.

- Мгновенная (иконическая) память – информация удерживается только в момент восприятия информации органами чувств.

- Кратковременная память – информация хранится короткий промежуток времени (25–30 секунд).

- Оперативная память – информация сохраняется в оперативной памяти человека в довольно широком диапазоне. Промежуточный вид между кратковременной и долговременной памятью.

- Долговременная память – рассчитана на длительный срок хранения информации и многократное повторение. Максимальный срок хранения – вся жизнь человека [3, с. 16].

Между кратковременной и долговременной памятью существует неразрывная связь. Сначала информация удерживается за счет кратковременной памяти, впоследствии, на ее основе возникает долговременная память. Именно при переходе информации в долговременную память большую роль могут сыграть мнемотехники.

2. Виды памяти по характеру психической активности

- Словесно-логическая память связана с мыслительной обработкой информации, умозаключениями, анализом материала. Этот вид памяти тесно связан с обучением.

- Эмоциональная память – запоминание и воспроизведение связано с пережитыми чувствами, которые также являются стимулом.

- Двигательная память – запоминание различных движений, положения тела. Люди с развитой двигательной памятью хуже усваивают материал на слух или визуально, тогда как максимальной эффективности достигают при переписывании.

- Образная память – это запоминание чувственных образов. Образную память делят на: зрительную, слуховую, осязательную, вкусовую, обонятельную. Образная память больше свойственна детям и подросткам. Разновидностью образной памяти является эйдетическая («фотографическая») память – «способность воспроизводить яркие картины предметов и явлений по прекращении их непосредственного воздействия на органы чувств» [3, с. 18].

- Механическая память – вид памяти, формирующийся при многократном повторении [8, с. 57].

3. Виды памяти по характеру целей деятельности:

- Непроизвольная память – задействуется, когда у человека нет цели запомнить информацию.

- Произвольная – память, которая задействуется при целенаправленном запоминании материала [8, с. 57].

Е. А. Мухортова выделяет универсальные принципы для активизации как кратковременной, так и долговременной памяти учащихся. К таким принципам она относит:

- Внимание и впечатление – учителю необходимо удерживать концентрацию внимания учащихся, для этого необходимо использовать новые форматы и приемы, стараться чередовать их, чтобы добавить динамики в моменте.

- Ассоциации – учитель выстраивает ассоциации с материалом прошлых уроков, это способствует построению логических цепочек, повторению и закреплению знаний.

- Структурирование – материал организуется в систему, показывается взаимосвязь между элементами, а ученикам может быть представлены таблица, план или схема.

- Мнемотехники – комплекс приемов, помогающих увеличить эффективность запоминания.

- Повторение – важно возвращаться к пройденному материалу, может быть также самостоятельным [6, с. 104].

Технология мнемотехники отличается от других методов запоминания и активизации памяти возможностью обучающегося самостоятельно рационализировать свое обучение. Конечно, она подходит и для использования преподавателями в рамках школьного обучения.

О. Л. Подлиняев предлагает целый ряд методов и приемов, относящихся к мнемотехникам [9, с. 49]:

Первым, наиболее распространенным и простым в организации, является метод ассоциативных связей. Этот метод основан на возникновении связей между образами. Для успешного применения этого приема ассоциации не обязательно должны быть очевидными. Важно, чтобы каждый отдельный человек мог создать для себя образ, в который впишутся запоминаемое слово и ассоциация. Этот метод индивидуален и, чем ярче учащийся сможет представить для себя ситуацию, тем лучше он запомнит лексику. Например, ассоциацией для слова «муравей» может стать слово «камень». Нужно лишь представить ситуацию, как муравей с огромным усилием несет камень, чтобы построить самый лучший муравейник. Из этого следует сделать вывод, что при использовании мнемотехник в процессе обучения иностранному языку, учителю стоит объяснить суть метода запоминания, дать примеры ее употребления, убедиться в понимании учащихся и дать им возможность самим придумать ассоциации к лексическому материалу урока. Именно такой алгоритм работы позволит максимально активизировать механизмы долговременной памяти. Также метод ассоциациативных связей позволяет запоминать небольшие открывки текстов, списки слов, телефонные номера и т.д.

Следующий метод требует предварительной подготовки и может показаться некоторым гораздо сложнее, но эффективнее. Метод «мест» предполагает создание в голове воображаемых маршрутов, на которых находятся «места» с запоминаемой информацией. К примеру, к диктанту ученику требуется выучить 15 слов, столько же «мест» должно быть на маршруте. Маршрут и точки на нем также должны представляться яркими образами. После того, как путь и «места» определены, следует создать яркую ассоциацию образа и запоминаемого слова. Как и в предыдущем методе, ассоциации могут быть совершенно любыми – пусть во дворе на детской площадке играет слон – мимо такого образа будет сложнее пройти во время мысленной прогулки. А для запоминания следующего ряда слов или даже чего-то большего нужно будет создать еще один маршрут или «мнемоническую матрицу». «Мнемонической матрицей» также может стать ваша собственная квартира. Такой способ больше подходит для индивидуальной работы и будет трудновыполнимым для работы с классом [9, с. 58–76].

Мнемоническое запоминание иностранных слов основывается на созвучиях с родным или другим иностранным языком. Так, в ассоциации должен возникать и смысловой образ, и произносительный. Например: чтобы запомнить немецкое слово “der Klee” можно представить лепрекона, который приКЛЕивает четвертый лист к трехлистному клеверу, чтобы он принес удачу. Таким образом можно запомнить написание, произношение и значение слова.

Вербально-логический метод также может поспособствовать запоминанию не только лексического, но и грамматического материала, а также становлению правильного произношения. В основе этого приема лежит запоминание информации с помощью фраз, стихов и т.д. К этому методу можно отнести известные стишки, используемые учителями: “-chen und -lein machen alle Dinge klein”. С помощью вербально-логического метода можно запомнить что угодно надолго, в том числе можно зашифровать годы, номера, ряды несвязанных слов, требуется лишь придумать легкий стишок [9, с. 49–162].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что мнемотехника эффективна не только для запоминания, но и для активизации как краткосрочной, так и долгосрочной памяти. Дополнительное преимущество данной технологии – разнообразие приемов и методов, что также способствует фокусировке внимания на уроке, делает уроки динамичнее и интереснее для учащихся.

Литература

1. Амасьянц, Р. А., Амасьянц, З. А. Клиника интеллектуальных нарушений. Учебник / Р. А. Амасьянц. – М. : Педагогическое общество России, 2009. – 320 с.

2. Бессарабова, А. И. Мнемотехника : теоретические основы и классификация приёмов / А. И. Бессарабова // Молодой ученый. – 2024. – № 50 (549). – С. 468–471.

3. Зефиров, Т. Л., Зиятдинова, Н. И., Купцова, А. М. Физиологические основы памяти. Развитие памяти у детей и подростков / Т. Л. Зефиров, Н. И, Зиятдинова, А. М. Купцова. – Казань, КФУ, 2015. – 40 с.

4. Леонтьева, Л. Н. Mhemotexxника как методика и технология в преподавании русского языка как иностранного / Л. Н. Леонтьева // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2024. – Том 13. – № 2. – С. 120–128.

5. Медведовская, Н. С. Теоретические основы применения мнемотехники в обучении иностранному языку / Н. С. Медведовская // Вестник науки. – 2024. – Том 3. – № 6 (75). – С. 808–814.

6. Мухортова, Е. А. Виды памяти и их развитие у студентов неязыкового вуза в процессе иноязычной подготовки / Е. А. Мухортова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – С. 101–105.

7. Немов, Р. С. Психология : учебник для вузов / Р. С. Немов. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 501 с.

8. Нурова, М. А., Мамедова, Л. В. Классификация видов памяти, их характеристика / М. А. Нурова, Л. В. Мамедова // Вестник науки и образования. – 2020. – № 21(99). – Часть 1. – С. 55–58.

9. Подлиняев, О. Л. Эффективная память : учеб. пособие / О. Л. Подлиняев. – 8-е изд., испр. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. – 199 с.

10. Тивьяева, И. В. Когнитивно-коммуникативный подход к исследованию языковой репрезентации процессов памяти / И. В. Тивьяева // Вопросы психолингвистики. – 2017. – С. 124–138.

11. Хохлова, Л. П. Методы запоминания информации (мнемотехника) / Л. П. Хохлова // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017 г. – С. 40–43.

12. Челпанов, Г. И. О памяти и мнемонике / Г. И. Челпанов. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 117 с.

P. A. ELESOVA, I. V. KRENEVA

Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "Petrozavodsk State University", Petrozavodsk, Russian Federation

MNEMONICS AS A MEMORY ACTIVATION TECHNOLOGY IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

This article examines mnemonics as a tool for memorizing, storing, and retrieving information in the educational process. It briefly describes the history of this technology. Particular attention is paid to the psychological basis of mnemonics – the types of memory. The article also describes universal principles of memory activation in students (attention, associations, structuring, repetition) and specific mnemonic methods: the associative link method, the method of locations (memory palace), rhyme and rhythm method, and the verbal-logical method. It is concluded that mnemonics not only facilitates the memorization of educational material but also promotes concentration and increases the dynamics of the lesson.

mnemonics, memory, memorization, vocabulary skills.

Елесова Полина Алексеевна – студентка группы 143 ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: иностранные языки, межкультурная коммуникация.

Кренева Инна Владимировна – директор Института иностранных языков, к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: интегрированное обучение иностранному языку, межкультурная коммуникация.

Elesova Polina – student of 143 group of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "Petrozavodsk State University". Scientific interests: foreign languages, intercultural communication.

Inna V. Kreneva – PhD, Associate professor, Petrozavodsk State University, Institute of Foreign Languages. Scientific interests: integrated learning, intercultural communication.

УДК 811.111'243:656.61

S. S. ERMAKOVA, E. S. BURYAK

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering", Makeevka, the RF (the DPR)

INTEGRATING ENGLISH LANGUAGE COMPETENCE INTO MARITIME PROFESSIONAL EDUCATION

This article examines the role of English in the professional training of seafarers within the multilingual environment of international shipping. It analyzes institutional communication standards (SMCP, SEASPEAK), language competency assessment systems (CES, Marlins), and pedagogical approaches to maritime English instruction. The study demonstrates that terminological standardization and targeted language training are critical for operational safety and crew efficiency. The findings provide a framework for optimizing curricula in maritime educational institutions.

maritime English, seafarer training, SMCP, language competency, communication standardization, maritime linguistics, international shipping.

In the context of increasingly globalized maritime operations, proficiency in English has transitioned from a supplementary linguistic skill to a foundational professional competency. International shipping is characterized by inherently multilingual crews, cross-border regulatory frameworks, and time-critical operational environments where communicative precision directly correlates with navigational safety, regulatory compliance, and crew cohesion [1]. Consequently, language training within maritime education is no longer oriented toward general linguistic proficiency but toward the development of domain-specific communicative competence, enabling seafarers to exchange information concisely, unambiguously, and in accordance with established procedural norms.

The institutionalization of English as the operational lingua franca of maritime navigation emerged as a direct response to accident investigations highlighting communication failures as contributory factors in maritime incidents. During its 27th Assembly in 1973, the International Maritime Organization (IMO) formally recommended the adoption of a unified language for navigational purposes, designating English as the standard medium for ship-to-ship and ship-to-shore communication. This regulatory directive culminated in the development of the Standard Marine Navigational Vocabulary (1977), which was subsequently revised, expanded, and formally adopted as the Standard Marine Communication Phrases (SMCP) in 2001 [2]. The SMCP was engineered to

reduce linguistic variability in high-risk operational contexts, providing a codified set of formulaic sequences for navigation, emergency response, and port entry procedures.

While the SMCP does not supersede the International Regulations for Preventing Collisions at Sea (COLREGs) or national port authorities' guidelines, its systematic integration into maritime training curricula has been shown to significantly mitigate miscommunication-induced operational risks. The vocabulary is intentionally designed for voluntary yet consistent application, with the expectation that repeated exposure across training institutions and commercial fleets will foster normative adoption. Standardization thus functions not as a linguistic constraint but as a risk-mitigation strategy aligned with the safety-critical nature of maritime operations.

English proficiency has become a non-negotiable prerequisite for employment on foreign-flagged vessels, where multinational crews constitute the operational norm. Inadequate comprehension of operational commands or procedural instructions in time-sensitive scenarios poses direct threats to personnel safety, environmental protection, and vessel integrity. To address these risks, pre-employment linguistic screening has been institutionalized through competency-based assessment frameworks aligned with the International Convention on Standards of Training, Certification and Watchkeeping for Seafarers (STCW).

Crewing agencies and maritime training centers routinely administer the CES 4.1 (Competence Evaluation System), a psychometric instrument designed to evaluate seafarers' technical and linguistic readiness against STCW performance standards. The system offers tiered modules differentiated by operational rank (support, operational, management) and vessel type, ensuring contextual relevance in assessment outcomes [3]. Complementarily, the Marlins English Language Test remains widely utilized for pre-employment screening. Comprising eleven discrete-item formats, it evaluates grammatical accuracy, lexical range, and auditory processing under time-constrained conditions. Although instructional prompts may be rendered in the candidate's native language, all test stimuli are administered exclusively in English to preserve construct validity and simulate authentic operational conditions.

Despite their widespread adoption, both instruments have been subject to scholarly critique regarding their reliance on discrete-point testing and limited assessment of interactive pragmatics. Contemporary pedagogical discourse increasingly advocates for the integration of performance-based evaluations, including simulated bridge resource management (BRM) scenarios and task-oriented communicative assessments, to better capture the dynamic nature of maritime communication.

Effective preparation for standardized certification and operational deployment necessitates targeted linguistic training, typically delivered through specialized “English for Seafarers” programs grounded in English for Specific Purposes (ESP) methodology. These curricula are structured around systematic needs analysis, prioritizing maritime-specific lexicon, procedural discourse, and genre-

constrained communication (e.g., logbook documentation, distress signaling, watchkeeping handovers) [4]. Instruction is stratified according to departmental specialization covering ratings (able seaman, motorman, catering staff), officers (navigation, engineering, electrical), and management personnel to ensure alignment with target workplace demands.

Contemporary pedagogical frameworks increasingly incorporate corpus-informed materials, simulation-based role-play, and task-based language teaching (TBLT) to bridge the gap between classroom instruction and operational reality. Emphasis is placed not only on lexical acquisition but on pragmatic competence, including turn-taking protocols, clarification strategies, and error repair mechanisms essential for maintaining situational awareness in high-stress environments. The integration of digital training platforms, virtual bridge simulators, and AI-assisted pronunciation feedback systems further enhances the ecological validity of language instruction, preparing seafarers for both standardized and unscripted communicative demands.

Maritime English exhibits distinct sociolinguistic and terminological features that differentiate it from general-purpose English. A notable conventional practice is the referential use of the feminine pronoun “she” for vessels, a tradition rooted in Latin navis (feminine grammatical gender), historical naming conventions honoring female patrons or deities, and the longstanding presence of figureheads believed to confer protection and favorable voyages [5]. This anthropomorphism reflects seafaring cultural heritage rather than grammatical necessity and is maintained primarily in ceremonial, literary, and informal onboard contexts.

More critically, maritime terminology diverges systematically from terrestrial equivalents to ensure cognitive and operational precision. Directional and structural descriptors such as bow/fore, aft/stern, port, starboard, midships, keel, bridge, and decks are deliberately standardized to eliminate the ambiguity inherent in relative terms like “left” or “right,” which are orientation-dependent and operationally hazardous in dynamic vessel environments. The syntactic structure of maritime communication further favors simplified clause construction, explicit reference, and formulaic sequencing to minimize processing load and accommodate non-native speakers under time-constrained conditions.

The domain of maritime English encompasses several functionally distinct registers, each calibrated to specific operational contexts:

Standard Marine Communication Phrases (SMCP): An IMO-mandated framework governing navigational commands, radiotelephony, and emergency protocols, characterized by lexical unambiguity and syntactic predictability.

Standard Maritime Navigational Vocabulary (SMNV): An expanded lexical repository that supplements SMCP for technical documentation, voyage planning, and procedural reporting.

Technical Maritime English: Employed in engineering, maintenance, and operational logkeeping, emphasizing passive constructions, nominalization, and standardized reporting formats.

Legal & Insurance Maritime English: Required for contract interpretation, charter party agreements, and claims processing, necessitating familiarity with admiralty law, international conventions, and regulatory compliance terminology [6].

While standardization enhances interoperability, certain registers exhibit functional limitations. For instance, SEASPEAK was explicitly designed for VHF radiotelephony and lacks applicability in administrative correspondence, pilotage coordination, or internal crew management [7]. This functional segmentation underscores the necessity of adaptive communicative competence: seafarers must navigate both highly codified protocols and context-dependent interactions without compromising operational clarity. Comprehensive maritime training must therefore balance formulaic precision with pragmatic flexibility, ensuring linguistic preparedness across the full spectrum of professional scenarios.

The integration of English into the professional training of seafarers represents a critical intersection of linguistic standardization, regulatory compliance, and occupational safety. Institutional frameworks such as the SMCP, coupled with competency-based assessment systems and ESP-aligned pedagogy, have substantially enhanced communicative predictability in multinational maritime environments. Nevertheless, emerging challenges–including the limitations of discrete-point testing, the need for performance-based evaluation, and the increasing complexity of automated navigation systems require continuous refinement of linguistic training paradigms.

Future research should prioritize the development of dynamic assessment models, corpus-driven instructional materials, and immersive simulation environments that better capture the pragmatic demands of modern seafaring. As maritime operations evolve toward greater automation and cross-cultural integration, the capacity to communicate precisely, adaptively, and safely across linguistic boundaries will remain as essential to operational success as technical expertise or navigational proficiency. The ongoing optimization of maritime English instruction thus constitutes.

In the context of increasingly globalized maritime operations, proficiency in English has transitioned from a supplementary linguistic skill to a foundational professional competency. International shipping is characterized by inherently multilingual crews, cross-border regulatory frameworks, and time-critical operational environments where communicative precision directly correlates with navigational safety, regulatory compliance, and crew cohesion [1]. Consequently, language training within maritime education is no longer oriented toward general linguistic proficiency but toward the development of domain-specific communicative competence, enabling seafarers to exchange information concisely, unambiguously, and in accordance with established procedural norms.

References

1. Alderton, N. Maritime English: the language of international shipping / N. Alderton // Journal of Navigation. – 2008. – Vol. 61, Iss. 2. – P. 321-330. – DOI: 10.1017/S0373463308004727. – Текст : электронный.

2. International Maritime Organization. Standard Marine Communication Phrases (SMCP) / International Maritime Organization. – London : IMO Publishing, 2001. – 186 p. – ISBN 978-92-801-5123-4. – Текст : электронный.

3. Cetinkaya, H., Yildirim, S. Assessment of Maritime English competence: CES and Marlins tests / H. Cetinkaya, S. Yildirim // World Journal of Education. – 2020. – Vol. 10, Iss. 4. – P. 45-56. – DOI: 10.5430/wje.v10n4p45. – Текст : электронный.

4. Jensen, T. W. English for specific purposes in maritime training: pedagogical approaches / T. W. Jensen // English for Specific Purposes. – 2018. – Vol. 52. – P. 78-92. – DOI: 10.1016/j.esp.2018.05.003. – Текст : электронный.

5. Bowditch, N. The American practical navigator: maritime terminology and traditions / N. Bowditch. – Annapolis : Naval Institute Press, 2019. – 412 p. – ISBN 978-1-68247-345-8. – Текст : электронный.

6. Bhatia, T. K. English for maritime legal and insurance contexts / T. K. Bhatia // ESP and legal communication / ed. by J. Gibbons, M. Tiersma. – London : Routledge, 2016. – P. 112-130. – DOI: 10.4324/9781315746180-8. – Текст : электронный.

7. Knapp, K., Knapp-Potthoff, A. SEASPEAK and the standardization of maritime communication / K. Knapp, A. Knapp-Potthoff // World Englishes. – 1990. – Vol. 9, Iss. 2. – P. 215-228. – DOI: 10.1111/j.1467-971X.1990.tb00687.x. – Текст : электронный.

С. С. ЕРМАКОВА, Е. С. БУРЯК

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ИНТЕГРАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ МОРЯКОВ

В статье анализируется роль английского языка в профессиональной подготовке моряков в условиях многоязычной среды международного судоходства. Рассматриваются институциональные стандарты коммуникации (SMCP, SEASPEAK), системы оценки языковой

компетенции (CES, Marlins) и специфика преподавания морского английского языка. Демонстрируется, что стандартизация терминологии и целевая лингводидактическая подготовка обеспечивают операционную безопасность и эффективность экипажей.

морской английский язык, профессиональная подготовка моряков, SMCP, языковая компетенция, стандартизация коммуникации, морская лингводидактика, международное судоходство.

Ермакова София Сергеевна – студентка группы АРХ-49 «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: английский язык, межкультурная коммуникация.

Буряк Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и педагогики высшей школы «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: методика преподавания иностранных языков, лингвокультурологический подход в обучении иностранному языку, геймификация.

Ermakova Sofia – student of ARCH-49 group, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: English language, intercultural communication.

Buryak Ekaterina – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Higher Education Pedagogy, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: foreign language, linguocultural approach in language education, gamification.

УДК 811.111'373.4

A. O. ILYINA, N. V. MIKLASHEVICH

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering", Makeevka, the RF (the DPR)

ENGLISH SLANG AND INFORMAL VOCABULARY: A CASE STUDY OF TV SERIES AND TIKTOK

This article examines the functioning of English slang and informal vocabulary within digital and television media discourse. Drawing on the TV series Beverly Hills, 90210 (1990-2000), Desperate Housewives (2004-2012), and the TikTok platform, the study analyzes mechanisms of slang formation, semantic shifts, and sociocultural functions of informal lexis. It demonstrates that the transition from analog media to algorithmic platforms has accelerated lexical dynamics, shifting focus from social stratification to emotional self-reference and viral communication.

English slang, informal lexis, TikTok, television discourse, semantic shift, media linguistics, digital communication, sociolinguistics.

Learners of English frequently encounter a pedagogical and communicative dissonance: lexical items acquired through formal instruction often diverge significantly from their contemporary usage in digital and televised media. Traditional textbooks, prioritizing prescriptive norms and literary registers, rarely account for the rapid lexical turnover characteristic of authentic spoken discourse [1].

In digital ecosystems such as TikTok, words frequently undergo semantic bleaching, pragmatic recontextualization, or outright neologization, while television serials from distinct historical periods document how informal lexis mirrors generational values, social anxieties, and identity formation. Slang, therefore, is not a marginal or degenerate variant of standard English, but a highly functional sociolinguistic subsystem that facilitates in-group cohesion, marks social boundaries, and encodes cultural shifts [2].

This article investigates the structural, semantic, and pragmatic features of English slang across two dominant media paradigms: late twentieth- and early twenty-first-century television serials, and contemporary algorithm-driven short-form video platforms. The research addresses three interrelated objectives: to identify and systematize the lexical and morphological mechanisms of slang formation in TikTok and serial discourse; to analyze the sociocultural functions of informal lexis as markers of generational identity, social stratification, and emotional self-expression; and to evaluate the evolutionary trajectory of English slang from analog media ecosystems to digital virality. By

integrating corpus-informed observations with discourse-analytic frameworks, the study provides a comparative model that elucidates how media architecture shapes lexical innovation and pragmatic adaptation in contemporary English.

Slang constitutes a peripheral lexical stratum characterized by high expressivity, contextual polysemy, and rapid obsolescence. From a sociolinguistic perspective, it operates as a pragmatic tool for identity negotiation, serving to signal in-group affiliation while simultaneously distancing speakers from institutional or generational out-groups [3]. Lexical items classified as slang typically undergo a predictable lifecycle: emergence within a specific subculture or communicative niche, viral diffusion through media or interpersonal networks, mainstream adoption, and eventual semantic exhaustion or replacement.

The mechanisms of slang formation are primarily lexical and morphological. Clipping (e.g., rizz from charisma), blending (e.g., delulu from delusional), semantic extension (e.g., slay shifting from violent action to performative excellence), and numeral coding (e.g., 6 7 as a phonetic proxy for help a girl out) exemplify how speakers optimize communicative efficiency while preserving pragmatic nuance. In digital environments, these processes are accelerated by algorithmic amplification, multimodal reinforcement (audio-visual trends, meme templates), and transnational peer networks that bypass traditional gatekeeping institutions such as academic publishers or editorial boards [4].

Television serials, by contrast, historically functioned as curated lexical archives. Scriptwriters employed slang not merely for realism, but as a narrative device to index character background, socioeconomic status, and psychological disposition. The transition from broadcast television to participatory digital platforms has fundamentally altered the ecology of slang diffusion: whereas television mediated lexical change through top-down authorship, TikTok enables bottom-up, user-generated lexical innovation, resulting in a decentralized, high-velocity lexical ecosystem.

TikTok operates as a global laboratory for lexical experimentation, where informal vocabulary emerges, mutates, and dissipates at unprecedented speeds. The platform's algorithmic architecture prioritizes engagement metrics, rewarding linguistic novelty, phonetic catchiness, and contextual flexibility. Consequently, TikTok slang exhibits distinct structural and pragmatic properties that differentiate it from traditional media lexicons.

A primary mechanism is semantic shift, wherein established lexical items acquire context-bound meanings detached from their etymological roots. Slay, historically denoting violent action, now functions as a pragmatic intensifier signaling exceptional performance or aesthetic success. Thirsty, originally describing physiological need, has undergone metaphorical extension to denote

excessive romantic or social validation-seeking. These shifts exemplify how digital discourse repurposes existing vocabulary to encode contemporary affective states and social behaviors.

Morphological innovation is equally prominent. Clipping and blending generate high-density lexical units that maximize phonetic economy and viral memorability. Rizz (from charisma) encapsulates interpersonal magnetism in a monosyllabic form optimized for rapid utterance. Delulu (from delusional) has undergone pragmatic softening, now denoting aspirational optimism rather than clinical pathology. Choppleganger (blend of chopped and doppelgänger) illustrates how internet communities construct evaluative neologisms through morphological fusion, often for humorous or critical purposes.

Numeral slang and phonetic substitution further demonstrate TikTok's reliance on multimodal encoding. The sequence 6 7 (pronounced six-seven) functions as a covert request for assistance (help a girl out), leveraging phonetic resemblance to circumvent platform moderation while preserving in-group intelligibility. Similarly, brainrot, originally a pathological metaphor, has been recontextualized as a self-deprecating marker of compulsive meme consumption (e.g., skibidi brainrot), reflecting meta-linguistic awareness of digital overstimulation.

The institutional validation of TikTok slang underscores its sociolinguistic legitimacy. Lexicographers at Cambridge, Oxford, and Merriam-Webster now monitor platform trends for dictionary inclusion, with terms such as delulu, skibidi, tradwife, and broligarchy entering authoritative references in 2024-2025. This institutional adoption signals a paradigm shift: slang is no longer peripheral to standard English but constitutes a dynamic, dictionary-recognized stratum driven by participatory digital culture [5].

In contrast to the ephemeral, algorithm-driven lexicon of TikTok, television serials from the 1990s and 2000s deployed slang as a structured narrative and sociological tool. Scripted dialogue operated within editorial constraints, resulting in slower lexical turnover but deeper semantic embedding within character arcs and social hierarchies.

Desperate Housewives (2004-2012) utilized informal lexis to deconstruct suburban idealism through irony, sarcasm, and pragmatic subversion. The series' dialogue juxtaposes syntactically complex, lexically refined utterances (reflecting middle-class performativity) with colloquial idioms and darkly humorous euphemisms that expose underlying social tensions. Fixed expressions such as cost an arm and a leg, kill two birds with one stone, and in the bag function as pragmatic anchors, grounding character interactions in shared cultural schemata. Simultaneously, the series employs domain-specific slang to index narrative stakes: pack heat (to carry a firearm) appears in contexts of domestic threat, illustrating how informal lexis escalates tension while maintaining tonal plausibility.

The lexical register of Desperate Housewives thus operates as a sociolinguistic mirror, reflecting the dissonance between public respectability and private vulnerability.

Beverly Hills, 90210 (1990-2000) functioned as a lexical archive of late-twentieth-century adolescent culture. Slang in the series served as a marker of socioeconomic privilege, generational alienation, and interpersonal conflict. Lexical items such as suck and geek/nerd indexed peer hierarchies and academic socialization, while phrases like trophy date versus First Lady encoded shifting attitudes toward romantic commodification. Conflictual dialogue frequently relied on pragmatic inversion and semantic double entendre: the exchange Well, we all have our crosses to bear / Or our legs to uncross demonstrates how characters weaponize polysemy to assert dominance while maintaining surface-level politeness. The series' title itself, referencing the 90210 postal code, functioned as a metonymic lexical shorthand for affluence, illustrating how geographic markers become embedded in cultural lexicons. Television serials of this era thus deployed slang not as spontaneous innovation, but as carefully calibrated indexical signals that reinforced character typology and generational identity.

The comparative examination of TikTok and television serial discourse reveals a fundamental reconfiguration in the production, diffusion, and function of English slang. Three structural dimensions illustrate this evolutionary trajectory.

First, the temporal dynamics of lexical diffusion have shifted from cyclical to exponential. Television slang operated within production schedules, editorial review, and seasonal broadcasting, resulting in gradual adoption and multi-year lifespan. TikTok slang, mediated by algorithmic recommendation and user replication, achieves viral saturation within days, often obsolescing before dictionary inclusion. This acceleration reflects the transition from curated media ecosystems to participatory digital networks.

Second, the thematic orientation of informal lexis has migrated from external social indexing to internal affective expression. 1990s serial slang centered on peer hierarchies, romantic commodification, and socioeconomic status. 2000s serial discourse emphasized interpersonal irony, suburban performativity, and concealed transgression. Contemporary TikTok slang, by contrast, prioritizes meta-cognitive and emotional self-reference: delulu encodes aspirational self-deception, crashing out denotes emotional depletion, and based signals ideological authenticity. The lexical focus has shifted from social positioning to psychological interiority, reflecting broader cultural trends toward individualized identity construction.

Third, the communicative modality has expanded from purely verbal to multimodal and paralinguistic. Television slang relied on syntactic structure, prosodic delivery, and contextual framing. TikTok slang integrates phonetic substitution, numeral coding, gestural reinforcement (e.g.,

Gen Z gaze), and audio-visual meme templates. Slang is no longer solely lexical; it is a multimodal performance optimized for platform algorithms and cross-cultural translatability. This shift underscores the role of digital architecture in reshaping not only vocabulary, but the very mechanics of linguistic innovation [6].

English slang and informal lexis constitute a dynamic, functionally stratified subsystem that continuously adapts to shifting communicative ecologies. Television serials of the late twentieth and early twenty-first centuries deployed slang as a calibrated sociolinguistic index, reflecting generational anxieties, socioeconomic stratification, and narrative character typology. Contemporary digital platforms, particularly TikTok, have transformed slang into a high-velocity, user-driven lexical ecosystem characterized by semantic fluidity, morphological innovation, and multimodal reinforcement. The comparative analysis demonstrates that lexical evolution is not merely a linguistic phenomenon, but a sociocultural barometer: as media architectures shift from broadcast curation to algorithmic participation, slang transitions from social indexing to affective self-expression.

For applied linguistics and language pedagogy, these findings underscore the necessity of integrating digital discourse and media-informed lexical instruction into contemporary curricula. Traditional vocabulary acquisition models, prioritizing static lexical inventories and prescriptive registers, are increasingly misaligned with the pragmatic demands of authentic communication. Educators must equip learners with meta-linguistic awareness of slang lifecycle, semantic shift mechanisms, and platform-specific pragmatic norms to foster both communicative competence and cultural literacy.

Future research should prioritize longitudinal corpus analysis of cross-platform lexical diffusion, investigate the role of AI-generated content in slang standardization, and examine how transnational digital communities negotiate lexical ownership in decentralized linguistic ecosystems. As English continues to evolve across academic, professional, and digital domains, understanding the sociolinguistic architecture of informal lexis remains essential for navigating contemporary global communication.

References

1. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 312 p. – ISBN 978-0-521-67203-4. – Текст : электронный.

2. Light, R. Slang and social identity: the pragmatics of informal speech in contemporary English / R. Light // Journal of Sociolinguistics. – 2020. – Vol. 24, Iss. 3. – P. 312-335. – DOI: 10.1111/josl.12418. – Текст : электронный.

3. Tagliamonte, S. Digital discourse and lexical innovation: corpus perspectives on online language change / S. Tagliamonte // Language Variation and Change. – 2021. – Vol. 33, Iss. 2. – P. 189-214. – DOI: 10.1017/S0954394521000127. – Текст : электронный.

4. Bell, A. Media linguistics: television discourse and the construction of social identity / A. Bell. – London : Routledge, 2019. – 248 p. – ISBN 978-1-138-63214-5. – Текст : электронный.

5. McCulloch, G. Because internet: understanding the new rules of language / G. McCulloch. – New York : Riverhead Books, 2019. – 272 p. – ISBN 978-0-525-53652-8. – Текст : электронный.

6. Adams, M. Slang: the people's poetry / M. Adams. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 256 p. – ISBN 978-0-19-537048-0. – Текст : электронный.

А. О. ИЛЬИНА, Н. В. МИКЛАШЕВИЧ

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

АНГЛИЙСКИЙ СЛЕНГ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА (НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛОВ И TIKTOK)

В статье исследуется функционирование английского сленга и неформальной лексики в цифровом и телевизионном медиадискурсе. На материале сериалов «Беверли-Хиллз, 90210» (1990–2000), «Отчаянные домохозяйки» (2004–2012) и платформы TikTok анализируются механизмы сленгообразования, семантические сдвиги и социокультурные функции неформальной лексики. Демонстрируется, что переход от аналоговых медиа к алгоритмическим платформам ускорил лексическую динамику, сместив фокус с социальной стратификации на эмоциональную самореференцию и виральную коммуникацию.

английский сленг, неформальная лексика, TikTok, телевизионный дискурс, семантический сдвиг, медиалингвистика, цифровая коммуникация, социолингвистика

Ильина Алина Олеговна – студентка группы АРХ-49 «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: английский язык, межкультурная коммуникация.

Миклашевич Нина Васильевна – к.п.н., доцент кафедры иностранных языков и педагогики высшей школы «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: методика преподавания иностранных языков, лингвокультурологический подход в обучении иностранному языку, геймификация.

Ilyina Alina – student of ARCH-49 group, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: English language, intercultural communication.

Miklashevich Nina – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Higher Education Pedagogy, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” – Branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: foreign language, linguocultural approach in language education.

УДК. 811.26

О. А. КРИНИЦКАЯ

Государственное автономное образовательное учреждение
города Севастополя «Институт развития образования», г. Севастополь, РФ

ВЛИЯНИЕ У. ШЕКСПИРА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Данная работа посвящена изучению и анализу влияния творчества Уильяма Шекспира на словарный состав английского языка. Мы обращаемся к известным произведениям У. Шекспира, а также к исследованиям выдающихся литературоведов и филологов в данной области. В работе рассмотрены несколько гипотез истинного существования великого драматурга и его степени влияния на английский язык.

словарный состав современного английского языка, творчество У. Шекспира, шекспиризмы, идиомы, фразеологизмы, окказионализмы.

Непосредственными прародителями английского народа являются германские племена саксов, ютов, англов и фризов, которые проникли на территорию Британии в 449 году. Так как по численности эти племена намного превосходили кельтские, то постепенно англосаксонское наречие полностью вытеснило кельтское наречие из употребления.

Благодаря англосаксонским племенам в английском языке появились многие названия географических объектов, сохранившиеся до наших дней. Такие слова, как «butter», «pound», “cheese”, “alum”, “silk”, “inch”, “chalk”, “mile”, “mint” имеют общегерманские корни, заимствованные из латыни. Слово «Saturday» расшифровывается как «день Сатурна» – отца бога Юпитера в древнеримской мифологии.

В середине XI века жители северной Франции завоевывают Британию. Королем становится Вильгельм Завоеватель, по происхождению норманн. С этого времени в истории народа начинается эпоха трех языков. Языком аристократии стал французский, языком науки оставалась латынь, а простой народ продолжал говорить на англосаксонском. Именно смешение этих трех языков и дало начало образованию современного английского языка.

Основоположником английского литературного языка по праву считают великого драматурга Уильяма Шекспира. Он подарил миру 36 пьес, 4 поэмы, 154 сонета – и это только сохранившая часть литературного наследия национального поэта Англии [1, с. 57].

Любое новое явление или появившийся предмет приобретает свое название, которое, в свою очередь, пополняет словарный состав того или иного языка. Однако существует немало и других источников расширения лексикона. Шекспир является автором около 1700 слов и выражений. Для их создания драматург обращал существительные в глаголы, глаголы – в

прилагательные, соединял несколько слов в одно, которые ранее никогда не использовались вместе, а также прибавлял приставки, суффиксы к словам, использовал заимствования и придумывал совершенно новые слова [7].

Шекспир жил в XVI-XVII веках, однако, идеи, заложенные в его произведения, актуальны и в наше время, его пьесы переведены на все основные языки, а их постановки выходят чаще, чем постановки пьес других драматургов [5, с. 408].

Именно Уильяму Шекспиру принадлежит немало идиом, актуальных и в нынешнее время. Драматург подарил миру тот английский, на котором говорит весь мир: и слово «fashionable» (модный), и выражение «The world's mine oyster» (мир у моих ног) [2, с. 100].

Газета «Independent» напоминает, что человек, говорящий по-английски, даже если не читает Шекспира, буквально каждый день использует изобретенные им слова и выражения. Это, например, восклицание «Ради всего святого!», оборот «скатертью дорога», слова «одинокий» и «модный» [7].

У. Шекспир затрагивал все аспекты языка: грамматику, пунктуацию, орфографию, лексику. По мнению британского лингвиста Д. Кристалла, У. Шекспир оказал влияние на ранний современный английский язык, который отличается от английского языка наших дней примерно на 5%.

Существуют причины, по которым окказионализмы У. Шекспира вошли в английский язык и прочно заняли свое место в нем. У. Шекспир затрагивал самые разные области жизни, почти не используя узких терминов, которые были бы понятны лишь интеллектуальной элите. Драматург больше склонялся к употреблению таких слов, которые были бы понятны большинству людей. В то время, когда жил У. Шекспир, театр являлся самым популярным местом развлечения и был доступен как богатым, так и бедным людям [3].

Д. Кристалл называет слова, созданные У. Шекспиром, термином «williamisms», что в русском языке имеет литературный аналогичный термин «шекспиризм». Д. Кристалл объясняет понятие «williamisms» как словотворчество Шекспира» («Shakespeare's lexical creativity»; «In every sense» by D. Crystal) [7].

В сравнении с творчеством многих литераторов лексика, использованная У. Шекспиром, насчитывает меньше слов. Однако особенность наблюдается в том, что драматург использовал одни и те же слова в разных контекстах, и с разной семантикой [7].

Отечественный лингвист М. М. Морозов обращается к слову «free» и выделяет такие его значения, как свободный, независимый, добровольный, готовый что-либо сделать, откровенный, несдержанный, щедрый, здоровый, счастливый, беззаботный, невинный, безвредный, благородный, изящный и пр. В эпоху, когда жил Шекспир, английский литературный язык находился еще на начальном этапе становления.

Другой прием, к которому часто прибегал У. Шекспир – это прибавление к словам суффиксов, окончаний и приставок. Так, при помощи приставок “un”, “out” были получены слова “uncomfortable” (неудобный), “outbreak” (начало), “outlaw” (преступник) и многие другие.

Более ста идиом, использующихся сегодня в англоязычной речи, были созданы У. Шекспиром. Достаточно известны такие выражения, как: “for goodness’ sake” – «ради Бога» *(*“Henry VIII”*);* “live long day” – «целый день; день денской» *(*“Julius Caesar”*);* “love is blind” – «любовь слепа» *(“*The Merchant of Venice”*),* “set my teeth on edge” – «действовать на нервы» (“Henry IV”). [2, с. 101].

В английском языке прослеживается интересная тенденция перефразирования фразеологизмов У. Шекспира. К примеру, знаменитая фраза из трагедии «Гамлет» “to be or not to be: that is the question…” («быть или не быть: вот в чем вопрос…») часто видоизменяется и по аналогии с ней возникает множество новых выражений в различных сферах употребления. Например, Бен Эррера, мексиканский блоггер, опубликовал на своем сайте статью под названием “To diet or not to diet, that is the question” («Сидеть или не сидеть на диете, вот в чем вопрос») [6].

Британский лингвист М. Макрон, рассматривая фразеологизмы У. Шекспира, обнаружил неожиданным, что некоторые выражения, созданные У. Шекспиром, потеряли свое первоначальное значение. Таким является, к примеру, выражение “sweets to the sweet”, которое воспринимается как нечто, относящееся к теме любви. Но изначально этот фразеологизм был использован в «Гамлете», при помощи которого У. Шекспир описывал похоронные цветы. Другая фраза “in my heart of hearts” в оригинале звучала как “in my heart of heart” в трагедии «Гамлет» [4].

Но нет никаких доказательств того, что автором всех этих 1700 лексических единиц был У. Шекспир. Бесспорно лишь то, что именно У. Шекспир был первым, кто зафиксировал эти слова на бумаге. Имеются предположения, что драматург слышал и узнавал новые слова от своих современников и эти лексические единицы на тот момент были в широком использовании. Среди таких выражений выделяют: “all that glisters (glistens) is not gold” (не все то золото, что блестит), “(to) give the devil his due” (отдавать должное и чёрту), “to play fast and loose” (действовать безответственно), “laughing stock” (посмешище), “out of the question” (не может быть и речи) и др. [1, с. 506].

Мы считаем, что творчество Уильяма Шекспира оказало значительное влияние на современный английский язык. Показателем самого большого достижения У. Шекспира является то, что его окказионализмы характерны не только для высокопарной поэзии, а стали

использоваться повсеместно, в том числе в разговорном английском языке, что подтверждает доступность творчества У. Шекспира для всех слоев населения [1, с. 347].

Критическая литература по пьесам и поэзии Шекспира столь же неисчерпаема, как и его наследие. При этом они столь же разнолики и неоднозначны. Несмотря на то, что гениальность Шекспира давно признана, существуют резко отрицательные отзывы о нём. Так, например, Л. Н. Толстой в своём очерке «О Шекспире и о драме» выражает крайне негативное отношение к произведениям драматурга, подробно основывая при этом своё мнение. Прославился резкими высказываниями в адрес творчества Шекспира и Вольтер, считавший манеру английского драматурга варварской.

Отрицательную оценку произведениям Шекспира давали и его современники, но это явление нельзя назвать тенденцией. Примечательно, что соперник Шекспира Бен Джонсон вопреки ожиданиям большей частью хвалил сочинения Шекспира [7].

Английская критика времён романтизма отличается восторженными настроениями в отношении Шекспира. Такие видные представители английской литературы, как В. Скотт, Дж. Китс, С.Т. Кольридж и другие писатели всячески подчёркивали гениальность их предшественника, считали его своим учителем и творческим ориентиром. В дальнейшем восторг английской критики лишь увеличивался, а имя Шекспира стало культовым [5, с. 17].

Исторически сложилось мнение, что Уильям Шекспир оказал огромное влияние на английский язык, обогатив его множеством новых выражений. Однако некоторые исследователи подозревают, что многие из них приписываются знаменитому драматургу незаслуженно.

Учёный Дэвид Макиннис из университета Мельбурна заявил, что многие фразы, которые сегодня считаются шекспировскими, на самом деле появились и активно использовались задолго до рождения знаменитого классика. При этом предполагается, что некоторые из них не пользовались особой популярностью у населения и стали известными именно благодаря Шекспиру [3].

Всего же Макиннис уверенно ставит под сомнение порядка 1500 выражений из 33 000, приписываемых Шекспиру. И это только те, по поводу которых есть доказательства. На самом же деле их количество может быть значительно больше. Учёный считает, что главной причиной такого отношения к Шекспиру стали первые создатели Оксфордского словаря, которые слишком уж любили произведения классика и приписывали им то, чего в них изначально не было [3].

Конечно же, Макиннис не стремится принизить славу Шекспира. Цель учёного – переосмыслить значение трудов великого драматурга, показать, что английский язык отличался богатством ещё до появления легендарных пьес.

Сбросить Уильяма Шекспира с пьедестала лидера мировой литературы ещё не удалось никому. На сборниках произведений, на театральных афишах по-прежнему стоит всё то же знакомое миллионам имя.

Уильям Шекспир по праву занимает место выдающегося драматурга всех времён и народов. Благодаря его творчеству литература вышла на новый виток развития, поскольку именно Шекспир показал человечеству, что героев произведений можно изображать во всестороннем развитии, а не только какой-то одной гранью, как это было раньше.

Уильям Шекспир умел придавать своим глубоким мыслям совершенную окантовку, потому его пьесы и сейчас являются эталонными. Язык его произведений удивительно богат и разнообразен; способен передавать полярные оттенки: от смешного до трагичного; от возвышенного до прозы. Слова и выражения, придуманные поэтом, имеют огромное значение для развития английского языка. Они обогатили и разнообразили английский язык, на основании возникали новые лексические единицы и формы.

Употребление шекспиризмов в произведениях классиков не утратило своей актуальности в современном мире благодаря богатому и выразительному языку. Людям, изучающим английский язык, следует обязательно обращаться к произведениям великого автора, чтобы обогащать свой словарный запас. Употребление многих фразеологизмов невозможно без изучения их в контексте произведений У. Шекспира.

Творчество У. Шекспира – это богатейший пласт мировой культуры, который нашел признание в различных странах. Речь У. Шекспира в наши дни играет важную роль в обществе: некоторые идиомы, придуманные автором, изменили форму, но смысл, который в них заложен, остался прежним, это свидетельствует о лингвистической гениальности великого писателя и о его огромной популярности. Шекспиризмы являются украшением английского языка, превращая английский язык в более яркий, образный и самобытный.

Литература

1. Акройд, П. Шекспир. Биография/ П. Акройд. – М. : Колибри, 2010. – 752 с.
2. Захаров, Н. В., Луков, В. А. Шекспир и шекспиризм в России / Н. В. Захаров, В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение, 2009. – №1. – С. 98-106.
3. Морозо,в М. М. Язык и стиль Шекспира [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.philology.ru/literature3/morozov-54a.htm#1, свободный.
4. Шекспир, У. Комедии / У. Шекспир. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 512 с.
5. Шекспир, У. Трагедии / У. Шекспир. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 672 с.

6. Herrera, Ben. To diet or not to diet, that is the question [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://whatscookingmexico.com/2008/02/26/to-diet-or-not-to-diet-that-is-the-question/, свободный.

7. Mabillard, Amanda. Words Shakespeare Invented. Shakespeare Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.shakespeare-online.com/biography/wordsinvented.html, свободный.

O. KRINITSKAYA

State Autonomous Educational Institution of Professional Education of Sevastopol

"Institute of Educational Development"

THE INFLUENCE OF W. SHAKESPEARE ON THE ENGLISH LANGUAGE

This article is dedicated to the study and analysis of William Shakespeare's influence on the English vocabulary. We analyzed well-known Shakespeare’s works and some researches of prominent literary scholars and philologists. The work explores several hypotheses about true existence of the great playwright and his impact on the English language.

vocabulary of the modern English language, works by W. Shakespeare, shakespeareanisms, idioms, phraseological units, occasionalisms.

Криницкая Оксана Александровна – преподаватель Государственного автономного образовательного учреждения города Севастополя «Институт развития образования». Научные интересы: морфология английского языка, прецедентный текст, межкультурная коммуникация.

Krinitskaya Oksana– teacher of the State Autonomous Educational Institution of Professional Education of Sevastopol “Institute of Educational Development”. Scientific interests: morphology of English language, precedent text, intercultural communication.

УДК 372.881.1

А. А. КУЛИЕВА, М. С. ГВОЗДЕВА

Петрозаводский государственный университет, институт иностранных языков, г. Петрозаводск, РФ (Республика Карелия)

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

В статье представлены результаты теоретического анализа развития эмоционального интеллекта у детей младшего возраста, психологические особенности младшего школьного возраста и дано описание личностно-ориентированного подхода в обучении. Разработаны практические рекомендации для развития эмоционального интеллекта у детей младшего возраста на уроках английского языка, эмпирическая проверка которых составит предмет дальнейшего исследования.

эмоциональный интеллект, психологические особенности детей, личностно-ориентированный подход, младшие школьники

В контексте современного российского образования, ориентированного на личностное развитие обучающихся и формирование универсальных компетенций, выбор теоретической модели эмоционального интеллекта (EQ) приобретает не только академическое, но и практико-ориентированное значение. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) выделяет личностные и метапредметные результаты в качестве приоритетных, среди которых коммуникативные, регулятивные универсальные учебные действия, а также социальные компетенции занимают главное место. Данные требования во многом пересекаются с понятием «soft skills» (гибкие навыки), которое рассматривается современной педагогической наукой как комплекс умений универсального характера, тесно связанных с личностными качествами и эффективным взаимодействием с окружающими.

На фоне запроса общества на психоэмоциональное здоровье детей роль школьного учителя неизбежно меняется - он перестает просто давать знания, помимо этого он становится ученикам другом (в рамках социальных норм), проводником, фасилитатором, помощником. Принятие новой роли требует и соответствующей организации учебного процесса. Наряду с объяснением учебного материала современный учитель делает упор на чувства и эмоции учеников, развивает у них эмпатию друг к другу, владеет диагностикой и старается выявлять у учеников проблему личного или учебного характера, конфликты с одноклассниками или

негативные эмоции. В трудных ситуациях оказывает ученикам поддержку с «экологичным» проживанием эмоций, то есть развивает их эмоциональный интеллект – «умение распознавать свои и чужие эмоции и управлять ими» [1].

В связи с этим появляется проблема: с одной стороны, возникает объективная необходимость формировать гибкие навыки, включающие развитие эмоционального интеллекта, с другой стороны, дополнительные часы в учебном плане на это не предусмотрены. Разрешению данного противоречия и посвящено наше исследование, в рамках которого мы предлагаем интегрировать управление эмоциями в уроки, в нашем случае - в уроки английского языка, где будут достигнуты две цели: языковая и психологическая. Включая в уроки английского языковой материал на тему “эмоции” и конструируя разные ситуации, выполняя специально подобранные задания и упражнения в рамках личностно-ориентированного подхода, возможно добиться поставленных целей. Далее в статье мы рассмотрим понятия “эмоциональный интеллект”, “личностно-ориентированный подход”, изучим психологические особенности младшего школьного возраста и их основные положения, представим приемы, которые помогут добиться предметных и личностных результатов.

Исследования подтверждают фундаментальную роль эмоций в развитии поведения, принятии решений и социализации детей. Более того, данные свидетельствуют, что обучение детей управлению своими эмоциями способствует не только созданию более гармоничной школьной среды, но и улучшает их учебные результаты. Этим и объясняется повышенный интерес к проблематике эмоционального интеллекта в современной педагогической психологии, в особенности применительно к младшему школьному возрасту.

В современной психологической науке ключевая теоретическая дискуссия разворачивается между принципиально разными подходами к определению природы и структуры эмоционального интеллекта. В модели Майера – Сэловея – Карузо эмоциональный интеллект определяется как способность (ability EI), в то время как модель К.Петридеса и А.Фернхема рассматривает эмоциональный интеллект как черту личности (trait EI). Д.Гоулман и Бар-Он предлагают смешанные модели, а отечественный исследователь Д.В. Люсин вводит особую двухкомпонентную модель [2]. Модель Гоулмана, в отличие от модели Майера-Сэловея-Карузо, не ограничивается когнитивной составляющей, а включает мотивационный и поведенческий компоненты, что делает её операциональной для педагогической практики. В отличие от модели Бар-Она, она более органично встраивается в существующую систему личностных и метапредметных результатов, не требуя отдельного психологического сопровождения. Даже культурно адаптированная для российской выборки и предлагающая версии опросника для детей и подростков, отечественная модель Д.В. Люсина проигрывает

модели Гоулмана, так как в основе опросника Д. В Люсина лежит метод самооценки, который у школьников младше 10 лет не применяется из-за несформированности рефлексии и зависимости от оценки взрослых. Анализ существующих моделей EQ позволяет утверждать, что наиболее органично ценностям личностно-ориентированного подхода и требованиям ФГОС НОО к личностным образовательным результатам соответствует смешанная модель эмоционального интеллекта, предложенная Дэниелом Гоулманом Д. Гоулман определяет эмоциональный интеллект как “способность понимать свои и чужие эмоции, управлять ими и использовать для решения задач” [3]. Эмоциональный интеллект является компонентом мягких навыков (soft skills), требуемых в любой сфере жизни. Что же касается младшего школьного возраста, эмоциональный интеллект 7–10-летнего школьника представляет собой интегративное свойство личности, включающее в себя выявление, понимание и использование эмоционального контекста, происходящего, его выражение и регулирование на основе эмоциональной оценки событий [4].

Д. Гоулман выделяет 5 уровней эмоционального интеллекта:

1) самосознание (знание своих внутренних состояний, предпочтений, возможностей);

2) саморегуляция (умение справляться со своими внутренними состояниями и побуждениями);

3) мотивация (эмоциональные склонности, которые направляют или облегчают достижение целей);

4) эмпатия (осознание чувств, потребностей и забот других людей);

5) социальные навыки (искусство вызывать у других желательную для вас реакцию [3].

Значимость эмоционального интеллекта отражается в его взаимосвязи между текущим эмоциональным настроем, основополагающими чертами характера и духовными установками человека. Детей можно научить этим умениям, предоставляя им перспективу распорядиться своим интеллектуальным потенциалом эффективнее [3].

Далее перейдем к *личностно-ориентированному подходу*, как педагогическому контексту, способствующему развитию эмоционального интеллекта. Личностно-ориентированный подход в образовании, согласно работам К. Роджерса, И. С. Якиманской, В. В. Серикова и других, предполагает признание уникальности каждого обучающегося, создание оптимальных условий для саморазвития, самореализации, самопроявления обучающегося, а также организацию образовательного процесса как субъект-субъектного взаимодействия. Л. М. Мусина утверждает, что личностно-ориентированный подход

направлен на развитие личностного потенциала каждого ученика, на полноценное развитие всех сторон его личности и субъектности в процессе социализации [5].

Аспекты личностно-ориентированного подхода, которые выделяет Т. В. Шех [6], а именно фокус на самостоятельной работе ученика и его собственные открытия, работа учителя с каждым учеником и учет его индивидуальных способностей, стимуляция активности каждого ученика, предоставление выбора тем уроков, объема, сложности и формы домашнего задания ученикам, организация учителем дискуссий, обмена опытом, совместная деятельность учеников прекрасно дополняют приемы для развития эмоционального развития школьников, так как при таком подходе дети чувствуют свою значимость и учатся выбирать, работать в команде, слышать свои потребности и желания. Мы можем проследить явную связь между преимуществами личностно-ориентированного подхода (ЛОП), выявленными Т. В. Шех, и уровнями эмоционального интеллекта по Гоулману. Представим данные связи в таблице 1:

Таблица 1. Связи между компонентами эмоционального интеллекта и преимуществами личностно-ориентированного подхода

Уровни EQ	Преимущества ЛОП
● Самосознание	● Умение смотреть на себя изнутри и извне. ● Формирование собственных идей и представлений. ● Определение собственной позиции, ориентация отношениях и ценностях.
● Саморегуляция	● Умение преодолевать собственные эмоциональные барьеры. ● Управление собой через осознанное отношение к учебным и жизненным ситуациям.
● Социальные навыки и эмпатия	● Продуктивное общение и иноязычная культура.
● Мотивация	● Овладение новыми способами и стратегиями действий в различных видах деятельности. ● Стимулирование ученика к совершению осознанных поступков.

	● Целеполагание и достижение множественных целей.

Таким образом, очевидно, что личностно-ориентированный подход является оптимальной рамкой для достижения целей в отношении роста эмоционального интеллекта обучающихся. Мы исходим из предположения о том, что при активном использовании различных приемов, направленных на повышение уровня EQ, результаты будут высокими. Данные приемы мы предложим в практических рекомендациях.

Далее следует перейти к *психологическим особенностям детей младшего школьного возраста.* Когда ребенок идет в первый класс, вид его деятельности с игровой на учебную меняется не сразу, а постепенно, поэтому в самом начале пути ребенок еще не готов к длительному напряжению внимания на уроках. Чтобы ребенку было интересно и нетрудно учиться, важно разбавлять учебную деятельность дидактическими, развивающими, подвижными и ролевыми играми. Это позволит мягко адаптировать ребенка к учебному виду деятельности, повысит его мотивацию к учению и познанию, окажет положительный эффект на эмоциональное состояние и будет способствовать социально-коммуникативному развитию детей [7].

Рассмотрим эмоциональную сферу младших школьников. Младший школьник проживает широкую палитру чувств: страх, грусть, скука, разочарование, агрессия, радость, удивления и так далее. Учебная деятельность влияет на изменения эмоционального фона ребенка, так как ребенок проживает как успехи, так и неудачи, он учится коммуникации с учителями и сверстниками, и это все влияет на его психоэмоциональное развитие. У младших школьников еще недостаточно развиты самосознание и эмпатия, они могут неверно интерпретировать позы, жесты, мимику тех или иных эмоций. Учителя требуют быть дисциплинированными, ответственными, организованными, и это приводит к постепенному сдерживанию и контролированию своих эмоций и поведения. Уже с 1 класса дети начинают сдерживать свои негативные эмоции, преодолевать сильное волнение, учатся подчиняться требованиям учителя [7].

Научно доказано, что эмоциональное состояние отражается на развитии познавательных процессов. Эти процессы протекают быстрее и успешнее на фоне положительного эмоционального фона ребенка и способствует повышению его мотивации. В то же время тревожность, страхи, отрицательное эмоциональное состояние снижают интерес к процессу обучения. Тревожность младших школьников может быть вызвана различными факторами: учебными перегрузками, конфликтными ситуациями со сверстниками, неуспеваемостью, давлением со стороны родителей. Именно поэтому родителям детей с повышенной

тревожностью рекомендуется больше общаться со своим ребенком, помогать осознавать свои чувства и эмоции, поддерживать тактильный контакт, проявлять заботу, не использовать резких фраз в отношении ребенка, давать ему свободу выбор, позволять ему чувствовать свою значимость, хвалить за старания, а не только за результат [7].

В наше время у детей часто повышена тревожность, они очень вспыльчивы и уязвимы в силу различных обстоятельств, поэтому можно сделать вывод, что данный возраст – наиболее подходящий для развития эмоционального интеллекта. Он не только прекрасно подходит для этой цели, но и требует консолидации системной работы в данном направлении со стороны родителей и учителей. Чем раньше ребенок научится осознавать свои чувства и эмоции и проявлять эмпатию к людям, тем эффективнее у него будет идти учебный процесс, снизится вероятность развития тревожности, будет меньше возникать конфликтных ситуаций со сверстниками и учителями, а эмоциональный фон в целом будет благополучным.

Личностно-ориентированный подход в методике обучения иностранным языкам обоснован в трудах И.Л. Бим, Н.Д. Гальсковой, Е.Н. Соловоой, З.Н. Никитенко и других. Исследователи-методисты отмечают потенциал предмета «Иностранный язык» в создании условий для самосознания, саморазвития и самовыражения. Как уже упоминалось, уроки английского языка позволяют внедрить в себя приемы развития эмоционального интеллекта без увеличения учебной нагрузки, а также с двойной пользой – ведь языковой материал также изучается, и у детей формируется иноязычная коммуникативная компетенция. Ниже мы представим рекомендации практикующих психологов [8] по повышению эмоционального интеллекта и покажем, как можно им следовать посредством упражнений на уроке английского языка:

Таблица 2. Практические рекомендации и упражнения для повышения эмоционального интеллекта

Рекомендации	Упражнения на уроках английского
Наблюдать за своими чувствами	1. Выбрать картинку, которая отражает настроение ребенка и по-английски ответить почему выбрана эта картинка и какова причина отмеченных чувств. 2. Заполнять дневник эмоций в начале и конце урока.
Обращать внимание на свое поведение	1. Учитель называет эмоцию на английском языке, дети замирают в позе, соответствующей этой эмоции, а

	потом объясняют, почему на их взгляд эта эмоция выглядит именно так. 2. Разыграть разные виды эмоций в сценках на английском языке.
Брать на себя ответственность за свое поведение	1. Сидя в кругу обсудить, как можно справляться с негативными эмоциями (грусть, гнев, страх и т.д.). 2. Нарисовать и подписать по-английски карточку-напоминание как действовать, когда испытываешь негативные эмоции.
Учиться менять немедленную бессознательную реакцию на осознанное реагирование	1. Учиться дышать под слова учителя (breathe in, breathe out). 2. Прежде, чем дать первую реакцию, сказать себе (breath in, breathe out), а потом дать осознанный ответ.
Практиковать эмпатию по отношению к себе и другим людям	1. Говорить фразы-поддержки на английском (Don’t worry, Be calm, Try again, I’m proud of you, You’re doing well). 2. End the story – учитель читает историю о грустной рыбке (по-английски), а после дети говорят, почему она себя так чувствует и как они могут ей помочь преодолеть негативные эмоции.
Создавать позитивную атмосферу вокруг себя (замечать больше хорошего, чем плохого)	1. В начале/конце урока дети на английском говорят 1-3 хорошие вещи, которые произошли с ними вчера/сегодня. 2. Делать комплименты и поддерживать своих одноклассников словами You’re brave! I’m happy to be friends with you! и т.д.

В перспективе исследования мы планируем определить конкретную выборку и провести диагностику уровня эмоционального интеллекта младших школьников, выявив наиболее адекватный инструментарий, укрепить связь между предметным содержанием уроков английского языка и развитием эмоционального интеллекта, разработав дифференцированный банк упражнений и приемов с критериями эффективности.

Проанализировав литературу по теме, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Эмоциональный интеллект, понимаемый как способность распознавать и управлять своими и чужими эмоциями, становится первостепенным инструментом для достижения личностных и метапредметных результатов. Для человека существенно важно иметь высокую способность понимать свои чувства и эмоции, управлять ими, а также проявлять эмпатию к другим людям. Необходимо развивать эмоциональный интеллект с раннего возраста.

2. Личностно-ориентированный подход является важнейшим условием повышения EQ детей, так как именно он направлен на каждую личность в отдельности и помогает детям чувствовать себя важными и услышанными.

3. При развитии эмоционального интеллекта важно учитывать психологические особенности младшего школьного возраста. Именно в этот период дети очень пластичны, и легко поддаются разным активностям, которые могут повысить их способность к самосознанию, саморегуляции и эмпатии.

4. Развитие EQ на уроках английского языка потенциально способствует формированию всех образовательных результатов: предметного, метапредметного и личностного. Мы предоставили в статье несколько упражнений для урока английского языка, которые можно интегрировать в любую тему урока.

Литература

1. Петрова, И. К., Трофимова, В. В., Яковлева, И. В. Эмоциональный интеллект ребенка / рец. Р. А. Кутанова. – [Москва] : [б.и.], 2020. – 36 с. URL: https://interactive-plus.ru/e-publications/e-publication-718.pdf#page=37 (дата обращения: 07.04.2026).

2. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 29–36.

3. Коулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше чем IQ / Д. Коулман ; пер. с англ. А. Исаевой. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 581 с. URL: https://www.litres.ru/book/deniel-goulman/emocionalnyy-intellekt-pochemu-on-mozhet-znachit-bolshe-che-5024477/ (дата обращения: 07.04.2026).

4. Варданян, Ю. В. Исследование эмоционального интеллекта и коммуникативости младших школьников / Ю. В. Варданян, Н. А. Вдовина, А. А. Семенюк // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 5. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN522.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

5. Мусина, Л. М. Личностно-ориентированные подходы в обучении / Л. М. Мусина // Педагогикалық ғылым және практика. Педагогическая наука и практика. – 2021. – №2 (32). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-orientirovannye-podhody-v-obuchenii/viewer (дата обращения: 17.06.2025).

6. Шех, Т. В. Личностно-ориентированный подход в обучении школьников иностранному языку / Т. В. Шех // Концепт. – 2011. – №2 квартал 2011 (апрель-июнь) (02). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-orientirovannyy-podhod-v-obuchenii-shkolnikov-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 17.06.2025).

7. Ветренко, С. В. Психология младших школьников : учебник для среднего профессионального образования / С. В. Ветренко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 159 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-19977-2. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/589418 (дата обращения: 10.04.2026).

8. Braime, H. 7 Practical Ways To Improve Your Emotional Intelligence. Текст : электронный // [официальный сайт]. – https://skillfolio.ru/softskills URL: https://www.lifehack.org/articles/communication/7-practical-ways-improve-your-emotional-intelligence.html (дата обращения: 22.04.2021).

A. KULIEVA, M. GVOZDEVA

Petrozavodsk State University, Institute of Foreign Languages

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF ELEMENTARY SCHOOL STUDENTS DURING ENGLISH LESSONS WITHIN THE SELF-CENTERED EDUCATION

The article examines the theoretical foundations of emotional intelligence in young children, explores the psychological characteristics of primary school age, and provides a description of the learner-centered approach in education. The paper presents practical recommendations for the development of emotional intelligence of young learners during English language lessons. The empirical testing of the recommendations is the subject of the further research.

emotional intelligence, psychological characteristics of children, self-centered approach, primary school pupils

Кулиева Анна Абулфатовна – учитель английского и немецкого языков, магистрант группы 115-ОЗМ Петрозаводского государственного университета, института иностранных языков. Направление – инновационные стратегии и технологии иноязычного образования. Область научных интересов: иностранные языки, межкультурная коммуникация, личностно-ориентированный подход, психология.

Гвоздева Марина Станиславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка института иностранных языков Петрозаводского государственного университета, начальник управления международной деятельности. Научные интересы: вопросы оценки качества образования, оценивания профессиональной деятельности педагога и образовательных результатов обучающихся.

Anna Kulieva – English and German Teacher, Master's Student, Group 115-OZM, Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk State University. Major – innovative strategies and technologies in foreign language teaching. Scientific interests: foreign languages, intercultural communication, self-centered approach, psychology.

Marina Gvozdeva – PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of English, Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk State University; Head of the Directorate for International Affairs. Research interests: quality assessment in education, evaluation of teachers' professional performance, assessment of students' learning outcomes.

УДК 81.25

С. Р. НЕДБАЙЛИК, П. Ю. ВОДЕЙГО

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

г. Петрозаводск, Россия

PHRASÉOLOGIES AUX COMPOSANTS ZOONYMIQUES EN FRANÇAIS ET RUSSE MODERNES

В данной статье предлагается сравнительный обзор различных типов зоонимических фразеологизмов во французском и русском языках. Результаты проведенного авторами многоаспектного комплексного анализа оригинального материала дают полное основание утверждать, что при всем сходстве исторических традиций формирования, тематические ФЕ двух языков имеют определенные структурно-семантические и лексико-грамматические различия, что объясняется особенностями менталитета и расхождениями в этнокультурных стереотипах их носителей.

фразеологическая единица, зоонимический компонент, значение, качество, животное, образ.

Il est connu que le Russe et Français possedent un grand nombre d`unités phraséologiques (UP) aux composants zoonymiques, dont la signification est corrélée à une personne. Parmi ces unités on peut distinguer trois groupes principaux: 1) les unités, exprimant la valeur de certaines qualités exterieures d'une personne; 2) les unités marquant la valeur de certaines qualités intérieures; 3) les unités marquant la valeur de diverses manifestations psychologiques [7, c.129]. La composition même des noms d'animaux, qui font partie du UF dans les deux langues, est en grande partie similaire. Cela est particulièrement vrai pour la phraséologie, dont l'élément est les zoonymes - noms d'animaux domestiques et sauvages. Ainsi, on ne peut noter que deux zoonymes russes (*Merin, sivka*) et français (*bourriquet-âne, lapin-lapin*) qui n'ont pas de correspondances mutuelles directes dans la phraséologie des deux langues. Ainsi, le zoonyme français *bourrique* désigne la femelle de l'âne, un nom russe *mérin* est un étalon castré, et le nom *sivka* est simplement un cheval de costume sivoy [6, c. 19].

Les différences dans la composition des zoonymes désignant les animaux sauvages sont plus importantes. Ainsi, dans la phraséologie française, il y a des zoonymes: *aigle, caille, carpe, cigogne, hibou, merle, pinson, tourterelle, zébé*, qui n'ont pas de correspondances dans la composition des phraséologies russes. On peut noter la phraséologie française *muet comme une carpe*, qui correspond à l`unité russe *muet comme un poisson*. Cette différence réside dans le fait qu'en français au lieu de la désignation générique (*poisson*), on utilize le nom de l'espèce (*carpe*), c'est-à-dire qu'il n'est associé

qu'à un degré d'abstraction (spécificité) du zoonyme, sur la base duquel la phraséologie est formée. Bien entendu, lors de l'analyse des écarts, il ne faut pas négliger encore un facteur: le choix de l'image d'un animal dans la phraséologie dépend de la position géographique du pays et de ses traditions [1, c. 137]. En particulier, la présence en français d'un nombre important de phraséologies avec le nom *merle* est probablement due à une plus grande importance du merle comme une espèce d`un oiseau dans la culture française. Au même temps, on doit constater que cet oiseau se trouve également en Russie, donc le zoonyme correspondant se trouve également dans la phraséologie russe: *donner un merle* (mauvais chanter ou mal jouer d'un instrument de musique), *donner des merles* (battre quelqu'un, sévir contre quelqu'un), *assez de merles* (fortement refroidir, geler). Cependant, il est impossible de ne pas mentionner le fait que pour la culture française sont extrêmement importants tels phénomènes que le vin et les vignes, tandis que les merles sont pour les vignes les plus dangereux ravageurs [3, c. 105–106].

Il existe un certain nombre de phraséologies russes et françaises, qui sont identiques à la fois en termes de valeurs, que sur le plan lexical de la composition et de la structure syntaxique: *têtu comme un âne / une bourrique – têtu comme un âne, fort comme un bœuf – forte / santé de boeuf, la brebis du bon Dieu, l'agneau de dieu, doux comme un agneau, doux comme un agneau, coq d'Inde – comme les indiens coq*, *muet comme un poisson – muet comme un poisson*, *souple comme une couleuvre – glissante que vraiment*, *fier / orgueilleux comme un paon – important comme un paon*, *rusé comme un renard – rusé comme un renard* []. Quand même, dans certains cas, avec des similitudes externes, il existe de petites différences structurelles. Par exemple, la phraséologie française *gros porc* correspond à l`unité russe *cochon sale*. La différence entre les deux UP réside dans le fait qu'un signe extérieur (sale) est marqué en russe et un autre en français (grande taille, volume), etc. En d'autres termes, en français il y a une indication indirecte de la qualité, c'est-à-dire qu'il est supposé que l'amour de la saleté en tant qu`une qualité inhérente au cochon augmente avec sa taille. Dans une paire de phraseologies: *chien galeux-en colère comme un chien*, la qualité inhérente à une personne, en français n'est pas non plus exprimée extérieurement, et c'est sa différence avec le russe [7, c. 134–135].

On peut également trouver un certain nombre de phraséologismes qui, malgré des différences assez importantes dans la composition lexicale, expriment le même sens ou un sens proche. Considérons les exemples dans lesquels les différences concernent les zoonymes: *méchant comme un âne rouge – méchant comme un chien*, *ne pas planter trois pattes à un canard – poulet ne fait pas de mal*, *merle blanc – corbeau blanc*. Et dans la première paire (*méchant comme un chien rouge – méchant comme un chien*), il s'agit des animaux éloignés les uns des autres. De plus, en russe, il existe une phraséologie similaire, qui, au lieu d'un zoonyme, peut signifier une force impure (*méchante comme un diable*). Dans la deuxième et troisième paires des phraséologies (*ne pas planter trois pattes*

à un canard – poulet ne fait pas de mal, merle blanc – corbeau blanc), les noms d'animaux du même genre et du même type (domestiques et sauvages) sont présentés, mais d'espèces différentes []. Dans l'image du monde, représentée par des phraséologies russes avec des composants-zoonymes, les qualités internes suivantes d'une personne sont révélées:

1) la propension à la ruse, la fraude, les mauvaises actions, l'hypocrisie: *bonne oie, oie décente, oie patte, chien smerdy, loup dans la peau de mouton, serpent sous-marin, serpent tentateur, queue de renard, vieux renard, vieux renard, Gad rampant, larmes de crocodiles, Colorado coléoptère*;

2) l'expérience de la vie, les connaissances ou leur absence: *la sagesse du serpent, le chien mangé, vieux loup, loup gravé, oiseau de tir, tireur moineau, poussin à tête jaune, poussin non abattu*;

3) innocence, innocuité: *agneau de Dieu, agneau innocent, pas de poulet offense, les mouches ne blessent pas/ ne font pas mal, les moustiques ne blessent pas/ne font pas mal*;

4) forces et faiblesses physiologiques: *poulet aveugle, chien renifler, tétras sourd, l'ours sur l'oreille est venu, l'éléphant sur l'oreille est venu*;

5) force et santé ou leur absence: *fort/ sain comme un Taureau comme le bœuf, comme un chien, roulé sivka montagnes russes raides*;

6) futilité: *comme (quoi) de la chèvre, pas de laine, pas de lait, à la retraite chèvres, chèvres*;

7) qualités intellectuelles (évaluation négative uniquement): *poulet cervelle, cervelle de poulet, stupide comme un mérin*;

8) la pauvreté: *pauvre comme une souris / rat de l'église, nu comme un faucon, dans pou de poche sur arcane*;

9) impolitesse: *le bétail est bourré, l'âme du chien* [8, p. 116–147].

En ce qui concerne la phraséologie de la tante paresseuse et de la tante endormie, dans ce cas, il est peu probable de noter l'évidence de la qualité interne. En effet, les qualités indiquées par les adjectives: *somnolent et paresseux* sont liées les unes aux autres, mais ne sont pas identiques, ce qui permet de parler de variations sémantiques. Premièrement, les deux phraséologies contiennent le même zoonyme – *teterya*, Deuxièmement, elles sont construites sur le même modèle, ce qui exclut probablement la possibilité de leur éducation indépendante les unes des autres. Il y a aussi des phraséologismes russes désignant les qualités internes d'une personne, telles que: la bavarderie (*vache botalo*), le manque de caractère (*poulet humide*), l'arrogance, l'importance (*comme un coq indien*), l'ingratitude (*cochon sous le chêne*), l'impureté (*sale comme un cochon*), une forte différence par rapport aux autres (*corbeau blanc*), la persévérance, l'excentricité (*fouetté, hérisson*), la lâcheté (*âme de lièvre*) n'ont même pas de correspondances exemplaires en français [6, c. 16–19].

L'image du monde représentée par les phraséologies françaises est à bien des égards similaires à celle du russe, cependant, elle présente quelques différences. Tout comme dans l'image russe du monde, la phraséologie française ne représente que les capacités intellectuelles avec une évaluation

négative: *âne bâté* (très stupide), *être lourd comme un boeuf* (être dûr), *bête comme une oie* (très stupide), *il n'est pas un aigle* (être une personne ordinaire), *brute épaisse* (une personne très stupide), *cervelle d'oiseau* (une personne avec de mauvais cerveaux). Une caractéristique distinctive de l'image française du monde est une attention particulière à une capacité psychologique, telle que la mémoire, qui est associée aux trois zoonymes: *lapin, lièvre et éléphant*: *avoir une mémoire de lapin* (avoir une mémoire courte), *avoir la mémoire d'éléphant* (avoir une mémoire étonnante; être rancunier), *avoir une mémoire de lièvre* (avoir une mémoire courte et vierge) [4, c. 110–127]. Un rôle important y est joué par des qualités negatives, telles que la grossièreté, la colère, l'agressivité. Ceci est démontré par la série suivante de phraséologismes: *méchant comme un diable rouge* (très méchant), *chien galeux* (très méchant), *quel animal*! (homme très grossier), *cœur de vipère*, *langue de vipère*. Il présente également les qualités personnelles d'une personne comme l'innocence, la simplicité, la naïveté, l'innocuité, la crédulité: *brebis du bon Dieu* (homme doux), *candeur d'agneau* (homme très simple d'esprit), *doux comme un agneau* (homme doux), *oie blanche* (homme naïf), *bonne bête* (homme stupide mais bon), *ne pas casser trois pattes à un canard* (être une personne inoffensive), *crédule comme un mouton* (une personne trop confiante), *gobe-mouches* (une personne-abruti), *gober/attraper les mouches* (être très crédule), *ne pas faire de mal à une mouche* (être inoffensif) [4, c. 107–136].

La spécificité des phraséologismes français réside dans le fait qu'ils représentent non seulement l'innocence comme une qualité positive, ce qui est typique de l'image russe du monde, mais soulignent également les aspects négatifs de ces qualités qui peuvent créer des problèmes dans la vie d'une personne. D'après les exemples donnés, il est clair que dans la phraséologie française, la composition des zoonymes, auxquels les qualités humaines correspondantes sont associées, est plus diversifiée que dans la langue russe. Un sous-groupe particulier est la phraséologie française avec un composant-zoonyme, sémantiquement lié aux relations amoureuses: *il aimait une chèvre coiffée* (il est prêt à prendre soin de chaque femme), *amoureux comme un coq* (homme aimant), *chaud / fameux / sacré lapin* (Lovelace), *chaud comme une caille* (homme ardent, passionné), *chasseur de tourterelles* (paperasse, chercheur aventures amoureuses). Ce domaine est réalisé à l'aide d'images exprimées par les divers zoonymes. Dans ce cas, le zoonyme peut être associé à un sujet de qualité appropriée (*coq, lapin, caille*) ou désigner un objet d'intérêt d'une telle personne (*chèvre, tourterelles*). Une telle multiplicité d'expression témoigne clairement de l'importance de ce sujet pour l'image française du monde, qui est peu représentée dans le monde russe [5, c. 123–156].

La phraséologie française présente également les caractéristiques internes suivant les qualités humaines:

1) suspicion, incapacité à faire confiance à une personne: *un drone de moineau, un drone de zébré, un drone d'oiseau, vilain oiseau* (une personne suspecte);

2) distinction, exclusivité: *merle blanc, rare comme le merle blanc, oiseau rare* (inhabituel, radicalement différent des autres);

3) avarice, avarice, avarice: *ne pas attacher ses chiens avec des saucisses, ce qu'il est rat!, écorcher un pou pour avoir sa peau, être chien avec qn* (être un homme avide);

4) souillure, saleté: *gros porc, sale bête, sale brute, sale comme un pou* (sale, impur);

5) entêtement: *tête comme une âme / une bourrique / une mule, quelle tête de cochon*! (homme très têtu);

6) ruse: *rusé comme un renard, adroit / malin comme un singe, fine mouche* (un homme très rusé);

7) importance, fanfaronnade: *coq d'Inde, fier comme un pou, fier /orgueilleux comme un paon*;

8) nécessité: *avoir un caractère de chien* (avoir un caractère), *vieux hibou* (un homme très fermé et insociable) [2, c.112–145].

En général, à la suite d'une analyse comparative des phraséologies russes et françaises avec des composants - zoonymes, désignant les qualités internes d'une personne, il est possible d'établir à la fois leurs caractéristiques générales et distinctives. Ainsi, les images phraséologiques russes et françaises du monde sont communes à une large représentation de qualités internes telles que: la ruse, l'innocence, la naïveté, l'innocuité, la force, la santé, les capacités intellectuelles, la grossièreté. Dans l'image russe du monde, des qualités telles que: l'expérience de la vie, la force du corps, l'inutilité de l'homme, la pauvreté sont particulièrement notées, dans l'image française du monde – les relations amoureuses, la suspicion, l`exclusivité, la cupidité, l`obstination, la bouffonnerie, la désinvolture.

Литература

1. Бурвинова, Н. Д, Брагина, А. А. Мир животных в мире слов / Н. Д. Бурвинова, А. А. Брагина // Филологические науки. – М., 1996. – №3. – С. 134–148.
2. Гак, В. Г. Французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак. – М., 1963. – 467 с.
3. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков.– М., 1978. – 235 с.
4. Козлова, Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. – М., 2001. – 403 с.
5. Кумлева, Т. М. Самая современная фразеология французского языка / Т. М. Кумлева. – М., 2011. – 178 с.
6. Райхштейн, А. Д. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц / А. Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. – М., 1979.– №4. – С. 16–28.
7. Чернышева, И. И. Фразеология современного французского языка / И. И. Чернышева.– М., 2009. –256 с.

8. Bélyakov, V. I. Dictionnaire russe-français des expressions phraséologiques. – Toulouse : Presses universitaires du Mirail, 2013. - 301 p.

S. NEDBAILIK, P. VODEIGO

Institute of foreign languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Petrozavodsk State University»

PHRASEOLOGY UNITS WITH ZOONYMIC COMPONENTS IN MODERN FRENCH AND RUSSIAN

The present article offers a comparative review of various types of zoonymic phraseology units in French and Russian. The results of the original material complex and multi-aspect analysis carried out by the authors provide full grounds to state that, despite similar historical traditions of formation, thematic phraseology units in the two languages show certain structural, semantic, lexical and grammatical differences, which can be explained by the mentality peculiarities and ethno-cultural stereotypes divergence of their speakers.

phraseology unit, zoonymic component, meaning, quality, animal, image.

Недбайлик Сабина Рудольфовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков ФБГОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: французский, английский языки, теория лингвистики, литературоведение, межкультурная коммуникация.

Водейго Полина Юрьевна – студентка 4 курса Института иностранных языков ФБГОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: французский, английский языки, межкультурная коммуникация, лингвокультурология.

Nedbailik Sabina – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of German and French languages, the Institute of foreign languages, the Federal State Budgetary Educational institution of Higher Education «Petrozavodsk State University». Scientific interests: French and English languages, theory of linguistics, theory of literature, intercultural communication.

Vodeigo Polina – 4-th year student of the Institute of foreign languages, the Federal State Budgetary Educational institution of Higher Education «Petrozavodsk State University». Scientific interests: French and English languages, intercultural communication, linguo-culturology.

УДК 81.25

С. Р. НЕДБАЙЛИК, Н. К. ДМИТРИЕВА

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

г. Петрозаводск, Россия

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ВВОДНО-НАРЕЧНЫХ КОННЕКТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются дискурсно-текстовые коннекторы, или «переходы», вводно-наречного типа как комплексное явление, имеющее множество подтипов и различных функционально-семантических проявлений в современном английском языке. Результаты проведенного в рамках данного исследования комплексного анализа оригинального англоязычного материала дают возможность утверждать широкий функциональный спектр большей части дискурсно-текстовых вводно-наречных коннекторов, имеющих смешанные лексико-грамматические признаки, высокие транспозиционные возможности и мощный трансформационный потенциал.

коннектор, дискурс-текст, союзность, вводно-наречный «переход», функциональная семантика.

Как известно, одной из наиболее актуальных проблем при изучении иностранного языка на продвинутом этапе является приобретение навыков адекватного восприятия сложных и осложненных конструкций и структур различных типов, абсолютно необходимого при чтении и переводе оригинальных письменных дискурс-текстов, что, в свою очередь, тесно связано с вопросом использования и дифференциации тех или иных средств реализации внутритекстовых синтаксических связей. Вполне понятно, что в зависимости от функционально-стилевой принадлежности тех или иных дискурсных фрагментов могут значительно разниться не только количество, но и сам состав используемых средств передачи «союзности» в плане превалирования в нем определенных подвидов, причем эти различия объясняются как спецификой композиции, структурирования, так и степенью логико-смысловой спаянности текстовых единств того или иного жанрового стиля, обусловливающих возможности более или менее широкого варьирования способов передачи синтаксических отношений, а, соответственно, и контекстуальной синонимизации разнотипных языковых единиц [3, с. 119]. Нетрудно предположить, что эти тенденции проявляются особенно ярко и отчетливо в тех речевых высказываниях, которые характеризуются повышенной четкостью преподнесения материала, логичностью его изложения, информационной насыщенностью, а это, как известно, является насущной необходимостью, прежде всего, в стилях научной и официально-деловой прозы. Именно укрупненность их сегментации, четкая линейная выстроенность, единство композиционного рисунка диктуют необходимость постоянного и

углубленного использования в качестве синтаксических «скрепов» языковых единиц той или иной степени лексичности семантики для обслуживания разноаспектных межсентенциальных, межабзацных синтаксических связей, малоупотребительных или вовсе неупотребительных на сентенциальном уровне, равно как и для их узуализации [7, p. 184]. Такие элементы, известные в коммуникативной прагматике под названием «переходов» («transitions»), включают: 1) чисто грамматические; 2) лексико-грамматические; 3) лексические средства, выстраивающие «мостки» между предложениями, фразами, синтагмами, СФЕ. Вполне очевидно, что к первой группе относятся, прежде всего, глагольные связки, союзы, предлоги, различные параллельные конструкции и т.д., ко второй - отнаречные и вводно-модальные конъюнктиваты, части сложных предложений, речения, целые предикативные единицы и т.д., к третьей же – различные повторы, синонимы, паронимы, гиперонимы и т.д. Кроме того, вследствие множественности одновременно выражаемых при соединении самостоятельных предложений, абзацев, сверхфразовых единств смысловых оттенков и акцентов широкое применение могут находить и различные комбинаторные объединения, цепочки средств связи, такие как: союз + союзное наречие, союзное наречие + союзное наречие, союзное наречие + вводное сочетание, часть сложноподчиненного предложения + союзное наречие и т.д. [2, с. 167].

Естественно, что особый интерес для коммуникативно-прагматических исследований представляют в этой связи элементы второй из трех вышеупомянутых групп коннекторов как явные «сигналы синсемантии», указывающие на так называемый «левый» синтаксический контекст. Это, в первую очередь, вводно-наречные элементы: 1) “besides, moreover, more, furthermore, further, again, likewise, certainly, then, next, now, etc.”, передающие различные оттенки значений соединительной связи; 2) “however, yet, still, though, although, hence, etc.”, передающие те или иные нюансы противительных отношений; 3) “therefore, thereupon, thus, accordingly, etc.”, выражающие следственный тип отношений, коррелирующие с первичными и вторичными союзами, синонимичными им по значению [7, p. 168]. Именно эти единицы, составляющие так называемую «палочку-выручалочку», к которой прибегают в случае необходимости компенсировать нехватку имеющихся в языке специализированных средств передачи «союзности», составляют особые «периферийные группы» слов в составе общих частеречных категорий, совмещающие морфологический тип одного класса с сочетательным типом другого и являющиеся продуктом неполного перехода в «союзное качество» [4, с. 240]. Вполне понятно, что они могут занимать в пределах общекатегориального функционально-семантического поля «союзности» свою специфическую «нишу» в той или иной степени удаленности от его центральной, ядерной зоны в зависимости от степени выраженности в своем семантическом комплексе элемента союзного значения. Способность слов вводно-наречного типа функционировать в качестве коннекторов в широком синтагматическом контексте зачастую является поводом для возведения их в ранг конституентов особой

межклассовой группы с условным названием “conjunctive adverbs”,тесно смыкающуюся по функционально-семантическим особенностям с союзными словами и выступающую в качестве основного резерва пополнения состава союзных эквивалентов [7, p. 169].

Признавая возможности частых транспозиций слов вводно-наречного типа в синтаксические дистрибуции, наиболее благоприятные для приобретения ими вторичных функций слов/выражений – связок, невозможно, однако, не упомянуть и о тех факторах, которые лежат в их основе. Естественно, что наряду с почти полной морфологической неизменяемостью этих слов (за исключением способности некоторых из них образовывать степени сравнения, например, английское наречие “likely”), главенствующим фактором, предопределяющим легкость изменения ими своей синтаксической позиции и, как результат, - функциональной нагрузки, является емкость их общесемантического потенциала [7, p. 171]. Именно различные языковые элементы наречной природы в силу насыщенности своей лексической семантики и широты диапазона лексических проявлений в пределах одного и того же категориального комплекса способны выражать наибольший спектр оттенков семантико-синтаксических отношений в составе сложных предикативных структур и фраз: темпоральных, кондициональных, локативных, каузативных и многих других. Вполне очевидно, что наиболее подверженными частичной и полной конъюнктивации являются те представители класса наречий, общий семантический комплекс которых содержит в своем составе компонент «релятивности», на основе которого происходит их признаковая интеграция с союзами с последующим перемещением в близлежащие от центральной зоны функционально-семантического поля «конъюнкции» сферы [2, с. 158]. Причем в зависимости от степени выраженности семы «релятивности» в общекатегориальном значении тех или иных элементов класса они могут локализоваться на разных «ярусах» полевой структуры в различной степени удаленности от центральной зоны, что предопределяет возможность использования слов подобного типа в качестве ее основного «строительного материала», «фундамента». Естественно, что группа так называемых «вторичных конъюнктиватов» может образовываться на периферии наречного класса из тех его элементов, которые вследствие предельной релятивности своей семантики наиболее склонны к использованию в качестве синтаксических «связок» в пределах как сложных предикативных структур, так и целых дискурсно-текстовых фрагментов [3, с. 120]. Так, например, союзные наречия и сочетания: “moreover, furthermore, however, therefore, etc.” используются для связи частей сложных предложений с такой же интенсивностью, что и вопросительно-относительные наречия группы союзных слов. Другие же наречные элементы этой группы: “meanwhile, instead, finally, hence, also, consequently, nevertheless, next, still, then, otherwise, nonetheless, likewise, thus, etc.” чаще всего используются в качестве так называемых дискурсно-текстовых «переходов» (“transitions”) наряду с предложно-субстантивными сочетаниями, предложно-союзными контаминантами и составными союзами [7, p.170]. Например:

1. A national insurance contribution is simply an additional tax, moreover by no means all countries have social security systems [1, с. 181].

2. No two countries have identical laws because the circumstances which call for their imposition are seldom alike. Moreover it is always worth looking at other people` s ideas and methods for their possible importance to British reform [1, с. 189].

3. All details of the future trade operation have been discussed, and its terms fixed precisely [1, с. 178].

4. The Swedish Tax board has power to forecast tax liabilities on certain proposed transactions...Finally this enables firms to reach early investment decisions knowing in advance the tax consequences of a range of possible decisions [1, с. 149].

5. A number of the world` s poorest countries are unable to operate effective social security systems because they do not have enough people in paid employment to generate the necessary funds. Besides, some of the newly emerging industrialized countries have taken a different approach [1, с. 160].

Нетрудно заметить, что языковые элементы, играющие формально одну и ту же роль слов-связок в вышеприведенных примерах, проявляют определенные различия в общей семантике и степени выраженности тех или иных признаковых свойств в составе своего комплексного значения. Так, наречие “moreover”, скрепляя в единое целое в примере (1) части предикативной структуры, а в примере (2) фразы сложного синтаксического комплекса, одновременно привносит в них лексико-семантический оттенок «дополнительности», «добавочности». Возможность сочетания двух синтаксических функций, выполняемых одновременно одним и тем же словом, – функции связующего элемента и обстоятельства говорит о широте, самостоятельности и емкости его базового лексико-грамматического значения, о превалировании в нем лексического компонента и более слабой выраженности семы «конъюнкции», а это, в свою очередь, приводит к необходимости постулировать неузуализованность «служебного» употребления, отсутствие десемантизации как возможного результата синтаксической транспозиции [7, p. 172]. В примере (5) наречно-союзное слово «besides» также играет роль слова-связки, соединяющего две части сложного синтаксического единства, т.е. реализует заложенную потенциально в его базовом лексико-грамматическом значении сему «релятивности», свойственную в той или иной степени всем отнаречным языковым элементам. Соответственно, данная единица не имеет конкретной соотнесенности ни с одним из элементов синтаксического целого, что может быть доказано невозможностью вычленения ни одного словосочетания с этими словами из состава предложений при их допустимом сегментировании. Это, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии у данных языковых единиц семантической доминанты, т.е. о явной транспозиции их изначальных категориальных признаковых свойств в условиях данных синтаксических дистрибуций [6, с. 185]. Что касается вводно-наречного связующего слова “finally” в примере (4), то оно явно

привносит в скрепляемую им синтаксическую структуру лексическую семантику «последовательности, логического порядка». Разумеется, признак парадигматической неизменяемости, характерный для данных элементов, обусловливает их признаковую взаимоинтеграцию в сфере морфологической.

Нетрудно предположить, что адекватное представление о степени выраженности семы «конъюнкции» в составе общего значения и о степени узуальности/окказиональности возможной конъюнктивации языкового элемента под влиянием той или иной синтаксической дистрибуции может быть получено лишь при условии его обязательного сопоставления со специализированными носителями функции «союзности» – союзом или предлогом [5, с. 179]. Так, при сравнении функционально-семантических проявлений отнаречных элементов “moreover”, “finally” и союзов “and, besides” очевидно тесное сближение коннекторов по семам «конъюнкция», «релятивность», т.е. их признаковая интеграция. Однако в степени выраженности лексического компонента в комплексном значении вышепредставленных вводно-наречных скрепов и союзов прослеживается их явная признаковая дифференциация. Вполне очевидно, что союз «and» несет на себе чисто грамматическую семантику присоединения. Входя в структуру предложений как связующие элементы, они, тем не менее, не являются их членами. Иначе говоря, они не имеют никакой дополнительной семантической нагрузки, равно как и наречно-союзный элемент “besides”, эксплицирующий лишь значение «добавочности». Если союзы могут быть опущены без нарушения семантической целостности предложения и изменения его общей семантики, то при попытке опустить из предложений / фразовых комплексов слова “moreover”, “finally” общий смысл их несколько нарушится даже при сохранении относительной когерентности высказываний [2, с. 153].

Признаковая дифференциация связующих элементов в приведенных примерах становится еще более явной, если обратиться к тому месту в синтаксических единствах, которое им отводится в соответствии с существующими в грамматике нормами. Так, союзы занимают в них строго фиксированное место, соответствующее их чисто утилитарному назначению, и при попытке переместить их в любую другую позицию наблюдается явное нарушение смысла [3, с. 118]. При перемещении союза в начало предложения он приобретает иную функциональную нагрузку – дискурсно-текстового коннектора при имплицировании предваряющего контекста. Перемещение же в пределах синтаксических структур вводно-модальных отнаречных скрепов “moreover”, “finally” не вызывает никаких изменений их бифункциональной нагрузки, равно как и нарушений общей семантики самих высказываний. Все это свидетельствует о емкости и широте семантики слов-переходов вышепредставленного типа, смешанности их функциональных признаков, о их способности играть роль как внутрифразовых и межсентенциональных связок, так и модификаторов, вносящих в общую синтаксическую семантику лексические оттенки «дополнительности», «добавочности», «усилительности», «последовательности», т.е. о явной функциональной синонимизации

вводно-модально-наречных элементов и союзов, их интегрировании по семам «конъюнкция», «релятивность», а также их безусловной признаковой дифференциации по типу наличия в семантике первых и отсутствия в общесемантическом комплексе вторых лексических элементов [4, с. 239].

В целом, результаты проведенного нами многоаспектного анализа свидетельствуют не только о высокой функциональности вводно-наречных союзных эквивалентов, их широком семантическом спектре, но и о самостоятельности их лексической семантики, отличающей данные языковые элементы от «простых», «чистых» союзов и позволяющей им выражать различные оттенки значений в пределах синтаксических комплексов, структур и фразовых единств, а также дают основание рассматривать слова и сочетания подобного типа как полистатутные гибридные языковые элементы, локализующиеся на пересечении полей «конъюнкции», «наречности» и «модальности» и занимающие свое специфическое, отдельное микрополе в общем составе общекатегориальной полевой структуры «союзности», смежное с микрополями союзов и союзных слов. Вполне понятно, что диапазон и частотность использования многих сентенциональных и межсентенциональных вводно-модальных и отнаречных синтаксических скрепов в современном английском языке в большой степени обусловливаются структурно-композиционными и жанрово-стилистическими особенностями тех или иных письменных и устных дискурсно-текстовых высказываний.

Литература

1. Дюканова, Н. М. Английский язык для экономистов / Н. М. Дюканова. – Москва : Инфра, 2008. –С. 178–245.

2. Зайцева, О. Л. Функциональная характеристика наречий в предложениях и текстах: Очерки по лингвистике текста / О. Л. Зайцева // Очерки по лингвистике текста. – Пятигорск, 2001. – С. 124–187.

3. Лебедева, М. Б. Семантическая и синтаксическая структура когерентного текста / М. Б. Лебедева // Очерки по лингвистике текста. – Пятигорск, 2001. – С. 113–121.

4. Недбайлик, С. Р. О функционально-семантических характеристиках вводно-наречных дискурсно-текстовых переходов логического типа в современных французском и английском языках / С. Р. Недбайлик // Древняя и Новая Романия. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 238–245.

5. Пастухова, С. Е. Консекутивы в английском языке и их функции в естественно-научном письменном стиле / С. Е. Пастухова //Собрание научных трудов. – Пятигорск, 2001. – С. 173–180.

6. Правикова, Л. В. Когерентные аспекты устного и письменного дискурса / Л. В. Правикова // Собрание научных трудов. – Пятигорск, 2001. – С. 181–189.

7. Arapoff, N. The semantic role of sentence connectors in extra-sentence logical

relationships / N. Arapoff // Tesol Quarterly. – New York : Academic Press, 1998. – P. 167–178.

S. NEDBAILIK, N. DMITRIEVA

Institute of foreign languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Petrozavodsk State University»

TO THE QUESTION OF FUNCTIONAL-SEMANTIC STATUS OF PARENTHESIS-ADVERBIAL CONNECTORS IN MODERN ENGLISH

The present article regards parenthesis-adverbial discourse-text connectors, or so called “transitions”, which present a complex phenomenon, having numerous subtypes and various functional-semantic manifestations in modern English. The results of original English language material complex multi-aspect analysis carried out in the frame of given research allows to state a large functional scope of most discourse-text parenthesis-adverbial connectors, possessing hybrid lexical-grammar manifestations, high transposition abilities and a strong transformation potential.

connector, discourse-text, parenthesis-adverbial transition, functional semantics.

Недбайлик Сабина Рудольфовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков ФБГОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: французский, английский языки, теория лингвистики, литературоведение, межкультурная коммуникация.

Дмитриева Наталия Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков естественно-технических направлений и специальностей Института иностранных языков ФБГОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: английский язык, межкультурная коммуникация, литературоведение.

Nedbailik Sabina – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of German and French languages, the Institute of foreign languages, the Federal State Budgetary Educational institution of Higher Education «Petrozavodsk State University». Scientific interests: French and English languages, theory of linguistics, theory of literature, intercultural communication.

Dmitrieva Natalia – Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor of the Department of foreign languages of natural-technical trends and specialties, the Institute of foreign languages, the Federal State Budgetary Educational institution of Higher Education «Petrozavodsk State University». Scientific interests: English language, intercultural communication, theory of literature.

УДК 81.161.1

В. Е. ОСИЧКИНА, Е. В. ГУЛЯКИНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ (ДНР)

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК НАУКИ: ИСТОРИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье рассматривается роль латинского языка в формировании универсального языка научной коммуникации. Анализируются исторические этапы становления латыни как lingua franca европейской науки, причины ее долговременного функционирования в этой роли и вклад в создание международного терминологического фонда. Делается вывод о сохранении значения латыни как источника терминообразования и элемента профессиональной подготовки в системе высшего образования.

латинский язык, язык науки, международная научная коммуникация, научная терминология, история науки, университетская традиция, латинские заимствования.

На протяжении многих столетий проблема взаимопонимания между учеными, принадлежавшими к разным национальным традициям, оставалась одной из ключевых в развитии европейской науки. Решение этой проблемы было найдено в использовании единого языка, который мог бы служить нейтральным средством передачи знаний, не связанным с политическими или культурными амбициями отдельных государств. Эту роль на протяжении более чем полутора тысяч лет выполнял латинский язык, прошедший путь от наречия небольшого италийского племени до главного инструмента международного научного общения. Сегодня, когда функции международного языка науки в значительной степени перешли к английскому, обращение к опыту латыни позволяет глубже понять механизмы унификации научного знания и причины, по которым некоторые языки приобретают статус lingua franca в определенных сферах человеческой деятельности. Кроме того, изучение латинского языка остается неотъемлемой частью профессиональной подготовки во многих областях, что свидетельствует о его непреходящей ценности как источника терминологии и средства приобщения к европейской интеллектуальной традиции. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проследить исторический путь латинского языка как универсального языка науки, выявить факторы, обеспечившие его длительное функционирование в этой роли, и определить его современное значение для международной научной коммуникации.

История латинского языка как средства научного общения начинается задолго до того, как в Европе сформировались первые университеты. Изначально латынь была языком небольшой области Лаций в центральной Италии, но с расширением Римской империи она

распространилась на огромные территории, став языком администрации, права и культуры. Однако подлинное значение латыни как языка науки раскрылось в период Средневековья, когда после падения Западной Римской империи именно латинский язык сохранил роль главного средства письменной коммуникации. Как отмечает известный историк науки Л. Ольшки, латынь этого времени постоянно пополнялась новыми лексическими элементами, отражавшими изменения в понятийной и предметной сферах, и именно в этот период закладывались основы будущей научной терминологии [1, с. 45–52].

Решающую роль в сохранении и распространении латыни сыграла христианская церковь. Латинский язык закрепился как язык богослужения в западной ветви христианства, что обеспечило его непрерывную традицию на протяжении всего Средневековья. При монастырях и соборах создавались школы, где обучение велось на латыни, и именно из этих школ впоследствии выросли первые европейские университеты. В Болонье, Париже, Оксфорде и Падуе преподавание всех дисциплин – от теологии и права до медицины и философии – осуществлялось исключительно на латинском языке. Этот факт имел принципиальное значение: единый язык обучения позволял студентам и преподавателям свободно перемещаться между университетами разных стран, создавая то интеллектуальное пространство, которое впоследствии получило название Respublica litterarum – республика ученых [2, с. 112–118].

Эпоха Возрождения принесла новый импульс развитию латыни как языка науки. Гуманисты обратились к классическим образцам латинской литературы эпохи Цицерона и Вергилия, стремясь очистить язык от средневековых наслоений и вернуть ему былую выразительность и точность. В этот период латынь не только не утратила своих позиций, но и значительно укрепила их, став языком не только схоластической учености, но и новых научных направлений. Именно в это время формируется представление о латыни как о единственно достойном языке для изложения серьезных научных трудов – представление, которое сохранялось на протяжении последующих двух столетий [3, с. 204–209].

Наибольшего расцвета латынь как язык науки достигла в XVII–XVIII веках. На латыни писали свои фундаментальные труды Николай Коперник, Исаак Ньютон, Рене Декарт, Готфрид Вильгельм Лейбниц, Христиан Гюйгенс, Леонард Эйлер. Выбор латыни для этих ученых был далеко не случайным. В условиях, когда национальные языки еще только формировались как полноценные средства научного изложения, латынь предоставляла возможность быть прочитанным и понятым в любой точке Европы. Ньютон, публикуя свои «Математические начала натуральной философии» в 1687 году, сознательно выбрал латынь, чтобы его труд мог быть доступен ученым Парижа, Лейдена и Берлина, независимо от их национальной принадлежности [4, с. 67–71]. Латынь стала тем общим языком, на котором велась переписка между учеными разных стран, публиковались научные журналы и издавались диссертации.

Эта система научной коммуникации просуществовала практически без изменений до конца XVIII столетия.

Успех латыни как универсального языка науки не был случайным – он объяснялся рядом объективных причин, которые делали этот язык особенно пригодным для выполнения функций научного общения. Первая и, возможно, главная из этих причин заключалась в нейтральном, надкультурном характере латыни. В отличие от любого национального языка, латынь не была связана с конкретным государством, народом или политической силой. В эпоху формирования национальных государств и нарастания политических противоречий между ними использование национального языка в науке неизбежно создавало бы барьеры и ограничения. Латынь же оставалась общей территорией, где ученые из враждующих стран могли вести диалог на равных, не опасаясь того, что язык публикации станет препятствием для ее распространения за пределами собственной страны. Как отмечает С.С. Аверинцев, этот надэтнический характер латыни сыграл решающую роль в формировании единой европейской интеллектуальной традиции [5, с. 315–320].

Вторым важным фактором стала структурная стабильность латинского языка. В то время как национальные языки быстро эволюционировали, меняя лексический состав и грамматические конструкции, латынь, будучи закрепленной в письменной традиции и лишенной живого устного бытования, сохраняла устойчивость значений на протяжении столетий. Это качество оказалось критически важным для науки, где однозначность и постоянство терминов являются необходимыми условиями для накопления и передачи знаний. Латинский термин, введенный в научный оборот в XVII веке, сохранял свое значение и в XIX, и в XX столетии, что создавало возможность для преемственности научных школ и направлений [1, с. 89–94].

Третья причина коренилась в самой природе латинского языка как средства выражения абстрактных понятий. Латынь обладала развитой системой словообразования, позволявшей создавать сложные термины с прозрачной внутренней формой. Благодаря этому даже новые понятия, неизвестные античности, могли быть выражены средствами латинского языка путем комбинации известных корней и аффиксов. Эта особенность латыни привела к тому, что она стала не просто языком, на котором писали научные труды, но и главным источником для создания международного терминологического фонда, который впоследствии был заимствован всеми европейскими языками [3, с. 221–225].

Наконец, важнейшую роль в сохранении латыни как языка науки сыграла университетская традиция. На протяжении более чем шести столетий – с момента основания первых университетов в XI–XII веках и вплоть до конца XVIII века – латынь была единственным языком преподавания в высших учебных заведениях Европы. Студенты слушали лекции на латыни, сдавали экзамены на латыни, писали и защищали диссертации

также на латыни. Эта традиция формировала не только профессиональные навыки, но и особый тип мышления, для которого латынь была естественной средой интеллектуальной деятельности. Даже после того как латынь начала уступать свои позиции национальным языкам, она продолжала сохраняться в университетском обиходе как символ приобщения к академической традиции [2, с. 134–138].

Наиболее значимым и долговременным вкладом латыни в развитие науки стало создание универсального терминологического фонда, который используется учеными всего мира вне зависимости от того, на каком национальном языке они пишут свои работы. Этот процесс начался еще в Средние века, когда схоласты переводили и комментировали античные тексты, создавая терминологию для описания философских, теологических и естественнонаучных понятий. Однако своего завершения он достиг в XVII–XVIII веках, когда была выработана система терминообразования, основанная на латинских (и в значительной степени греческих) корнях [4, с. 102–106].

Механизм этого процесса был достаточно прост и одновременно эффективен. Ученые договаривались о том, что для обозначения нового понятия будет использоваться слово, образованное от латинского корня, часто с добавлением греческих суффиксов или приставок. Поскольку латынь была знакома любому образованному человеку в Европе, такое слово не требовало перевода и становилось понятным без дополнительных пояснений. Постепенно сложилась целая система интернациональных словообразовательных элементов: приставки anti-, pre-, post-, sub-, super-, суффиксы -ция, -изм, -ист, корни био-, гео-, социо-, поли- и многие другие. Эти элементы вошли во все европейские языки, создав единое семантическое пространство, в котором ученые разных стран могли общаться без переводчика [3, с. 238–242].

Важно подчеркнуть, что этот терминологический фонд оказался на редкость устойчивым. Созданная в XVIII веке система терминов практически без изменений используется и сегодня, спустя три столетия. Латинское corpus (тело) лежит в основе таких разных понятий, как корпорация (совокупность людей), корпус (совокупность текстов), habeas corpus (юридический принцип неприкосновенности личности). Латинское status (состояние, положение) породило статус, статистику, статут. Латинское causa (причина, дело) дало начало каузальности, причинности в философии и каузе в юриспруденции. Эта универсальность латинских корней создала ситуацию, при которой ученый, не знающий языка, на котором написана статья, все же может понять ключевые термины, поскольку они строятся из знакомых ему латинских элементов [1, с. 156–160].

Конец XVIII века ознаменовался началом процесса, который привел к постепенной утрате латынью статуса основного языка научных публикаций. Этот процесс был вызван несколькими взаимосвязанными факторами. Распространение идей Просвещения способствовало формированию представления о том, что наука должна быть доступна не

только узкому кругу специалистов, владеющих латынью, но и широкой образованной публике, читающей на национальных языках. Французская революция и последующие политические изменения в Европе привели к росту национального самосознания, что сопровождалось вытеснением латыни из публичной сферы. Кроме того, сам латинский язык, оставаясь неизменным, начинал испытывать трудности с выражением новых реалий научной и технической революции [4, с. 145–150].

Переломным моментом стала первая половина XIX века. Если еще в 1830-е годы значительная часть научных трудов публиковалась на латыни, то уже к 1850-м годам этот язык практически исчез из научной периодики. Ученые перешли на национальные языки: французский, немецкий, английский. Как отмечает исследователь научной коммуникации М. Гордин, этот переход был окончательным и бесповоротным – латынь утратила свою роль lingua franca науки, которую выполняла на протяжении полутора тысяч лет [6, с. 78–82].

В XX веке функции международного языка науки перешли к английскому языку. Этому способствовали геополитические изменения: две мировые войны, возвышение США как мировой державы и научного лидера. Английский язык занял ту нишу, которую ранее занимала латынь, став языком международных конференций, научных журналов и публикаций. Однако было бы ошибкой считать, что латынь полностью ушла из научного обихода. Ее роль изменилась, но не исчезла [6, с. 115–118].

Сегодня латинский язык продолжает выполнять несколько важных функций. Во-первых, он остается главным источником для образования новых научных терминов. Когда ученые открывают новое явление или создают новую концепцию, они обращаются к латинским (и греческим) корням для ее наименования. Во-вторых, латынь сохраняется в системе профессионального образования: студенты-медики, биологи, юристы, филологи изучают латынь как обязательную дисциплину, что позволяет им овладеть основами профессиональной терминологии. В-третьих, латынь продолжает использоваться в качестве языка международной научной номенклатуры – достаточно вспомнить, что все виды растений и животных имеют латинские названия, понятные ученым любой страны [5, с. 328–332].

История латинского языка как универсального средства научной коммуникации представляет собой уникальный феномен в истории европейской культуры. На протяжении более чем полутора тысяч лет – от раннего Средневековья до конца XVIII века – латынь служила тем общим языком, который позволял ученым разных стран обмениваться знаниями, обсуждать новые идеи и развивать единую интеллектуальную традицию. Причины долговременного функционирования латыни в этой роли коренились в ее нейтральном, надкультурном характере, структурной стабильности, развитых словообразовательных возможностях и глубокой укорененности в университетской традиции.

Наиболее значимым и долговременным вкладом латыни в развитие науки стало создание универсального терминологического фонда, который используется учеными всего мира и сегодня. Латинские корни, приставки и суффиксы вошли во все европейские языки, создав единое семантическое пространство, в котором специалисты разных стран могут понимать друг друга даже без перевода. Хотя в XIX–XX веках латынь утратила статус основного языка научных публикаций, уступив эту роль сначала французскому, а затем английскому языку, она не исчезла из научной практики. Ее роль трансформировалась: она стала языком-источником, к которому ученые обращаются при создании новых терминов, и обязательным элементом профессиональной подготовки в системе высшего образования.

Таким образом, латинский язык можно рассматривать не как «мертвый» язык, ушедший из активного употребления, а как фундамент, на котором строится международная научная терминология. Опыт латыни как языка науки показывает, что успешное функционирование языка в этой роли обеспечивается не только его лингвистическими характеристиками, но и широким культурным и институциональным контекстом, в котором он существует. Этот опыт сохраняет свою актуальность и сегодня, когда мир стоит перед вызовами глобальной научной коммуникации.

Литература

1. Ольшки, Л. История научной литературы на новых языках : в 3 т. / Л. Ольшки ; пер. с нем. Ф.А. Коган-Бернштейн. – Москва ; Ленинград : Гос. техн.-теорет. изд-во, 1933–1934. – Т. 1. – 212 с.

2. Жданова, Е. В. Латинский язык : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Е. В. Жданова. – Оренбург : Оренбургская губерния, 2005. – 176 с.

3. Кацман, Н. Л. Латинский язык : учебник для студентов педагогических вузов / Н. Л. Кацман, З. А. Покровская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Владос, 2000. – 384 с.

4. Лебедев, В. И. История науки и техники : учебное пособие для вузов / В. И. Лебедев. – Москва : Академический проект, 2020. – 352 с.

5. Аверинцев, С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью / С. С. Аверинцев // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. – Москва : Наука, 1976. – С. 17–64.

6. Марчук, Ю. Н. Латинский язык в истории европейской культуры / Ю. Н. Марчук // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2018. – № 3. – С. 112–121.

V. E. OSICHKINA, E. V. GULYAKINA

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation

LATIN LANGUAGE AS A UNIVERSAL LANGUAGE OF SCIENCE: HISTORY, DEVELOPMENT, AND CURRENT SIGNIFICANCE

The article examines the role of Latin in the formation of a universal language of scientific communication. The article analyzes the historical stages of the development of Latin as the lingua franca of European science, the reasons for its long-term functioning in this role, and its contribution to the creation of an international terminological fund. The article concludes that Latin remains important as a source of terminology and an element of professional training in higher education.

Latin, language of science, international scientific communication, scientific terminology, history of science, university tradition, Latin borrowings.

Осичкина Виктория Евгеньевна – студент группы 131-ЮБУП «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России).

Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация, юридическая терминология, профессиональная речь в правовой сфере, лингвистический анализ правовых текстов.

Гулякина Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Российская Федерация

Научные интересы: русский язык, латынь, риторика, методика преподавания иностранных языков, профессиональная коммуникация в юридической сфере, культура юридической речи.

Osichkina Victoria Evgenievna – student of group 131-YUBUP «Donbass State University of Justice» (DGUY of the Ministry of Justice of the Russian Federation). Scientific interests: Russian language, intercultural communication, legal terminology, professional speech in the legal sphere, linguistic analysis of legal texts.

Gulyakina Elena Vyacheslavovna – Senior Lecturer of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation. Scientific interests: Russian language, Latin, rhetoric, methods of teaching foreign languages, professional communication in the legal sphere, culture of legal speech.

УДК 372.881.111.22

Э. А. ПРОСКУРЯКОВА, Е. А. ЯКОВЛЕВА

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

РОЛЬ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРЕОДОЛЕНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА УРОВНЕ ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В докладе анализируются психолого-педагогические особенности преодоления языкового барьера у подростков на уроках немецкого языка. Обосновано, что системное использование аудиовизуальных ресурсов снижает тревожность, моделирует аутентичную среду и способствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции.

языковой барьер, аудиовизуальные ресурсы, иноязычная коммуникативная компетенция, основное общее образование, самооценка

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) является главной целью изучения иностранного языка, ее важнейшая составляющая – речевая компетенция. Однако обширный словарный запас и знание грамматики не гарантируют успешного речевого взаимодействия. Преградой становится языковой барьер – психологическое препятствие, снижающее мотивацию, что ведет к пассивности и избеганию речевых заданий. В свете этих проблем особый интерес представляет использование аудиовизуальных ресурсов (АВР) для моделирования аутентичной коммуникативной среды и комплексного воздействия на речевую деятельность.

Актуальность работы обусловлена требованиями ФГОС к формированию ИКК и необходимостью поиска эффективных методов развития говорения и преодоления языкового барьера [1]. Цель исследования – выявить и обосновать эффективность использования АВР для преодоления языкового барьера. Научная новизна заключается в исследовании новых методов преодоления барьера, практическая значимость – в разработке комплекса заданий. Использовались методы теоретического анализа литературы, педагогического эксперимента, анкетирования и статистического анализа.

В центре внимания – ученики в возрасте от 15 до 16 лет. Согласно Э. Эриксону, этот возраст соответствует пятой стадии развития личности – кризису идентичности, ключевым аспектом которого является профессиональная идентичность [2, с. 110]. Кризис идентичности сопровождается «пиками» тревожности. Зачастую подростки боятся продемонстрировать свою несостоятельность как личности. Наряду с эмоциональной напряженностью, этот период

характеризуется активным развитием когнитивных функций. Такой интеллектуальный рост происходит прежде всего в рамках учебной деятельности, которая побуждается мотивами собственного роста и совершенствования.

Самопознание и самоопределение становятся ключевыми понятиями, а их естественным следствием является обостренная потребность в социальном взаимодействии. Однако в стремлении понять себя и свое место в обществе подростки сталкиваются с разочарованиями и демонстрируют отрицательные проявления. Данные проявления противоречат гармоничному развитию, так как слабо сформированные коммуникативные навыки приводят к проблемам в социуме. Поскольку подростковый возраст является сензитивным периодом для развития коммуникативной сферы, целенаправленная деятельность по формированию коммуникативных навыков приобретает особую актуальность. В этом контексте формирование ИКК выходит за рамки узкопредметной задачи и приобретает личностно-развивающий характер.

Иноязычная коммуникативная компетенция, по определению И. Л. Бим, – это способность и реальная готовность осуществлять иноязычное общение с носителями языка, а также приобщение учащихся к культуре страны изучаемого языка [3, с. 159]. Владение языковой и речевой компетенциями создает лексический и грамматический «фундамент» для высказывания, социокультурная компетенция делает его осмысленным и аутентичным, компенсаторная обеспечивает гибкость, а учебно-познавательная гарантирует самостоятельное развитие. Процесс обучения должен быть направлен на интеграцию всех компонентов в единую систему, что соответствует установкам ФГОС [1]. Эффективность процесса в решающей степени зависит от педагога: учитель должен контролировать мотивацию обучающихся, учитывая, что подросткам присуща замкнутость, а также применять новые методы в условиях клипового мышления поколения. Для этого необходимы обогащенная речевая среда, поддержка со стороны учителя-наставника и обязательная рефлексия.

Переходя к проблеме языкового барьера, необходимо отметить, что барьер в обучении иностранного языка определяется как субъективное психологическое явление, проявляющееся негативными эмоциями и ограничивающее познавательные возможности индивида [4]. И. В. Фирсова уточняет, что языковой барьер – это индивидуальная, субъективная невозможность использовать уже имеющиеся знания в процессе говорения, обусловленная психологической преградой [5]. В методическом пособии Н. С. Брем и Г. М. Мандриковой выделено шесть категорий барьеров, среди которых в контексте данной работы подробно рассматривается психологический барьер. В психологической литературе его иллюстрируют

как состояние пассивности, при котором личность не проявляет речевую активность, что сопровождается тревожностью, стыдом и страхом неверного ответа.

Психологический барьер может представлять собой особенность поведения, зависящую от характера и темперамента. Барьер может быть как осознанным, так и неосознанным, а также он может оказывать комплексное влияние на мотивационную, интеллектуальную и эмоциональную сферы. Среди типов трудностей, возникающих у обучающихся, выделяются: возрастание тревожности, низкая самооценка, агрессивное поведение, пассивность, страх допустить ошибку и вызвать насмешки. Выделяются языковой, межличностный и индивидуальный подтипы психологических барьеров. Языковой подтип включает незнание грамматики, скудный словарный запас, особенности речи собеседника и страх ошибки. Данные подтипы могут влиять на обучающегося комплексно, становясь причиной пассивного поведения. Главным способом преодоления барьера является формирование ИКК путем создания речевых ситуаций, приближенных к реальности, что позволяет снизить психологическое напряжение.

Для моделирования таких ситуаций особый интерес представляет использование аудиовизуальных ресурсов. Ещанова Р. М. определяет аудиовизуальную форму как эффективную форму учебной деятельности, где зрительная опора звучащего иноязычного ряда помогает более полному пониманию смысла. Интеграция АВР рассматривается как один из наиболее эффективных путей моделирования аутентичной среды. АВР передают информацию не только вербально, но и через мимику и жесты, что позволяет обучающимся анализировать культурные отличия, а также формируют фоновые знания и расширяют кругозор. Аудиокомпонент классифицируется по типу речевых ситуаций и числу коммуникантов. Универсальность АВР объясняется их аутентичностью, что позволяет отнести их к специфическому дидактическому жанру [6].

Аутентичные материалы демонстрируют реальные коммуникативные ситуации и вариативные аспекты речи, что способствует формированию всех компонентов ИКК. Подбор ресурсов должен осуществляться на основе принципов соответствия нормам языка, современности и уровня подготовки обучающихся. Реализация этих принципов способствует созданию ситуации успеха, снимающей эмоциональное напряжение и положительно влияющей на самооценку. Сформулированы нормы использования АВР: применение в начале урока, длительность 4–6 минут, высокая концентрация. Соблюдение этих норм формирует позитивный учебный опыт, необходимый для преодоления языкового барьера.

Таким образом, на основании теоретического анализа можно сделать вывод, что возраст 15–16 лет является сензитивным для развития коммуникативных навыков, но отягощен

кризисом идентичности и тревожностью, создающими среду для языкового барьера. Сам барьер описывается как психологическое явление, комплексно влияющее на различные сферы жизни обучающегося. Аудиовизуальные ресурсы обладают значительным методическим потенциалом для комплексного развития ИКК через свои дидактические функции, а визуальная опора и аутентичный формат способствуют снятию психологического барьера через создание ситуации успеха. Системное использование АВР на основе четких принципов и норм создает необходимые условия для преодоления языкового барьера у обучающихся основной школы.

В рамках данной работы была проведена диагностика и разработан комплекс заданий на базе АВР для обучающихся 9-х классов Петрозаводского Президентского кадетского училища, изучающих немецкий язык с пятого класса (уровень А2). Диагностика включала три анкеты: на определение уровня самооценки (Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.), на определение уровня и причин языкового барьера (на основе пособия Н. С. Брем, Г. М. Мандриковой и исследования И. В. Фирсовой), а также на определение ведущего канала восприятия. Было опрошено 36 учеников в возрасте 15–16 лет.

Результаты экспресс-анкеты на самооценку показали, что 4 человека обладают завышенной самооценкой, 24 – нормативной, а 8 – заниженной. Анализ утверждений, отмеченных как «очень часто», выявил у большинства респондентов страх перед будущим (14 человек) и страх социальной оценки (14 человек суммарно). Четыре участника с заниженной самооценкой отметили обеспокоенность мнением других и тревогу о будущем, что указывает на прямую корреляцию между самооценкой и языковым барьером. Следующим этапом стало изучение уровня самого барьера на основе выделенных индикаторов: к высокому уровню отнесены ответы, выражающие страх насмешек, стресс, стыд за акцент; к среднему – наличие дискомфорта, не ограничивающего речь; к низкому – отсутствие трудностей. В результате у 12 участников уровень барьера оказался низким, у 22 – средним и у 2 – высоким. Главную роль играет социальный фактор: 61% респондентов предпочитают, чтобы их не перебивали при исправлении; 11% боятся насмешек одноклассников.

Среди трудностей в говорении 22% отметили грамматические, 11% – лексические, 11% – страх начать из-за неуверенности, однако 56% указали на отсутствие трудностей, что говорит о невыраженности технического барьера у этой части. При выполнении заданий на аудирование 50% опрошенных назвали проблемой слишком быстрый темп речи, 28% – акцент или нечеткое произношение, что указывает на недостаток регулярной практики с аутентичной речью. Главной причиной своего барьера респонденты назвали недостаток практики и живого общения (39%), плохое знание грамматики (28%) и отсутствие интереса и мотивации (22%).

61% опрошенных отметили, что чувствуют себя комфортнее при работе в паре. Анкетирование на ведущий канал восприятия показало, что 66,6% являются кинестетиками, 16,6% – визуалами и 16,6% – аудиалами. О. С. Гладкая выделяла, что кинестетики чаще сталкиваются с трудностями, лучше воспринимая информацию через движение и практические действия. АВР позволяют разработать задания для всех типов восприятия, однако требуют комплексной работы на трех уровнях: дотекстовом, текстовом и послетекстовом.

Сравнительный анализ всех анкет показал, что заниженная самооценка полностью исключила наличие низкого уровня языкового барьера; высокий уровень барьера встречался только у кинестетиков. У всех аудиалов зафиксирован средний уровень барьера. Это подтверждает теоретическое положение И. В. Фирсовой о психологической природе барьера и необходимости комплексного подхода к его преодолению.

Таблица 1. Сравнительная таблица (Уровень самооценки и уровень языкового барьера)

Самооценка	Высокий барьер	Средний барьер	Низкий барьер
Завышенная	0	2	2
Средняя	1	13	10
Заниженная	1	7	0

Таблица 2. Сравнительная таблица (Канал восприятия и уровень языкового барьера)

Канал восприятия	Высокий барьер	Средний барьер	Низкий барьер
Кинестетик	2	12	10
Аудиал	0	6	0
Визуал	0	4	2

На основе выявленных трудностей был разработан комплекс заданий, соответствующий критериям: поэтапная работа с АВР, применение в начале урока, длительность 4–6 минут, соответствие теме и уровню подготовки. Первый фрагмент по теме «Die Berufe» включал дотекстовый этап с повторением лексики и игровой технологией в парах. На текстовом этапе (3–4 минуты) ученики прослушивали аудиозапись с опорой на картинки и заполняли бланк (Приложение 1, 2).

Рисунок 1 (Текстовый этап первого фрагмента - прослушивание интервью о профессиях)

Рисунок 2 (Текстовый этап первого фрагмента – визуальная опора)

На послетекстовом этапе обучающиеся устно составляли монологические высказывания, используя лексику и грамматику из аудиотекста. Второй фрагмент на текстовом этапе включал аутентичное видео-интервью с улиц немецкого города: во время первого просмотра заполнялись бланки с названиями профессий, во время второго давались развернутые ответы на вопросы (Приложения 3, 4, 5).

Рисунок 3 (Текстовый этап второго видеофрагмента - просмотр видео-прогулки по немецкому городу с интервью у прохожих)

Рисунок 4 (Текстовый этап второго фрагмента - первичный просмотр: заполнение бланков с фотографиями (вписать профессию))

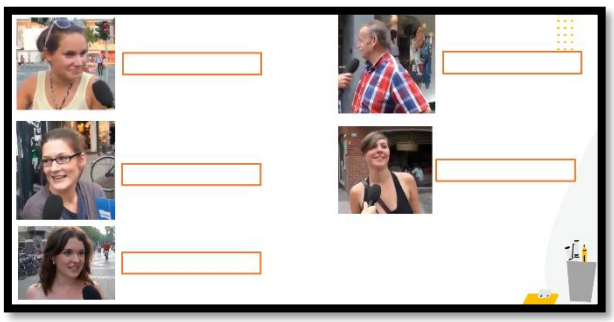
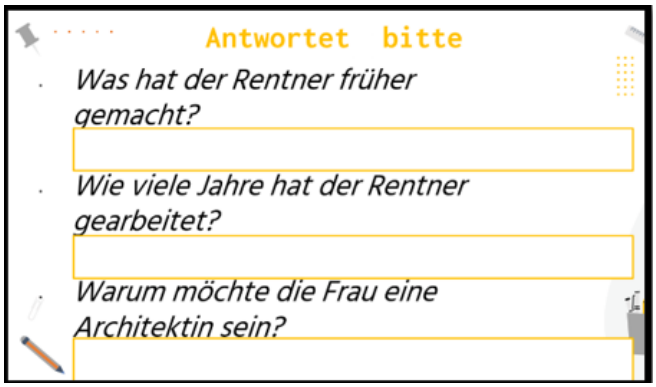


Рисунок 5 (Текстовый этап второго фрагмента - вторичный просмотр: развёрнутые ответы на уточняющие вопросы)



Послетекстовый этап представлял собой творческую подготовку диалога-интервью в парах с дифференцированными шаблонами и реквизитом, что обеспечило полное погружение в ситуацию. Оба фрагмента были выполнены успешно.

Для анализа эффективности сравнивались среднеарифметические оценки за диалогическую и монологическую речь четырех подгрупп до и после внедрения комплекса. В группах №3 и №4, где преобладал средний и высокий уровень языкового барьера (55,5% и 77,8% соответственно), зафиксирован рост успеваемости на 0,2% и 0,1%. Это демонстрирует положительную динамику, несмотря на страх социальной оценки и дефицит практики. В группах №1 и №2, где высокий уровень барьера не был выявлен, успеваемость сохранилась на прежнем уровне, что тоже является позитивным результатом, свидетельствующим об отсутствии стресса при использовании АВР.

Таким образом, поэтапная работа с аудиовизуальными ресурсами позволяет создать психологически комфортную атмосферу для развития речевых умений. Визуальная опора и аутентичный формат позволили преодолеть трудности аудирования, отмеченные у 50% опрошенных, и способствовали созданию ситуации успеха. Рост среднего балла в группах с

более высоким уровнем барьера и сохранение успеваемости в группах с благоприятными показателями подтверждают эффективность разработанного комплекса. Применение работы в парах (предпочитаемой 61% учеников), индивидуальной работы и игровых технологий на разных этапах позволило снизить страх перед устными высказываниями и повысить готовность к диалогическому и монологическому общению на немецком языке. Результаты свидетельствуют, что комплекс заданий на основе аудиовизуальных ресурсов действительно является эффективным средством преодоления языкового барьера.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – URL: https://lic35-gosuslugi.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).

2. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – 2-е изд. – Москва : Флинта, 2006. – 352 с.

3. Бим, И. Л. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам / И. Л. Бим // Компетенции в образовании: опыт проектирования. – Москва : ИНЭК, 2007. – 327 с.

4. Редькина, Л. В. Общая характеристика психологических барьеров в изучении иностранного языка / Л. В. Редькина, Л. В. Абдалина // Психологические науки. – Тамбов : 2010.

5. Фирсова, И. В. Языковой барьер при обучении иностранному языку / И. В. Фирсова // Языкознание и литературоведение. – Москва, 2013.

6. Ещанова, Р. М. Эффективность в использовании аудиовизуальных средств при обучении английскому языку / Р. М. Ещанова // Науки об образовании. – Нукус: 2017.

E. PROSKURYAKOVA, E. YAKOVLEVA

Petrozavodsk State University

THE ROLE OF AUDIOVISUAL MEANS IN OVERCOMING COMMUNICATIVE DIFFICULTIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT THE LEVEL OF BASIC GENERAL EDUCATION

The report analyses the psychological and pedagogical features of overcoming the language barrier in adolescents at German language lessons. It is substantiated that the systematic use of audio-visual resources reduces anxiety, models an authentic environment and contributes to the formation of foreign language communicative competence.

language barrier, audio-visual resources, foreign language communicative competence, basic general education, self-esteem.

Проскурякова Эвелина Александровна – студентка группы 153 института иностранных языков- ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: немецкий язык, методика преподавания иностранного языка.

Яковлева Екатерина Анатольевна – к. п. н., доцент кафедры «Немецкого и французского языков» – ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: методика преподавания иностранного языка, современные технологии обучения иностранному языку.

Proskuryakova Evelina – student of group 153, Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk State University. Research interests: German language, foreign language teaching methodology.

Yakovleva Ekaterina – PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of German and French Languages, Petrozavodsk State University. Research interests: foreign language teaching methodology, modern technologies of foreign language teaching.

УДК: 811.111

D. I. STOYAK, V. A. POSTOYENKO

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

WHICH COUNTRIES OF THE WORLD USE ENGLISH ON THEIR MONEY

The article analyzes the prevalence of English on banknotes and coins in different countries of the world. This phenomenon is explained by historical and practical reasons, such as the colonial legacy of the British Empire and the role of English as a means of intercultural communication in multilingual states. Examples of the use of English on currency are given. It is concluded that the presence of English on banknotes is often due to historical ties and administrative needs.

currency, cash, international language, banknotes, pound sterling, coins.

English inscriptions appear on coins and banknotes from many countries across Africa, Asia, America, Europe, and Oceania. However, there are also numerous countries where English is absent from the currency.

It may seem that the English language appears on the currency of most countries where it is not the official language. How did this happen? One might think that its use is due to its status as an international language. However, the United Nations has six official languages (English, French, Russian, Chinese, Spanish, and Arabic). Why, then, is English so widely used on currency, as well as in other areas of life? The most likely reason is that, until relatively recently, Great Britain owned vast colonies which, at the height of its power, occupied a large portion of the world's landmass. For many years, Great Britain was a major world power [1, p. 35].

The British Empire controlled a significant percentage of the world's territory, leaving its mark on politics, economics, and language across the globe.

Today, most former colonies have gained independence but continue to use English widely. For example, in India – a country with approximately five hundred different languages – English is used for communication between speakers of different languages and as an official language. Accordingly, it is used on currency. English-speaking countries such as Australia and Canada are constitutional monarchies whose head of state is the monarch of the United Kingdom, though they are fully sovereign nations.

The use of English on the currency of Commonwealth countries reflects the history, political structure, and cultural heritage of the former British Empire. In the modern world, English on the currencies of these countries serves several functions: from a symbol of national continuity to a practical tool for international communication [2, p. 14].

In the countries that form the historical "core" of the Commonwealth – the United Kingdom, Australia, and New Zealand – English is the sole official language on banknotes and coins.

At the same time, in many Commonwealth countries, English functions within the framework of bilingualism and multilingualism. A striking example is Canada, where absolute equality between English and French is enshrined by law, requiring duplication of every inscription on banknotes. In Singapore, English, as a tool of business and administration, shares space on banknotes with Malay, Chinese, and Tamil, emphasising the inclusive nature of society. The portrait of the British monarch has remained an important symbolic element for decades [2, p. 15].

In many African countries that were former British colonies, English is also considered an official language. For example, in Nigeria, English serves as the lingua franca and is widely spoken as a second language. English is also used on currency in African countries such as Egypt, South Africa, Malawi, Somalia, Kenya, and many others. Moreover, the names of English currency units have migrated to the currencies of various countries around the world. For instance, the name "pound" is used in Egypt, Syria, Lebanon, and Sudan, while the name "shilling" is used in Somalia, Kenya, Tanzania, and Uganda [3].

The monetary situation in the United Kingdom represents a unique historical and legal phenomenon. Although the pound sterling is the official currency of the entire country, the Bank of England holds only a partial monopoly on banknote issuance. Along with the central bank, several commercial banks in Scotland and Northern Ireland retain the right to issue their own banknotes, creating a multilayered financial system [4].

This privilege dates back to the 19th century. During the period of active centralisation of the British banking system, when the founding laws were being passed, the government sought to consolidate banknote issuance in the hands of the Bank of England. However, Scottish banks, which enjoyed public support at the time, managed to defend their historical right to print banknotes. As a result of a compromise, the British authorities allowed regional banks to continue issuing banknotes, provided they were fully financially backed by each issued note. Unlike most countries around the world, where the right to print money is the exclusive prerogative of the state central bank, in Scotland and Northern Ireland this is done by private financial institutions [4].

It is important to understand that these banknotes are not "independent" currencies in the economic sense. They are a type of promissory note, 100% backed by reserves held at the Bank of

England. To confirm this backing, special Bank of England notes of extra-high denominations are physically stored in vaults as collateral for each privately issued banknote.

These notes are legal tender in Scotland and Northern Ireland. They are fully backed by reserves held by commercial banks at the Bank of England. However, in England and Wales, these notes may not be accepted.

For the residents of Scotland and Northern Ireland, issuing their own money is not just a technicality but a symbol of national pride, identity, and political autonomy. The design of these banknotes deviates from strict British standards. They depict national heroes, architectural monuments, and unique natural landscapes.

Maintaining this system highlights the complex structure of the United Kingdom – a union of diverse countries, each of which carefully preserves its own history, culture, and right to self-expression, even in matters such as currency.

Most euro banknotes and coins feature the Latin-alphabet inscription "EURO", which is identical to the English spelling, alongside Greek and Cyrillic versions, though full English sentences are absent.

English also appears on Philippine currency as a consequence of the influence of the United States rather than Great Britain. After the Spanish-American War, the Philippines came under US control. English is still used on currency alongside the national language.

An interesting fact is that the British banknote printing company De La Rue prints not only pounds sterling but also banknotes for many other countries that do not have their own production facilities. For example, it is known that banknotes for Ukraine, Azerbaijan, and Armenia have been printed in the UK. Currently, De La Rue prints banknotes for more than 140 countries.

The South African rand is one of the most interesting currencies from a linguistic perspective. South Africa has 11 official languages – English and ten others. All of them appear on the country's banknotes. English is always on the front (obverse) of the banknotes. The remaining ten languages are distributed across the various denominations on the back. When new series are issued, the order of the languages changes so that each language appears periodically on different denominations [5, p. 47].

Which countries' currencies do not use English? The absence of English may be due to various reasons: language policy and national identity, the use of non-Latin scripts, the absence of historical English colonial influence, or political and ideological isolation. For example, in Russia – a country where English has never been used on currency – priority is given to the Russian language and the Cyrillic alphabet. Banknotes and coins are oriented toward the domestic market and serve as symbols of the state. In China, banknotes feature only Chinese characters and scripts of ethnic minorities, with no English inscriptions. In North Korea, political isolation and ideology emphasise the priority of the

Korean language and the rejection of English-language elements. In these cases, banknotes are primarily designed for domestic use and the transmission of national identity. International symbols and numerals may be universal, but textual inscriptions are in the official languages.

In the modern world, English on banknotes has ceased to be the property of specific nations, becoming a means of global currency identification. Its presence on banknotes, even in non-English-speaking countries, can be an indicator of a country's financial stability and openness, attracting international investors and tourists. In this context, English serves as a pragmatic tool that reduces transaction costs and makes the national currency understandable and recognisable worldwide.

Swiss banknotes feature all four official languages – German, French, Italian, and Romansh – simultaneously, emphasising the equality of all regions of the country. To ensure neutrality, Latin is used on coins instead of modern languages, and English is not used on currency, as the Swiss franc is rooted in its own traditions and enjoys a high international reputation [5, p. 50].

The word "SPECIMEN" is the most common English word used on the money of virtually every country in the world (even those that do not speak English). When central banks send samples of new banknotes to colleagues in other countries for training purposes and to configure ATMs, this English word is printed diagonally across the notes. Upon seeing this word, any bank employee anywhere in the world will understand that they are dealing with a demonstration sample that has no value [6, p. 35].

English plays a special role in multinational states such as India or South Africa. Here, it acts as a neutral intermediary, ensuring a unified financial space without favouring any particular ethnic group. This helps avoid internal conflicts and emphasises the inclusiveness of public policy.

Globally, English often serves as a unified platform for communication and technology in global science, aviation, information technology, and the financial sector. Thus, the design of modern currency is frequently based on the complementarity of languages: if the national language is responsible for cultural identity and national pride, then English takes on functionality and convertibility.

It can be argued that, in most cases, the widespread use of English on banknotes and coins is explained by a combination of Britain's colonial legacy, the role of English as a language of international and interethnic communication, as well as practical and industrial reasons. This ensures its prevalence on the currency of many countries.

References

1. Kuznetsov, O. R. The Role of the English Language in the Design of National Currencies of Former British Colonies / O. R. Kuznetsov // Economic History of the World. – 2014. – No. 6. – P. 30–38.

2. Egorova, E. V. English as a global means of communication on the banknotes of the Commonwealth of Nations countries / E. V. Egorova // Bulletin of Humanitarian Knowledge. – 2015. – No. 3. – P. 12–17.

3. Электронный каталог банкнот [Электронный ресурс] // colnect.com. – Режим доступа: https://colnect.com/ru/banknotes (дата обращения: 11.04.2026).

4. История английских денег. Валюта Великобритании – фунт стерлингов [Электронный ресурс] : нумизматический справочник // monetnik.ru. – Режим доступа: https://www.monetnik.ru/obuchenie/numizmatika/dengi-velikobritanii/ (дата обращения: 15.04.2026).

5. Aleksandrov, A. P. Language policy and banknote design in multilingual states / A. P. Aleksandrov // Sociolinguistics Today. – 2019. – No. 2. – P. 45–52.

6. Щелоков, А. А. Бумажные деньги: энциклопедия коллекционера / А. А. Щелоков. – Москва : Эксмо, 2007. – 558 с.

Д. И. СТОЯК, В. А. ПОСТОЕНКО

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

КАКИЕ СТРАНЫ МИРА ИСПОЛЬЗУЮТ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА СВОИХ ДЕНЬГАХ

В статье анализируется распространённость английского языка на банкнотах и монетах различных стран мира. Данное явление объясняется историческими и практическими причинами, такими как колониальное наследие Британской империи и роль английского языка как средства межкультурной коммуникации в многонациональных государствах. Приводятся примеры использования английского языка на денежных знаках. Делается вывод о том, что присутствие английского языка на банкнотах часто обусловлено историческими связями и административными потребностями.

денежные единицы, наличные деньги, международный язык, банкноты, фунт стерлингов, монеты.

Стояк Дмитрий Игоревич – студент II курса факультета инженерных и экологических систем в строительстве, группы ИЗОС-9а «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: нумизматика и бонистика, как вспомогательные исторические дисциплины.

Постоенко Виолетта Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и педагогики высшей школы «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: методика преподавания иностранных языков в высшей школе. Изучение особенностей и перспектив развития дистанционного обучения в системе высшего образования.

Stoyak Dmitry – the second year student of the Faculty of Engineering and Environmental Systems in Construction, group IZOS-9A of the Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture – branch of FSBEI HE "National Research Moscow State University of Civil Engineering", Makeevka, the Russian Federation. Scientific interests: numismatics and bonistics as auxiliary historical disciplines.

Postoyenko Violetta – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Higher School Pedagogy of the Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture – branch of FSBEI HE "National Research Moscow State University of Civil Engineering", Makeevka, the Russian Federation. Scientific interests: methods of teaching foreign languages in higher education; characteristics and prospects for the development of distance learning in higher education.

УДК 372.881.111.22

Е. В. ТОДАВЧИЧ, И. В. КРЕНЕВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск, РФ

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ УСТНОЙ ЧАСТИ ЕГЭ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Устная часть ЕГЭ по иностранным языкам – это то, чего боятся многие выпускники. И не зря: по статистике 2025 года, средний балл по английскому несколько снизился по сравнению с прошлым годом, потому что критерии оценивания стали строже. С немецким языком похожая ситуация: у большинства обучающихся проблемы с использованием падежей, порядком слов и произношением гласных звуков. В статье анализируются распространенные ошибки учащихся при выполнении устной части ЕГЭ по английскому и немецкому языкам. Особое место уделяется сравнительному анализу трудностей в двух языках, обусловленных интерференцией и различиями в языковых системах. А также предлагаются методические рекомендации, позволяющие предупредить возникновение ошибок.

английский язык, немецкий язык, ЕГЭ, устная часть, типичные ошибки, чтение вслух, диалог-расспрос, монолог, интерференция.

Устная часть ЕГЭ по иностранным языкам остаётся наиболее сложной для выпускников. Как показывают данные 2025 года, падение среднего балла по английскому языку на 1,3 балла связывается, в частности, с более строгими критериями оценивания устной части экзамена. Немецкий язык демонстрирует схожие проблемы: трудности с использованием падежей, порядком слов и произношением специфических звуков. КИМ включает четыре задания: 1) чтение вслух, 2) условный диалог-расспрос, 3) описание одной фотографии, 4) сравнение двух фотографий. Каждое задание имеет характерные ошибки.

1. Задание

Чтение текста вслух. Задание оценивает произношение, ударение, интонацию и беглость.

Английский язык: наиболее частотны искажение долготы гласных (ship – sheep), замена межзубных [θ] и [ð] на [s], [z] или [f] (think → sink), смешение [w] и [v] (wet → vet), неправильное ударение в многосложных словах и отсутствие падения тона в конце повествовательного предложения.

Немецкий язык: типичны ошибки в умлаутах (schön → schon), замена фарингального [χ] на [k] или русский [x], отсутствие твёрдого приступа (Knacklaut), неразличение долготы и краткости гласных (Stadt – Staat). Также экзаменуемые не всегда корректно реализуют оглушение звонких согласных на конце слова (Auslautverhärtung).

Рекомендации: проводить в системе фонетические разминки с записью речи, работа с минимальными парами, использование транскрипционных словарей и чтение вслух с соблюдением интонационного рисунка.

2. Задание

Условный диалог-расспрос. В данном задании требуется задать пять прямых вопросов на основе рекламного объявления.

Английский язык: основные ошибки – нарушение порядка слов (What you offer? вместо What do you offer?), пропуск вспомогательного глагола, неверный выбор вопросительного слова и использование общего вопроса вместо специального, что не даёт нужной информации.

Немецкий язык: возникают проблемы с порядком слов (глагол на первом месте в вопросах без вопросительного слова, на втором – в W-Fragen), ошибки в склонении вопросительных местоимений (welcher/welche/welches), забывание отделяемой приставки в конце предложения (findet...statt). Также встречаются вопросы, не соответствующие предложенной ситуации.

Рекомендации: системная отработка матриц вопросов по каждой теме, анализ критериев релевантности и грамматической правильности, тренировка с партнёром в формате «вопрос-ответ».

3. Задание

Описание одной фотографии. Необходимо построить связный монолог (вступление, основная часть по аспектам, заключение).

Английский язык: частые ошибки – отсутствие вступления или заключения, нелогичная последовательность, упущение аспекта «почему это значимо для меня», лексическая бедность (повтор nice, good, interesting), грамматические ошибки во временах (описание действия на фото в Present Simple вместо Present Continuous).

Немецкий язык: нарушения порядка слов в придаточных предложениях (..., weil es ist schön вместо ..., weil es schön ist), ошибки в падежах после двухпадежных предлогов (Akkusativ vs. Dativ), калькирование русских оборотов (Ich fühle mich gut вместо Mir geht es gut), узкий словарный запас (преобладание gut, schön, machen, gehen).

Рекомендации: регулярное использование шаблонов для каждого аспекта, составление плана-схемы, отработка времен и падежей в контексте, ведение тематического словаря.

4. Задание

Сравнение двух фотографий. Самое сложное задание: найти сходства и различия, выразить предпочтение и обосновать его.

Английский язык: ключевые ошибки – отсутствие сравнительных конструкций (whereas, in contrast to, similarly), последовательное описание фото без сопоставления, нарушение логической структуры, неубедительное обоснование выбора («I like it because it's beautiful»), грамматические ошибки в степенях сравнения (more better).

Немецкий язык: типично сневерное употребление сравнительных союзов (während, dagegen, im Gegensatz zu), ошибки в степенях сравнения прилагательных (gross – grösser – am grössten), отсутствие умлаута (например, alt – älter), нарушение порядка слов при выражении гипотезы с помощью würde и лексическая недостаточность (учащиеся ограничиваются союзами und, aber, auch вместо jedoch, dennoch, wohingegen).

Рекомендации: создание банка клише для каждого этапа сравнения, отработка сравнительных конструкций на визуальных рядах, запись монологов с самоанализом по критериям ФИПИ.

5. Сквозные проблемы: интерференция и стратегии

Межъязыковая интерференция особенно заметна при изучении немецкого языка как второго после английского. Примеры: перенос английского произношения *s* [z] в немецкий (Sommer звучит как английское summer); замена немецкого bekommen на kriegen по аналогии с get; перенос порядка слов английского вопроса в немецкий (в ряде случаев приводит к ошибке). М.В.Вербицкая и К.С.Махмурян отмечают, что учащиеся с высоким уровнем английского чаще допускают интерференционные ошибки в немецком.

Несформированность стратегий спонтанной речи проявляется в длинных паузах, повторах, неоправданной самокоррекции и отказе от ответа при непонимании лексики. Важно соблюдать тайминг: на подготовку к заданиям 3–4 даётся 1,5 минуты, на ответ – 2 минуты. Превышение времени снижает балл.

6. Методические рекомендации по коррекции ошибок

С опорой на анализ типичных ошибок и рекомендации предметных комиссий можно выделить следующие направления работы. Фонетический практикум: регулярные разминки с записью речи, различение минимальных пар, отработка интонационных моделей на текстах ЕГЭ. Грамматический тренажёр: целенаправленная работа с «ошибкоопасными» темами – порядок слов в вопросах и придаточных (немецкий), система времён (английский), падежи и предлоги.

Интерактивные методы: приложения с распознаванием речи, ролевые игры для задания 2, парная работа с взаимооценкой по критериям. Дневник ошибок: классификация ошибок по типу (фонетическая/грамматическая/коммуникативная) и причине (невнимательность/незнание правила/интерференция). Регулярное возвращение к допущенным ошибкам. Имитация экзамена: не менее 5–6 пробных экзаменов с полным соблюдением тайминга и аудиоанализом по критериям ФИПИ.

Типичные ошибки в устной части ЕГЭ по английскому и немецкому языкам носят устойчивый характер и группируются вокруг фонетики (долгота, межзубные звуки, умлауты), грамматики (порядок слов, падежи, времена), лексики (калькирование, ложные друзья) и коммуникативной организации (структура монолога, полнота аспектов). Ключ к успеху – не только знание языка, но и владение стратегиями выполнения заданий, понимание критериев оценивания и систематическая рефлексия ошибок. Представленные рекомендации могут быть использованы учителями на этапе подготовки к государственной итоговой аттестации.

Литература

1. Анализ ЕГЭ-2025 по немецкому языку: распространённые ошибки, тенденции и стратегии успешной подготовки / Информационный портал Egedo.ru. – 2025. – 6 октября. – URL: https://egedo.ru (дата обращения: 28.04.2026).

2. Вербицкая, М. В. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2017 года по иностранным языкам /

М. В. Вербицкая, К. С. Махмурян, В. Н. Симкин // Педагогические измерения. – 2017. – № 3. – С. 22–41.

3. Вербицкая, М. В. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2022 года по иностранным языкам (английский, немецкий, французский, испанский, китайский языки) / М. В. Вербицкая, К. С. Махмурян, А. Е. Бажанов [и др.] // Педагогические измерения. – 2022. – № 3. – С. 7–29.

4. Гайсина, М. В. Подготовка учащихся к сдаче устной части ЕГЭ (задание №1 и №2): анализ распространённых ошибок и методические рекомендации по их устранению / М. В. Гайсина // Педагогический альманах. – 2025. – 26 марта. – URL: https://www.pedalmanac.ru/466930 (дата обращения: 28.04.2026).

5. Задание №1 устной части ЕГЭ – чтение текста вслух: критерии оценки и способы тренировки произношения / Онлайн-школа Инглекс. – 2025. – 14 июля. – URL: https://englex.ru (дата обращения: 28.04.2026).

6. Итоги мастер-класса педагогов, обеспечивающих высокие результаты на ГИА по предмету (английский язык) / Институт развития образования Мурманской области. – 2025. – URL: https://iro51.ru (дата обращения: 28.04.2026).

7. Итоги регионального учебно-методического семинара «Методические аспекты подготовки к ОГЭ и ЕГЭ в 2025/2026 уч. г. по английскому языку» / Институт повышения квалификации г. Тулы. – 2025. – 30 сентября. – URL: https://ipk-tula.ru (дата обращения: 28.04.2026).

8. Как анализировать свои ошибки в пробных вариантах ЕГЭ по английскому / Онлайн-школа Инглекс. – 2025. – 9 июля. – URL: https://englex.ru (дата обращения: 28.04.2026).

9. Критерии оценивания задания 4 устной части ЕГЭ по немецкому языку / Образовательный портал Dzodzo.ru. – 2026. – 1 января. – URL: https://dzodzo.ru (дата обращения: 28.04.2026).

10. Сыроквашин, А. В. Итоги и анализ сдачи ОГЭ и ЕГЭ по английскому языку в 2025 году: обзор, анализ ошибок и рекомендации по их устранению на 2026 год / А. В. Сыроквашин // Инфоурок. – 2025. – 20 августа. – URL: https://infourok.ru (дата обращения: 28.04.2026).

E. V. TODAVCHICH, I. V. KRENEVA

Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "Petrozavodsk State University", Petrozavodsk, Russian Federation

TYPICAL MISTAKES IN THE ORAL PART OF THE UNIFIED STATE EXAM IN A FOREIGN LANGUAGE (BASED ON ENGLISH AND GERMAN)

The article presents an expanded analysis of typical mistakes made by students when completing the speaking tasks of the Unified State Exam in English and German. Based on current FIPI data, assessment criteria for 2025–2026, and practical observations from subject committee members, the article examines phonetic, lexico-grammatical, and communicative errors in each of the four speaking tasks. Special attention is given to comparative analysis of difficulties in both languages caused by interference, differences in phonetic systems and grammatical structures. Methodological recommendations for error prevention and correction are proposed.

English language, German language, Unified State Exam, speaking part, typical mistakes, reading aloud, conditional dialogue, monologue, phonetics, interference, preparation methods.

Тодавчич Елизавета Васильевна – студентка группы 143 ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: иностранные языки, межкультурная коммуникация.

Кренева Инна Владимировна – директор Института иностранных языков, к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: интегрированное обучение иностранному языку, межкультурная коммуникация.

Todavchich Elizaveta – student of 143 group of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "Petrozavodsk State University". Scientific interests: foreign languages, intercultural communication.

Inna V. Kreneva – PhD, Associate professor, Petrozavodsk State University, Institute of Foreign Languages. Scientific interests: integrated learning, intercultural communication.

УДК 355.234.4

Д. А. ФЕДОРОВА, Е. А. ЯКОВЛЕВА

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (ПетрГУ), Петрозаводск, РФ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В ЦЕЛЯХ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КАДЕТСКИХ УЧИЛИЩАХ

В статье обосновывается необходимость интеграции военной тематики в процесс обучения немецкому языку в кадетских училищах как средства патриотического воспитания. Автор анализирует специфику образовательной среды кадетских корпусов, критерии отбора военной лексики и доказывает, что такой подход способствует не только формированию профессиональных языковых компетенций, но и гражданскому становлению личности будущего защитника Отечества.

кадетские училища, патриотическое воспитание, немецкий язык, военная лексика, формирование лексических навыков, профессиональная направленность обучения.

В наше время, когда современные стратегии в образовании направлены на патриотическое воспитание, его значимость ощутимо возрастает. Система кадетского образования играет важную роль в этом процессе, ведь именно там, помимо академических знаний, формируется также и гражданская позиция, чувство ответственности и готовность защищать Родину.

Немецкий язык, как и другие иностранные языки, является средством межкультурной коммуникации в системе общего образования. Тем не менее, обучение иностранным языкам в условиях кадетских училищ имеет особую направленность, так как образовательная среда там носит не только воспитательный характер, но и военно-прикладной.

Именно по этой причине внедрение военной тематики в циклы уроков иностранного языка являются особо актуальными. Опора на лексический материал, который связан с военной сферой, позволяет не просто формировать лексические навыки у учащихся, но и взращивать в них уважение к военному делу, исторической памяти, воспитывать патриотизм и дисциплину.

Патриотизм является одним из самых важных духовных достояний личности, будучи присущим каждой из сфер жизни государства и общества. Данный термин олицетворяет сопричастность к своему Отечеству, его ценностям, культуре и истории [4, с. 7–9].

Рассматривая патриотическое воспитание конкретно в кадетских училищах, стоит упомянуть, что воспитательная система в подобных заведениях это единый комплекс, в основу построения которого взят принцип реализации базовых потребностей личности [5].

Выработка нравственных, этических качеств кадет, развитие их интеллектуальных способностей и подготовка учеников к осознанному выбору профессии связанной с защитой Отечества на военном и гражданском поприще являются целью воспитательной системы кадетских училищ [3, с. 115].

Для реализации данной цели педагоги должны позаботиться о качественной работе в следующих сферах:

1. Интеллектуальное развитие. Определяются реальные учебные возможности ученика и его ближайшая зона развития, что дает шанс на продвижение в интеллектуальном развитии.

2. Духовно-нравственное воспитание. В процессе патриотического воспитания учащиеся осознают идеалы, высшие ценности и ориентиры. Они постигают явления реальной жизни и социально значимые процессы. Помимо этого, кадет обязан соблюдать кодекс чести.

3. Гражданско-патриотическое воспитание. Существует система мероприятий, благодаря которой формируется правовая культура кадет, их законопослушность, навыки оценки политических событий и событий внутри государства и за его пределами. Укрепляется гражданская позиция, прививается готовность служить своей Родине, народу и выполнять конституционный долг.

4. Военно-патриотическое воспитание. Оно направлено на изучение военной истории, воинских традиций, формирование высокого патриотического сознания и идеи служения Отечеству [4]. В рамках данной сферы проводятся различные мероприятия, например, ритуал «Посвящение в кадеты», проводятся соревнования по пулевой стрельбе, Зарницы, помощь ветеранам ВОВ, участия в таких акциях как «День призывника».

5. Спортивно-патриотическое воспитание. Морально-волевые качества, сила, выносливость, ловкость, скорость, дисциплинированность, мужество и стойкость кадет развивается в процессе физической активности. Также ведется огромная работа по пропаганде здорового образа жизни, в том числе и на уроках иностранного языка, где активно обсуждаются темы здоровья, спорта и различных активностей.

Кадетские училища в отличие от общеобразовательных школ имеют свои особенности, которые необходимо учитывать не только при преподавании иностранного языка, но и других дисциплин [5]:

- Однородный коллектив учеников.
- Образ жизни, который предполагает приближенные к военной жизни ритуалы. Это проявляется как во внешней атрибутике, например, форменное обмундирование или объединение на группы по принципу военных подразделений, но и в напряженном распорядке дня кадет, усиленной дисциплине, повышенная ответственность и самостоятельность.
- Сочетание элементов института самоуправления кадет и воинской дисциплины. Кадеты находятся под перманентным педагогическим сопровождением.

Все это нужно учитывать учителям при работе с кадетами. Что касается особенностей преподавания иностранного языка в кадетских училищах, то существует несколько аспектов, которые также нужно взять во внимание:

1. Военно-профессиональная направленность образовательного процесса.
2. Развитие командного взаимодействия через языковую практику.
3. Специализация учебно-методического обеспечения.
4. Междисциплинарная интеграция как основа системного обучения.
5. Строевая подготовка как нестандартный метод языкового обучения.
6. Дисциплинарные аспекты организации учебного процесса.
7. Гендерный фактор в методике преподавания.
8. Военная тематика как основа мотивации.

В рамках данного исследования необходимо дать определение термину «лексика», которое представлено на экране.

Формирование лексического навыка рассматривается С. Шатиловым как поэтапный процесс, начиная с ознакомления с новыми словами до их введения в речевую деятельность и активного использования. Ю. Пассов имеет похожее мнение, утверждая, что навык работы с лексикой формируется перед совершенствованием навыков и развитием умения использовать лексический материал в речи [2, с. 134–136].

Из этого можно сказать, что процесс формирования лексической компетенции проходит в 3 этапа:

1. Этап, при котором происходит семантизация лексики, а также создается примерная основа, на базе которой будет формироваться лексические навыки.
2. Этап, подразумевающий автоматизацию действий учеников при работе с лексической единицей на уровне слов, словосочетаний и сверхфразовых единств.
3. Этап, где обучающиеся автоматизируют действия с лексикой на текстовом уровне.

Формирование лексического навыка имеет свои особенности в зависимости от ступени образования [1, с. 102–110]:

1. В начальной школе формирование лексического запаса преимущественно осуществляется интуитивно-подражательно. Ввиду возрастных особенностей учеников начальной ступени обучения игровые приемы, опоры (как зрительные, так и слуховые), а также повторения должны активно использоваться во время образовательного процесса. У школьников с первого по четвертый класс доминирует наглядно-образное мышление, механическая память преобладает над логической. Школьники обладают высокой эмоциональностью, игровой мотивацией и кратковременным вниманием. Виды деятельности рекомендуется сменять каждые 5–7 минут и должна быть четкая ритуализация, т.е.

использование команд, песен и повторяемых фраз. Задачей учителя является заложение правильного произношения, интонации и устойчивых ассоциаций между словом и образом.

2. На средней ступени обучения количество новых лексических единиц сильно увеличивается. От интуитивного овладения лексикой обучающиеся переходят к сознательной работе над лексическим материалом. У учеников развивается лексическое мышление, а также значительно усиливается способность к аналитической работе. Учителям следует сделать акцент на формирование семантических связей (тематические группы, синонимы, антонимы), усилить роль лексико-грамматических упражнений в образовательном процессе, а также уделить внимание работе с контекстом и лексикой разных стилей и регистров. Работа с лексикой с пятого по девятый класс направлена не только на закрепление активного словаря, но и на расширение пассивного.

3. Старшая школа отличается совершенствованием лексического навыка и достижением уровня, на котором ученик может свободно использовать лексический материал в разнообразных ситуациях общения. В словарном запасе старшеклассника появляется специализированная лексика помимо общеупотребительной. Навыки обсуждения, сопоставления и аргументации так же выходят на новый уровень. У учеников происходит высокое развитие аналитического мышления, усиливается интерес к познанию культуры и темы за пределами учебно-методического комплекса. Формируется способность к самообучению, обучающиеся выражают готовность к обсуждениям сложных тем, а также сравнительному анализу языков. Для старших классов отлично подходит работа с аутентичными материалами, такие как видео, статьи или подкасты.

Чтобы подготовить кадет к речевому общению в естественных условиях, обучающиеся должны познакомиться с военной терминологией, а именно совокупностью лексических единиц, которые соотнесены с военной сферой деятельности. Эта лексика также связана между собой на лексико-семантическом, понятийном, грамматическом и словообразовательном уровнях. Знание лексики, которая связана с будущей профессиональной сферой, помимо повышения интереса к занятиям также пригодится в дальнейшем, например, для извлечения важной информации при чтении военно-технической литературы. При обучении лексики, которая опирается на военную направленность, широкое применение получили интерактивные задания [3, с. 116].

Но также стоит брать во внимание, что нельзя перегружать кадета избыточным количеством узкоспециальных терминов (например, названиями всех деталей танка), но и нельзя сводить всё к бытовой тематике, теряя патриотическую составляющую.

В ходе исследования мы выделили три критерия отбора лексики:

• Принцип частотности и узуальности.

Мы отбираем не просто термины из уставов, а лексику, которая функционирует в современной языковой среде. Это та база, которая необходима для понимания новостных

сводок, художественных фильмов патриотической направленности и общения с носителями языка в рамках военно-исторических или профессиональных контактов. В соответствии с этим критерием в активный словарь кадета включаются такие единицы, как: die Drohne (БПЛА), die Aufklärung (разведка), der Einsatz (операция/применение), der Befehl (приказ) и так далее. А также лексика для понимания новостных сводок и патриотических фильмов, например, der Bundeswehr-Soldat, der Feldwebel (сержант), die Panzerabwehr (противотанковая оборона).

• Принцип ценностно-смысловой направленности.

Отбираемые единицы должны нести ценностную нагрузку. Это лексика, формирующая образ защитника, воинского братства и исторической памяти. В кадетском образовании эта лексика становится не просто переводом, а смысловым ядром высказывания. Примерами таких терминов являются: der Eid (присяга), die Ehre (честь), der Mut (мужество), die Kameradschaft (товарищество/братство).

• Принцип коммуникативной достаточности.

Лексический минимум должен быть достаточным для решения типичных коммуникативных задач: представление себя как военнослужащего (Soldat (солдат), Dienstgrad (звание), Einheit (подразделение)), описание основных этапов службы (Übung (учения), Wache (дежурство), Entlassung (увольнение)), характеристика вооружения (на базовом уровне: Gewehr (винтовка), Pistole (пистолет), Panzer (танк)) и участие в диалогах на тему «День защитника Отечества» или «Военная история страны» (der Feiertag (праздник), die Armee (армия), der Veteran).

Проведя анализ теоретических основ по теме формирования лексических навыков в контексте патриотического воспитания в кадетских училищах, можно сделать вывод, что военная тематика служит мощным катализатором в процессе обучения немецкому языку. Происходит не только обогащение словарного запаса кадет, но и формирование содержательной основы для их гражданского и профессионального становления. Специализированная лексика по военной теме воспринимается учениками не только с большим интересом, но и со значительным осмыслением, параллельно прививая им ценностные ориентиры и воспитывая чувства сопричастности к традициям воинства в России. Сочетание лексической работы с патриотическим воспитанием через призму военной тематики на уроках иностранного языка, которое обосновано методически, является эффективной образовательной моделью, позволяющей решать задачи языковой подготовки будущего офицера наравне с формированием его личности. Кадеты начинают не только владеть иностранным языком, но и осознавать свою роль в защите национальных интересов. Эти теоретические положения создают фундамент для разработки конкретных педагогических технологий в рамках кадетского образования.

Литература

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – Москва : АРКТИ, 2003. – 165 с. – ISBN 5-89415-290-9.

2. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – Москва : Русский язык, 1989. – 276 с. – ISBN 5-200-00717-8.

3. Курилов, С. Ж. Проблемы военно-патриотического воспитания молодежи и пути их решения / С. Ж. Курилов // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2007. – № 3 (29). – С. 114–117.

4. Военно-патриотическое воспитание молодежи (проблемы и опыт) : сборник / составитель Ю. И. Дерюгин. – Москва : Патриот, 1991. – 213 с. – ISBN 5-7030-0456-3.

5. Основы Концепции и Государственного стандарта кадетского образования в России [Электронный ресурс] // Сайт московского содружества суворовцев, нахимовцев и кадет. – Режим доступа: http://kadet.ru/doc/PISMO_RKB.html (дата обращения: [21.04.2026]).

D. A. FEDOROVA, E. A. YAKOVLEVA

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk State University), Petrozavodsk, Russian Federation

USE OF MILITARY THEMES TO FACILITATE PATRIOTISM IN DEVELOPING VOCABULARY SKILLS IN GERMAN LANGUAGE LESSONS AT CADET SCHOOLS

This article substantiates the need to integrate military themes into German language instruction at cadet schools as a means of patriotic education. The author analyzes the specifics of the educational environment of cadet corps and the criteria for selecting military vocabulary, demonstrating that this approach contributes not only to the development of professional linguistic competencies but also to the civic development of future defenders of the Fatherland.

cadet schools, patriotic education, German language, military vocabulary, development of vocabulary skills, professional orientation of training.

Федорова Диана Александровна – студентка группы 153 ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

Яковлева Екатерина Анатольевна – доцент кафедры немецкого и французского языков института иностранных языков ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

Fedorova Diana – a student in Group 153 at Petrozavodsk State University.

Yakovleva Ekaterina – an Associate Professor in the Department of German and French Languages at the Institute of Foreign Languages at Petrozavodsk State University.

УДК 811.112.’36

А. П. ШЕВЕЛЕВА, Н. И. ТОККО

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», г.Петрозаводск, РФ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ДИСКУРСИВОВ

Статья посвящена выявлению специфики дискурсивов как самостоятельного класса слов и их функционального потенциала. Показано, что особенности этой группы слов касаются их роли в оформлении акта коммуникации, позиции в структуре предложения, интонирования, семантических характеристик; на примере нескольких частиц представлен анализ типичных семантических, синтаксических и функциональных особенностей дискурсивов.

частицы, дискурсивы, полифункциональные прагмамаркеры, регулятор взаимодействия коммуникантов

Целью нашего исследования является уточнение статуса дискурсивов, выявление их функционального потенциала, особенностей семантики и употребления в устной речи.

Объектом исследования являются так называемые дискурсивы, неизменяемые частицы, участвующие в создании связности текста и регулировании взаимодействия коммуникантов, а предметом исследования – функциональные возможности, семантика этих единиц и особенности ее реализации в предложении.

Гипотеза: дискурсивы – это самостоятельный класс слов, являющихся полифункциональными прагмамаркерами, оформляющими взаимодействие участников коммуникации и интерпретацию их высказываний.

Актуальность исследования дискурсивов обусловлена, с одной стороны тем, что многие вопросы, связанные с ними, вызывают споры и дискуссии, статус и состав дискурсивных единиц до конца не выяснены, они остаются «последним бастионом грамматики» [7]; с другой стороны, дискурсивные маркеры играют важную роль в речи, являются значимым элементом прагмалингвистической компетенции и требуют пристального внимания.

В традиционной грамматике немецкого языка принято выделять 11 частей речи, которые в свою очередь делятся на знаменательные и служебные. Знаменательные части речи занимают более 99% всего лексического состава немецкого языка, а на служебные, функциональные слова остаются не более 0,7% [12, с.159]. На некоторые из них приходятся всего несколько десятков слов. К одной из таких частей речи относятся частицы разного рода.

До середины 20 века исследователи не обращали на них внимания, поскольку данные единицы не являются обязательными в плане грамматики предложения, например, в предложении Wie alt bist du denn? частица *denn* не влияет на грамматическую правильность

предложения, да и на первый взгляд без нее и смысл высказывания не меняется. Однако, если сравнить два предложения, без частицы и с нею: Wie alt bist du? (1) и Wie alt bist du denn? (2), то становятся очевидными различия в их характере: в предложении (2) дистанция между собеседниками, характер диалога и заинтересованность спрашивающего несколько иные, чем в предложении (1).

В конце прошлого века в связи с обращением лингвистических исследований в сторону коммуникации и прагматики, появилось понятие дискурсивного слова, что привело к появлению значительного количества исследований в области прагматики и теории дискурса. По мнению авторов этих работ, дискурсивное слово является одним из основных средств построения текстов в речевой коммуникации [1–4; 11; 15–16]. Однако и в настоящее время остается множество дискуссионных вопросов по поводу терминологии, определения понятия, семантической классификации, функционального выражения и других тем, связанных с дискурсивами. Разнобой мнений наблюдается в первую очередь в терминологии, где мы встречаем такие названия как оттеночные частицы, модальные частицы, дикурсивные частицы, коммуникативы, прагмамаркеры, Abtrönungspartikeln, Füllwörter, Flickwörter, Gesprächswörter, Modalpsrtikeln и пр.

Несмотря на возросшее внимание к классу дискурсивных частиц, единое их определение и разграничение до сих пор не установлены.

Различия в трактовке статуса, количества и интерпретации значений рассматриваемых языковых единиц порождается их противоречивостью, вызванной их полисемантичностью, омонимичностью и полифункциональностью. На наш взгляд, дискурсивами могут считаться только те лексемы, которые обладают следующими признаками:

- морфологическая неизменяемость;
- отсутствие синтаксической функции;
- неспособность конституировать предложение:
-невозможность постановки в начале предложения (за некоторыми исключениями);
- невозможность задать к ним вопрос;
-невозможность дословного перевода.

С точки зрения семантики они отличаются размытостью, диффузностью значений и симультанностью реализации целого комплекса значений в акте коммуникации.

На основе сравнения данных различных источников: словарей, учебных пособий, разного рода корпусов [12–14] выявляются все возможные значения и особенности их реализации с учетом их полисемии, полифункциональности и наличия дублетов-омонимов. Анализ показал, что все рассмотренные дискурсивы имеют дублеты-омонимы, многозначны, значения их не связаны с конкретным денотатом, а скорее придают высказыванию

определенные интенциональные нюансы, актуализируемые только в контексте. Этим требованиям соответствуют лексемы *aber, auch, bloß, denn, doch, eigentlich, eben, eh, einfach, etwa, halt, immerhin, ja, mal, nur, ohnehin, ruhig, schon, sowieso, überhaupt,* наиболее активно используемые говорящими в спонтанной, неподготовленной устной речи.

Поскольку ограничения в объеме не позволяют проанализировать все перечисленные выше дискурсивы, продемонстрируем специфику дискурсивов на примере весьма частотных лексем DENN и VIELLEICHT.

Лексема DENN может выступать как в качестве дискурсивной частицы, так и иметь дублеты-омонимы в виде различных частей речи, выражая следующие значения:

1.Союз со значением причины:

Wir bleieben zu Hause, denn das Wetter ist schlecht.

2.Наречие (в северных диалектах=*dann):*

Denn geh’ man zu ihm.

3.Сравнительная частица:

Die Lage ist heute schlechter denn je.

4. Дискурсив способен реализовывать следующие значения:

а) выражает живой интерес, задает искреннюю тональность, может усиливать вопрос:

Wie heißt du denn?

Hast du denn inzwischen abgenommen? Wie denn?

б) удивление + сомнение:

Hast du denn noch so viel Geld?

Ist das denn so wichtig?

Kannst du denn Auto fahren?

в) риторический вопрос (с оттенком упрека):

Bist du denn taub?

Kannst du denn nicht hören?

В качестве дискурсива *denn* может употребляться только в условиях вопросительного предложения.

Лексема VIELLEICHT также характеризуется разноаспектностью в плане частеречной принадлежности, семантики и полифункциональности:

1.Модальное слово

Выражает неуверенное предположение; указывает на то, что вероятность утверждения сомнительна;

Vielleicht hat er sich doch geirrt.

Vielleicht kannst du es doch noch erreichen.

Ein Aufenthalt in den Bergen wäre vielleicht erholsamer gewesen.

Модальное слово выполняет синтаксическую функцию модального члена предложения, характеризующего предикативную связь, может конституировать предложение:

Hat er sich geirrt? -Vielleicht.

2. Наречие

Выражает не точное, а приблизительное число:

Ich habe vielleicht zehnmal vergeblich dort angerufen.

Es waren vielleicht hundert Personen gekommen.

Синтаксическая функция – обстоятельство меры.

3.Дискурсив

а) без конкретного значения, с усиливающим эффектом; используется для косвенной просьбы или вопроса; подчеркивает вежливость:

Würden Sie mir vielleicht sagen, ob …?

Darf ich dir vielleicht etwas zu trinken anbieten?

Hast du vielleicht ein Tempotuch für mich?

Данное значение реализуется только в условиях вопросительного предложения.

б) усиливает энергичное, настойчивое требование в побудительном предложении:

Vielleicht benimmst du dich jetzt anständig!

Vielleicht sagen Sie mir endlich, was Sie wollen!

Vielleicht beeilt ihr euch jetzt ein bisschen!

Как редкое для дискурсивов исключение занимает инициальную позицию (первое место). Реализуется в условиях побудительного предложения.

в) усиливает, подкрепляет эмоциональное утверждение или заявление, придает оттенок негативного изумления:

Der hat vielleicht einen Unsinn geredet!

Darüber habe ich mich vielleicht geärgert!

Sie haben sich vielleicht aufgespielt!

Das war vielleicht ein Schreck!

Данное значение реализуется в условиях восклицательного предложения.

В дополнение к характеристикам анализируемых лексем, выступающих в роли дискурсивов, можно добавить определенные семантические особенности, которые характеризуют дискурсивы: с точки зрения семантики они отличаются размытостью, диффузностью значений и часто симультанностью реализации целого комплекса значений в акте коммуникации. Слово является дискурсивной частицей только в том случае, если его

элиминация не нарушит грамматической правильности предложения, и оно не является существенным для понимания предложения.

Что же касается полифункциональности дискурсивов, то они могут:

– обеспечивать связность текста,

– заполнять паузы в речи,

– помогать говорящему выиграть время, чтобы сформулировать мысль и грамматически – корректно построить высказывания,

– оформлять актуальное членение предложения,

– инициировать смену темы разговора,

– хеджировать, т.е. смягчать высказывание, оставляя возможность для маневра и избегая излишней категоричности, которая может быть воспринята собеседником как невежливость, неуважение или грубость,

– служить маркером снижения или усиления категоричности высказывания,

– заполнять паузы в речи,

– демонстрировать неуверенность говорящего,

– сигнализировать о переключении темы разговора,

– привлекать собеседника к согласию со своей позицией,

– функционировать как элемент подведения итогов и объяснения причин,

– демонстрировать согласие,

– подчеркивать свое недоверие к ситуации,

– служить средством переключения темы разговора и пояснения ситуации,

– выражать иронию и сарказм или привлекать внимания собеседника,

– выражать предостережение или угрозу,

– отражать межличностные отношения.

В качестве одной из наиболее важных функций они способствуют встраиванию в контекст взаимодействия собеседников, оперируя ожиданиями и установками говорящего и адресата. Эту контекстно-интегрирующую функцию среди многих выше перечисленных мы принимаем вслед за многими исследователями за основную, ведущую функцию дискурсивов.

Таким образом, дискурсивы используются в устной коммуникации для выражения мнений, установок и взглядов говорящего чаще всего дружественным, партнерским способом, демонстрируя неформальное общение и придавая ему живость и естественность. Они позволяют делать выводы о личных и социальных отношениях говорящих друг с другом, делают общение более неформальным, следовательно, более ярким, живым и естественным, а также могут предоставить нам ценную дополнительную информацию о том, что подразумевается под высказыванием.

Литература

1. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе : прагматический аспект : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2008.

2. Журавлева, Е. Р., Шустова, С. В. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров в немецком языке / Е. Р. Журавлева, С. В. Шустова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 18–31.

3. Кокорина, С. В. Модальные частицы как прагмемы в системе речи: На материале литературных диалогов современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.

4. Мурашковская, Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров / Е. М. Мурашковская // Вестник МГОУ. Серия : Лингвистика. – 2014. – № 5. – С. 53–59.

5. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru 6. TED Talks. – Mode of access: www.ted.com/talks.

6. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании / Т. М. Николаева. – М. : Наука,1985. – 170 с.

7. Плунгян, В. А. 7 фактов о богатстве значений слов-паразитов. – URL: https://postnauka.org/faq/8572 (дата обращения: 12.04.2026).

8. Шилихина, К. М. Дискурсивные слова как маркеры иронии / К. М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 11. – Воронеж : Наука-Юни пресс, 2013. – С. 103–124.

9. Царенко, Н. М., Шустова, С. В. Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции / Н. М. Царенко, С. В. Шустова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 21–29.

10. Шаронов, И. А. Дискурсивные слова и коммуникативы / И. А. Шаронов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (М., 1–4 июня 2016 г.) / 167 редкол.: В. П. Селегей (гл. ред.) и др. – М. : Изд-во РГГУ, 2016. – Вып. 15 (22). – С. 605– 615.

11. DUDEN.Die deutsche Rechtschreibung.28.Auflage.Band1. – Berlin : Dudenverlag, 2023.

12. DUDEN, Die deutsche Grammatik.3.Auflage.Band 4. – Berlin : Dudenverlag,1974. – S. 309–310.

13. duden-online; dwds.de,; www.ruscorpora.ru 6. TED Talks.

14. Engel, U. Deutsche Grammatik. – Heidelberg : Julius Groos Verlag, 1988.

15. Günthner, S. Diskursmarker in der Interaktion – zum Einbezug alltagssprachlicher Phänomene in den DaF-Unterricht // Interaktionale Sprache und ihre Didaktisierung im DaF-Unterricht / W. Imo, M. S. Moraldo. – Tübingen : Stauffenburg-Verlag, 2015. – S. 135–164.

16. Imo, W. Wortart Diskursmarker? // Nicht-flektierende Wortarten / B. Rothstein. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2012. – S. 48–88.

A. P. SHEVELEVA, N. I. TOKKO

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

THE FUNCTIONAL POTENTIAL OF GERMAN DISCOURSES

This article explores the specific characteristics of discourses as an independent class of words and their functional potential. It is shown that the characteristics of this group of words relate to their role in shaping the act of communication, their position in sentence structure, intonation, and semantic characteristics. Using several particles as examples, an analysis of the typical semantic, syntactic, and functional features of discourses is presented.

particles, discourses, multifunctional pragmatic markers, and the shaping of communicant interactions.

Sheveleva Anastasiya – student of group 153 of the Department of Foreign Languages of Petrozavodsk State University

Scientific interests: grammar of german language; corpus linguistics

Tokko Nataliya – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of foreign languages of the Petrozavodsk State University

Scientific interests: pragmatics, grammar of german language; corpus linguistics

Шевелева Анастасия Павловна – студентка 153 группы Института иностранных языков Петрозаводского государственного университета. 185000, г.Петрозаводск, пр.Ленина,33. Научные интересы: грамматика немецкого языка; корпусная лингвистика

Токко Наталия Ивановна – к.ф.н., доцент Института иностранных языков Петрозаводского государственного университета. 185000, г.Петрозаводск, пр.Ленина,33. Научные интересы: прагматика, грамматика немецкого языка, корпусная лингвистика

УДК 372.881.1:004.9

М. А.ШЕМАНАЕВА, А. А.ВЛАСОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»
(ПетрГУ)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ ИЯ

В статье рассматриваются современные подходы к формированию цифровой компетенции будущих учителей иностранного языка. Проанализированы европейские рамки DigComp и DigCompEdu как инструменты диагностики и развития профессиональных навыков педагога. Обоснована необходимость сопоставительного подхода к измерению цифровых компетенций на основе единых дескрипторов DigComp.

цифровая компетентность, DigComp, DigCompEdu, цифровая дидактика, учитель иностранного языка.

Вследствие развития информационно-коммуникационных технологий и цифровизации всех сфер жизни общества произошло переосмысление целевых ориентиров высшего образования. Цифровая дидактика, активное становление которой началось на этом фоне, по мнению Л. Г. Компанеевой, нацелена на формирование у студентов не только предметных знаний, но и универсальных навыков работы с информацией, критического мышления и рефлексии [1]. Практическая реализация этих принципов осуществляется посредством цифровой педагогики, в задачи которой входит системная интеграция цифровых инструментов в учебный процесс, пересмотр образовательных стандартов и обновление компетенций педагогов [2]. Цифровая педагогика требует от будущих учителей иностранных языков (ИЯ) как технологической грамотности, так и глубокого понимания методических возможностей виртуальных сред (LMS), систем автоматизированного обучения языку (CALL) и технологий обработки естественного языка (NLP), которые сегодня становятся неотъемлемой частью образовательного процесса.

Значительные изменения в сфере дидактики и педагогики неразрывно связаны с понятием «цифровая компетентность». Как отмечает Ж. Н. Шмелева, в отличие от термина «компьютерная грамотность», цифровая компетентность включает в себя когнитивные, этические и рефлексивные компоненты, такие как знание нормативных основ, критический отбор ресурсов, соблюдение авторских прав и оценку эффективности применяемых технологий [3]. Подобный подход лег в основу общеевропейской рамки цифровых

компетенций для граждан DigComp, признанной наиболее авторитетной моделью в образовательных системах разных стран. Подтверждение этому можно найти в том, что в соответствии с ней разрабатываются национальные инструменты оценки и учебные планы в Нидерландах, Франции, Бельгии и других государствах [4].

Разработку DigComp инициировал Объединенный исследовательский центр Европейской комиссии (JRC). Важно отметить, что данная рамка претерпела несколько содержательных редакций и последняя, самая актуальная версия DigComp 3.0 была представлена в конце 2025 года.

В структуре DigComp центральное место занимают пять ключевых областей:

- Информационная грамотность (просмотр, поиск, фильтрация и оценка данных).
- Коммуникация и сотрудничество (взаимодействие в цифровых средах).
- Создание цифрового контента (от текстов до мультимедиа и программирования).
- Безопасность (защита устройств, персональных данных и здоровья).
- Решение проблем (выявление потребностей и технологических пробелов) [5].

Осуществление систематизации каждой из этих компетенций происходит по восьми уровням (A1–C2), что позволяет оценивать текущий статус обучающегося и, более того, проектировать индивидуальные траектории профессионального развития.

Поскольку цифровая компетентность студентов и ее развитие напрямую зависят от компетентности педагогов, DigCompEdu (Европейская рамка цифровой компетентности педагогов) была разработана в 2017 году как логическое продолжение DigComp. Данная рамка структурирует деятельность преподавателя по шести взаимосвязанным областям:

1. Профессиональная вовлеченность (использование цифровых технологий для коммуникации с коллегами и профессионального роста).
2. Цифровые ресурсы (поиск, создание и управление цифровыми учебными материалами).
3. Обучение и преподавание (интеграция цифровых устройств в аудиторную и самостоятельную работу).
4. Оценивание (использование цифровых инструментов для формирующего и итогового контроля).
5. Расширение прав и возможностей обучающихся (персонализация обучения и обеспечение инклюзивности).
6. Содействие развитию цифровой компетентности обучающихся (целенаправленное формирование навыков, описанных в DigComp у учеников) [6].

Примечательно, что надежность инструмента для педагогической диагностики не ставится под сомнение, так как последняя, шестая область напрямую связывает DigCompEdu

с базовой рамкой DigComp [7]. Для учителя ИЯ эта связь имеет принципиальное значение, поскольку цифровая компетенция в иноязычном образовании реализуется в единстве с коммуникативной компетенцией.

Зарубежные исследования подтверждают валидность модели DigCompEdu в высшем образовании. Так, Y. Li и др. провели оценку применимости модели на выборке из 382 преподавателей китайских университетов. Эксперимент базировался на методологии PLS-SEM, с помощью которой эксперты подтвердили высокую надежность инструмента (Cronbach's Alpha до 0,954) и удовлетворительную структурную валидность. Важно отметить, что среди шести областей DigCompEdu наименьшие баллы преподаватели продемонстрировали именно в области «Оценивание» (Assessment) [8]. Отсюда можно сделать вывод о существующей проблеме использования цифровых инструментов для оценивания учебных достижений. Кроме того, это усугубляется сложностями с автоматизированной оценкой продуктивных видов речевой деятельности, таких как говорение и письмо, где главным остается человеческий фактор.

Структура аналитической рамки DigCompEdu обеспечивает системную диагностику и единый язык описания педагогических практик, а также подобная стандартизация способствует выявлению профилей компетентности, снижению зависимости от субъективного опыта экспертов и формированию основы для целенаправленного профессионального развития, включая диагностические умения педагогов [9]. Вместе с тем, существует необходимость дифференцированного подхода при применении DigCompEdu к разным образовательным уровням. Систематический обзор Л. Сид-Мартинеза и др. показал зависимость уровня цифровой компетентности педагогов от ступени образования, причем преподаватели высшей школы демонстрируют более высокие показатели. При этом, исходная версия рамки, которая нацелена преимущественно на школьное образование, может недостаточно учитывать специфику университетской среды, что требует ее адаптации при использовании в высшей школе, особенно при подготовке учителей ИЯ [10].

Однако наряду с DigComp существуют и альтернативные рамки цифровых компетенций. Например, модель ЮНЕСКО ICT-CFT (2018), которая широко используется в системах подготовки учителей развивающихся стран, ориентирована исключительно на педагогический контекст. В отличие от DigComp, фокус которой остается на гражданах в целом, ICT-CFT базируется на трех уровнях освоения технологий (приобретение знаний, углубление знаний, создание знаний) и шести аспектах педагогической деятельности (понимание роли ИКТ, учебный план и оценивание, педагогические практики, технологии, организация и управление, профессиональное развитие) [11]. Модель успешно применяется в проектах по повышению квалификации учителей, но ее существенным ограничением является значительно меньшая

детализация конкретных цифровых навыков по сравнению с DigComp и отсутствие прямой связи с компетенциями обучающихся.

В российской исследовательской практике одним из наиболее показательных инструментов измерения цифровых компетенций выступает проект «Индекс цифровой грамотности», разработанный некоммерческим партнерством РОЦИТ совместно с факультетом коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ. В своем исследовании С. Г. Давыдов и Щ. С. Логунова указывают, что в основе проекта лежит четырехкомпонентная модель цифровой грамотности, которая построена на бинарных оппозициях «технико-технологическое / социогуманитарное» и «возможности / угрозы» [12]. Данный подход учитывает социокультурные аспекты цифровизации и представляет особый интерес для лингводидактики, поскольку позволяет оценить владение цифровыми инструментами, а также осознание рисков, которые может за собой повлечь межкультурная коммуникация в Интернете.

Помимо этого, в НИУ ВШЭ реализуется система «Внешнего измерения цифровых компетенций» (ВИ ЦК), которая интегрирована во все образовательные программы бакалавриата и является обязательной для студентов второго курса. Главной ее целью считается определение итогового уровня сформированности цифровых компетенций студента посредством экзамена, который состоит из тестовой части, а также практической, в которой студенту необходимо решить проблемную ситуацию путем выбора одного из нескольких вариантов действий [13]. Такой формат приближен к реальной профессиональной деятельности, что особенно важно для студентов педагогических направлений.

В исследованиях, помимо объективных методов для оценки цифровых компетенций, часто описывается применение самооценки. Однако такой подход подвержен искажениям, что можно объяснить гипотетическим «Эффектом Даннинга – Крюгера», который приводит к переоценке своих способностей людьми с низкой компетентностью и, напротив, к недооценке у экспертов высокого уровня [14]. Согласно исследованию ICDL Foundation, охватившему семь стран, 94% респондентов оценили свои компьютерные навыки как «средние» или «очень хорошие», тогда как объективный тест подтвердил такой уровень лишь у 39% участников [15].

Применение метода самооценки цифровых навыков широко распространено из-за своей экономичности, но ее объективность усложняется склонностью людей систематически переоценивать свои умения, что особенно касается мужчин и молодежи [16]. Для достоверного измерения все же необходимы тесты, включающие выполнение аутентичных заданий. Эта идея особенно актуальна для лингвистического образования, где имитация реальной педагогической деятельности (например, подготовка фрагмента онлайн-урока с использованием цифровых инструментов) является более надежным вариантом проведения оценки, чем анкетирование.

Таким образом, проведенный теоретический анализ свидетельствует о том, что современные подходы к формированию цифровой компетенции учителя ИЯ подвергаются качественным изменениям, которые обусловлены переходом к комплексному развитию личности педагога в цифровой среде. Одним из важнейших направлений этого процесса становятся международно-признанные рамки DigComp и DigCompEdu, которые задают единую систему координат для проектирования образовательных программ. При этом, формирование цифровой компетентности учителя ИЯ требует обязательной адаптации данных стандартов к предметной специфике, что выражается в интеграции технологий обработки естественного языка, генеративного искусственного интеллекта и работы с аутентичными материалами в методическую подготовку студентов.

Отдельного внимания заслуживает закономерный отказ от субъективной самооценки как единственного критерия сформированности цифровых компетенций. Студенты нередко переоценивают собственные навыки и принимают свободное владение социальными сетями и приложениями за профессиональную готовность к работе в цифровой образовательной среде. В действительности же, восприятие и реальные педагогические умения существенно разнятся. Решить данную проблему может подход, основанный на сопоставлении самооценки студента с экспертной оценкой преподавателя, проведенной по единым критериям, соотнесенным со структурой рамки DigComp. Комбинация объективных показателей и практических заданий, которые моделируют реальные учебные ситуации, дает возможность скорректировать искажения в восприятии собственных возможностей и выстроить образовательный маршрут развития цифровой компетенции будущего учителя ИЯ.

Исходя из этого, следует подчеркнуть, что формирование цифровой компетенции преподавателя ИЯ на сегодняшний день представляет собой процесс, объединяющий цифровую дидактику, методику преподавания и когнитивную психологию оценивания. Развитие формальной цифровой грамотности студентов больше не является основополагающей целью, поскольку акцент смещается на формирование критической рефлексии, умения работать с данными и способности адекватно оценивать собственные цифровые дефициты. Тем самым можно говорить о необходимости становления учителей ИЯ нового поколения, которые готовы создавать безопасную, продуктивную иноязычную цифровую среду для учеников.

Литература

1. Kompaneeva, L. G. Using videos in teaching foreign languages to digital Generation: observing digital didactic principles / L. G. Kompaneeva, A. D. Gavrish // Dialogue of cultures : Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference with International

Participation in English. In 3 parts, Saint Petersburg, 21–22 мая 2024 года. – Санкт-Петербург: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2024. – P. 101–105.

2. Скулкин, А. А. Формирование цифрового образовательного пространства: адаптация цифровой педагогики / А. А. Скулкин // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 1(86). – С. 277–280. – DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-277-280.

3. Shmeleva, Zh. N. The importance of the faculty members' digital competence and the ways of its improvement / Zh. N. Shmeleva // Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся по иностранному языку в неязыковом вузе: региональная практика : Материалы всероссийской (национальной) научной конференции, Красноярск, 10–11 ноября 2022 года. – Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – P. 169–172.

4. Van Audenhove, L. Data literacy in the new EU DigComp 2.2 framework how DigComp defines competences on artificial intelligence, internet of things and data / L. Van Audenhove, L. Vermeire, W. Van den Broeck, A. Demeulenaere // Information and Learning Sciences. – 2024. – Vol. 125, No. 5-6. – P. 406–436. – DOI: 10.1108/ILS-06-2023-0072.

5. Cosgrove, J. DigComp 3.0: European Digital Competence Framework - Fifth Edition / J. Cosgrove, R. Cachia. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2025. – DOI: 10.2760/0001149.

6. Redecker, C. European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu / C. Redecker ; edited by Y. Punie. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2017.– DOI 10.2760/159770.

7. Silva-Quiroz, J. Adapting and Validating DigCompEdu for Early Childhood Education Students Through Expert Competence Coefficient / J. Silva-Quiroz, J. González-Campos, J. Garrido-Miranda, J. Lázaro-Cantabrana, R. Canales-Reyes // Social Sciences. – 2025. – Vol. 14. – Article 345. – DOI: https://doi.org/10.3390/socsci14060345.

8. Li, Y. Validation of DigCompEdu framework among higher education lecturers / Y. Li, N. Anuar, A. Z. Mansor // International Journal of Instruction. – 2026. – Vol. 19, No. 1. – P. 437–456. – DOI: https://doi.org/10.29333/iji.2026.19122a.

9. Riquelme-Plaza, I. Towards Digital Transformation in University Teaching: Diagnosis of the Level and Profile of Digital Competence Based on the DigCompEdu and OpenEdu Frameworks Among University Lecturers in Chile / I. Riquelme-Plaza, J. Marolla-Gajardo // Education Sciences. – 2026. – Vol. 16, No. 2. – Article 174. – DOI: https://doi.org/10.3390/educsci16020174

10. Cid-Martínez, L. A Systematic Review on the Level of Digital Competence of In-Service Spanish Teachers According to the DigCompEdu Framework / L. Cid-Martínez, I. Aznar-Díaz, G. Gómez-García, J.-A. Martínez-Domingo // Education Sciences. – 2025. – Vol. 15. – Article 655. – DOI: https://doi.org/10.3390/educsci15060655.

11. Bitegeko, R. M. Applying the UNESCO ICT competency framework to evaluate digital competencies among undergraduate students in teacher education in Tanzania / R. M. Bitegeko, G. Lawrent, J. Cosmas // Educational Technology Quarterly. – 2024. – No. 3. – P. 298–318. – DOI: 10.55056/etq.769.

12. Давыдов, С. Г. Проект «Индекс цифровой грамотности»: методические эксперименты / С. Г. Давыдов, О. С. Логунова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2015. – № 41. – С. 120–141.

13. Акаева, К. И. Внешнее измерение цифровых компетенций. Итоговый контроль [Электронный ресурс] : описание курса / К. И. Акаева, К. О. Рословцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – URL: https://www.hse.ru/edu/courses/1048936228 (дата обращения: 21.04.2026). – Текст : электронный.

14. Kruger, J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments / J. Kruger, D. Dunning // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – Vol. 77, No. 6. – P. 1121–1134. – DOI%: 10.1037//0022-3514.77.6.1121.

15. ICDL Global. Perception & Reality [Электронный ресурс]. – 2025. – URL:https://icdl.org/perception-and-reality/ (дата обращения: 21.04.2026).

16. Van Laar, E. Measuring the levels of 21st-century digital skills among professionals working within the creative industries: A performance-based approach / E. Van Laar, A. J. A. M. van Deursen, J. A. G. M. van Dijk, J. de Haan // Poetics. – 2020. – Vol. 81. – Article 101434. – ISSN 0304-422X. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.poetic.2020.101434.

A. VLASOVA, M. SHEMANAEVA

FSBEI HE “Petrozavodsk State University”

MODERN APPROACHES TO DEVELOPING DIGITAL COMPETENCE OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHER

The article examines modern approaches to developing the digital competence of future foreign language teachers. The European frameworks DigComp and DigCompEdu are analyzed as tools for diagnosing and enhancing the professional skills of a language educator. Special attention is paid to the discrepancy between students' subjective self-assessment and the expert evaluation provided by the instructor. The necessity of a comparative approach to measuring digital competencies based on unified DigComp descriptors is substantiated.

digital competence, DigComp, DigCompEdu, foreign language teacher, self-assessment, digital didactics.

Власова Алиса Алексеевна – студент группы 142 ФБГОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: корпусная лингвистика, применение искусственного интеллекта в методике преподавания, межкультурная коммуникация.

Шеманаева Мария Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка ФБГОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: методика преподавания иностранных языков, разработка программ дополнительного профессионального иноязычного образования

Vlasova Alisa – student of group 142 at Petrozavodsk State University. Scientific interests: corpus linguistics, application of artificial intelligence in teaching methodology, intercultural communication.

Shemanaeva Maria – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of English Language at Petrozavodsk State University. Scientific interests: methods of teaching foreign languages, development of programs for additional professional foreign language education.

УДК 372.881.1

М. А. ШЕМАНАЕВА, П. Н. КАЛИНИНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет», город Петрозаводск, РФ

ПРИМЕНЕНИЕ ТАКСОНОМИИ АНДЕРСОНА ДЛЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЗАДАНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье исследуется целесообразность интеграции таксономии Андерсона для обучения иностранному языку. Показано, как сочетание Backward design и таксономии Андерсона позволяет последовательно формулировать цели через глаголы когнитивных уровней, проектировать задания. Делается вывод, что такой подход обеспечивает точность образовательных результатов и развитие критического мышления учащихся.

педагогический дизайн, таксономия Андерсона, backward design, обучение иностранному языку.

Современная методика обучения иностранным языкам ориентирована на развитие не только языковой компетенции, но и когнитивных способностей учащихся. В этих условиях особую значимость приобретает педагогический дизайн, который рассматривается как системный процесс разработки, применения и оценки учебных материалов на основе анализа образовательных потребностей и планируемых результатов обучения [3]. Ещё в 1960-е годы Р. Ганье и Р. Глейзер заложили основы данного направления, интегрировав идеи когнитивной психологии и системного анализа в проектирование обучения, что было отражено в их фундаментальной работе Principles of Instructional Design [2]. В отечественной науке, согласно подходу Е. В. Абызовой, педагогический дизайн трактуется как комплексная деятельность, включающая разработку, создание, применение и оценку учебных материалов [1].

В последние десятилетия особое внимание исследователей привлекают две методологические модели, которые оказываются особенно продуктивными в контексте обучения иностранному языку: пересмотренная таксономия Блума в редакции Л. Андерсона и Д. Кратвола и модель обратного проектирования (backward design), предложенная Г. Уиггинсом и Д. Мактаем.

Таксономия Андерсона представляет собой двухмерную структуру, включающую уровни когнитивных процессов (remember, understand, apply, analyze, evaluate, create) и типы знаний для измерения (фактическое, концептуальное, процедурное, метакогнитивное) [5].

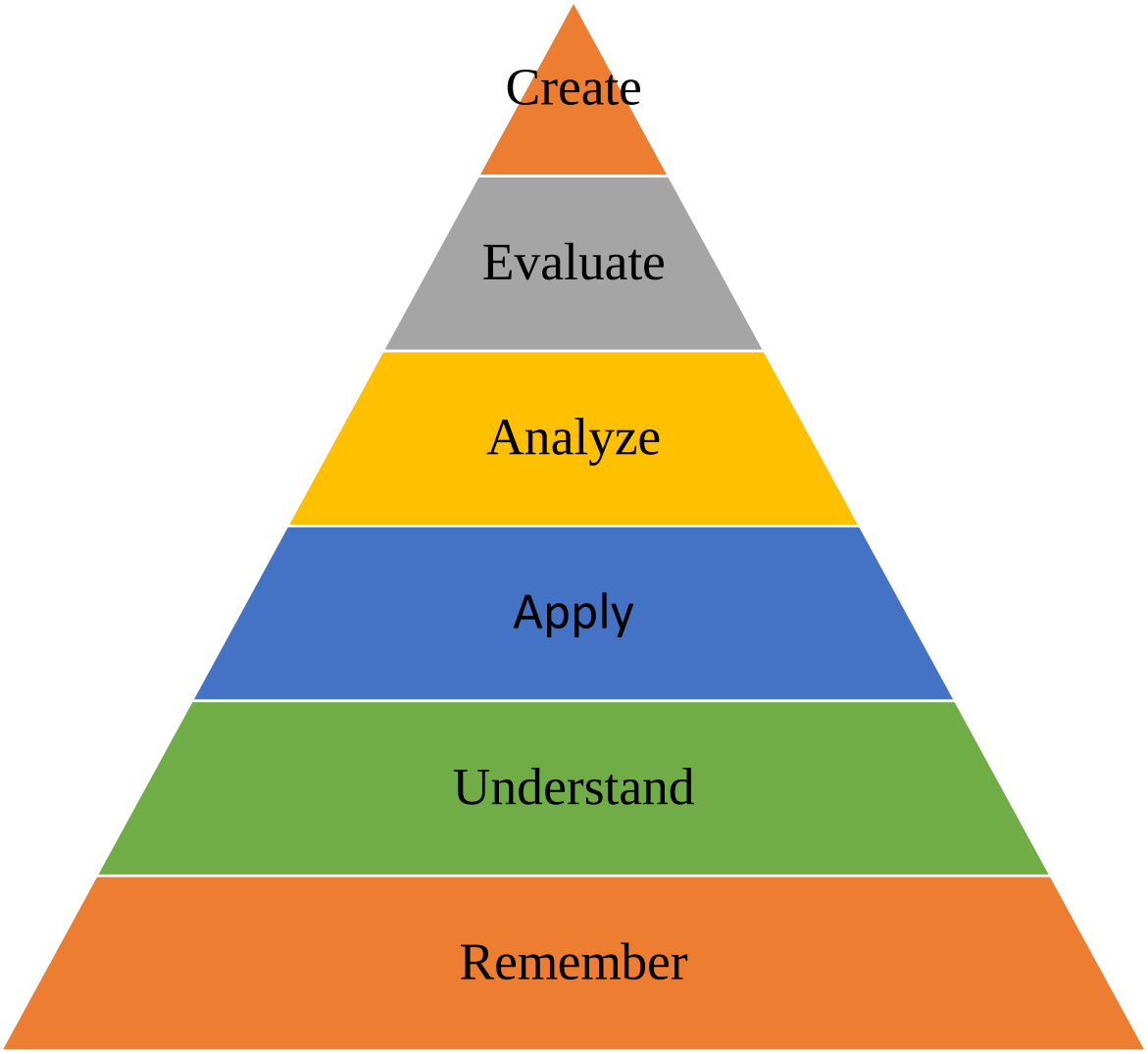


Рисунок 1. Уровни когнитивных процессов по Андерсону

Для практической формулировки учебных целей на каждом когнитивном уровне могут использоваться следующие глаголы, представленные в таблице.

Таблица 1.

Глаголы для формулировки учебных целей

Уровни	Глаголы для формулировки показателей
Create	генерировать, планировать, проектировать, создавать, разрабатывать.
Evaluate	оценивать, обосновывать, аргументировать, критиковать, защищать.

Analyze	различать, выделять, структурировать, находить связи, проверять.
Apply	применять, использовать, решать, выполнять, демонстрировать.
Understand	объяснять, интерпретировать, перефразировать, классифицировать, сравнивать.
Remember	называть, перечислять, определять, находить, воспроизводить.

Как отмечает Кратвол, данная модель служит общим языком для описания образовательных целей и анализа согласованности целей, содержания и оценивания [5]. Это делает её особенно ценной для преподавания иностранного языка, где необходимо учитывать не только языковую форму, но и когнитивную сложность учебных действий. Такая матрица позволяет преподавателям точно определять характер учебных целей и соответствующих им заданий», что полностью согласуется с выводами зарубежных исследователей.

Модель backward design, в свою очередь, предлагает строить образовательный процесс в обратной логике: от определения конечных результатов обучения к разработке оценочных средств и лишь затем к подбору учебной деятельности. Уиггинс и Мактай подчёркивают, что ключевым является вопрос не только о том, чему учить, но и о том, какие свидетельства будут подтверждать понимание учащимися изучаемого материала. Особое значение придаётся формирующему оцениванию, включая самооценку учащихся («Я могу…»), что соответствует современным представлениям о развитии автономии обучающихся и необходимости постоянной обратной связи [6].

Интеграция таксономии Андерсона и модели backward design позволяет выстроить обучение иностранному языку как логически согласованную систему, в которой цели, оценивание и учебная деятельность взаимно обусловлены. На первом этапе формулируются цели в терминах наблюдаемых действий учащихся, соотнесённых с уровнями когнитивной сложности. На втором этапе проектируются оценочные средства, позволяющие проверить достижение этих целей. На третьем этапе подбираются задания, обеспечивающие движение от репродуктивных к продуктивным и творческим видам деятельности. Такой подход

соответствует принципу конструктивного согласования, согласно которому все элементы образовательного процесса должны быть взаимосвязаны.

Применение двухмерной матрицы Андерсона в обучении иностранному языку позволяет системно распределять задания по уровням сложности. Задания, направленные на фактическое знание и уровни remember и understand, связаны с запоминанием лексики, определением значений слов, перефразированием и интерпретацией текста. Концептуальное знание и уровни understand и analyze проявляются в установлении смысловых связей, анализе коммуникативных стратегий и структур текста. Процедурное знание и уровни apply и analyze реализуются в использовании грамматических структур в реальных коммуникативных ситуациях, выполнении речевых задач и анализе ошибок. Метакогнитивное знание и уровни evaluate и create проявляются в самооценке, проектной деятельности, создании собственных текстов и рефлексии над стратегиями изучения языка. Такой подход позволяет уйти от доминирования заданий на воспроизведение и способствует развитию критического и творческого мышления учащихся, что соответствует современным требованиям к обучению иностранному языку.

Дополнительным теоретическим основанием для объединения таксономии Андерсона и модели обратного проектирования выступает концепция конструктивного выравнивания, предложенная Джоном Биггсом. Согласно его подходу, эффективность обучения определяется степенью согласованности между формулировкой целей, учебной деятельностью и процедурами оценивания. Биггс подчёркивал, что учащиеся «учатся тому, что оценивается», поэтому все элементы курса должны быть направлены на достижение одних и тех же результатов [4]. В этом смысле интеграция таксономии Андерсона и backward design полностью соответствует логике конструктивного выравнивания: таксономия позволяет точно описать ожидаемые результаты в терминах когнитивных действий, а backward design обеспечивает последовательное выстраивание оценивания и учебных активностей вокруг этих результатов. Таким образом, обе модели не просто дополняют друг друга, но и создают методологически согласованную структуру, в которой цели, задания и оценивание образуют единую систему. Это особенно важно в обучении иностранному языку, где переход от репродуктивных к продуктивным видам деятельности требует чёткой связи между уровнем когнитивной сложности и типом учебных задач.

Таким образом, сочетание таксономии Андерсона и модели backward design создаёт методологически выверенную основу для проектирования заданий по иностранному языку. Таксономия обеспечивает точность формулировки целей и критериев оценивания, а backward design задаёт стратегическую логику построения курса. Их интеграция позволяет выстроить

обучение как последовательный и согласованный процесс, направленный на развитие у учащихся не только языковой компетенции, но и когнитивных навыков высокого уровня. Это делает данные модели важными инструментами современного педагогического дизайна и подтверждает их значимость для дальнейшего развития методики обучения иностранным языкам.

Литература

1. Абызова, Е. В. Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории / Е. В. Абызова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 3. – С. 12–16.

2. Дерева, А. С. Педагогический дизайн в проектировании образовательной траектории обучающихся / А. С. Дерева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2025. – № 2. – С. 112–118. – DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-112-118.

3. Жмакова, Е. И. Таксономия Блума как система учебных целей при разработке компетентностно ориентированных заданий / Е. И. Жмакова. – 2024.

4. Biggs, J. Enhancing teaching through constructive alignment / J. Biggs // Higher Education. – 1996. – Vol. 32, № 3. – P. 347–364.

5. Krathwohl, D. R. A revision of Bloom’s taxonomy: An overview / D. R. Krathwohl // Theory Into Practice. – 2002. – Vol. 41, № 4. – P. 212–218.

6. Wiggins, G. What is backward design / G. Wiggins, J. McTighe // Understanding by design. – 1998. – Т. 1. – С. 7–19.

M. A. SHEMANAEVA, P. N. KALININA

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Petrozavodsk State University", Petrozavodsk, Russian Federation

APPLICATION OF ANDERSON’S TAXONOMY FOR DESIGNING FOREIGN LANGUAGE TASKS

The article examines the feasibility of integrating Anderson's taxonomy for teaching a foreign language. It demonstrates how the combination of backward design and Anderson's taxonomy allows for the sequential formulation of learning objectives using cognitive level verbs and the design of tasks. The article concludes that this approach ensures the accuracy of educational outcomes and the development of students' critical thinking skills.

Instructional design, Anderson's taxonomy, backward design, foreign language teaching.

Шеманаева Мария Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: Методика преподавания иностранных языков, разработка программ дополнительного профессионального иноязычного образования.

Калинина Полина Николаевна – студентка группы 142 института иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет». Научные интересы: методика преподавания иностранных языков, межкультурная коммуникация.

Shemanaeva Maria Alexandrovna –Ph.D. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of English Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Petrozavodsk State University". Scientific interests: methodology of teaching foreign languages, development of additional professional foreign language education programs.

Kalinina Polina Nikolaevna – student of group 142, Institute of Foreign Languages Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Petrozavodsk State University". Scientific interests: methodology of teaching foreign languages, intercultural communication.

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ

УДК 130.2:159.9

О. К. АГЛЕТИНОВ, Р. Н. НАЗАР

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

РУССКАЯ ДУША И ГОСУДАРСТВО: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются философско-психологические архетипы российской цивилизации, определяющие специфику «русской души» и её взаимоотношения с государством. На основе идей Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, К. Г. Юнга и М. М. Решетникова анализируются дуализм народного сознания, слабая выраженность эдипова комплекса, азиатский способ производства и коллективное бессознательное как факторы, формирующие особый тип веры, послушания и сакрализации власти. Делается вывод о принципиальной несводимости российской ментальности к западным или восточным моделям.

русская душа, архетип, коллективное бессознательное, дуализм, азиатский способ производства, эдипов комплекс.

«Умом России не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить» – это слова великого русского поэта и мыслителя Фёдора Ивановича Тютчева. И ведь действительно, национальная особенность России заключается в вере народа, её населяющую, а именно русских, в какую-либо, выбранную коллективно идею. Обусловлено это коллективным бессознательным. Можно добавить, что русское государство десятилетиями учит людей инициативе, инициативе в общем, мышления, действия и становления частью общества России, но архетипически поощряет послушание, которое подкреплено коллективным бессознательным русской души, которая воспитана на православии, и, следствием этого как раз является это стремление к послушанию, так как вера русского народа истинна и абсолютно духовна, призывает к смирению и помощи ближнему своему. Вот что пишет философ и социолог Н. А. Бердяев в своей книге «Русская идея»: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души, природная, языческая, дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность, жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость;

обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм; самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [1]. Из этого можно сделать вывод, что для русского человека свойственны двоеверие, двоемыслие, дуализм. Ну почему так, какова причина такого развития народной души, Супер-Эго всей России? Причиной этому послужила физическая география России, следствием которой стала и её духовная география. Россия – это целый мир, это что-то между Востоком и Западом, русский человек – не азиат и не европеец, в нас есть черты их обоих. Из-за этого наша страна так индивидуальна и необычна. «Русские – бегуны и разбойники. И русские – странники, ищущие божьей правды» [1].

«Изолированность сельских общин… порождает централизованный деспотизм» [3]. Теперь постараемся объяснить сущность русской души и идеи с точки зрения экономических формаций по Марксу и его крайнего материализма. Думаю, всем ясно, что духовную структуру через эту призму можно объяснить только косвенно, по причине того, что К. Маркс рассматривает только абсолютный, крайний материализм. В нём не так много субъективности, а именно она нужна для описания духовного мира русского человека.

Вообще говоря, в России, рассматривая способ производства, можно отметить, что в нём преобладает азиатский способ производства. Даже несмотря на то, что Петр I изо всех сил старался «открыть окно в Европу» он не смог претворить способ производства – он слишком сильно влился в структуру нашей экономики, а его резкая смена попросту была невозможной.

России присущ не классический европейский феодализм, а, скорее некоторая подкатегория именно азиатского способа производства. У нас нет подобия «сеньора-вассалов», нам не присуща абсолютная частная собственность (АСП) на землю. АСП, вообще говоря, характеризуется отсутствием частной собственности на землю (у нас она есть, но всё же находится под контролем государства); деспотическим правом государства на весь или почти весь прибавочный продукт (прибавочную стоимость); существованием сельских общин, которые изолированы друг от друга.

Русский народ отличается от других национальностей постоянным поиском идеи, высматривает будто бы идеальный тезис экзистенциального бытия. Для нас «Мир, как воля и представление» Шопенгауэра – это тезис, а ключевое понятие философии Гегеля – Абсолютный дух, – суть понятие абсолютизированное, для нашего народа есть зеркало отображения идеи самопознания, поиска истины и самого себя в бесконечном метафизическом пространстве экзистенциализма. Именно поэтому в XIX веке на нашей необъятной родине была популярна философия Гегеля, ницшеанскими кругами признанная пустой софистикой. А

сочетание православной веры в Христа, любви к правде и истине это породило на свет необычайное сочетание поиска культурного, религиозно-экзистенциального бытия без ноты обладательного модуса. Как уже было отмечено ранее, нашей натуре присущи двоемыслие, а в сочетании с периодом юношества это вызывает большую волатильность, склонность к изменениям и пылкость в поиске возможного кумира и идеи. Так, несмотря на религиозность, в том же столетии в молодежных кругах было популяризированных ницшеанство, хотя, сравнивая с гегелевской философией, идеей любви в православии, идеи Ницше – это их полная противоположность.

Первая половина XX века, к сожалению, стала временем больших трагедий и резких изменений мироустройства, сменой «царей и бояр». Нашу страну потрясла революция 1917 года, а после Гражданской войны потрясла еще одна трагедия – становление коммунистического режима. В чем же причина таких резких изменений? Как исконно верующий народ в одно мгновение (а для истории это мгновение) стал воинствующим безбожником? Самая религиозная нация вдруг в один момент поставила рекорд по гонениям на христиан и разрушению храмов и церквей. Послушание, беспрекословность и смирение присущи для нас. А вкупе с нашим дуализмом смена кумиров была следствием, а не причиной. Попробуем рассмотреть такие архетипические черты. В Западной Европе, в её Южной части ярче всего в детском возрасте проявляется такое явление, как Эдипов комплекс, когда сын начинает как бы ревновать мать к отцу, аналогична ситуация с дочерью. Ярко проявляется он и в племенах туземцев в Австралии, несмотря на первобытный общинный строй их племён. А вот в российском обществе его проявление малозаметно. Вообще говоря, Эдипов комплекс – это психологический, биологический нормальный ход развития индивида, в нём ничего нет ничего запретного и удивительного. У русского народа он плохо проявляется из-за простоты русской души. «Мы знаем, что в России преследуют Церковь, христианство, религию, вообще, что тысячи людей уже пролили свою кровь за Христа, что не будет преувеличением, а точным выражением действительности назвать тот режим, в котором живёт русская Церковь режимом гонений» [5]. Нам присущ деспотизм и авторитаризм. Наш народ в лоне коллективизма всегда следует за выбранной идеей. Сменой это идеи, отказом от коммунистического развития было неполное стремление к власти, сделав их противников мучениками в Гражданскую войну, коммунисты уже проиграли, это было дело времени. Наш народ в XIX столетии, напитавшись идей немецкой классической философии, идей Гегеля об Абсолютном духе, разумеется, вследствие этого, установил авторитарный режим. Есть даже некоторое историческое сходство в этом: режимы в Германии после разрушение Веймарской республики и Социалистической России во многом схожи.

Подтверждение этих тезисов можно найти у нескольких исследователей. О дуализме русской души, помимо Бердяева, писал историк Георгий Федотов в работе «Судьба и грехи России». Он отмечал, что в народном сознании уживаются «святой» и «звериный» слои, причём переход между ними происходит мгновенно, без длительной рефлексии. Этнографические записи XIX века это подтверждают: крестьянин мог истово молиться перед иконой, а через час участвовать в жестокой драке или обманывать соседа. Такое поведение не считалось лицемерием, поскольку оба регистра воспринимались как естественные.

Что касается слабого проявления Эдипова комплекса у русских, то здесь интересные наблюдения приводит современный петербургский психоаналитик Михаил Решетников. В своих работах он связывает это с особенностями традиционной русской семьи. Отец в ней часто отсутствовал – отходничество, длительная военная служба, ссылки и лагеря, – а материнская фигура доминировала. В такой конфигурации бунт против отца теряет смысл. Вместо этого ребёнок идентифицируется с материнским началом и привыкает искать замену отцу во внешних авторитетах: царе, вожде, государстве или абстрактной идее. Этим же объясняется традиционная для России сакрализация власти и готовность подчиняться любому, кто занимает место символического отца.

Таким образом, дуализм по Федотову и эдипальная структура по Решетникову дополняют друг друга. Первый объясняет, почему русский человек легко совмещает противоположные качества, второй – почему он так охотно передаёт свою волю внешнему авторитету. Вместе они создают тот самый психологический фундамент, на котором держатся и православное послушание, и резкие смены идеологических кумиров.

«Русская вера не чисто религиозна; на это указывают специализированные (типичные) её признаки, которые выражены во многих словообразовательных комплексах типа «верность, доверие, доверчивость, уверенность», так или иначе определяющих подсознательные установки русской духовности. «Вера» – логически род, лингвистически – гипероним (самое общее понятие). «Русская вера» не поддается схематизации (душа важнее идеи духа) еще и потому, что этическое в ней содержится не в одной лишь идее, но также и в вещи, на которую обращено внимание каждой конкретной мысли в ее предъявлении» [2]. Тут мы подходим к тому, о чём писал Карл Густав Юнг. Колесов говорит, что «русская вера» не сводится только к религиозной догме, она шире – это вера как таковая, способ отношения к миру. И вот здесь юнговское понятие коллективного бессознательного оказывается очень кстати.

Юнг полагал, что в психике каждого человека есть глубинный слой, общий для всего народа или даже для всего человечества. Это не личный опыт и не выученные установки, а нечто врождённое, что достаётся нам от предков. Этот слой он и назвал коллективным бессознательным, а его содержанием являются архетипы – универсальные образы и модели

поведения, которые живут в мифах, сказках, сновидениях и, конечно, в вере. Эти архетипы нельзя потрогать или до конца рационально осмыслить, они проявляют себя через символы, ритуалы и эмоциональные переживания.

Так вот, то, что Колесов называет «русской верой» – это как раз и есть работа коллективного бессознательного. Русский человек верит не столько в конкретный догмат, сколько в сам принцип абсолютной, целостной идеи. Для него важен не рациональный анализ истины, а переживание её как нуминозного опыта – то есть опыта встречи со священным, который захватывает всего человека целиком. Этот опыт, по Юнгу, не зависит от нашей воли, он сам овладевает нами. И русская душа, с её поиском «абсолютной истины» и готовностью к самоотдаче, оказывается необычайно восприимчивой к таким архетипическим воздействиям. Поэтому «русскую веру» невозможно до конца схематизировать. Она живёт не на уровне формул, а на уровне глубинных архетипов коллективного бессознательного. Именно поэтому «душа важнее идеи духа»: душа – это вместилище этого коллективного опыта, связующая нить между личным переживанием и общечеловеческими первообразами. Вера в России – это не результат умозаключения, а архетипическая установка, идущая из самой глубины народной психики.

Итак, подводя итог всему сказанному, мы снова и снова возвращаемся к тютчевской формуле. «Умом Россию не понять» – потому что ум оперирует непротиворечивыми схемами, линейной логикой и причинно-следственными связями. Русская же душа, как показали и Бердяев, и Федотов, и Колесов, этих схем не признаёт. Она соткана из противоположностей: смирение соседствует с бунтом, православие – с языческой стихией, искание Бога – с воинствующим безбожием. И все эти крайности уживаются в одном народе, часто в одном человеке, причём без видимого внутреннего конфликта.

Почему так происходит? География подарила нам бескрайние равнины и суровый климат – условия, в которых выжить можно только сообща, под сильной рукой. Экономика закрепила эту модель в виде азиатского способа производства – без частной собственности, зато с деспотическим государством и изолированными общинами. Православие воспитало смирение и послушание, но не отменило природной дионисийской стихии, которая в моменты потрясений вырывается наружу. А коллективное бессознательное, о котором писал Юнг, превратило всё это в архетипическую установку: верить не рассудком, а всей душой.

Психоаналитический взгляд Решетникова добавляет к этой картине недостающий элемент: ослабленный Эдипов комплекс, отсутствие привычки бунтовать против отца и привычка искать отца символического. Отсюда сакрализация любой власти, которая занимает место этого отца. Отсюда же лёгкость, с которой русский народ меняет кумиров, не меняя механизма подчинения.

Таким образом, и дуализм Федотова, и архетипы Юнга, и азиатский способ производства, и эдипальная структура по Решетникову – всё это разные грани одного и того же явления. Россия действительно есть целый мир, со своей логикой, которая не совпадает ни с западной, ни с восточной [4]. Эту логику нельзя измерить «общим аршином», потому что она живёт не в учебниках, а в глубинах коллективной психики, в тех слоях, где слова уступают место образам, а рациональное мышление – вере.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Русская идея : основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-Press, 1971. – 261 с.

2. Колесов, В. В. Русская душа // Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 1 (6). – С. 31–47.

3. Маркс, К. Британское владычество в Индии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 9. – С. 136.

4. Решетников, М. М. Особенности русской ментальности: психоаналитический взгляд / М. М. Решетников // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2006. – № 4. – С. 12–19.

5. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов. – Санкт-Петербург : София, 1991–1992.

O. K. AGLETINOV, R. N. NAZAR

“Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”

RUSSIAN SOUL AND STATE: PHILOSOPHICAL-PSYCHOLOGICAL ARCHETYPES OF RUSSIAN CIVILIZATION

The article examines the philosophical-psychological archetypes of Russian civilization that determine the specificity of the "Russian soul" and its relationship with the state. Based on the ideas of N. A. Berdyaev, G. P. Fedotov, C. G. Jung, and M. M. Reshetnikov, the dualism of national consciousness, the weak expression of the Oedipus complex, the Asian mode of production, and the collective unconscious are analyzed as factors shaping a particular type of faith, obedience, and sacralization of power. The conclusion is drawn about the fundamental irreducibility of Russian mentality to Western or Eastern models.

Russian soul, archetype, collective unconscious, dualism, Asian mode of production, Oedipus complex.

Аглетинов Олег Константинович – студент группы ГСХ-31а «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация.

Назар Роман Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: синтаксис русского и украинского языков, особенности репортажного текста; аббревиация; работа над составлением двуязычных словарей.

Agletinov Oleg – student of GSH-31a groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: Russian language, intercultural communication.

Nazar Roman – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: syntax of Russian and Ukrainian languages, features of reportage text; abbreviation; work on compiling bilingual dictionaries.

УДК 101.1:316.75

В. Д. БАБАНИН, Т. И. МАРМАЗОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», г. Москва, РФ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В СИСТЕМЕ ПОДДЕРЖАНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ И ЦЕЛОСТНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

Статья посвящена анализу идеологии как механизма, обеспечивающего выживание и развитие общества в качестве сложного биосоциального организма. Автор исследует генезис идеологического мышления. Особое внимание уделено негэнтропийной функции идеологии в обществе. Автор приходит к выводу, что идеология является «иммунной системой» социума, которая не только защищает его целостность, но и задает вектор исторического творчества.

идеология, социальный организм, социальная устойчивость, тектология, энтропия.

В современной социально-философской мысли общество всё чаще рассматривается не как механическая совокупность индивидов, а как сложный биосоциальный организм. Жизнеспособность такого организма зависит от его способности сохранять внутреннюю структуру и сопротивляться деструктивному воздействию внешней среды. Ключевым элементом, обеспечивающим эту устойчивость, выступает идеология. Она выполняет функцию «социального клея», который не просто связывает разрозненные элементы системы, но и задаёт вектор их совместного функционирования, обеспечивая переход от хаотической множественности к системному единству.

Прежде всего следует отметить различие между конкретно-исторической идеологией, как комплексом целей и убеждений и идеологией как парадигмой социально-политического мышления. Конкретно-историческая идеология напрямую выражает интересы отдельного сообщества, а также обеспечивает групповую идентичность. Идеологическая же парадигма структурирует само социально-политическое пространство, делая его понятным и осмысленным для субъекта. Можно сказать, что последняя «картографирует» территорию политического, при этом различные идеологические парадигмы (либерализм, социализм, консерватизм) делают это по-разному [1].

Однако, рассмотрение идеологии как фактора устойчивости общества требует обращения к её истокам, лежащим на стыке биологической природы человека и его социального бытия. Общество как биосоциальный организм вырастает из биологических предпосылок выживания вида, где первичной формой сплочения выступали практики взаимопомощи. Эти архаичные формы связи М. П. Бузский определяет как «пред-идеологию»

– искреннее осознание неразрывной связи с себе подобными, послужившее духовной первоосновой формирования человека как общественного существа [2].

В системе социального организма идеология выступает способом объективации коллективного бессознательного. Она берет начало на уровне глубинной «воли к бытию» [2] социального субъекта и, проходя через социальные фильтры, трансформируется в политические интересы и культурные ценности. Без такого «оформления» импульсы коллективной психики остаются недифференцированными и не могут обеспечить этносу или нации устойчивость в историческом времени. Таким образом, идеология служит мостом, переводящим иррациональную жизненную энергию организма в рационально организованные формы общественной жизни.

Переходя от естественных оснований к собственно форме, то есть – структурной организации идеологического, необходимо обратиться к теории систем, а именно универсальной организационной науке российского учёного и философа А. А. Богданова – Тектологии. Богданов рассматривал общество как систему «человеческих активностей», развертывающуюся в сопротивляющейся природной среде. В этой структуре идеология на верху социальной иерархии, выполняя координирующую роль по отношению к технике и экономике. Так, согласно Богданову, существует триединая организация вещей, людей и идей. Техника организует материю (вещи), экономика организует людей в процессе производства, а идеология организует сам коллективный опыт [3].

Главный принцип тектологии – «целое больше суммы своих частей» – находит в идеологии своё наиболее полное воплощение [4]. Группа, объединенная общей идеологической системой, обладает более высокой жизнеспособностью, так как идеология снижает взаимные сопротивления элементов системы, превращая сумму изолированных субъектов в единый, эффективно действующий организм. В этом контексте идеология – это не просто набор верований, а высший организационный механизм, без которого социальная система теряет свою структурную крепость и неизбежно распадается.

Однако как этот сложный механизм формируется в современном многофакторном информационном мире; и, следовательно, как он функционирует? Простое случайное сложение философски обоснованных идей не создаст должного воздействия на массы, как и набор популярных лозунгов не сформирует действительно стойкое, укореняющееся в сознании, мировоззрение. Ответ на этот вопрос даёт Л. И. Летягин. Он описывает идеологический процесс как алгоритм последовательной структурной организации идей и знания, который сможет перевести теоретические конструкты на язык массовых практик [5].

Первым этапом алгоритма Л. И. Летягина является адаптация, подразумевающая взаимную интерпретацию теоретического знания (в частности, философских социально-

политических проектов) с системой общечеловеческих ценностей и традиций конкретно взятой культуры [5]. Идеология интерпретирует научные или философские идеи как практически ориентированные ответы на «вечные вопросы» бытия, наполняя их понятным каждому этическим содержанием.

Далее следует редукция – сведение общечеловеческих ценностей к групповым или индивидуальным либо придание статуса общечеловеческого идеала, интереса – индивидуальному, групповому, что дает идеологии мощный мобилизационный потенциал.

Завершает процесс абсолютизация своего варианта адаптации и редукции как единственно истинного и его апологетика [5]. Идеология трансформирует сложные структуры социального бытия в масштабы дихотомии – «свои – чужие» (или «истина – ложь»), поскольку конфликтное начало политического мира требует формирования образа врага. Это способствует консолидации социума даже больше, чем единство интересов.

Сформированная таким образом идеология несёт, как кажется, конфликтогенную и манипулятивную направленность, разделяя общество на группы, а не поддерживая его целостность, однако это не совсем так. Одной из естественных функций завершенной идеологии является её способность противостоять процессу энтропии. В рамках теории сингулярности, энтропия есть мера беспорядка, мера хаоса системы [6]. Так, с одной стороны социальной системе необходимо быть открытой внешнему миру, но системе как таковой, для её жизнеспособности, необходимо становиться не полностью открытой или закрытой, а «открыто-закрытой», что сделает её изоэнтропийной. Важно избегать как «распахнутости» в ее открытости – лавинообразных изменений и усвоения «свободной энергии» (энергетического потенциала внешней среды), которое может и должно происходить избирательно, так и изолированности в закрытости [7].

Идеология в этой системе выполняет негэнтропийную функцию по нескольким направлениям:

1. Структурирование хаоса: она преобразует разрозненные индивидуальные воли в направленный поток коллективного действия.

2. Интеграция опыта и знаний предыдущих поколений, что создает условия для преемственности развития организма.

3. Освоения кризисных состояний, когда идеологический проект выступает как аттрактор, определяющий выбор новой траектории устойчивого развития.

Преодоление социальной энтропии напрямую связано с потребностью уже отдельного человека в «онтологической безопасности» – уверенности в надежности окружающего мира и собственной идентичности. Согласно Э. Гидденсу идеология обеспечивает эту уверенность, представляя социальную реальность как «укрытие» от хаоса бытия и задавая смысл

социальным действиям [8]. Она превращает рутинные практики в акты созидания исторического субъекта, что делает общественную жизнь предсказуемой и стабильной.

Однако, в системе мышления социального организма идеология, разумеется, не существует изолированно – она тесно взаимосвязана с такими формами мировоззрения как религия и утопия. Эти ранние структуры интеллектуальных воззрений также поддерживают выживание и эволюцию общественного организма, что уже роднит с их с идеологией.

Многие исследователи определяют идеологию как «секуляризированную религию» (Д. Белл) [9] или «эрзац-религию» (У. Матц) [10]. Исторически именно религия долгое время обеспечивала солидарность людей и целостность общества через связь с трансцендентным «Абсолютом». Идеология же частично копирует религиозный тип мышления, наделяя светские цели (прогресс, нация, справедливость) сакральностью. В рамках «космоцентрической» модели религии сакрализация мирского объекта означает его уподобление божественному. Схоже действует и идеология: приводя свой проект будущего, как единственно истинный и достижимый, соответствующий потребностям всех людей, она редуцирует его к общечеловеческим ценностям, наделяя этот проект статусом «императивно-должного», «смысложизненного».

С другой стороны, встаёт утопия, выступая как «иллюстрированная идеология», придающая законченный вид обсуждению нормативных теорий. Если классическая утопия – это принципиально невозможный проект, то в современном понимании утопия – это свернутая теория, обладающая потенциалом практической реализации в будущем. Так, по К. Мангейму, утопии – это представления, целью которых оказывается практическое преобразование данного бытия, а идеологии, в свою очередь, это такие «представления, которые de-facto никогда не достигают реализации своего содержания» [11]. В системе устойчивости организма утопический элемент выполняет роль «горизонта развития».

Итак, идеологический компонент представляет собой неустранимую подсистему в структуре социального организма, чьи функции охватывают все уровни его организации – от биологических оснований взаимопомощи и коллективного бессознательного до высших форм рационального управления и противодействия социальной энтропии. В силу этого идеология заслуживает рассмотрения не как «ложное сознание» или инструмент манипуляции, а как необходимый атрибут устойчивого общества, упорядочивающий его фундаментальное стремление к самосохранению и укреплению целостности. Разрыв между теоретическими смыслами и практическими потребностями социального организма неизбежно ведет к кризису идентичности и последующей деградации. Выступая в роли «иммунной системы» социума, идеология обеспечивает не только выживание общества в условиях глобальных рисков, но и

саму возможность исторического творчества, позволяя социальному организму преобразовывать реальность в соответствии с собственным идеалом.

Литература

1. Демин, И. В. Философский и социально-политический аспекты проблемы идеологии / И. В. Демин // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2022. – № 3. – С. 68–86.

2. Бузский, М. П. Целостность общества и феномен идеологии / М. П. Бузский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 2 (14). – С. 62–68.

3. Кришталь, В.В. А.А. Богданов – основоположник тектологии и теории организации / В. В. Кришталь // Экономическое возрождение России. – 2006. – № 2 (8). – С. 75–80.

4. Корицкий, Э. Б. Организационные идеи А. А. Богданова и их резонанс: к 130-летию со дня рождения А. А. Богданова / Э. Б. Корицкий // Российский журнал менеджмента. – 2003. – № 2. – С. 127–140.

5. Летягин, Л. Н. Философия идеологии : монография / Л. Н. Летягин. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. – 138 с.

6. Шевченко, И. В. Концепция современного естествознания : учебное пособие / И. В. Шевченко. – Казань : Познание, 2010. – 235 с.

7. Шарифуллин, М. Р. Изоэнтропийность социальных систем как условие их жизнеспособности / М. Р. Шарифуллин // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 57–63.

8. Giddens, A. Modernity and Self-Identity : Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 2008. – 245 p.

9. Bell, D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties / D. Bell. – 2nd ed. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000. – 501 p.

10. Матц, У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна / У. Матц // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1. – С. 130–139.

11. Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм ; перевод М. И. Левиной. – Москва : Юрист, 1994. – 704 с.

V. D. BABANIN, , T. I. MARMAZOVA

Plekhanov Russian University of Economics

THE IDEOLOGICAL ELEMENT IN THE SYSTEM OF MAINTAINING THE STABILITY AND INTEGRITY OF THE SOCIAL ORGANISM

The article analyzes ideology as a mechanism ensuring the survival and development of society as a complex biosocial organism. The author explores the genesis of ideological thinking. Special attention is paid to the negentropic function of ideology in society. The author concludes that ideology is the "immune system" of society, which not only protects its integrity but also sets the vector of historical creativity.

ideology, social organism, social stability tectology, entropy.

Бабанин Владислав Дмитриевич – аспирант 3 курса Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Научные интересы: философия идеологии, мировые цивилизации, идентичность.

Мармазова Татьяна Ивановна – доктор политических наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономическогоуниверситета имени Г.В. Плеханова, г. Москва, РФ.

Babin Vladislav – 3rd year postgraduate student of the Plekhanov Russian University of Economics, Department of History and Philosophy. Research interests: philosophy of ideology, world civilizations, identity.

Marmazova Tatiana – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.

УДК 340.12

Н. А. БАРДАШЕВИЧ, Ю. В. ГЕРАСИМЕНКО

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ (ДНР)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье обосновывается, что правосознание выступает сквозным психологическим компонентом механизма правового регулирования (МПР), *пронизывая все его стадии (от правотворчества до реализации права) и соответствующие структурные элементы.* Особое внимание уделяется поведенческому компоненту, обеспечивающему добровольное правомерное поведение.

механизм правового регулирования, правосознание, правомерное поведение, право

В условиях меняющейся правовой системы роль правосознания как регулятора общественных отношений неизмеримо возрастает. Традиционный акцент юриспруденции на правовых нормах не должен заслонять собой нравственно-психологические механизмы, без которых эффективное правовое регулирование невозможно.

Проблемам правосознания большое внимание уделяли дореволюционные правоведы (И. А. Ильин, Н. М. Коркунов, В. С. Соловьев, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич). В советский период исследование продолжили такие выдающиеся ученые как С. С. Алексеев, Г. С. Остроумов, А. Р. Ратинов, исследования которых продолжили современные юристы Т. А. Баширов, И. Л. Вершок А. В. Алексенко, В. В. Лазарев, В. П. Малахов и другие.

Прежде всего, необходимо определиться с дефинициями основных понятий. Единого подхода к определению правосознания не существует, хотя формулировки разных авторов обнаруживают общее сходство. Под правосознанием обычно понимают совокупность взглядов, идей, чувств и эмоций людей, выражающих отношение к правовой действительности, т.е. к действующему и желаемому праву. Правосознание включает в себя правопонимание, представления о роли права и правовых учреждений, а также субъективное отношение к ценностям права [1, с. 317].

Так, согласно определению В. В. Лазарева и С. В. Липеня, правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности [1, с. 315].

Отмечая тесную связь правосознания с ценностно-нормативным характером права, Е. А. Лукашева указывает, что «правосознание субъекта права формируется под воздействием социальных условий, той системы общественных связей и отношений, той системы ценностно-нормативной ориентации, общественной практики, в которой действует индивид» [2, с. 131].

С. С. Алексеев определял правосознание как «субъективное явление, состоящее из представлений людей о праве, из субъективного отношения к самому феномену права, его ценностям, из правовой психологии и даже из индивидуальной или массовой эмоциональной реакции на право» [3, с. 265].

По мнению М. Н. Марченко, «правосознание представляет собой совокупность взглядов, идей, чувств, настроений, относящихся к праву. Оно включает и само представление о праве, т.е. правопонимание, взгляды на роль права, правовых учреждений в жизни общества и государства, идеи о правах человека, его ответственности перед другими людьми, государством и обществом» [4, с. 336].

В Юридическом энциклопедическом словаре под редакцией О. Е. Кутафина правосознание определяется как совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным. Авторы словаря подчеркивают, что правосознание включает знание действующего права, его основных принципов и требований, но не сводится к нему: для правосознания не менее важен оценочный момент и поведенческие установки [5, с. 388]. Правовая грамотность, которую А. Н. Самарский и его соавторы называют информационным аспектом правосознания, относится преимущественно к уровню правовой идеологии, поскольку предполагает систематизированное знание действующего права [6, с. 124].

В структуре правосознания традиционно выделяют правовую идеологию (систематизированные представления, вырабатываемые специалистами) и правовую психологию (эмоционально-чувственный компонент). Некоторые авторы добавляют поведенческий элемент, характеризующий готовность личности к совершению осознанных правовых поступков [1, с. 317]. Именно поведенческий компонент напрямую связывает правосознание с функцией регулирования.

В отличие от механизма правового регулирования, опирающегося на государственное принуждение, правосознание воздействует на общественные отношения через духовно-психологические аспекты. Оно способно компенсировать недостаточную эффективность правового регулирования, обеспечивая правомерное поведение на основе внутренних убеждений, а не из страха наказания.

Современные исследователи подчеркивают многогранное значение правосознания для эффективности правового регулирования. Можно выделить несколько аспектов. Правовая грамотность населения, то есть информационный аспект правосознания, позволяет избегать неосознанных правонарушений и ситуаций, когда нарушаются законные права граждан. Важен и ценностный аспект: признание значимости правопорядка, ценностное отношение к нормативному поведению и неприятие противоправной деятельности. Это регулятор, который работает непрерывно, особенно в тех случаях, когда внешний контроль ослаблен или вообще отсутствует. И еще один момент – развитое правосознание делает диалог населения с властью более конструктивным, а значит, правовая система может адаптироваться к реальным интересам людей [6, с. 124–126].

В классической теории в механизме правового регулирования (МПР) выделяют три основные стадии: правотворчество, возникновение субъективных прав и юридических обязанностей (правоотношений) и реализацию права. Правосознание задействовано в каждой из этих стадий, но не как самостоятельный блок, а как сквозной психолого-идеологический контекст. Если норма права – это абстрактный масштаб поведения, а правоотношение – конкретная связь субъектов, то правосознание обеспечивает субъективную готовность личности следовать этому масштабу без внешнего принуждения. Разумеется, правосознание и механизм правового регулирования – это явления разной природы (духовной и юридической), однако в функциональном плане их можно сопоставить как два типа регуляции общественных отношений.

Системные различия между механизмом правового регулирования и правосознанием как регулятором наглядно представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика механизма правового регулирования и правосознания как регуляторов поведения

Критерий сравнения	Механизм правового регулирования (позитивное право)	Правосознание как регулятор
Основа воздействия	Государственное принуждение, санкции норм	Духовно-психологические аспекты, внутренние убеждения
Источник регуляции	Внешний (законы, подзаконные акты)	Внутренний (совесть, чувство справедливости, правовая психология)
Характер воздействия	Формально-определенный, обязательный	Неформальный, оценочный, мотивационный

Результат	*Правомерное поведение, достигаемое прежде всего через механизмы принуждения или возможность их применения*	Правомерное поведение, основанное на внутреннем добровольном принятии норм
Роль в пробелах права	Требует применения аналогии закона или аналогии права	Служит ценностно-мировоззренческой основой для аналогии права

Как следует из представленных данных, механизм правового регулирования и правосознание дополняют друг друга: первый обеспечивает внешнюю формальную определенность, второй регулятор – внутреннюю добровольность соблюдения закона.

Ни один закон не способен повысить нравственность общества простым декларированием или запретами. Для нравственной личности наличие правовых норм не является обязательным условием правомерного поведения – чувство собственного достоинства и совесть выступают более надежными ориентирами. В русской национальной традиции «право» ассоциируется с «правдой» и «справедливостью», где внутренняя правда доминирует над внешними предписаниями.

Особое значение для понимания нравственных оснований правосознания имеют идеи русского философа и юриста И. А. Ильина. Он выделил три нравственных основания правосознания:

– Духовное достоинство личности – чувство самоуважения и ответственности.

– Закон автономии – свободная воля, позволяющая исполнять законы без насилия над собой, на основе личных убеждений о добре и зле.

– Взаимное духовное признание – уважение, доверие и признание правоспособности другого как духовной сущности [7, с. 318, 338, 363].

Правосознание транслирует культурно-правовые ценности, созданные национальной традицией. Оно выполняет роль оценочного критерия при толковании права, восполнении пробелов и придает позитивному праву социально ориентированный характер. Стержнем здесь выступает осознание людьми того, насколько позитивное право отвечает требованиям добра и справедливости.

Правосознание обладает собственной регулятивной энергией, влияющей на правотворческую и правоприменительную деятельность. Оно образует психологический и идеологический контекст для добровольного соблюдения правовых норм, а в случаях

недостаточной эффективности законодательства способно самостоятельно поддерживать правопорядок.

Таким образом, правосознание выполняет в механизме правового регулирования не отдельную функцию, а пронизывает все его стадии, выступая сквозным элементом: придает энергии государственного принуждения легитимность, а там, где принуждение неэффективно или отсутствует, выступает автономным внутренним регулятором.

Роль правосознания в механизме правового регулирования заключается в том, что через правовые установки и морально-этические ориентиры оно влияет на мотивацию субъектов. Высокий уровень общественного правосознания позволяет личности самостоятельно определять границы своего поведения, что обеспечивает реализацию субъективных прав даже при несовершенном правовом регулировании.

Правосознание – это та часть механизма правового регулирования, которая теснейшим образом связана с жизнью, с конкретной личностью и социумом. Из теоретической конструкции и жесткого алгоритма механизм правового регулирования превращается в средство воспитания личности. Можно сказать, что правосознание – это альфа и омега правового регулирования. Оно показывает значение права для человечества, его реальный смысл. Ведь соблюдение нормативных предписаний не является и не должно являться самоцелью.

Литература

1. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Спарк, 1998. – 448 с.

2. Лукашева, Е. А. Правосознание, правовое воспитание и правовая культура / Е. А. Лукашева // Советское государство и право. – 1976. – № 1. – С. 129–137.

3. Алексеев, С. С. Право : азбука – теория – философия : опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.

4. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – М. : Проспект : Изд-во Московского ун-та, 2018. – 636 с.

5. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О. Е. Кутафин. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 559 с.

6. Самарский, А. Н. К вопросу о значении правосознания как фактора эффективности правового регулирования / А. Н. Самарский, А. В. Жуланов, Ю. В. Стригуненко // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 123–127.

7. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 235 с.

N. A. BARDASHEVICH, YU. V. GERASIMENKO

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National University", Donetsk, Russian Federation (DPR)

THE FUNCTIONAL ROLE OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

The article substantiates that legal consciousness acts as a pervasive psychological component of the mechanism of legal regulation, permeating all its stages (from law-making to the implementation of law) and corresponding structural elements. Special attention is paid to the behavioral component, which ensures voluntary lawful behavior.

mechanism of legal regulation, legal consciousness, lawful behavior, law.

Бардашевич Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: проблемы современной теории государства и права, философско-правовые аспекты правопонимания, соотношение права и морали.

Герасименко Юлия Вячеславовна – старший преподаватель кафедры теория и история государства и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: теория права, правосознание, правовая культура, психологические механизмы правомерного поведения.

Natalia A. Bardashevich – Candidate of Legal Sciences (Ph.D. in Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk State University". Research interests: problems of contemporary theory of state and law, philosophical-legal aspects of legal understanding, the relationship between law and morality.

Yulia V. Gerasimenko – Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk State University". Research interests: theory of law, legal consciousness, legal culture, psychological mechanisms of lawful behavior.

УДК 371.485:004.89

В. Г. БОГУСЛАВСКАЯ, А. Ю. ГУТНИК

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ВЛИЯЕТ НА РАЗВИТИЕ МОЛОДЁЖИ

В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта на социальное, профессиональное и когнитивное развитие молодёжи. Проанализированы ключевые направления воздействия ИИ на молодое поколение: образовательная среда, рынок труда, коммуникативные практики, ценностные ориентации. На основе данных социологических исследований выявлены как позитивные эффекты интеграции ИИ-технологий в повседневную жизнь молодых людей, так и потенциальные риски, включая снижение критического мышления, усиление цифрового неравенства и трансформацию профессиональных траекторий.

искусственный интеллект, молодёжь, социализация, цифровизация, образование, рынок труда.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) является одним из определяющих факторов социальных изменений в XXI веке. Особую значимость данный процесс приобретает в контексте развития молодёжи, поскольку именно молодое поколение является наиболее активным пользователем цифровых технологий и одновременно наиболее восприимчивой к их влиянию социальной группой. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, одной из приоритетных задач является повышение уровня информированности населения о возможностях ИИ-технологий и подготовка квалифицированных кадров в данной сфере [1]. Обновлённая редакция Стратегии (Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124) предусматривает увеличение числа выпускников вузов с образованием в области ИИ с 3 до 15,5 тыс. человек в год к 2030 году [2]. Это свидетельствует о том, что государство рассматривает молодёжь в качестве ключевого субъекта цифровой трансформации.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ влияния искусственного интеллекта на основные сферы развития молодёжи: образование, профессиональное становление, коммуникативные практики и ценностные ориентации. Методологическую

основу работы составляют системный подход, метод анализа вторичных социологических данных и обобщение результатов отечественных и зарубежных исследований.

Одним из наиболее заметных направлений влияния ИИ на молодёжь является трансформация образовательной среды. Появление генеративных моделей, в частности ChatGPT, кардинально изменило способы взаимодействия обучающихся с информацией. Как отмечают Н. С. Гаркуша и Ю. С. Городова, использование чат-ботов на основе ИИ открывает значительные педагогические возможности для развития когнитивной активности студентов, однако одновременно создаёт риски подмены самостоятельной интеллектуальной деятельности автоматизированной генерацией контента [3]. Исследование П. В. Сысоева и Е. М. Филатова продемонстрировало, что при использовании ChatGPT в исследовательской работе студентов качество обзоров научной проблемы нередко не соответствует предъявляемым требованиям, а в случаях нехватки информации система прибегает к генерированию несуществующих данных [4].

Вместе с тем нельзя игнорировать позитивный потенциал ИИ в образовании. Л. В. Филинская с соавторами указывают, что технологии искусственного интеллекта содействуют научным исследованиям, ускоряя обработку данных, повышают доступность образовательных ресурсов для студентов с различными потребностями и позволяют индивидуализировать процесс обучения [5]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, более половины россиян выражают готовность пройти обучение в области ИИ-технологий в ближайшие два-три года, причём наибольший интерес демонстрирует именно молодёжная аудитория [6]. Таким образом, в образовательной сфере формируется дуальная ситуация: ИИ одновременно выступает инструментом расширения познавательных возможностей и фактором, способным подменить процесс самостоятельного обучения.

Существенное влияние ИИ оказывает на профессиональное развитие молодёжи и её положение на рынке труда. Данные исследований свидетельствуют о том, что генеративный ИИ действует избирательно: наибольшему воздействию подвергаются стартовые позиции в профессиях, где технологии способны заменить часть функций, что усложняет вход на рынок труда для выпускников и молодых специалистов [7]. По результатам социологического исследования компании NtechLab и Центра «НОВАЯ ЭРА», проведённого в 2025 году среди российской молодёжи (18–35 лет), 72 % респондентов среди рисков развития ИИ отмечают именно потерю рабочих мест [8]. При этом исследование компании СберСтрахование жизни показало, что молодые люди в возрасте 18–30 лет являются наиболее оптимистичной группой в оценке перспектив ИИ: 72 % из них полагают, что развитие ИИ изменит жизнь к лучшему [9].

Данное противоречие – одновременное осознание рисков и оптимизм в отношении перспектив – является характерной чертой восприятия ИИ молодым поколением. Оно объясняется тем, что молодёжь, с одной стороны, имеет более высокий уровень цифровой грамотности и видит возможности для профессионального роста в новых технологических нишах, а с другой стороны, осознаёт угрозу замещения традиционных профессий алгоритмами. Стэнфордский отчёт AI Index 2024 подтверждает, что молодёжь и высокообразованные граждане в целом более позитивно оценивают влияние ИИ по сравнению с представителями старших возрастных групп [10].

Не менее значимым является воздействие ИИ на коммуникативные практики и социализацию молодёжи. Федеральное социологическое исследование, проведённое NtechLab и Центром «НОВАЯ ЭРА», показало, что 88 % молодых людей используют технологии ИИ в повседневной жизни, что свидетельствует о высокой степени интеграции данных технологий в молодёжную среду [8]. Примечательно, что более половины респондентов (63 %) воспринимают ИИ как «собеседника и друга», а около 30 % считают возможным наделение ИИ эмпатией в будущем [8]. Подобная персонификация технологии поднимает вопрос о трансформации социальных связей: если молодые люди всё чаще обращаются к ИИ-системам за эмоциональной поддержкой, это может свидетельствовать о дефиците живого межличностного общения.

В контексте ценностных ориентаций молодёжи следует отметить, что ИИ-технологии формируют новую модель отношения к знаниям и интеллектуальному труду. Л. В. Капустина, Ю. Д. Ермакова и Т. В. Калюжная подчёркивают, что появление ChatGPT вызвало серьёзные дискуссии в академическом мире: технология способна создавать аргументированные тексты, проходить профессиональные тесты и выполнять сложные интеллектуальные задачи [11]. Это ставит под вопрос традиционные представления о ценности самостоятельного интеллектуального усилия и может формировать у молодёжи установку на делегирование когнитивных функций внешним системам. По данным НАФИ, 47 % опрошенных россиян пользуются устройствами или услугами с применением ИИ несколько раз в неделю и чаще [12], что говорит о нормализации данных технологий в повседневности.

Отдельного внимания заслуживает проблема цифрового неравенства. Несмотря на то, что молодёжь в целом демонстрирует высокую технологическую компетентность, доступ к передовым ИИ-инструментам существенно различается в зависимости от уровня образования, места проживания и социально-экономического статуса. ВЦИОМ фиксирует, что уровень фокусированного знания об ИИ-технологиях за два года вырос с 36% до 50%, однако значительная часть населения по-прежнему обладает лишь поверхностным представлением о данных технологиях [6]. Для молодёжи из регионов с низким уровнем цифровизации разрыв в

доступе к ИИ-ресурсам может стать дополнительным барьером в профессиональном и социальном развитии. В этой связи важно подчеркнуть, что цифровое неравенство в контексте ИИ приобретает качественно новое измерение: речь идёт уже не только о доступе к интернету или компьютерной технике, но и о способности эффективно использовать интеллектуальные системы для решения образовательных и профессиональных задач.

Таким образом, влияние искусственного интеллекта на развитие молодёжи носит комплексный и противоречивый характер. С одной стороны, ИИ-технологии расширяют образовательные возможности, создают новые профессиональные ниши и повышают доступность информации. С другой стороны, они несут риски снижения критического мышления, подмены самостоятельной познавательной деятельности, усложнения входа на рынок труда и трансформации социальных связей. Для минимизации негативных последствий необходима целенаправленная государственная политика, включающая развитие программ цифровой грамотности, интеграцию этических стандартов использования ИИ в образовательные программы и поддержку молодёжного предпринимательства в технологической сфере. Перспективным направлением дальнейших исследований является проведение лонгитюдных социологических исследований, позволяющих отслеживать динамику влияния ИИ на социализацию, ценности и профессиональные траектории молодых людей.

Литература

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

2. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 : Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 8. – Ст. 1066.

3. Гаркуша, Н. С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов / Н. С. Гаркуша, Ю. С. Городова // Профессиональное образование и рынок труда. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 6–23.

4. Сысоев, П. В. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 276–301.

5. Филинская, Л. В. Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски и перспективы / Л. В. Филинская [и др.] // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 3. – С. 71–77.

6. Доверие к ИИ : аналитический обзор / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – Москва, 2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (дата обращения: 15.03.2026).

7. Генеративный ИИ и занятость молодёжи // РБК Тренды [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/68b17c6f9a79475b21e76a49 (дата обращения: 15.03.2026).

8. Перспективы развития искусственного интеллекта: восприятие молодёжи России / NtechLab, Центр «НОВАЯ ЭРА». – Москва, 2025. – URL: https://new-era.space/nir/3924/ (дата обращения: 15.03.2026).

9. 61 % россиян считает, что развитие искусственного интеллекта изменит жизнь людей к лучшему // Ведомости [Электронный ресурс]. – 2023. – 21 нояб. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/11/21/61-rossiyan-schitaet-chto-razvitie-iskusstvennogo-intellekta-izmenit-zhizn-lyudei-k-luchshemu (дата обращения: 15.03.2026).

10. Artificial Intelligence Index Report 2024 / Stanford Institute for Human-Centered AI. – Stanford, 2024. – 502 p.

11. Капустина, Л. В. ChatGPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? / Л. В. Капустина, Ю. Д. Ермакова, Т. В. Калюжная // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2023. – № 8. – С. 1–18.

12. Отношение к технологиям искусственного интеллекта : результаты опроса / НАФИ, АНО «Национальные приоритеты». – Москва, 2023. – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/ (дата обращения: 15.03.2026).

V. BOGUSLAVSKAYA, A. GUTNIK

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

HOW ARTIFICIAL INTELLIGENCE AFFECTS YOUTH DEVELOPMENT

The article examines the impact of artificial intelligence technologies on the social, professional, and cognitive development of young people. The key areas of AI influence on the younger generation are analysed: the educational environment, the labour market, communicative practices, and value orientations. Based on sociological research data, both positive effects of AI integration into young people's everyday life and potential risks are identified, including a decline in critical thinking, growing digital inequality, and transformation of career trajectories.

artificial intelligence, youth, socialisation, digitalisation, education, labour market.

Гутник Анастасия Юрьевна – студент группы Арх-46б, «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация. Научные интересы: социология, цифровизация, искусственный интеллект.

Богуславская Валентина Григорьевна – научный руководитель, «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет. Научные интересы: социология молодёжи, цифровые технологии.

Gutnik Anastasia – student, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: sociology, digitalisation, artificial intelligence.

Boguslavskaya Valentina – scientific supervisor, “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: youth sociology, digital technologies.

УДК 130.3:238.1

Д. С. ГАЖАЛА, Е. А. БОЛОТОВА

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ

ПЕРВЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ (К. XVI – НАЧ. XVII В.): ИСТОРИЯ СОСТАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

В данной статье рассматриваются первые православные катехизисы, которые были составлены в конце XVI – начале XVII века на территории Речи Посполитой (современные территории Украины и Белоруссии). Дан краткий экскурс в историю катехизической традиции. Предпринят анализ катехизиса Стефана Зизания «Изложение о православной вере» (1596) и «Южно-русский катехизис» (1600) с точки зрения содержания и исторического контекста.

катехизис, православие, история Христианской церкви, катехизические произведения, катехуменат.

Актуальность выбранной темы связана с тем, что в наше непростое время все больше людей обращаются к вере, а катехизисы – это способ, благодаря которому легче освоить азы православной веры. Также они играют большую роль в духовном просвещении уже воцерковленных людей и помогают им лучше разобраться в христианской истине. Катехизис – это своего рода «путеводитель по вере». В отличие от апологетических и полемических произведений, он не призван доказывать эту истину, а призван разъяснить и систематизировать вероучение.

Катехизация является важной частью миссионерской работы. От её качества зависит готовность христиан нести свидетельство своей веры, передавать её следующим поколениям. Оглашение фундаментальных основ православного вероучения адресовано именно думающему и сердцем внимающему человеку. Катехизис есть не просто опыт просвещения человека в канонических вопросах. В первую очередь он стимулирует способность критического мышления и самосознания, а в современном мире очень важно сохранять здравый смысл и ценности, которые помогают оставаться нам людьми. Итак, чтобы понять, что же такое катехизис, нужно рассмотреть, как сформировался этот жанр религиозной и церковной литературы на примере Православных катехизисов конца XVI – начале XVII веков. Именно тогда начинают появляться катехизические произведения приближенные к нам по смыслу, поэтому на этих примерах хотелось бы показать, как зарождалась православная катехизическая традиция.

В своей работе мы будем опираться на работы таких авторов, как церковный историк Голубев Стефан Тимофеевич, Смолич Игорь Корнильевич, Корзо Маргарита Анатольевна, Гаркович Наталья Викторовна, Дикарева Мария Сергеевна и другие.

Начнем с определения. В самом общем смысле катехизис (от греч. κατήχησις – «поучение, наставление») – это изложение основ какого-либо знания, чаще всего, вероучения какой-либо религиозной конфессии. Текст обычно представлен в виде вопросов и ответов, может быть как в форме официального вероисповедного документа, так и в форме авторского изложения основ вероучения. Появился катехизис в раннем христианстве. Так называли устное наставление тем, кто готовился принять крещение и именно в этом значении слово «катехизис» употребляется в Новом Завете. Таким образом, «катехизис» превратился в жанр христианской литературы, раскрывающий незыблемые вероучительные принципы христианства [1].

С угасанием катехумената, то есть подготовки к принятию крещения в христианстве, в церкви постепенно отпадает необходимость в катехизисе как катехизической беседе, и катехизис приобретает образовательное значение. Особое внимание уделяется в нем догматическому учению церкви, поэтому очень быстро катехизические беседы сменяются догматическими трактатами. Катехизис становится самодостаточной книгой, направленной на то, чтобы сообщить основные положения веры. Однако катехизисы продолжают составляться в форме вопросов и ответов, как бы имитируя диалог, характерный для святоотеческих со-беседований [2]. Катехизис, к которому мы привыкли – как жанр христианской литературы – явление достаточно позднее. В современном терминологическом значении катехизис (как догматически точное изложение основ веры в вопросах и ответах) появился в Западной Европе в эпоху Реформации.

Греческое слово «катехумен» – букв. «новопосвященный» – было переведено на русский как «оглашенный», соответственно, сама подготовка к крещению называлась «оглашением». Использовалось также слово «оглашенник», которым обозначалась книга поучений для готовящихся принять христианство, и выражение «оглашенные словеса», то есть поучения для оглашенных [2]. К концу XVI века, когда уже отпала во многом огласительная практика для принятия человека в церковь, на смену ей постепенно стала приходить практика катехизисов.

Рассмотренные в данном докладе катехизисы конца XVI – начала XVII веков были созданы на территории Речи Посполитой и имели определённые особенности, связанные с тяжелым положением Православной Церкви в тех геополитических и исторических условиях. Православной Церкви на Юго-Западных территориях было необходимо сохранить свою веру в неизмененном виде для своих прихожан и для потомков в условиях притеснений со стороны Католической, Греко-Униатской церквей и зарождающегося протестантизма. Так первые

опыты изложения православного вероучения в форме катехизиса возникали в результате полемики или адаптации элементов протестантских вероучительных традиций. Ведь несмотря на уже накопленный опыт вековой практики огласительных бесед, изучения трудов отцов церкви и священного писания, сам жанр катехизисов был не известен православным катехизаторам и был заимствован извне, что является вполне объективной практикой в сложившихся обстоятельств.

Во второй половине XVI века в Великом княжестве Литовском возникли Братские школы как форма защиты православной религии, родного языка и культуры в условиях экспансии католицизма. Братства активно занимались просветительской деятельностью, открывали школы, где сочетались новые педагогические тенденции с религиозным воспитанием в духе византийско-славянской традиции. Они нуждались в учебных материалах, которые могли бы служить основой для обучения и формирования религиозного сознания. Как правило, сочинения помещались в букварях, толковых молитвенниках и других учебно-богослужебных сборниках или сводах. Теперь катехизическая традиция сопровождала человека постоянно.

В катехизисах того времени в основном удерживалась следующая схема: разъяснение молитвы Господней, Символа веры и десяти заповедей, а также христианских таинств. Однако были и особенности, связанные с влиянием протестантских текстов. Первые православные катехизисы разработали братья Лаврентий и Стефан (в монашестве Сильвестр) Зизании. Братья известны своей полемической и проповеднической деятельностью в борьбе за Православие в эпоху Брестской унии и последующих гонений на него. В 1595–1596 годах братья Стефан и Лаврентий Зизании создали значимые произведения, связанные с катехизической и образовательной деятельностью. Эти труды были направлены на обучение основам православия и противодействие религиозным реформам того времени. С именем Лаврентия Зизания и его брата Стефана исследователи связывают ещё несколько, к сожалению, не сохранившихся катехизисов конца XVI – первой трети XVII века.

Рассмотрим катехизис Стефана Зизания (1595). Катехизис Стефана Зизания был опубликован в Вильно в 1595 году. Это произведение представляло собой комментарий к Никео-Константинопольскому Символу веры с опровержением еретических мнений. В нём автор последовательно изъяснял догматы православия, акцентируя внимание на различиях с католицизмом и протестантизмом.

Катехизис был написан в форме вопросов и ответов между «православным» и «странным» (неправославным) собеседниками. Автор поставил цель создать богословскую основу для противодействия склонению православных в унию и «отклонить народ русской

веры от союза с Римской церковью». Так как в православной традиции до середины XVI века катехизис не существовал как самостоятельный жанр, работа Зизания стала новаторской.

Оригинал произведения не сохранился – по некоторым данным, книга была сожжена по королевскому приказу. Известно о нём по пересказам в сочинениях противников Стефана Зизания, в частности в брошюре Ф. Жебровского и сочинении «Plewy Stefanka Zizaniey…». Исследователь М. А. Корзо предположила, что перепечаткой или переводом «Катехизиса» на народный язык является раздел «Объяснение изложения Никейского и Константинопольского Символу, двунадесяти артыкулов веры хр[ис]тиянское» в сборнике «Собрание вкратце словес от Божественнаго Писания» (Угорцы, 1618).

Лаврентий Зизаний в 1596 году издал несколько значимых работ, связанных с образованием и языком. Во-первых, «Азбука» – учебное пособие для начального обучения чтению и письму, здесь давалось начертание и произношение букв кириллицы. Во-вторых, первый печатный церковнославянско-западнорусский словарь – «Лексис, Сирѣчь реченїя, Въкратъцѣ събранны и из слове(н)скаго языка на просты(й) рускі(й) діале(к)тъ истолъкованы». В нём церковнославянские слова, отличные от западнорусских по форме или значению, сопровождались пояснениями, это помогало понять тексты на церковнославянском языке, который к концу XVI века становился всё менее понятным для обычных людей. Также первый систематический учебник церковнославянского языка – «Грамматіка словенска совершенного искусства осми частей слова», в котором определены четыре части грамматики, выделено восемь частей речи. Труд был написан с целью доказать равную значимость церковнославянского языка с греческим.

Особо отметим произведение «Наука ку читаню и розумению писма словенскаго» (1596) – это один из первых печатных учебников для обучения грамоте на восточнославянских землях. Разберем этот сборник подробнее.

Издание книги связано с несколькими важными процессами конца XVI века, это: развитие книгопечатания, потребность в грамотности, религиозные споры.

Произведение было издано в 1596 году в Вильно (был частью Великого княжества Литовского) на церковнославянском языке. Учебник состоял из нескольких частей, каждая из которых выполняла свою образовательную функцию. В состав сборника вошли «Азбука», «Лексис», а также «Изложение о православной вере» Стефана Зизания – самый ранний дошедший до нас православный катехизис, который совмещал обучение чтению с религиозным воспитанием с целью дать основы православного вероучения в доступной форме и противостоять ересям и католическому влиянию.

«Изложение о православной вере» построено в форме вопросов и ответов (катехизической формы), что было традиционно для подобного рода текстов. Такая структура облегчала запоминание материала и делала его доступным для учащихся. Содержание данного катехизиса относятся к догматическому богословию. Он содержит 38 вопросов о таинствах, Боге, ипостасях Троицы, о спорах с еретиками. Первые 16 излагаются как беседа, а до 38-го вопросы носят уже полемический характер, что характерно для православной украинской и белорусской катехистической традиции, которая во многом сформировалась под эгидой полемик с представителями протестантских, католических и иных конфессий. По некоторым данным, в работе присутствовал месяцеслов и пасхалия [3].

Остановимся на изучении вопросов, которые Стефан Зизаний затрагивал в «Изложении». В учении о Святой Троице автор подчёркивал равночестность трёх Лиц Троицы, опровергая идеи о превосходстве одного Лица над другим. В частности, он выступал против католического учения о Filioque (исхождении Святого Духа «и от Сына»).

В учении о природе Христа Зизаний отрицал монофизитство (учение о единой Божественной природе Христа, отрицающее его полноценное человечество) и подчёркивал полноту Божества и человечества в Иисусе Христе. Он также акцентировал единократность Жертвы Христовой.

Рассматривая учение о посмертной судьбе души, Стефан Зизаний отрицал католическое учение о чистилище, утверждая, что суд над душами произойдёт только в день Страшного суда. Он писал: «Прото немаш мук и огня дочасного, ане душе без тела скоро по смерти полеруючого. Гдыж в день судный тойже огнь который справедливые пройдут, грешных по декрете страшном, гды рече изыдете от Мене, не знаю вас (*2Пет 3*) з собою загорнет, и навеки вечные мучити будет. Тогда и заплату за учинки каждый человек приняти мает» (*Прежде не будет мучения тела и огня предварительного, а душ без тела сразу после смерти будет пребывать в ожидании. Но в день Суда тот же огонь, через который праведные пройдут благополучно, охватит грешников по страшному приговору, когда прозвучит: «Идите от Меня, не знаю вас» (2 Петра 3), – и будет мучить их вовеки. Тогда каждый человек получит воздаяние за свои дела*).

Автор осуждал взгляды, отрицающие воскресение тел, и подчёркивал, что Церковь учит верить как в воскресение тел умерших, так и в получение воздаяния душами и телами вместе в соответствии с поступками в минувший век. В катехизисе Зизаний полемизировал с различными ересями, включая учения, отрицающие предвечное рождение Сына Божия, аполлинаризм (учение о том, что Христос воспринял только человеческое тело, но не разумную душу) и другие.

«Изложение о православной вере» имело важное просветительское и полемическое значение. Оно было направлено на укрепление православного самосознания в условиях религиозного противостояния и служило инструментом обучения основам веры. Однако работа вызвала резкую критику со стороны церковной иерархии и католиков. Митрополит Михаил Рогоза, принявший в 1596 году Брестскую унию, осудил катехизис, а по приказу короля-католика Стефана Батория книга была сожжена. Несмотря на это, произведение оставило след в богословской мысли и использовалось в дальнейшем. Книга Лаврентия Зизания сыграла важную роль в развитии образования и книгопечатания. Во-первых, он продолжил дело первопечатника Ивана Фёдорова, чья «Азбука» (1574) стала одной из первых попыток создать учебное пособие для освоения грамоты, но именно труд Лаврентия считают первым полноценным букварем на восточнославянских землях – оно было специально создано для систематического обучения чтению. Во-вторых, включение словаря («Лексиса») помогало преодолеть разрыв между книжным церковнославянским языком и живой народной речью. Учебник Зизания повлиял на последующие пособия по обучению грамоте, в том числе на московские буквари XVII века [4].

Некоторые исследователи отмечают, что в трудах Стефана Зизания присутствовала оригинальная богословская терминология, которая иногда становилась предметом обвинений в ереси со стороны оппонентов. При этом современные исследователи подчёркивают, что его взгляды оставались последовательными и не были столь радикальны, как это представлялось его противникам.

Таким образом, «Наука ку читаню и розумению писма словенскаго» стала важной вехой в истории образования. Она не просто учила читать, но и помогала понимать тексты на церковнославянском языке, сохраняя культурное наследие. Книга Лаврентия Зизания заложила основы для последующих учебных пособий и способствовала распространению грамотности на восточнославянских землях.

Так с конца XIV века началось развитие Православных катехизисов и следующий рукописный катехизис, о котором пойдёт речь, написанный примерно в 1600 году – это памятник православной катехизической литературы, созданный в условиях религиозного противостояния с католицизмом и протестантизмом на территории Юго-Западной Руси. Он известен под названием «Катехизісъ, албо вызнаніе вѣры святое соборное, апостольское, вьходнее церкви» или «Южно-русский катехизис». Произведение было опубликовано в XIX веке русским церковным историком Степаном Тимофеевичем Голубевым (1848–1920): в 1890 году в Киеве отдельным изданием (издательство В. И. Завадского) и в журнале «Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца» в 1899 году [5].

Во многом он повторяет суть и структуру предыдущего, так же написан в вопросно-ответной форме, что характерно для катехизисов того времени; содержит множество догматических формул; основы православного вероучения изложены в виде опровержения ложных богословских взглядов оппонентов; центральные темы связаны с дискуссией православных авторов с католическим и протестантским учением, а также с еретическими воззрениями; одна из ключевых тем – полемика о filioque (католическое учение о исхождении Святого Духа от Отца и Сына). Автор не принимал эту доктрину и не соглашался со сторонниками церковной унии, которые отождествляли формулировку «от Отца через Сына» с католической «от Сына».

В тексте содержится наставление о необходимости добрых дел для каждого христианина, что противопоставлялось протестантской доктрине оправдания одной верой. Автор подкреплял свою позицию ссылкой на послание Иакова (Иак 2:24). При ответе на вопрос о количестве таинств в Церкви перечисляются семь таинств (крещение, миропомазание, причащение, покаяние, хиротония, брак, елеопомазание), что противоречило протестантскому учению о двух таинствах [3].

Кроме того, интересна и история создания произведения. Так, например, нашедший его историк С. Т. Голубев о происхождении катехизиса выдвинул две гипотезы, которые противоречили друг другу. С одной стороны, он писал, что это фрагмент ранее опубликованного в типографии Виленского православного братства катехизического поучения. С другой стороны, что это фрагмент учебного курса по богословию, читавшегося в братской школе. Изучив характер катехизиса и исторический контекст его создания, учёный более склонялся к тому, что в его происхождении есть значительные учебные и догматические аспекты, которые начали формироваться в XVI веке наряду с появлением сугубо научной дисциплины – Полемическое богословие [5].

Катехизис 1600 года стал одним из памятников богословия, в котором была предпринята попытка систематизации православного вероучения в условиях иноконфессиональных вызовов [5].

Таким образом мы рассмотрели зарождение традиции составления православных катехизисов. Следует отметить, что причина, определившая необходимость создания катехизисов напрямую соотносима с традицией древней церкви. Как и со-беседование в раннехристианскую и святоотеческую эпоху, катехизис стал необходимым инструментом для сохранения чистоты веры, борьбы с ересями, воспитания в вере в тот исторический период и на тех территориях, которые больше всего подвергались опасности и нуждались в защите и сохранении веры.

Появление первых православных катехизических сочинений, созданных в условиях религиозных противостояний и диспутов дали основу для нашей современной катехизации, крепкий базис на котором она сегодня существует.

Литература

1. Гаврилюк, П. История катехизации в древней церкви / П. Гаврилюк; под ред. свящ. Георгия Кочеткова. – Москва: Свято-Филаретовская московская высш. православно-христианская шк., 2001. – 315, [3] с.

2. Пущаев, Ю. Катехизис: история слова, которое стало книгой // Православный журнал «Фома». – 2017. – 5 ноября. – URL: https://foma.ru/katekhizis-istoriya-slova-kotoroe-stalo-knigoy.html (дата обращения:16.04.2026).

3. Корзо, М. А. Украинская и белорусская катехизическая традиция конца XVI–XVIII веков : становление, эволюция и проблема заимствований / М. А. Корзо. – М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2007. – 672 с.

4. Гаркович, Н. В. Деятельность Стефана Зизания в контексте православного братского движения в Речи Посполитой : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : специальность 07.00.03 Всеобщая история / Н. В. Гаркович ; [работа выполнена в Республиканском институте высшей школы]; [место защиты:] Белорусский государственный университет. – Минск, 2019. – 24 с.

5. Голубев, С. Т. Южнорусский православный катехизис 1600 г. / С. Т. Голубев // ЧОИНЛ. – 1890. – Т. 4, отд. 3. – С. 1–81 [1]. – [Электронный ресурс]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050817_123724/ (дата обращения: 16.04.2026).

D. S. GAZHALA, E. A. BOLOTOWA

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State University”,

Krasnodar, Russian Federation

THE FIRST ORTHODOX CATECHETICAL WORKS (LATE XVI – EARLY XVII CENTURY): THE HISTORY OF COMPOSITION AND GENRE FEATURES

This article examines the first Orthodox catechisms composed in the late 16th and early 17th c.enturieswithin the territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth (modern-day territories of Ukraine and Belarus). A brief overview of the history of the catechetical tradition is provided. An analysis is

undertakenof Stephen Zizanii's catechism *"Exposition of the Orthodox Faith"* (1596) and the *"South-RussianCatechism"* (1600) from the perspective of their content and historical context.

catechism, Orthodoxy, history of the Christian Church, catechetical works, catechumenate.

Гажала Дарья Сергеевна – студент специальности «Христианская теология» факультета истории, социологии и международных отношений федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет». Научные интересы: христианское богословие, вероучение Православной Церкви.

Болотова Екатерина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, теологии и религиоведения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет». Научные интересы: русская религиозная философия, христианское богословие, христианство и православие в современном мире.

Gazhala Daria – student of the "Christian Theology" programat the Faculty of History, Sociology, and International Relations of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University". Scientific interests: Christian theology, doctrine of the Orthodox Church.

Bolotova Ekaterina – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, Theology, and Religious Studies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University". Scientific interests: Russian religious philosophy, Christian theology, Christianity and Orthodoxy in the modern world.

УДК 130.2

Е. А. ГОЛОВАТЕНКО

Донской государственный технический университет, Институт креативных индустрий,

г. Ростов-на-Дону

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются компьютерные игры как сложный социокультурный феномен, прошедший путь от технического эксперимента до признанного медиума массовой культуры и искусства. Анализируются этапы исторического развития игр, их интеграция в социальные, художественные и образовательные практики, а также формирование академического поля Game Studies, в рамках которого противопоставляются и взаимодополняются нарратологический и людологический подходы. Особое внимание уделяется межмедийному взаимодействию игр с литературой, кинематографом и музыкой, трансмедийному повествованию и появлению новых эстетических форм (литRPG, игровые музыкальные жанры). Обосновывается тезис о компьютерных играх как динамичной медиативной среде, стирающей границы между медиа и задающей новые модели производства и восприятия культурного контента.

компьютерные игры, видеоигры, Game Studies, литRPG, видеоигровая музыка.

Во второй половине XX века компьютерные технологии постепенно становятся структурообразующим элементом массовой культуры, изменяя привычные формы досуга, коммуникации и восприятия реальности. В этом контексте компьютерные игры из побочного продукта технического прогресса превращаются в один из центральных медиумов современной популярной культуры. Они не только конкурируют с литературой и кинематографом по масштабу аудитории и объему индустрии, но и задают новые стандарты визуальности, нарративности и пользовательского опыта, активно влияя на повседневные практики и символические представления.

В массовой культуре компьютерные игры выполняют сразу несколько функций. С одной стороны, это привычная форма досуга, встроенная в повседневную жизнь широких слоев населения и нормализованная в пространстве дома, школы, работы, онлайн-коммуникации. С другой стороны, игры выступают механизмом социализации: через участие в игровых сообществах, кооперативных и конкурентных режимах, фанатских практиках и киберспорте формируются новые идентичности, нормы и ценности. Для значительной части молодых поколений игровая культура оказывается не периферийным хобби, а важной частью образа жизни и самопредставления.

С точки зрения определения компьютерные игры все чаще рассматриваются не только как программный продукт, но и как комплексный культурный объект. Энциклопедические и специализированные источники подчёркивают их интерактивный характер, алгоритмическую структуру и мультимедийную синтетичность. В рамках массовой культуры это означает, что игра выступает «технохудожественным гибридом», сочетающим визуальные, звуковые, текстовые и кинематографические элементы в едином опыте, который пользователь не просто потребляет, но и частично со-создает. Интерактивность отличает игры от классических форм массового искусства, где зритель или читатель остается пассивным реципиентом.

Исторический генезис игр позволяет проследить, как они шаг за шагом встраиваются в сферу популярной культуры. Ранний лабораторный этап 1950–1960-х годов (от «Nimotron» и «Spacewar!» до первых консолей) был связан главным образом с демонстрацией технических возможностей и экспериментами с интерфейсом, однако уже тогда закладывались основы будущей массовости: визуализация, управляемость, соревновательность. «Золотая эра» 1980–1990-х ознаменовала переход к по-настоящему массовому распространению: аркады, домашние консоли, универсальные сюжеты и узнаваемые персонажи превратили игры в элемент глобального культурного кода. Фигуры вроде Pac-Man или героев «Tetris» стали частью поп-иконографии, легко считываемой во всём мире.

Современный этап демонстрирует, что компьютерные игры окончательно закрепились в ядре глобальной массовой культуры. Крупнейшие релизы сопоставимы с блокбастерами по бюджетам и рекламным кампаниям; игровые франшизы порождают фильмы, сериалы, комиксы, романы, музыкальные релизы и мерч. Игровые образы и сюжеты становятся ресурсом для мемов, фанатского творчества, онлайн-субкультур. Игровые вселенные всё чаще функционируют как трансмедийные, а сами игры – как генераторы нарративов и символов, выходящих далеко за пределы экрана.

Академическая рефлексия фиксирует двойственность игр как массового феномена. С одной стороны, они наследуют традиции популярной литературы и кино: используют устоявшиеся жанры, архетипы, формулы повествования. С другой стороны, они радикально пересобирают эти форматы за счет интерактивности, нелинейности, возможности выбора и модификации. Нарратологический подход обращает внимание на то, как массовые сюжеты (фэнтези, научная фантастика, триллер, историческая драма) получают в играх новые формы, связанные с пространственным и ветвящимся повествованием. Людологический подход подчеркивает роль правил, механик, «геймплея» как специфического языка массовой культуры, где ценности и модели поведения транслируются не только через сюжет, но и через структуру действий, предлагаемых игроку.

Особое значение имеет взаимодействие игр с другими индустриями массовой культуры. С кинематографом игры связывают взаимные адаптации и стилистические заимствования: игры всё активнее используют кинематографический язык (кат-сцены, «кинематографичную» камеру, монтаж), а кино всё чаще обращается к игровым франшизам как к готовым мифологиям с лояльной аудиторией. В сфере литературы это проявляется в новеллизациях популярных игр и развитии жанров, ориентированных на игровую тематику и механику (литRPG, фантастика о виртуальных мирах). Музыка игр, в свою очередь, выходит за пределы самих проектов: саундтреки издаются отдельными альбомами, исполняются оркестрами, становятся частью плейлистов массовой аудитории, а музыкальные исполнители участвуют в создании игровых саундтреков и виртуальных перформансов.

С точки зрения массовой культуры важно, что компьютерные игры не просто отражают существующие социальные и культурные процессы, но и активно участвуют в их конструировании. Через игры популяризируются определенные исторические нарративы, политические сюжеты, представления о гендере, насилии, справедливости, успехе. Игровые механики формируют повседневные привычки – от «геймификации» труда и обучения до изменения паттернов внимания и восприятия информации. Игровые платформы и сообщества становятся пространством производства и циркуляции массовых смыслов, которые затем возвращаются в офлайн-культуру.

При этом отношение к компьютерным играм остаётся амбивалентным. В общественных дискуссиях сосуществуют взгляды, рассматривающие игры либо как «низовую», потенциально опасную форму развлечения, сопряжённую с уходом от реальности, либо как легитимный вид искусства и значимую часть культурного наследия цифровой эпохи. Философско-культурологический анализ показывает, что подобная дихотомия воспроизводит старые споры о массовой культуре в целом: о соотношении развлечения и критического мышления, стандартизации и креативности, индустрии и индивидуального опыта.

В этом контексте компьютерные игры можно рассматривать как один из ключевых медиаторов современной массовой культуры, в котором пересекаются экономические, технологические, эстетические и социальные процессы. Они демонстрируют, как цифровые технологии изменяют структуру культурного производства и потребления, как трансформируются формы коллективного воображаемого и практики самоидентификации. Игры оказываются одновременно продуктом массовой культуры и инструментом её дальнейшей эволюции, что делает их незаменимым объектом для дальнейшего философского и культурологического анализа.

Литература

1. Галкин, Д. В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования / Д. В. Галкин // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 303. – С. 88–94.

2. Шевцов, К. В. Компьютерные игры как предмет философского анализа / К. В. Шевцов // Вопросы философии. – 2014. – № 10. – С. 72–83.

3. Ян-Судман, А. Феномен компьютерной игры: историографический аспект / А. Ян-Судман // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 120–130.

4. Галанина, Е. В., Акчелов, Е. О. A POTENTIA AD ACTUM: виртуальный мир видеоигры: культурфилософский анализ / Е. В. Галанина, Е. О. Акчелов // Философская мысль. – 2016. – № 7. – С. 97–111.

5. Frasca, G. Ludologists love stories, too: notes from a debate that never took place / G. Frasca. – [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1777608841&tld=ru&lang=en&name=Frasca_LevelUp2003.pdf&text=Frasca

6. Game studies: людологи против нарратологов. – [Электронный ресурс]. – URL: https://fomlabs.ru/material/Game-studies-Ljudologi-protiv-narratologov (дата обращения: 14.03.25).

7. Вахитов, Р. Р. Виртуальный мир видеоигр как пространство мифотворчества // Виртуальный мир видеоигры: культурфилософский анализ / Р. Р. Вахитов / под ред. Р. Р. Вахитова. – М.: Грамота, 2016. – С. 97–111.

8. Денисова, А. И. Компьютерные игры как феномен современной культуры / А. И. Денисова. – [Электронный ресурс]. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-kak-fenomen-sovremennoy-kultury (дата обращения: 15.04.2025).

9. Максимов, Е. В. Видеоигры как феномен игровой культуры / Е. В. Максимов // Этюды культуры. Культурный код : материалы Международной молодежной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, 28–29 ноября 2024 г.) / отв. ред. Д. В. Галкин. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2025. – С. 63–66.

E. A. GOLOVATENKO

Don State Technical University, Institute of Creative Industries, Rostov-on-Don

COMPUTER GAMES AS A CULTURAL PHENOMENON

This article examines computer games as a complex sociocultural phenomenon, evolving from a technical experiment to a recognized medium of popular culture and art. It analyzes the stages of games' historical development, their integration into social, artistic, and educational practices, and the formation of the academic field of Game Studies, within which narratological and ludological approaches are contrasted and complemented. Particular attention is paid to the intermedia interaction of games with literature, cinema, and music, transmedia storytelling, and the emergence of new aesthetic forms (litRPG, game music genres). It argues that computer games are a dynamic media environment, blurring the boundaries between media and defining new models for the production and perception of cultural content.

computer games, video games, Game Studies, transmedia storytelling, litRPG, video game music.

Головатенко Евгений Анатольевич – преподаватель Института креативных индустрий Донского государственного технического университета. Научные интересы: история культуры, фотография, история компьютерных игр, мифология, история религии, искусственный интеллект.

Golovatenko Evgeny Anatolyevich – lecturer at the Institute of Creative Industries of the Don State Technical University. Scientific interests: cultural history, photography, history of computer games, mythology, history of religion, artificial intelligence.

УДК 171

К. О. КАРАКИЧА, В. Д. РАКИПОВА, С. В. ЧЕРНЫХ, В. Г. БОГУСЛАВСКАЯ

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В СОХРАНЕНИИ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье анализируется роль студенческих сообществ в сохранении культурных ценностей в условиях глобализации. В противовес унификации культур, студенческие объединения выступают посредниками между глобальным и локальным уровнями. На примере ДОННАСА показано, как воспитательная работа, традиционные мероприятия и проекты формируют у студентов ценностную основу, патриотизм и обеспечивают преемственность поколений.

глобализация, культурные ценности, студенческие сообщества, студенчество, традиционные ценности, культурная идентичность, межкультурный диалог, патриотическое воспитание.

Глобализация представляет собой сложный, многомерный процесс интеграции государств и народов в единое мировое пространство. В философском понимании это не просто экономическая взаимозависимость, но фундаментальное изменение способа бытия человека в мире – переход от локальной идентичности к осознанию себя частью глобального сообщества. Как отмечается в современных исследованиях, глобализация «предполагает взрыв межкультурных контактов как прямыми, так и косвенными способами», что за последние два десятилетия кардинально изменило жизнь молодого поколения по всему миру [1, с. 1].

Актуальность темы обусловлена противоречивым характером глобализационных процессов. С одной стороны, они способствуют гомогенизации культур, унификации ценностей и размыванию традиционных устоев. С другой – порождают новые возможности для межкультурного диалога и взаимообогащения. Особенно остро эти противоречия переживает молодежь, которая одновременно является наиболее восприимчивой к глобальным влияниям и ключевым носителем культурной памяти.

В современной научной дискуссии понятие «культурные ценности» рассматривается как многомерный феномен, включающий не только материальные объекты культурного наследия, но и систему нравственных ориентиров, духовных идеалов, поведенческих норм, традиций и обычаев, обеспечивающих преемственность поколений и сохранение идентичности. Как

справедливо отмечают исследователи С. Г. Чухин и Е. В. Чухина, традиционные ценности выполняют три ключевые функции: преемственность – передачу культурных норм и моделей поведения от поколения к поколению; объединение – консолидацию членов общества вокруг общих культурных ориентиров; сохранение идентичности – воспроизводство культурной самобытности в пространстве социальной укладности [2, с. 53–55]. В числе ценностных доминант, составляющих ядро российской гражданской идентичности, исследователи выделяют духовность, коллективизм, патриотизм, справедливость и сострадание, которые отражают богатое культурное и духовное наследие народа [2, с. 57].

В системе высшего образования воспитательная деятельность является неотъемлемой частью подготовки квалифицированных кадров. Важнейшую роль в этом процессе играют студенческие сообщества, которые выступают не просто формой досуга, но и эффективным субъектом воспитания, способствующим личностно-профессиональному становлению будущего специалиста [3, с. 442].

Исследования показывают, что воздействие глобализации на молодое поколение носит универсальный характер. Независимо от культурного контекста, глобализация стимулирует участие молодежи в глобальных практиках, принятие глобальных идентичностей и приоритизацию глобальных ценностей [1, с. 1]. Особенно значимым является усиление автономных ценностей по мере увеличения интенсивности глобальных контактов.

Однако этот процесс порождает серьезные вызовы. Как подчеркивает А. П. Фомина, наряду с позитивными факторами глобализации существуют и негативные – такие как «наводнение или эрозия культуры», угроза утраты культурного своеобразия [4, с. 153]. Происходит переоценка ценностных ориентаций: повышается значимость материального благополучия и самовыражения, что не всегда гармонирует с традиционными культурными установками [4, с. 154].

Студенчество занимает особое место среди молодежных групп. Это социальная страта, находящаяся в активной фазе формирования мировоззрения, ценностных ориентаций и идентичности. В отличие от других возрастных когорт, студенты обладают повышенной мобильностью, доступом к образовательным ресурсам и включены в международные коммуникационные сети.

Сравнительные исследования показывают, что, несмотря на унифицирующее воздействие глобализации, сохраняются различия в культурных ценностях студентов из разных стран. Так, анализ российского и китайского поколения Z выявил устойчивые отличия в характеристиках культурной идентичности, что опровергает миф о полной унификации ценностей молодежи под влиянием глобализации [5, с. 51]. Это указывает на то, что студенчество не является пассивным объектом глобализационных процессов, а выступает активным субъектом, избирательно синтезирующим глобальные и локальные элементы.

Студенческие сообщества выступают ключевым институтом трансляции культурных ценностей в современном мире. Их уникальность заключается в способности сочетать традиционные формы сохранения культуры с инновационными практиками. Как показано в исследовании [6], цифровые методы работы с культурным наследием, объединяющие студентов из разных образовательных учреждений, эффективно формируют этнокультурную идентичность через когнитивный (знакомство с артефактами), деятельностный (создание цифровых моделей) и эмоциональный компоненты [6, с. 2].

Важным направлением деятельности студенческих сообществ становится международное взаимодействие, построенное на принципах взаимного уважения. Межвузовские проекты способствуют «интеграции локальных и глобальных перспектив», развитию солидарности и социальной справедливости [7, с. 1244]. Участники таких программ отмечают значимые эффекты: расширение кругозора, укрепление связей с сообществом, образовательную ценность непосредственного взаимодействия с культурной средой [7, с. 1248].

Студенческие сообщества выступают посредниками между глобальным и локальным уровнями. Как отмечают исследователи, современные молодые люди «синтезируют глобальные практики, ценности и идентичности наряду с локальными, делая это творческими и культурно-специфическими способами» [1, с. 1]. Именно в студенческих объединениях происходит этот сложный синтез, позволяющий сохранять культурное разнообразие в условиях глобализации.

Принципиальное различие между глобализацией как стихийным процессом и деятельностью студенческих сообществ заключается в характере взаимодействия с культурными ценностями. Глобализация часто действует по принципу унификации, нивелируя культурные различия во имя экономической и технологической эффективности. Студенческие же сообщества, напротив, строят свою деятельность на признании ценности культурного разнообразия.

Исследование программы Reconnecting With Your Culture (RWYC) в Индии показывает, что студенческие инициативы могут сознательно противостоять нивелирующему воздействию глобализации, фокусируясь на «пробуждении молодежи к взаимодействию с культурным наследием в направлении культурной устойчивости» [8, p. 1]. Этот подход предполагает не изоляцию от глобальных процессов, а их творческое переосмысление через призму локальных культурных традиций.

Актуальность обращения к проблеме сохранения культурных ценностей в современных условиях обусловлена глубокими трансформационными процессами, происходящими в социокультурной сфере. Согласно данным мониторингового исследования, проведенного Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН в

2024–2025 гг., наблюдается сложная динамика ценностного континуума россиян, в рамках которой традиционно-культурные и духовно-нравственные ценности приобретают особое значение в условиях внешних вызовов и необходимости укрепления социокультурного суверенитета [9, с. 5–6]. Е. М. Мчедлова, анализируя результаты исследования, подчеркивает, что ценностные детерминанты становятся ключевым фактором устойчивого развития общества, а их сохранение и трансляция молодым поколениям выступает важнейшей государственной задачей [10, с. 442–444].

Особое значение процессы сохранения и трансляции культурных ценностей приобретают в пространстве высшего образования, где формируется мировоззренческая и ценностная основа будущих специалистов. Показательным примером в этом отношении выступает Донбасская национальная академия строительства и архитектуры (ДОННАСА), которая на протяжении многих лет является центром притяжения молодежной культурной жизни региона. В академии сложилась целостная система молодежной политики, включающая проведение традиционных мероприятий, ставших визитной карточкой вуза: Форум первокурсника, туристический слет «Траверс», фестиваль «Дебют первокурсника», фестиваль творческой и активной молодежи «Студенческая маевка», конкурс красоты «Мисс и мистер ДОННАСА», а также сезон Открытой Юзовской лиги КВН [11]. Данные мероприятия выполняют важную функцию интеграции студентов в культурную среду вуза, формирования чувства сопричастности к академическому сообществу и уважения к его традициям.

Особое место в системе патриотического воспитания академии занимают ежегодные мероприятия, приуроченные к празднованию Дня Победы. Традиционный «Сиреневый флешмоб», который проводится в ДОННАСА в преддверии 9 мая, объединяет студентов и преподавателей для исполнения песен военных лет и вручения букетов сирени – символа весны и памяти о героях Великой Отечественной войны [12]. В мае 2025 года, в год 80-летия Великой Победы, в академии также прошла Всероссийская акция «Вальс Победы», в рамках которой студенческие пары исполнили вальс под мелодию «Весна 45-го года». Завершающим аккордом праздника стал танец пар студентов и преподавателей, символизировавший единство поколений и благодарность за мирное небо [13]. Проведение данных мероприятий способствует сохранению исторического наследия, формированию уважения к подвигу ветеранов и преемственности культурных традиций [12].

Ярким примером трансляции культурных ценностей через студенческое творчество стало участие академии в фестивале «Студенческая Весна Донбасса – 2025», прошедшем под слоганом «Победа русской культуры». Фестиваль объединил более 300 участников из 15 вузов, представивших свыше 100 номеров в семи творческих номинациях. Студентка ДОННАСА Екатерина Ракипова одержала победу в номинации «Фото», продемонстрировав высокий уровень художественного мастерства и глубокое осмысление культурной идентичности

Донбасса [14]. Этот факт свидетельствует о том, что студенческое сообщество академии не только сохраняет, но и активно развивает культурные традиции, наполняя их современным содержанием.

Важным направлением деятельности ДОННАСА в контексте сохранения культурного наследия выступает участие профессорско-преподавательского состава и студентов в просветительских проектах, направленных на изучение и популяризацию архитектурного и исторического наследия региона. В марте 2026 года на базе академии стартовал проект «Культурный компас», в рамках которого заведующий кафедрой «Градостроительство, реконструкция и реставрация архитектурного наследия» ДОННАСА, доктор архитектуры, профессор Евгений Гайворонский обсудил со студентами вопросы создания туристических маршрутов Донецкой Народной Республики с привлечением объектов культурного наследия [15]. Данная инициатива не только способствует формированию у студентов бережного отношения к историко-культурному наследию, но и вовлекает их в практическую деятельность по его сохранению и популяризации.

В научной литературе под студенческим общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе студентов на основе общности интересов для реализации социально значимых целей [3, с. 442–443]. Анализ подходов исследователей, в частности работ С. В. Тетерского и Л. В. Альмяшевой, позволяет выделить несколько классификационных признаков таких сообществ.

Исследователь С. В. Тетерский предлагает дифференцировать объединения по сферам деятельности: «человек-человек» (добровольческие объединения), «человек-общество» (студенческие советы, профсоюзы), «человек-государство» (спасательные отряды) и другие [3, с. 442–444]. В свою очередь, классификация Л. В. Альмяшевой основана на структурной принадлежности внутри вуза: академические (в рамках группы), факультетские и общеуниверситетские сообщества [3, с. 444].

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, являющаяся филиалом НИУ МГСУ, представляет собой яркий пример вуза, где система студенческих сообществ развита многогранно и охватывает различные направления деятельности. Анализ практик академии показывает, что здесь успешно функционируют объединения, соответствующие всем современным классификациям. Одним из ключевых элементов является Студенческий патриотический клуб «Патриот». Согласно описанию деятельности клуба, его главная задача – воспитание молодежи в духе любви к Родине, уважения к историческим корням и традиционным ценностям [11]. Это пространство, где студенты реализуют лидерский потенциал, что подтверждает тезис о роли сообществ в развитии гражданской позиции [3, с. 444].

Также в академии активно развивается добровольческое (волонтерское) направление. Студенты ДОННАСА регулярно участвуют в социальных акциях и проектах. Как отмечается в официальных источниках, арсенал волонтеров включает благотворительные акции, реализацию проекта «Детство без границ», а также помощь семьям, пострадавшим от военных действий [11]. Студенческие строительные отряды и волонтеры академии осуществляют шефство над приютом для бездомных животных «4 лапы», демонстрируя высокий уровень социальной ответственности [11].

Формирование таких сообществ решает важнейшую педагогическую задачу: создание среды, способствующей не только социализации, но и профессиональному воспитанию. Студенческая группа, как отмечается в исследованиях С. М. Калашникова, является сложным социальным организмом, где складываются эталоны поведения и психологическая атмосфера, влияющие на эффективность усвоения знаний [7, с. 39]. Участие в объединениях, будь то профсоюзная организация, научный кружок или патриотический клуб, позволяет студенту развить коммуникабельность, ответственность, умение работать в команде, которые являются залогом успешной карьеры. В ДОННАСА созданы условия для прохождения студентом всех этапов интеграции в сообщество – от наблюдателя до наставника, что обеспечивает преемственность поколений и устойчивость студенческой корпоративной культуры.

В эпоху глобализации студенческие сообщества приобретают особую значимость как пространства сохранения и трансляции культурных ценностей. Они позволяют молодежи не просто адаптироваться к глобальным изменениям, но и активно участвовать в определении их вектора, сохраняя культурное разнообразие как условие устойчивого развития.

Опыт Донбасской национальной академии строительства и архитектуры демонстрирует, что высшее учебное заведение может выступать эффективной площадкой для сохранения и трансляции культурных ценностей. Системная воспитательная работа, традиционные мероприятия, участие студентов в творческих фестивалях и просветительских проектах создают условия для формирования у молодёжи устойчивой ценностной основы, базирующейся на уважении к историческому прошлому, культурному наследию и традиционным духовно-нравственным ориентирам.

Вовлекаясь в активную внеучебную деятельность, студенты не только приобретают необходимые социальные навыки, но и формируют устойчивые нравственные ориентиры, что в конечном итоге определяет высокое качество подготовки выпускников. Дальнейшие исследования должны быть направлены на поиск оптимальных моделей организации студенческих сообществ, способных эффективно сочетать глобальную открытость с сохранением культурной идентичности.

Литература

1. Globalization and the changing nature of adolescence [Electronic resource] // ScienceDirect. – 2024.

2. Чухин, С. Г. Традиционные ценности как фактор формирования российской гражданской идентичности школьников в современных социокультурных условиях / С. Г. Чухин, Е. В. Чухина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 52–59.

3. Насыщенная студенческая культурная и общественная деятельность [Электронный ресурс] // Донбасская национальная академия строительства и архитектуры. – URL: https://donnasa.ru/?page_id=3852&lang=ru (дата обращения: 24.03.2026).

4. Фомина, А. П. Ценностные ориентации подростков в разных культурах / А. П. Фомина // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2024. – № 3. – С. 153–160.

5. Мчедлова, Е. М. Устойчивость компонентов ценностного континуума (по результатам исследования 2024-2025 гг.) [Электронный ресурс] / Е. М. Мчедлова // Рукопись. ФНИСЦ РАН. – 2025. – URL: https://www.manuscript.fnisc.ru/index.php?page_id=2754&id=1973&t=new&ret=2755&jour=scs (дата обращения: 21.03.2026).

6. Factors of influence of remote ethnopedagogical contests on the formation of the ethno-cultural identity of youth on the example of Kumandins // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 2. – С. 2.

7. Калашникова, С. М. Теории малых групп / С. М. Калашникова. – М. : Флинта, 2015. – 39 с.

8. Niglio, O. Awakening the youth through RWYC in making cultural sustainability: a study of Smith School, Varanasi, India / O. Niglio, R.P.B. Singh. – 2025.

9. Мчедлова, Е. М. Ценностные детерминанты устойчивого социокультурного развития / Е. М. Мчедлова // Устойчивость российского государства и общества в условиях укрепления традиционных ценностей и становления многополярного мира: монография / под ред. В. К. Левашова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2025. – С. 438–454. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-443-7.2025.

10. Тетерский, С. В. Воспитательный потенциал студенческих общественных объединений / С. В. Тетерский // Педагогика. – 2018. – № 7. – С. 442–444.

11. Глебова, И. С. Современные ценности поколения Z в сравнительном анализе молодежи России и Китая / И.С. Глебова, А.А. Воробьев, Р.Р. Хабибрахманова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 1(64). – С. 51–61.

12. Донбасская национальная академия строительства и архитектуры. Насыщенная студенческая культурная и общественная деятельность [Электронный ресурс]. – URL: https://donnasa.ru/?page_id=3852&lang=ru (дата обращения: 24.03.2026).

13. Всероссийская акция «Вальс Победы» в ДОННАСА [Электронный ресурс] // Донбасская национальная академия строительства и архитектуры. – 6 мая 2025. – URL: https://donnasa.ru/?p=116516&print=print#038;lang=ru (дата обращения: 26.03.2026).

14. Culcasi, I. Enhancing global engagement: Insights from the fly program in European interuniversity service-learning / I. Culcasi, A. Brozmanová Gregorová, M. Cinque, M. Ávila Olías, A. Arbaiza Valero // Proceedings of the Third International Conference of the journal Scuola Democratica. – 2025. – Vol. 1. – P. 1243–1249.

15. Лепешкина, Е. Ю. Студенческие общественные объединения как субъект воспитательной деятельности вуза: к вопросу о классификации / Е. Ю. Лепешкина // Гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 442–444.

K. KARAKICHA, V. RAKIPOVA, S. CHERNYKH, V. BOGUSLAVSKAYA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the
Federal State Budgetary educational institution of Higher
Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

THE ROLE OF STUDENT COMMUNITIES IN PRESERVING AND TRANSMITTING CULTURAL VALUES IN THE ERA OF GLOBALIZATION

The article analyzes the role of student communities in preserving cultural values in the context of globalization. In contrast to the unification of cultures, student associations act as intermediaries between the global and local levels. Using the example of DonNASA, it is shown how educational work, traditional events, and projects form a value foundation, patriotism in students, and ensure the continuity of generations.

globalization, cultural values, student communities, student body, traditional values, cultural identity, intercultural dialogue, patriotic education.

Каракича Кирилл Олегович – студент группы ИСИ-9а «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: культурология, социология молодёжи, межкультурная коммуникация.

Ракипова Валерия Дмитриевна – студент группы ИСИ-9а «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: культурология, социология молодёжи, межкультурная коммуникация.

Черных София Владимировна – студент группы ИСИ-9а «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: культурология, социология молодёжи, межкультурная коммуникация.

Богуславская Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет».

Karakicha Kirill – student of ISI-9a groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: cultural studies, youth sociology, and intercultural communication.

Rakipova Valeria – student of ISI-9a groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: cultural studies, youth sociology, and intercultural communication.

Chernykh Sophia – student of ISI-9a groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: cultural studies, youth sociology, and intercultural communication.

Boguslavskaya Valentina – candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”.

УДК 159.9

Д. А. КОЛЕСНИКОВА, Г. В. ТИМОШКО

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

В статье рассмотрены психологические механизмы личностного выбора в профессиональной сфере, проанализированы примеры самоопределения, мотивации и ответственности. Рассматриваются практические аспекты профессиональной ориентации и их связь с индивидуальными ценностными установками.

личностный выбор, профессиональный выбор, самоопределение, мотивация, профессиональная ориентация.

Личностный выбор в профессиональной сфере – это важнейший процесс в жизни каждого человека, от которого зависит не только карьерный путь, но и качество всей дальнейшей жизни. Принятое решение в этом случае связано не просто с выбором профессии, а с осознанием своих интересов, способностей, ценностей и жизненных целей.

Однако в реальности далеко не всегда этот выбор молодой человек осуществляет самостоятельно, свободно и осознанно. Часто внешними факторами являются родители, семейные традиции, общественные стереотипы и давление окружения, их действия могут привести к внутренним конфликтам, неудовлетворённости и даже эмоциональному выгоранию личности. Трудности личностного выбора и вызвали интерес к проблеме. Целью работы стало исследование личностных аспектов профессионального выбора молодых людей на основе анализа психологической литературы, анализа примеров самоопределения, личностных диспозиций, ответственного поведения.

Личностно-профессиональные проблемы людей на разных этапах профессионализации исследовали психологи Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, Н. В. Самоукина [1, 2, 3] и другие ученые.

Проблема отсутствия личностного выбора в профессии особенно остро проявляется, когда юноши и девушки не могут опереться на собственные желания и склонности. В таких случаях происходит отчуждение от своей деятельности – и человек чувствует, что живёт не своей жизнью, а реализует чужие ожидания. Это приводит к потере мотивации, ухудшению

психоэмоционального состояния, снижению эффективности труда. Часть оптантов, не имея чёткого понимания себя и своих интересов, оказываются в ситуации «пассивного выбора», когда решение принимают за них родители или общество. Такой выбор часто сопровождается чувством растерянности, тревоги и даже страха, что усиливает внутренний дискомфорт и мешает развитию личности.

Например, нередко случается, что молодой человек долго не может определиться с профессией. Он пробует себя в разных сферах, посещает кружки, интересуется разными направлениями, но не может понять, что именно ему нравится больше всего. В такой ситуации родители, желая помочь, принимают решение за него, выбирая, например, экономический факультет, их знания и опыт подсказывают – это надёжный и перспективный вариант. Молодой человек соглашается, чтобы не огорчать близких и не рисковать ошибиться. Однако, например, учёба оказывается сложной, предметы не вызывают интереса, и, окончив вуз, он осознаёт, что выбрал не своё дело. Такая ситуация происходит довольно часто. Давление родителей и страх ошибиться заставляют многих принимать решения, не опираясь на собственные желания и способности. В результате человек может терять мотивацию, чувствует внутреннюю пустоту и неудовлетворённость.

Другой распространённый пример – семьи, где все работают в одной профессиональной сфере, например, в медицине. В таких семьях ребёнок с детства может слышать, как он пойдёт по стопам родителей и станет врачом. Если же у него появились другие интересы, например, склонность к творчеству или техническим наукам, он оказывается в ситуации внутреннего конфликта. Чтобы не расстраивать родителей и не нарушать семейные традиции, он поступает в медицинский университет, но в процессе учёбы испытывает стресс, теряет мотивацию и задумывается о смене профессии. Такие ситуации показывают, как давление семейных традиций и социальных ожиданий может мешать человеку найти своё призвание и жить в гармонии с собой [4].

Общественные стереотипы о престижности и доходности профессий также являются фактором, влияющим на их выбор молодыми людьми. Например, считают, что профессии юриста, экономиста или врача гарантируют статусность и финансовую стабильность, в то время как творческие или гуманитарные направления воспринимаются как менее серьёзные и перспективные. Поддаваясь таким установкам, молодые люди жертвуют своими настоящими интересами и талантами ради общественного признания. В итоге они могут достигать внешних успехов, в то же время испытывая внутреннее неудовлетворение и ощущение, что живут не своей жизнью [5].

Психологические исследования подтверждают, что выбор профессии – это сложный процесс, зависимый от личностных качеств, интересов, ценностей и мотивации. Люди с высоким уровнем внутренней мотивации и чётким пониманием своих склонностей достигают большего удовлетворения и успеха в профессии. В процессе профессионального выбора важно учитывать темперамент, самооценку, диспозиции личности и другие индивидуальные факторы. Например, интроверту подойдут профессии, связанные с сосредоточенной работой и небольшим, организованным общением, такие как программист или психолог индивидуальной консультации, а экстраверту – профессии, требующие активного взаимодействия с людьми, например, педагог, менеджер или коуч. Учет этих факторов помогает сделать осознанный выбор, который будет приносить радость и профессиональный рост.

Для того, чтобы сделать такой выбор, необходимо время и усилия для самопознания. Важно задавать себе вопросы: «Что мне действительно нравится?», «В чём я хочу развиваться?», «Какие у меня сильные стороны?». Полезно проходить профориентационные тесты, общаться с профессионалами разных сфер. Такой опыт помогает лучше понять себя и свои предпочтения. Также важно не бояться ошибок – иногда путь к своему призванию лежит через пробу нескольких видов деятельности и переосмысление целей.

Также полезным инструментом является профессиональное консультирование и профориентация. Специалисты помогают молодым людям выявить их склонности и способности, познакомиться с требованиями разных профессий и понять, получить информацию о тех профессиях, которые наиболее соответствуют их личностным качествам. Например, тесты с построением личностного профиля и определением профнаправленности могут показать, что человек лучше реализуется в технической сфере, а не в гуманитарной, или наоборот. Это помогает избежать ошибок и сделать выбор более осознанным [1, 3].

Важным аспектом является также умение справляться с неудачами и изменениями. Иногда человек начинает учиться или работать в одной сфере, но чувствует или осознаёт – это не его стезя. В таких случаях важно не бояться остановиться, если нужно, делать шаг назад, переосмысливать свои цели и искать новые возможности. Семейные истории и истории некоторых успешных людей показывают, что смена профессии или направления деятельности позитивно сказывается на появлении настоящего успеха и счастья.

Кроме того, сегодня существует множество образовательных программ и курсов, которые позволяют получить дополнительные знания и навыки без необходимости полностью менять профессию. Это открывает новые горизонты для людей, которые уже работают, даёт возможность им расширить свои представления о возможных сферах деятельности. Например,

человек, работающий в сфере экономики, может пройти программы повышения квалификации по организационной психологии или программированию, использовать новые умения там, где работает или постепенно перейти в новую профессию, которая больше соответствует его интересам.

Сложность протекания профессионального выбора зависит от многих факторов: возраста, предшествующей судьбы человека, степени разрешённости предшествующих профессиональному самоопределению жизненных кризисов, личностной зрелости и других.

М. С. Гинзбург [6] рассматривает проблему самоопределения с точки зрения временной перспективы, т.е. отношения личности к психологическому настоящему и психологическому будущему. По его мнению, успешное самоопределение характеризуется наличием компонентов психологического настоящего, выполняющих функцию саморазвития и включающих ценностно-смысловое ядро, т.е. широкий спектр личностно-значимых позитивных ценностей, переживание осмысленности собственной жизни, экзистенциальную ориентацию, а также самореализацию в широком диапазоне областей. Также успешное самоопределение характеризуется наличием компонентов психологического будущего, а именно: личностным проецированием себя в будущее, восприятием широкого спектра ценностей будущего в эмоционально привлекательном свете с расчетом, в основном, на собственные силы. Устойчивость и определенность выбора профессии существенным образом характеризует смысловое будущее и успешность самоопределения в юношеском возрасте. М. С. Гинзбург отмечает включенность профессионального самоопределения в личностное, связывая его ценностно-смысловые и пространственно-временные аспекты.

Наши исследования ценностей студентов, их личностной зрелости, их отношения к прошлому, настоящему и будущему подтверждают исследования М. С. Гинзбурга в той части, что личностная зрелость и профессиональное самоопределение взаимосвязаны и связаны со сформированностью ценностно-смыслового ядра личности, наличием и устойчивостью профессионального выбора. От первого к четвертому курсу обучения растет и социальная зрелость, и уровень профессионального самоопределения студентов. В то же время соотношение личностной зрелости и профессионального самоопределения неоднозначно. Так, девушки-студентки, в целом, характеризуются более развитыми показателями личностной зрелости: ответственностью, интернальностью, чувством долга и др., в то же время сформированность профессиональной мотивации выше у юношей, что мы объясняем различием их социальных позиций и социальных ожиданий от психологического будущего. Также в нашем исследовании было обнаружено, что студенты лучше ориентируются в своем

прошлом и настоящем, чем в будущем, относятся к будущему более тревожно и их жизненные планы более дифференцированы для ближайшего будущего, в пределах года [7].

Итак, необходимым условием успешного профессионального самоопределения молодого человека является осознание того, что он сам выбрал профессиональный путь. Но, как отмечают Т. В. Кудрявцев и В. Ю. Шегурова, процесс профессионального самоопределения этим не заканчивается. Выбор профессии – это лишь показатель того, что процесс профессионального самоопределения переходит в новую фазу своего развития. До того, как человек не проверит свои возможности в ходе профессиональной деятельности, либо в ситуациях, максимально приближенных к ней, не сформирует к себе, как к субъекту труда устойчивого положительного отношения, об успешности процесса профессионального самоопределения говорить достаточно трудно [8].

Для студентов такой ситуацией, приближенной к профессиональному труду, является производственная практика. Студенты и сами в беседах, в ходе дискуссий подчеркивают её значение для их профессионального самоопределения. Разочарование студентов процессом и результатами практики заставляет их задуматься и о правильности своего профессионального выбора, а удовлетворенность процессом и результатами практики только усиливает их уверенность в правильности выбора жизненного пути.

В заключение подчеркиваем, что личностный выбор в профессиональной сфере – это не только процесс становления, а основа гармоничной и успешной жизни. Осознанный и самостоятельный выбор позволяет человеку раскрыть свой потенциал, реализовать мечты и жить в согласии с собой. Родители, семья и общество могут давать советы и поддерживать, но окончательное решение следует оставлять за тем, кому предстоит жить с этим выбором. Тогда и работа, и жизнь будут приносить радость, удовлетворение и внутреннюю гармонию, что является залогом не только профессионального успеха, но и личного счастья [9].

Литература

1. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – М. : Академия, 2004. – 304 с.

2. Пряжников, Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика / Н. С. Пряжников. – М. : Академия, 2007. – 320 с.

3. Самоукина, Н. В. Психология профессиональной деятельности / Н. В. Самоукина. – СПб. : Питер, 2003. – 224 с.

4. Афанасьева, А. В. Профориентация подростков: влияние семейной системы на самоопределение и роль реалистичной самооценки / А. В. Афанасьева. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.b17.ru/blog/617457/

5. Шацилло, В. А. Роль социальных стереотипов в процессе профессионального самоопределения молодежи / В. А. Шацилло. – [Электронный ресурс]. – // Известия высших учебных заведений. – Поволжский регион. – Общественные науки. – 2022. – №4. –с.48-57. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-stereotipov-v-protsesse-professionalnogo-samoopredeleniya-molodezhi/viewer

6. Гинзбург, М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург// Вопросы психологии. – 1994. – №3. – С. 43–52.

7. Тимошко, Г. В. Исследование направленности на вид инженерной деятельности студентов-старшекурсников в техническом вузе / Г. В. Тимошко, В. Г. Богуславская, Т. А. Кирсанова // Вестник ДонНАСА. – Выпуск 2015-2(112). – Макеевка, 2015. – С. 56–63.

8. Кудрявцев, Т. В., Шегурова, В. Ю. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности / Т. В. Кудрявцев, В. Ю. Шегурова // Вопросы психологии. – 1983. – №2 – С. 51–59.

9. Трунин, Д. М. Осознанный выбор: жить в согласии с собой / Д. М. Трунин. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.b17.ru/article/806558/

D. KOLESNIKOVA, G. TIMOSHKO

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

PERSONAL ASPECTS OF PROFESSIONAL CHOICE

The article discusses the psychological mechanisms of personal choice in the professional sphere, analyzing examples of self-determination, motivation, and responsibility. It examines the practical aspects of professional orientation and their connection with individual value systems.

Personal choice, professional choice, self-determination, motivation, professional orientation.

Колесникова Дарья Андреевна – студентка группы АД-30а, «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: профессиональная психология.

Тимошко Галина Владимировна – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой истории и философии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: психология высшей школы.

Kolesnikova Darya – student of AD-30a groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: professional psychology.

Tymoshko Galyna – Ph.D. (Psychology), Head of the Department of history and philosophy of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: higher education psychology.

УДК 340.11

Н. Е. КОСАЧ, Б. А. ЯКОВЧЕНКО

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,

г. Донецк, РФ (ДНР)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассмотрены существующие подходы к определению государства в современной науке. Указывается на изменения в функционировании государства под влиянием процессов глобализации. Делается вывод о необходимости выделения новых признаков государства в условиях глобализации и цивилизационной дифференциации.

государство, государственная власть, общественные интересы, гражданское общество, право.

Современное государство находится под влиянием процессов глобализации, цифровизации и усиления взаимозависимости государственных и международных структур. Его сущность и функции изменяются под влиянием новых технологий, международных обязательств, транснациональных процессов и трансформации гражданского общества.

Целью статьи является рассмотрение существующих подходов к определению государства в современной науке, изменений в функционировании государства под влиянием процессов глобализации, обоснование необходимости выделения новых признаков государства в условиях глобализации и цивилизационной дифференциации.

Политико-правовая мысль предлагает несколько подходов к определению государства. Классический подход определяет государство как совокупность народа, территории и государственной власти. Государство рассматривается в качестве организационной формы общества [1]. Немецкая классическая юридическая наука трактует государство как союз лиц, проживающих на определённой территории и подчинённых единой верховной власти. Теологический подход видит в государстве и государственной власть волеизъявление Бога, а подчинение власти рассматривает как религиозный долг. В рамках юридического подхода государство выступает в качестве правовой формы организации и функционирования государственной власти, деятельность которой регламентируется законодательством государства. Акцент делается на правовом механизме использования силы, структуре государственных органов и процедуре принятия решений, а не только на фактическом распределении власти. Классовый (формационный) подход трактует государство как политически организованное общество, разделённое на классы и сменившее родоплеменную

организацию власти. В условиях классового общества население объединяется и подразделяется по территориальному признаку. Государственная власть отделяется от населения и осуществляется лицами не занятыми в производственном труде (бюрократией). Нормативистский подход определяет государство как систему норм, выражающуюся в виде «нормативного порядка» [2]. Социологический подход рассматривает государство как общественный союз людей. Исключительное право на использование насилия предоставляется только органам государственной власти. Особое значение имеет концепция немецкого социолога и юриста М. Вебера. Он связывал происхождение государства с выработкой легитимных форм насилия, пришедших на смену родоплеменным порядкам [3].

В русской юридической науке XIX – начала XX века важнейшим признаком государства выделялся именно государственный порядок, предполагавший запрет принуждения частными лицами и монополизацию государственным аппаратом принудительного властвования [4].

Цивилизационный подход к пониманию государства исходит из того, что государство формируется и развивается под влиянием культуры, религии, демократических институтов и тех ценностей, на которые ориентируется общество. Данный подход рассматривает государство как выражение определённой цивилизационной идентичности [5].

Цивилизационный подход отражён в Указе Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229, которым была утверждена новая редакция «Концепции внешней политики Российской Федерации». В ней Россия официально трактуется как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава». В этом документе подчёркивается, что российская государственность опирается на особую культурную и цивилизационную идентичность, формировавшуюся в ходе длительного исторического развития и сосуществования множества народов, этносов и конфессий [6].

Е. И. Колюшин указывает, что в действующей теории конституционного права понятие «страна (государство) – цивилизация» как строго формализованный юридический и политический термин ещё не закреплен и не включен в систему теории государства и права. Именно в теории государства должны быть разработаны новые признаки и критерии модернизированного государства в условиях глобализации и цивилизационной дифференциации [7].

Силовой подход понимания государства исходит из его могущества, ресурсного и военного потенциала. Рассматривает государство и право, как следствие социальной силы. В рамках этого подхода государственная власть опирается на реальные возможности применения физической и организационной силы. Ф. Фукуяма отмечает, что «построение сильного государства заключается в создании новых правительственных учреждений и укреплении существующих» [8].

Противоположную логику в трактовке сущности государства используют сторонники консервативной традиции. Если марксисты полагают, что материя и экономические отношения первичны по отношению к духу и сознанию, то консерваторы утверждают обратное: духовное и культурное наполнение общества предшествует и обусловливает экономику и политическую власть [9]. В рамках такой концепции конкретные политические формы и государственные институты занимают второстепенное положение по сравнению с сохранением традиционного духа, пронизывающего всю систему общественных отношений. Если духовный порядок и культурная целостность соблюдены, то форма государственного устройства (монархия, республика, авторитарный режим) становится для консерваторов второстепенной. Именно традиционный дух, а не внешняя структура власти, считается решающим фактором жизнеспособности и легитимности государства [10]. Силовая составляющая государственной власти при этом не считается второстепенной. Согласно О. Шпенглеру, чтобы государство пребывало «в форме», оно должно быть подготовлено для ведения настоящих и возможных войн, в ходе которых укрепляется народное единство, образованное этим государством [11].

А. Задохин употребляет категорию «национальные интересы», через совокупность интересов личности, интересов различных социальных групп населения и интересов общества (общенациональных интересов) в целом [12]. Так общественное единство выходит на первый план в условиях чрезвычайных ситуаций. Например, при угрозе потери независимости.

Под влиянием процесса глобализации государственные институты уступают в оперативности и эффективности крупным корпорациям, конкурируя не только на экономическом, но и на управленческом уровне. Это затрагивает основы легитимности и устойчивости государственной власти [13]. В работах ряда исследователей, неолиберализм рассматривается как модель экономической и политической организации. При этом государство перестаёт быть нейтральным регулятором общих интересов общества, а становится архитектором и гарантом условий, выгодных для транснационального капитала [14]. Международные финансовые и экономические структуры своей практической деятельностью институционализируют глобальный неолиберализм. Политика глобального неолиберализма направлена не на устранение государства, а на его переформатирование и переориентацию в интересах транснациональных корпораций. Влияние крупных компаний позволяет называть их источником власти наряду с государством. В результате классическое представление о государстве как «хранилище долга и чести» по отношению к обществу уступает место новой установке, где аморальный характер корпоративной выгоды переходит в язык и практику госаппарата. В итоге призывы к «служению обществу», «повышению ответственности» и «государственной чести» звучат декларативно, поскольку это происходит

параллельно с политикой в интересах крупного капитала, а не в интересах подавляющего большинства граждан.

Одновременно происходят процессы глубокой дифференциации. Единство общества и его способность к коллективному сопротивлению ослабляется распадом традиционных рабочих коллективов, снижением роли профсоюзов и роста социальной поляризации, в том числе под давлением миграционных потоков. К. Крауч выделяет пять видов групп современного гражданского общества: политические партии, религиозные организации, группы гражданских активистов, группы добровольческого и благотворительного секторов, профессиональные группы [15]. Современные правящие группы располагают беспрецедентно широкими возможностями манипуляции общественным мнением. Все это существенно затрудняет формирование гражданского единства. Тем самым сокращается давление на государство для корректировки политики в направлении общественных национальных интересов.

Российский исследователь А. Поладько ставит и развивает проблему актуализации идеологии государственного служения на современном этапе развития общества. В его трактовке эта идеология представляет собой мировоззренческий и этический комплекс, в центре которого чувство долга, ответственности и восприятие государства как высшей общественной ценности, а не только бюрократической машины. В рамках такой идеологии акцент делается не только на значимости служения государству как таковому, но и на культивировании патриотизма, гражданского долга и корпоративной нравственности. Государственный служащий рассматривается не как «технический исполнитель», а как субъект, чья деятельность направлена на защиту общественного блага, сохранение суверенитета и преемственность национальной и культурной идентичности [16].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Государство является институтом, который призван сохранять целостность общества, обеспечивать его организационное и политическое единство. В идеальной модели государство находится над классами и социальными группами, выступает в качестве регулятора, ограничивающего хаос и фиксирующего установленный порядок.

В современном мире государство чаще действует в качестве института, формируемого в интересах транснационального капитала и доминирующих социальных групп. В процессе глобализации неолиберальные принципы становятся стандартом для большинства стран мира. Одновременно ослабляется общество, давление которого на государство, традиционно побуждает к защите национальных интересов всех слоёв населения. Снижается способность гражданского общества вырабатывать единые требования к власти. В постиндустриальных

условиях общественная среда раскалывается на множество разрозненных групп со своими интересами и целями.

В этих условиях концепция «страна (государство) – цивилизация» должна быть разработана и включена в систему теории государства и права, что позволит по-новому осмыслить признаки государства. Кроме того, идеология государственного служения, вопросы обеспечения общественного единства выходят на первый план в условиях угрозы государственному суверенитету.

Литература

1. Чиркин, В. Е. Государствоведение : учебник / В. Е. Чиркин. – М. : Юристъ, 2000. – 384 с.

2. История политических и правовых учений : учебник для вузов. – изд. 2-е, стереотип. Под общ. ред. члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора В. С. Нерсесянца. – М. : Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1998. – 736 с.

3. Вебер, М. В. Избранные произведения / М. В. Вебер – М. : Прогресс, 1990. – 645 с.

4. Титов, В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции / В. В. Титов – М. : Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.

5. Дугин, А. Г. Четвертый Путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию / А. Г. Дугин. – 2-е изд. – М. : Академический проект, 2015. – 683 с.

6. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.03.2023. № 229 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/?ysclid (дата обращения: 24.04.2026). – Загл. с экрана.

7. Колюшин, Е. И. Государство-цивилизация: вызовы для теории конституционного права / Е. И. Колюшин // Конституционное и административное право. – 2024. – № 1. – С. 3–10.

8. Фукуяма, Ф. Сильное государство / Ф. Фукуяма – М.: АСТ, 2010. – 256 с.

9. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.

10. Шпенглер? О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

11. Шпенглер, О. Годы решений / О. Шпенглер – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2025. – 117 с.

12. Задохин, А. Г. Категория «национальные интересы» в российском политическом сознании / А. Г. Задохин // Обозреватель. – 2013. – № 1. – С. 8–29.

13. Тамбиянц, Ю. Г., Шалин, В. В. Сущность государства в эпоху глобализации: теория и практика / Ю. Г. Тамбиянц, В. В. Шалин // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 12. – С. 43–49.

14. Арсеенко, А. Г. Что такое неолиберализм в контексте современной «экономикс» и экономики / А. Г. Арсеенко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2011. – № 2. – С. 78–106.

15. Крауч, К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч – М.: Дело, 2012. – 270 с.

16. Поладько, А. В. Идеология государственного служения : социокультурное позиционирование дискурса : диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Поладько Александр Викторович; [Место защиты: Краснодар. ун-т МВД России]. – Ростов-на-Дону, 2011. – 162 с.

N. E. KOSACH, B. A. YAKOVCHENKO

Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation (DPR)

FORMATION OF THE CONCEPT OF THE STATE: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS

The article examines the existing approaches to the definition of the state in modern science. It points out the changes in the functioning of the state under the influence of globalization processes. The author concludes that it is necessary to identify new criteria of a state in the context of globalization and civilizational differentiation.

State, state power, public interests, civil society, law.

Косач Наталья Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Донецкого государственного университета. Научные интересы: правовое регулирование государственного управления, механизм государства.

Яковченко Богдан Андреевич – студент 4 курса бакалавриата Донецкого государственного университета. Научные интересы: публичная власть, форма государства.

Kosach Natalia Evgenievna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Donetsk State University. Research interests: legal regulation of public administration, mechanism of the state.

Yakovchenko Bogdan Andreevich – 4th year bachelor student of Donetsk State University. Research interests: public power, form of the state.

УДК 159.9:615.8

О. Е. МАТЮЩЕНКО, Г. В. ТИМОШКО

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

АУТОТРЕНИНГ КАК МЕТОД РЕГУЛИРОВАНИЯ СОБСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается аутогенная тренировка (аутотренинг) как эффективный метод саморегуляции поведения. Анализируются теоретические основы метода, разработанные И. Г. Шульцем, его физиологические и психологические механизмы. Раскрывается эволюция представлений от классической аутогенной тренировки к современным модификациям (эмоционально-волевая тренировка, психо-мышечная тренировка, нейролингвистическое программирование). Особое внимание уделяется практическим аспектам применения аутотренинга для коррекции эмоциональных состояний, поведения в стрессовых ситуациях и формирования адаптивных поведенческих стратегий.

аутотренинг, саморегуляция, поведение, аутогенная тренировка, самовнушение, релаксация, стресс.

Проблема регуляции собственного поведения является одной из центральных в современной психологии. В условиях возрастающих психоэмоциональных нагрузок, информационного стресса и социальной нестабильности способность человека произвольно управлять своим состоянием и поведением приобретает особую значимость. Аутогенная тренировка (аутотренинг) представляет собой один из наиболее доступных и научно обоснованных методов саморегуляции, позволяющий индивиду целенаправленно влиять на психофизиологические процессы и поведенческие реакции. Цель данной статьи – систематизировать основные теоретические и практические аспекты аутотренинга как метода регуляции поведения и показать его эволюцию от классической техники к современным интегративным подходам. Дополнительно в работе ставится задача описать механизмы трансформации непроизвольных вегетативных реакций в произвольно управляемые навыки, а также проанализировать границы применимости аутотренинга в различных сферах – от повседневной жизни до экстремальных профессий. Актуальность темы усиливается тем, что в последние десятилетия наблюдается возврат интереса к нелекарственным методам коррекции стрессовых состояний, особенно в условиях пандемий, военных конфликтов, когда навыки саморегуляции приобретают значение жизненно важного ресурса.

Основы аутогенной тренировки были заложены И. Г. Шульцем в 1932 году. Наблюдая за гипнотическими состояниями, Шульц установил, что у пациентов в состоянии гипноза возникают специфические телесные ощущения – тяжесть в конечностях вследствие мышечной релаксации и тепло вследствие расширения кровеносных сосудов. Он разработал систему упражнений, позволяющих здоровому человеку произвольно вызывать эти ощущения без гипнотического воздействия [1, с. 45]. Важно отметить, что Шульц опирался не только на клинический опыт, но и на древние восточные практики йоги и дзэн, которые он адаптировал, исключив мистические компоненты и сохранив физиологически обоснованные приёмы концентрации внимания. Классическая аутогенная тренировка включает шесть стандартных упражнений: тяжесть, тепло, регуляция сердечной деятельности, дыхания, тепла в солнечном сплетении, прохлады в области лба, которые выполняются в состоянии пассивной концентрации. Каждое упражнение имеет свою цель: первое упражнение снимает общий мышечный тонус, второе воздействует на сосудистую систему, третье позволяет урегулировать сердечный ритм, четвёртое нормализует дыхание, пятое оказывает успокаивающее действие на внутренние органы, а шестое способствует снятию головной боли и умственного напряжения. Последовательное овладение этими упражнениями занимает обычно от нескольких недель до трёх месяцев, причём каждое последующее упражнение осваивается только после устойчивого закрепления предыдущего. Такой ступенчатый подход обеспечивает формирование прочного навыка саморегуляции, который не утрачивается даже при длительных перерывах в тренировках.

Физиологический механизм аутотренинга связан с переключением доминанты с коры головного мозга на подкорковые структуры и активацией парасимпатического отдела вегетативной нервной системы. Это приводит к снижению мышечного тонуса, замедлению сердечного ритма, уменьшению частоты дыхания, равномерному распределению кровотока [2, с. 112]. Более детально данный процесс описывают через понятие «аутогенная разрядка»: в состоянии релаксации снижается активность ретикулярной формации, что уменьшает поток активирующих сигналов к коре, и одновременно повышается тонус блуждающего нерва, отвечающего за парасимпатические эффекты. Современные нейровизуализационные исследования (фМРТ, ЭЭГ) показывают, что при выполнении аутогенных упражнений наблюдается увеличение альфа- и тета-активности в лобных отделах, что соответствует состоянию спокойного бодрствования с внутренней сосредоточенностью. Психологический механизм включает формирование обратной связи между произвольным вниманием, мышечным расслаблением и субъективными ощущениями, что создаёт основу для сознательного управления вегетативными реакциями. По сути, человек учится различать ранее неосознаваемые сигналы собственного тела (проприоцептивные и интероцептивные) и произвольно их модулировать, что напоминает тренировку навыков биоуправления, но без использования внешней аппаратуры.

В отличие от пассивных методов релаксации (медитации, аутогенного погружения), аутотренинг изначально ориентирован на активную регуляцию поведения. Шульц подчёркивал, что цель аутогенной тренировки – не просто расслабление, а «саморегуляция психической активности» [1, с. 78]. После достижения состояния релаксации – аутогенного нейтралитета – используются специальные формулы самовнушения, так называемые «формулы намерения», направленные на коррекцию конкретных поведенческих паттернов – от преодоления страха публичных выступлений до формирования уверенности в себе и отказа от вредных привычек. Например, при фобических расстройствах формула может звучать так: «Я совершенно спокоен, ситуация для меня безопасна, я действую уверенно и свободно». В случае бессонницы применяются формулы типа «Голова свободна от мыслей, тело расслаблено, приходит глубокий, освежающий сон». Эффективность формул намерения зависит от их образности, эмоциональной насыщенности и повторения в состоянии релаксации, когда критичность сознания снижена, а восприимчивость к внушению повышена. При этом Шульц предупреждал, что формулы не должны быть длинными или содержать отрицаний (частицу «не»), так как подсознание лучше воспринимает позитивные, краткие и конкретные утверждения.

В середине XX века появились многочисленные модификации классического метода. А. В. Алексеев разработал психо-мышечную тренировку для спортсменов, усилившую элемент волевого напряжения мышц перед их расслаблением [3, с. 34]. В этой модификации используется приём «парадоксального дыхания» и кратковременного максимального напряжения отдельных мышечных групп, что позволяет глубже прочувствовать контраст между напряжением и расслаблением и ускорить овладение навыком. Г. С. Беляев создал метод эмоционально-волевой тренировки, где акцент сместился с телесных ощущений на управление эмоциональными состояниями через образы и аффективно окрашенные представления [4, с. 67]. В рамках когнитивно-поведенческой терапии аутотренинг стал использоваться как элемент стресс-прививочной подготовки: пациент сначала обучается релаксации, затем – визуализации стрессовой ситуации, а затем – мысленному проигрыванию адаптивного поведения в состоянии релаксации [5, с. 89]. Помимо этих хорошо известных вариантов, существуют и другие модификации: метод «активной аутогенной тренировки» Х. Кляйнзорге, предназначенный для быстрого восстановления в спорте; метод Л. П. Гримака и Л. А. Китаева-Смыка для психорегуляции в условиях боевого стресса; а также «аутогенная тренировка по методу М. Лутце», в которой основной упор делается на дыхательные ритмы. Каждая из этих модификаций адаптирует базовые принципы Шульца под конкретные задачи – от повышения спортивной результативности до преодоления посттравматических стрессовых расстройств.

Особое значение имеет использование аутотренинга для регуляции поведения в экстремальных условиях. Исследования В. Л. Марищука и Ю. В. Черемных показали, что

предварительное обучение аутогенной тренировке достоверно снижает количество ошибочных действий у операторов сложных систем в условиях дефицита времени и информационной перегрузки [6, с. 156]. Аутотренинг позволяет быстро восстановить психофизиологический статус после стресса, предотвратить развитие профессионального выгорания и повысить устойчивость к фрустрации. В военной психологии разработаны специальные «боевые аутогенные формулы» длительностью 30 – 60 секунд, которые могут применяться непосредственно перед выполнением опасной задачи; они включают краткое дыхательное упражнение, мысленное повторение ключевого слова («спокоен», «собран») и позитивный образ успешного действия. В авиационной и космической психологии аутогенная тренировка входит в обязательную программу подготовки пилотов и космонавтов, так как позволяет снизить влияние перегрузок, гипоксии и сенсорной депривации. Также накоплен положительный опыт применения аутотренинга у спасателей и пожарных: регулярные занятия сокращают время психофизиологической реакции в аварийных ситуациях и уменьшают частоту случаев острого стрессового расстройства после участия в ликвидации катастроф.

В современной психологии наблюдается интеграция аутотренинга с другими методами саморегуляции. Так, нейролингвистическое программирование (НЛП) использует якорные техники, позволяющие «привязать» состояние релаксации к определённому кинестетическому или визуальному сигналу, что делает поведенческую регуляцию практически мгновенной [7, с. 102]. Например, человек может обучить себя: как только он сжимает большой и указательный пальцы правой руки, у него автоматически запускается ранее освоенное аутогенное состояние, что позволяет купировать тревогу за несколько секунд. Биологическая обратная связь (БОС-терапия) предоставляет объективные показатели физиологических параметров (кожно-гальваническая реакция, электроэнцефалограмма), что повышает эффективность аутотренинга за счёт визуализации прогресса. Однако именно аутогенная тренировка остаётся наиболее доступным методом, не требующим дорогостоящей аппаратуры и специальных условий. В последние годы появились гибридные техники, например «аудио-аутотренинг» с бинауральными ритмами, где к стандартным формулам самовнушения добавляется звуковой фон, синхронизирующий мозговые волны с частотой глубокой релаксации (4 – 8 Гц). Также активно развивается направление «микро-аутотренинга» – короткие (1 – 3 минуты) сеансы саморегуляции, встраиваемые в рабочий день, которые основаны на рефлекторных точках акупунктуры и дыхательных паузах.

Критики аутотренинга указывают на ограничения метода. Во-первых, для устойчивого эффекта требуется систематическая тренировка в течение нескольких месяцев (как минимум 3 – 4). Во-вторых, у некоторых людей с высокой тревожностью или гиперконтролем первые сеансы могут вызывать «феномен разрядки» – временное усиление тревоги из-за непривычного отсутствия мышечного напряжения [8, с. 210]. В-третьих, аутотренинг неэффективен при тяжёлых психических расстройствах, таких как психозы, глубокая

депрессия, и может применяться только как дополнительный метод в составе комплексной терапии. К этим ограничениям следует добавить, что у лиц с истероидными чертами личности возможна так называемая «аутогенная эйфория» – неадекватное чувство расслабления, маскирующее реальные проблемы и снижающее мотивацию к активным действиям. Кроме того, при неправильном обучении, например, форсировании упражнений без освоения предыдущих, может возникнуть «аутогенная астения» – состояние вялости, сонливости и снижения работоспособности, которое требует временного прекращения занятий и возврата к начальным этапам. Не рекомендуется использовать аутогенную тренировку при острых инфекционных заболеваниях, в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, а также при некомпенсированной артериальной гипотензии, так как расслабление сосудов может вызвать резкое падение давления. Тем не менее для здоровых людей и лиц с пограничными состояниями аутотренинг остаётся «золотым стандартом» поведенческой саморегуляции.

Помимо перечисленных аспектов, важно рассмотреть возрастную динамику обучения аутотренингу. У детей старше 7 – 8 лет метод успешно применяется для коррекции энуреза, заикания и тиков, при этом упражнения адаптируются в игровой форме (например, «тяжёлые ручки как у спящего мишки», «тёплый лучик в животике»). У подростков аутотренинг помогает справляться с экзаменационной тревожностью и агрессивными импульсами, особенно если включить в формулы элементы самопринятия и эмоциональной стабильности. В пожилом возрасте метод требует осторожности из-за возможных сосудистых нарушений, но при индивидуальном подборе формул (исключая упражнение на тепло в солнечном сплетении при атеросклерозе) он улучшает сон, снижает артериальное давление и уменьшает ипохондрическую фиксацию на телесных ощущениях. Также аутотренинг доказал свою эффективность в акушерской практике: обучение беременных женщин аутогенной релаксации снижает риск преждевременных родов и облегчает течение токсикозов, а также уменьшает страх перед родами.

Важным направлением остаётся обучение аутотренингу в организационном контексте. Крупные компании, например, корпорация Росатом, внедряют программы психологической гигиены, включающие базовые навыки аутогенной саморегуляции для менеджеров и сотрудников, работающих в условиях многозадачности и жёстких дедлайнов. Исследования показывают, что после трёхмесячного курса групповых занятий аутотренингом на рабочем месте производительность труда повышается на 12 – 15%, а число ошибок, связанных с утомлением, снижается на 25 – 30%. При этом особенно ценным качеством метода является то, что он не требует отрыва от производства: короткие 5 – 10-минутные сеансы могут выполняться в перерывах между задачами, а для освоения достаточно аудиозаписей с голосом инструктора [2, с. 179–190].

Перспективы дальнейшего развития аутотренинга связаны с цифровыми технологиями и персонализацией. Уже существуют мобильные приложения («AT-Home», «Relax lite», «AUTOGEN 24»), которые проводят пользователя по этапам классической аутогенной тренировки, адаптируя скорость и тембр голоса под его предпочтения. Более продвинутые системы интегрируют данные с носимых устройств – пульсометров, электродермальных датчиков – и автоматически подбирают оптимальные формулы самовнушения в зависимости от текущего уровня стресса. В экспериментальном режиме разрабатываются нейроинтерфейсы с обратной связью по ЭЭГ: программа «видит», достиг ли человек нужного аутогенного состояния, и даёт сигнал для перехода к следующему этапу. Однако такие технологии пока дороги и недоступны массовому пользователю, поэтому наиболее востребованным остаётся классический аудио-аутотренинг, который можно скачать бесплатно и использовать без ограничений.

В контексте культурных различий интересно отметить, что в западной традиции аутотренинг чаще применяется для повышения эффективности и стрессоустойчивости, тогда как в восточных культурах (Китай, Индия, Япония) он интегрируется с традиционными практиками цигун, тайцзи или медитации, что приводит к появлению гибридных методов, например «аутогенной медитации» или «аутогенной цигун-терапии». В постсоветских странах аутогенная тренировка долгое время была основным психопрофилактическим методом в санаториях, диспансерах и на промышленных предприятиях, и накоплен огромный практический опыт её применения в групповой форме. Следует также упомянуть этические аспекты: обучение аутотренингу не должно навязываться человеку, особенно если он имеет религиозные или мировоззренческие возражения против любых техник самовнушения. В таких случаях предпочтительнее использовать более нейтральные методы релаксации – прогрессивную мышечную релаксацию по Джекобсону или дыхательные техники без формулировок самовнушения.

Таким образом, эволюция аутотренинга прошла путь от классической методики Шульца через многочисленные модификации – психо-мышечная, эмоционально-волевая тренировки – к современным интегративным подходам, сочетающим релаксацию с когнитивным переструктурированием и биологической обратной связью. Аутотренинг доказал свою эффективность как метод регуляции поведения в стрессовых ситуациях, при коррекции дезадаптивных привычек, в спорте высших достижений и профессиональной деятельности. Наиболее перспективным представляется дальнейшее развитие цифровых версий аутотренинга (мобильные приложения с голосовым сопровождением) и их персонализация на основе психофизиологического профиля пользователя. Ключевым условием успеха остаётся регулярность тренировок и осознанное отношение к процессу саморегуляции. Важно подчеркнуть, что аутогенная тренировка – это не просто техника релаксации, а школа

активного самоуправления, которая в условиях современного стрессогенного мира становится важным компонентом психологической гигиены личности.

Литература

1. Шульц, И. Г. Аутогенная тренировка / И. Г. Шульц ; пер. с нем. А. М. Свядоща. – М. : Медицина, 1985. – 320 с. – ISBN 5-225-00123-4.

2. Лобзин, В. С. Аутогенная тренировка / В. С. Лобзин, М. М. Решетников. – Л. : Медицина, 1986. – 280 с. – ISBN 5-225-00067-X.

3. Алексеев, А. В. Психомышечная тренировка / А. В. Алексеев. – М. : Физкультура и спорт, 1979. – 160 с.

4. Беляев, Г. С. Психогигиеническая саморегуляция / Г. С. Беляев, В. С. Лобзин, И. А. Копылова. – Л. : Медицина, 1977. – 176 с.

5. Мелехин, А. И. Когнитивно-поведенческая терапия тревожных расстройств / А. И. Мелехин. – М. : Когито-Центр, 2018. – 312 с. – ISBN 978-5-89353-523-5.

6. Марищук, В. Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств / В. Л. Марищук. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 320 с. – ISBN 5-288-02213-0.

7. Дилтс, Р. Моделирование с помощью НЛП / Р. Дилтс ; пер. с англ. А. П. Гладкова. – М. : КСП+, 2001. – 240 с. – ISBN 5-89692-029-5.

8. Эверли, Дж. Стресс: природа и лечение / Дж. Эверли, Р. Розенфельд ; пер. с англ. А. М. Боковикова. – М. : Медицина, 1985. – 328 с.

O. MATIUSHCHENKO, G. TYMOSHKO

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

AUTOGENIC TRAINING AS A METHOD OF REGULATING ONE'S OWN BEHAVIOR

The article examines autogenic training as an effective method of behavioral self-regulation. The theoretical foundations of the method developed by I. H. Schultz, its physiological and psychological mechanisms are analyzed. The evolution of ideas from classical autogenic training to modern modifications (emotional-volitional training, psycho-muscular training, neuro-linguistic programming) is revealed. Special attention is paid to practical aspects of using autogenic training for correcting emotional states, behavior in stressful situations and forming adaptive behavioral strategies.

autogenic training, self-regulation, behavior, autotraining, relaxation, psychocorrection, stress.

Матющенко Олег Евгеньевич – студент факультета экономики, управления и информационных систем в строительстве и недвижимости «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: психология саморегуляции, стресс-менеджмент, когнитивно-поведенческие подходы.

Тимошко Галина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой история и философия «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: социальная психология, психология личности, методы психологической коррекции, психология стресса.

Matiushchenko Oleg – student of the Faculty of Economics, Management and Information Systems in Construction and Real Estate “Donbas National Academy of Construction and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Research interests: psychology of self-regulation, stress management, cognitive-behavioral approaches.

Tymoshko Galyna – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy “Donbas National Academy of Construction and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Research interests: social philosophy, philosophy of history, theory of modernization, methodology of historical knowledge.

УДК 296.41:297.1

В. З. МУСТАФАЕВА, А. А. БУЯНОВА

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ

ПИЩЕВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ИСЛАМЕ И ИУДАИЗМЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассмотрены основные пищевые ограничения Ислама и Иудаизма. Раскрыты понятия халяля, харама и кашрута. А также рассмотрены основные правила забоя животных в обеих религиях. Проанализированы сходства и различия пищевых запретов обеих религий.

халяль, харам, кашрут, забой животных, шхита, дхабиха.

Пищевые ограничения занимают важное место в религиозной практике ислама и иудаизма. Они не просто регулируют рацион верующих, но и служат маркером культурной и религиозной идентичности. В основе этих ограничений лежат священные тексты: в Исламе – Коран [1] и Сунна [2], в Иудаизме – Тора [3] и Талмуд [4]. Соблюдение этих норм рассматривается как прямая обязанность перед Богом, исполнение Его воли. Для верующего отказ от халяльной или кошерной – не просто нарушение диеты, а непослушание Всевышнему, что может восприниматься как грех. При написании статьи были использованы специальные исследования, касающиеся религиозных оснований пищевой культуры мусульман [5, 6] и иудеев [7, 8], а также справочные пособия по вопросам религиозной практики ислама [9] и иудаизма [10].

Пищевые запреты в исламе (по Корану и Сунне). Пищевые запреты в исламе – пища, запрещённая к употреблению мусульманам. Коран указывает на запрет употребления крови, мяса животных, которые умерли своей смертью, были забиты без упоминания Бога, нечистых животных: хищников, всеядных животных (свинины и других) и так далее.

В исламе в основе всего (что касается бытовых, нерелигиозных вопросов) заложена разрешённость. То есть всё разрешено (халяль), кроме того, что явно запрещено (харам). Это основано на Коране и Сунне. Более тонкие моменты регулируются фетвами, поэтому халяль делится на желательное (сунна), нейтральное (мубах) и нежелательное (макрух танзихи).

В Коране есть явные запреты на употребление: крови, свинины, мяса животных, которые: успели умереть своей смертью (включая травмы от падения и прочее), или были забиты без почтительного упоминания имени Бога (Аллаха).

Запрещены также продукты, содержащие даже незначительное количество запретных веществ, например, созданные на основе свиного жира сыры. При производстве колбасной

продукции свинина обычно заменяется курицей – филе или бедром без кости. Запретно, в частности, мясо следующих животных: хищных зверей и хищных птиц с клыками или когтями; животных-вредителей; одомашненных ослов и мулов, рождённых ослицами. Дозволенность конины является предметом дискуссий; животных, рождённых в воде, кроме рыб. Не употребляют в пищу половые органы животных, мочевой и желчный пузыри, железы.

Правила забоя животных (дхабиха): Некоторые животные и способы убоя животных могут являться запрещёнными к употреблению. Такое мясо будет являться «нечистым». Для того, чтобы мясо могло считаться халяльным, бараны и бычки должны быть зарублены по всем правилам. Животное не может быть больным или беременным. Оно не должно умирать своей смертью и страдать при убое. Желательно, чтобы одно животное не видело, как убивают другое животное. При забое халяльного скота нежелательно использовать электрический ток, так как разряд замораживает кровообращение и закупоривает сосуды, в результате чего запрещённая к употреблению кровь не сливается. В исламе есть запрет на употребление в пищу мертвечины. Согласно исламскому праву (фикх), животные, которые умирают в результате утопления, пожара, поражения электрическим током, травмы, являются мертвечиной. Разрешаются животные, которые забиты сознательно на убой или на охоте, так как при этом есть возможность максимально выжать кровь. Исключениями из этих правил являются морепродукты.

Здоровое питание считается важным в исламе, хотя это не обязательно может быть основано на западных стандартах. В то же время другие рекомендации им соответствуют: так, некоторые мусульманские ученые считают избыточное питание грехом, ссылаясь на следующий аят Корана: «Аллах Единый – Тот, кто взрастил сады из виноградных лоз, растущих на подпорах и без подпор. Он взрастил финиковые пальмы и посевы, которые дают разнообразные плоды по цвету, вкусу, форме и запаху. Аллах взрастил также оливы, гранаты и другие плоды, схожие по некоторым качествам и различные по другим, хотя земля может быть одна и та же и орошается одной и той же водой. Ешьте из этих плодов, когда они созреют, и отдавайте должную милостыню после уборки урожая. Не вкушайте много, а будьте умеренны, чтобы не повредить себе и не обделить бедных. Аллах не любит расточительных и недоволен их неумеренными деяниями!»

В современном мире халяльные продукты употребляются не только из религиозных, но и из диетических соображений: они пользуются всё большей популярностью среди приверженцев здорового питания. Всего доля халяльных (то есть одобренных мусульманскими обычаями) продуктов питания на мировом пищевом рынке составляет около

20 %, причём значительная их часть производится в регионах с очень небольшой долей мусульманского населения, в частности, в Латинской Америке.

Пищевые запреты в иудаизме (по Торе и Талмуду). В иудаизме система пищевых ограничений известна как кашрут, а пища, соответствующая этим правилам, называется кошерной. Основные положения изложены в Торе (Пятикнижии Моисея), а Талмуд даёт подробные разъяснения и правила применения этих законов. Кашрут – система ритуальных правил, определяющих соответствие чего-либо требованиям Галахи, еврейского Закона. В основе законов кашрута лежат заповеди Торы, а также дополнительные правила, установленные еврейскими религиозными авторитетами, главным образом в Мишне и Гемаре, вместе образующими Талмуд (Устная Тора). Обычно термин «кашрут» используют применительно к своду религиозных предписаний, связанных с пищей, однако его применяют и в других аспектах традиционной жизни – от юридических (например, правомочность свидетелей в судебных разбирательствах, которые могут окончиться наказанием) до бытовых (выбор ткани) и ритуальных (тфилин, цицит).

Критерии кошерности животных: в пищу разрешено только мясо таких млекопитающих, которые являются одновременно жвачными (строго травоядных) и парнокопытными (имеющих раздвоенные копыта) – это травоядные животные, такие как коровы, овцы и козы, а также лоси, газели, олени и т. п. Тора перечисляет четыре вида животных, обладающих только одним из двух признаков кошерности. Это свинья, верблюд, даман и заяц/кролик. Эти животные запрещены в пищу. В отношении «наполовину кошерных» животных в еврейской традиции существует особо строгий запрет, призванный уравновесить возможное легкомысленное отношение народа к запрещённости их мяса в силу «почти кошерности». Согласно одному мидрашу, животные «стесняются» своей некошерности. Если, к примеру, взять парнокопытную свинью, не жующую жвачку, и зайца, жующего жвачку, но далеко не парнокопытного, то можно заметить, что во сне свинья прячет морду и выставляет напоказ копыта, а заяц наоборот: поджимает под себя лапки и выпячивает мордочку.

Согласно Торе, свинина некошерна постольку, поскольку свинья не имеет одного из двух обязательных признаков кошерности – не пережёвывает жвачку, а не по какой-либо особой причине. Однако свинья выделяется среди других некошерных животных, её запретность, некошерность, имеет заметную роль в еврейской традиции и истории. Запрет на свинину существовал ещё на самых ранних этапах развития иудаизма; во времена войн с филистимлянами (библейская эпоха судей), еврейские поселения отличаются от филистимских почти полным отсутствием свиных костей. Археолог Исраэль Финкельштейн считает, что отношение к свиньям могло быть символической гранью между евреями, как

кочевыми скотоводами, и филистимлянами, как оседлыми жителями городов, это отношение могло стать частью процесса формирования этнического самосознания на принципах «мы-они»: «они едят свинину и живут в городах, а мы её не едим и живем в горах».

В русле идей о рациональных гигиенических причинах кашрута, выдвигаемых многими еврейскими комментаторами Библии, Маймонид объяснял запрещение свинины тем, что «свинья – грязное животное, питающееся нечистотами», однако более ранний еврейский законоучитель Элеазар бен-Азария утверждал, что не следует говорить: «У меня нет желания есть свинину», – напротив, стоит говорить: «Я бы с удовольствием ел свинину, но… мой Господь запретил мне», подчеркивая, что отказ от употребления свинины в пищу – не следствие омерзения к этому животному, а знак подчинения воле Бога и принадлежности к Его народу. Со времен Талмуда запрет есть свинину символизирует в иудаизме соблюдение всех заповедей вообще. В талмудических текстах свинья выступает как символ всего самого отталкивающего: «свинья – это ходячая клоака», а систематическое использование эвфемизма (давар ахер – «другая вещь») вместо слова «свинья» показывает глубину отвращения к ней в еврейском сознании. Свинья стала инструментом антиеврейской полемики и гонений, начиная с эллинистического периода. Во времена правления Антиоха IV Эпифана (167 г. до н. э.) евреев принуждали есть свинину как способ отречения от веры, что стало одним из катализаторов восстания Маккавеев. Отказ от свинины символизировал верность Торе и еврейской идентичности и в более поздние эпохи. С точки зрения инквизиции, для марранов (потомков насильно крещеных евреев) употребление в пищу свинины было одним из важных признаков следование христианской вере, а подозрения на избегание свинины – поводом к расследованию.

В отличие от других некошерных животных, которых запрещено только есть, свинья находится под более строгим запретом, Талмуд проклинает тех, кто разводит свиней на Святой земле. Запрет разводить свиней существовал в государстве Хасмонеев. В современном Израиле и предшествовавшем ему ишуве попытки евреев разводить свиней вызывали протесты со стороны не только религиозного, но и части светского населения. Свинья остаётся символом некошерности и идеи табу в еврейской культуре. Даже нерелигиозные и не соблюдающие традиции евреи часто избегают свинины, в отличие от других некошерных видов пищи, таких как морепродукты. Юморист Дэвид Ракофф заметил: «Креветки – это треф, а свинина – это антисемитизм».

Тора не определяет никаких признаков для кошерных птиц. Она просто перечисляет список трефных птиц. Среди них такие, как орёл, сова, пеликан. Однако основная черта запрещённых видов в том, что это хищные птицы. Поскольку сегодня нет возможности точно

распознать всех трефных птиц, перечисленных в Торе, в пищу употребляют только домашних птиц, кошерность которых подтверждена традициями. Это куры, индейки, перепела, утки, гуси и голуби.

Галаха приводит признак кошерности яиц: они должны быть от кошерных птиц. Обязательный, но недостаточный признак кошерности яйца – его разные концы (один более острый, другой – более округлый). Яйца же тех видов птиц, которые имеют одинаковые концы: или оба острые, или оба тупые – заведомо некошерны (обычно такие птицы хищные или падальщики). Поскольку кровь категорически запрещена к употреблению, яйца, в желтке которых есть сгусток крови, являются трефными. Яйца с кровью в белке не обязательно выбрасываются, а просто освобождаются от крови и употребляются в пищу.

Значение названий некоторых животных, упоминающихся в Пятикнижии в связи с кашрутом, исследователями точно не установлено. Среди них: «анака», «летаа», «хомет», «тиншемет», «харгол», «хагав» и «солам».

Законы кашрута распространяются также и на процесс забоя животного (шехита). Чтобы мясо было полностью кошерным, оно должно отвечать нескольким требованиям: должно использоваться мясо только кошерных животных, перечисленных выше; животное должно быть зарезано в соответствии со всеми требованиями Галахи. Этот процесс называется шхита (ивр.שחיטה), а квалифицированный резник – шойхет (ивр.שוחט). В соответствии с Галахой, одним из необходимых условий для кошерной шхиты является шхита одним плавным движением ножа, перерезающим одновременно большую часть (диаметра) трахеи и большую часть пищевода. Рваное движение ножа, задержка движения ножа, прокол тканей животного острым концом ножа делают шхиту некошерной, а животное – запрещённым в пищу евреям. В Швейцарии, Швеции, Дании и Нидерландах шхита запрещена законом о защите животных как негуманный метод забоя скота.

Существуют также специальные законы ритуальной подготовки ножа, которым будет зарезано животное – как затачивать нож, проверять, чтобы на нём не было ни малейшей щербинки и т. п.; законы о том, где и как резать. Мясо зарезанных надлежащим образом животных, здоровье которых было непоправимо повреждено, некошерно. Что касается ножа для шхиты, его лезвие должно быть не только очень острым, но и абсолютно гладким – такое лезвие лучше проникает в тело. Для такой заточки используется целый набор камней, от крупнозернистых до мелкозернистых. Ножи и камни, которыми пользуется резник, стоят немалых денег. Только процесс заточки ножа может занять несколько часов. Нож проверяют, проводя им по ногтю, и если при этом чувствуется хотя бы малейшая зазубрина – нож непригоден для шхиты. Галаха также отмечает, что чем выше уровень страха перед Небом у

человека, тем более сосредоточенно он будет проверять нож. Поэтому есть обычай, что резник не только проверяет нож сам, но и даёт его на проверку местному раввину.

Поскольку работа резника требует точности действий, старый или больной человек не имеет права заниматься шхитой. В связи с этим в прошлом, когда община обычно имела только одного резника, нередко возникали разногласия между раввином и резником. Например, если в общину приезжал новый молодой раввин, то бывало, что престарелый и всеми уважаемый резник, который на самом деле был уже непригоден для этой ответственной работы, отказывался расставаться с прибыльной должностью и мог настроить всю общину против раввина. Тора запрещает употреблять в пищу кровь. Поэтому мясо сначала на полчаса замачивают в воде комнатной температуры, для того, чтобы размягчить его, а затем посыпают со всех сторон крупной солью и на час помещают на специальную наклонную доску или решётку для того, чтобы кровь могла свободно стекать с мяса. Соль впитывает кровь. После этого мясо тщательно промывают в трёх водах.

Шо(й)хет обычно много лет учится в ешиве, чтобы получить общие знания еврейских законов. Затем он проходит специальный курс для резников, длящийся около года и завершающийся экзаменом. Только после этого он получает право делать шхиту. Законы о шхите и проверке туши животного на кошерность весьма многочисленны и сложны, поэтому лишь человек, который досконально их изучил и получил соответствующий диплом, имеет право заниматься этим ремеслом.

Специалист, проверяющий тушу предназначенного в пищу животного, называется «машгиах кашрут» (ивр.משגיח, ʻнадзирающий’). Машгиах обследует тушу, чтобы установить, есть ли признаки болезни (а именно гемофилии), по которым мясо считается трефным. Существуют и другие профессии, связанные с кашрутом, например менакер(ивр. מנקר) – человек, очищающий заднюю часть туши от запрещённых в пищу жил.

Важно рассмотреть такой вопрос, как кошерность рыбы. «Рыба» в данном случае является расширенным понятием, включающим в себя не только собственно рыб, но и других обитающих в воде животных. Рыба, согласно законам кашрута, мясом не является, а потому на неё правила относительно мясных продуктов не распространяются. Рыба является «па́рве» (от идиш פֿאַרעוועט – «ни молоко, ни мясо», «нейтральное»), то есть может употребляться в одной трапезе как с мясными, так и с молочными продуктами. Однако запрещено смешивать в одном блюде рыбу с мясной или молочной пищей. После употребления рыбы необходимо съесть что-либо (например, кусочек хлеба) и что-нибудь попить. После этого можно есть мясо.

Кошерные рыбы, согласно определению кашрута, имеют два обязательных признака: у них есть чешуя и плавники. Кошерная чешуя не прикреплена намертво к телу рыбы и с

лёгкостью отделяется, если провести по рыбе ногтем. Считается, что плавники есть у любой рыбы. Наличие чешуи является обязательным признаком, поэтому, когда продают чищеную рыбу, то всегда оставляют на ней кусочек с чешуёй. Некоторые виды рыб (сом, осётр, угорь, акулы, европейский удильщик), а также млекопитающие китыи дельфиныобладают плавниками, но не имеют кошерной чешуи (либо имеют чешую на определённом этапе роста, что хоть и делает эти виды формально кошерными, но всё равно в силу традиции не воспринимаемыми в качестве кошерных) и поэтому некошерны. Соответственно, осетровая (чёрная) икра не кошерна, а лососёвая (красная) – кошерна. Моллюски(осьминоги, устрицы, кальмары) и ракообразные(крабы, раки, омары, лангусты, креветки) не имеют ни чешуи, ни плавников (а жабры у них хотя и есть, но скрытые) и в связи с этим не кошерны.

Рыба, а также любые существа, рождающиеся и обитающие в воде, не могут быть кошерными, не имея чешуи, даже если родились в закрытом водоёме, например, в пруду, в карьере, яме, аквариуме и тому подобной ёмкости. Сказано в Торе (книга Вайикра (Лев. 11:9): «Это вы можете есть из всего, обитающего в воде: все, что имеет плавники и чешую…» Таким образом, существует два признака кошерности рыб: наличие плавников и чешуи. Любые рыбы, не удовлетворяющие этим двум критериям, а также животные морепродукты и китообразные – запрещены для использования в пищу. В плавниках рыбы зачастую находятся морские насекомые или паразитические организмы. Поэтому если вы предпочитаете готовить рыбу целиком, то, согласно требованию кашрута, да и в соответствии с нормами здорового питания, плавники рыбы необходимо срезать.

Рыба, в отличие от птиц и млекопитающих, не нуждается ни в шхите (кошерном убое), ни в особой разделке и обработке её мяса. Продукты, получаемые из рыбы (рыбий жир, икра и тому подобные), будут кошерными лишь в том случае, если получены из кошерных рыб. Так, например, красная икра (то есть икра лососёвых рыб, таких как кета, горбуша, нерка, чавыча, кижуч, сёмга) и икра минтая кошерна, а чёрная икра (то есть икра осетровых рыб: белуги, осетра, севрюги) – некошерна. Также не могут стать разрешёнными в пищу все те существа, которых не ест большинство людей. Таким образом, даже креветки, родившиеся и выращенные в аквариуме и ни разу не покинувшие его пределов, тем не менее будут запрещены в пищу из-за запрета «Не оскверняйте души ваши».

Законы кашрута разделяют все пищевые продукты животного происхождения на мясные и молочные, совместное употребление которых запрещено. После приёма мясной пищи должно пройти несколько часов (сроки в некоторых общинах могут отличаться: 1, 3 или 6 часов), прежде чем можно употреблять молочную. После приёма молочной пищи мясо можно есть спустя период от тридцати минут (и даже сразу, если нет послевкусия) до двух часов;

соблюдение точной продолжительности времени устанавливается тоже в каждом направлении иудаизма или общине. Исключение составляют твёрдые сыры, после употребления которых должно пройти столько же времени перед употреблением мясной пищи, сколько принято в данной общине между приёмом мясной и молочной пищи.

Продукты, не относящиеся ни к молочной, ни к мясной пище (рыба, овощи, фрукты), называются парве, и их разрешено употреблять как с мясной, так и с молочной пищей. Однако если такие продукты контактировали с мясной или молочной пищей (даже если весь контакт заключался в том, что, к примеру, человек, евший молочное, не вымыл как следует руки перед тем, как брать овощи), они теряют статус «парве» и считаются мясной или молочной пищей соответственно. Вопрос необходимости периода ожидания после такой пищи зависит как от нюансов потери статуса «парве», так и от общин.

Кашрут категорически запрещает употреблять в пищу насекомых (кроме вида саранчи, см. ниже), земноводных и пресмыкающихся. Запрет на употребление в пищу насекомых и продуктов их жизнедеятельности установлен Торой: «Все крылатые пресмыкающиеся нечисты для вас, не ешьте их» (Втор. 14:19). Тора называет их шерец (ивр. שרץ, мельтешащее). Это ограничение обязывает религиозную хозяйку хорошо представлять внешний вид, процесс развития и места обитания насекомых, чтобы удалять их из пищи. Особенно осторожной надо быть при употреблении в пищу муки и крупы. Муку требуется просеивать через мелкое сито, а крупу перебирать, чтобы выяснить, нет ли в ней насекомых или червей. Овощи – капусту, салат, укроп и так далее – также, с точки зрения кашрута, необходимо очень внимательно проверять и тщательно мыть, так как на них могут находиться личинки и взрослые насекомые. Многие фрукты являются излюбленным местом обитания личинок – такие, как инжир, абрикосы – и поэтому перед едой их следует проверять с особой тщательностью.

Итак, проведем сравнительный анализ, и отметим сходства двух традиций:

- общий запрет на свинину и кровь;
- необходимость специального забоя животных с целью минимизации страданий и максимального удаления крови;
- религиозное обоснование запретов: они даны богом и являются частью божественного закона;
- пищевые законы служат средством поддержания религиозной идентичности и сплочённости общины.

Сравнительный анализ показывает, что пищевые запреты в исламе и иудаизме имеют как глубокие сходства, но имеются и существенные различия. Обе системы основаны на

божественном откровении и служат не только гигиеническим, но и религиозно-социальным целям.

Ключевые различия кроются в степени детализации правил (иудаизм более строг и формализован) и в некоторых принципиальных запретах (смешение мяса и молока, статус морепродуктов, отношение к алкоголю). Эти различия отражают специфику исторического развития и богословской мысли в каждой традиции. Пищевые законы остаются важным элементом религиозной практики, помогая верующим сохранять связь со своими корнями и общиной. Пищевые традиции ислама и иудаизма тесно связаны с религиозными доктринами, культурным наследием и социальными условиями развития этих религий. Пищевые нормы выполняли не только сакральную, но и социальную функцию, способствуя сохранению идентичности и единства общины.

Халяльные и кошерные продукты производятся с соблюдением строгих правил, которые влияют на стоимость. Рассмотрим их.

- Особые условия забоя животных. В обоих случаях требуется специальный способ умерщвления (например, шхита в иудаизме и определённые ритуалы в исламе), который должен выполнять обученный человек. Запрещено использовать электротоком, оглушение молотком и другие негуманные методы.
- Контроль за здоровьем животных. Они должны быть здоровыми, выращенными без гормонов и антибиотиков.
- Удаление определённых частей туши.Например, в кошерном мясе удаляют седалищный нерв (гид анаше) и внутренний жир (хелев).
- Запрет на контакт с некошерными/нехаляльными продуктами. Например, если халяльный продукт случайно соприкасался с запрещённым, его можно употреблять только после омовения чистой водой и удаления мест соприкосновения.

Все эти меры повышают затраты на производство, что отражается на конечной цене продукции.

Многие верующие воспринимают халяльные и кошерные продукты как более качественные и безопасные. Например, в халяльной продукции часто акцентируется внимание на экологичности, отсутствии ГМО и строгом соблюдении санитарных норм. В кошерных продуктах также уделяется большое внимание чистоте производства и отсутствию запрещённых добавок. Для некоторых потребителей это становится дополнительным аргументом в пользу выбора таких продуктов, даже если они стоят дороже.

Соблюдение диетических правил может укреплять религиозную и культурную идентичность. Покупка халяльных и кошерных продуктов становится частью ритуала,

который связывает человека с его общиной и традициями. Это может быть важно для сохранения культурной самобытности, особенно в мультикультурном обществе.

Таким образом, трата на халяльные и кошерные продукты для верующих – это не только соблюдение религиозных предписаний, но и способ выразить свою веру, сохранить культурную идентичность и получить продукцию, которая соответствует повышенным стандартам качества и безопасности. Хотя это может увеличивать расходы, для многих людей эти аспекты перевешивают финансовую составляющую.

Для верующих мусульман и иудеев соблюдение религиозных предписаний в питании -не просто набор правил, а фундаментальный аспект духовной жизни, идентичности и связи с Богом.Готовность тратить больше на халяльные (в исламе) и кошерные (в иудаизме) продукты обусловлена комплексом глубоких религиозных, культурных, социальных и психологических факторов.

Так, соблюдение этих норм рассматривается как прямая обязанность перед Богом, исполнение Его воли. Для верующего отказ от халяльной или кошерной пищи – не просто нарушение диеты, а непослушание Всевышнему, что может восприниматься как грех.

Ключевые аспекты религиозной обязанности: исполнение заповедей (в иудаизме соблюдение кашрута – одна из 613 заповедей Торы; в исламе следование халяльным нормам – часть более широкой системы обязанностей мусульманина); осознанность в питании (каждый приём пищи становится актом поклонения, напоминанием о Боге); ответственность перед Богом (верующий понимает, что будет отвечать за свои действия в Судный день, и старается избегать запретного(харам в исламе, трефа в иудаизме).

В религиозных концепциях пища тесно связана с духовным состоянием человека. В исламе употребление халяльной пищи рассматривается как часть пути к духовному очищению и благочестию. Пророк Мухаммадговорил: «О, люди! Аллах – Благой, и Он непринимает ничего, кроме благого». В иудаизме соблюдение кашрута – способ освятить повседневную жизнь, сделать даже такие обыденные действия, как еда, частью служения Богу. Талмуд учит, что через кашрут человек может достичь святости.

Хотя халяль и кашрут – прежде всего религиозные системы, они также подразумевают строгий контроль качества продукции. Это проявляется в запрете на контакт с запрещёнными продуктами (например, свининой в исламе или мясом, смешанным с молоком в иудаизме); тщательной проверке ингредиентов на наличие запрещённых добавок (алкоголь в халяле, насекомые-красители в кашруте).

В итоге можно отметить следующие преимущества для потребителя: повышенная гигиеничность производства; контроль за здоровьем животных (запрещены больные или

травмированные особи); прозрачность происхождения сырья; отсутствие некоторых искусственных добавок; многие верующие считают, что соблюдение религиозных норм автоматически делает пищу более чистой и полезной, хотя это не всегда имеет научное обоснование.

Соблюдение диетических правил регулируется общиной. Может иметь место социальное давление – нарушение кашрута/халяля может привести к осуждению, потере статуса или исключению из сообщества. Ритуальная чистота определяет в традиционных общинах доступ к некоторым религиозным практикам (например, участие в коллективных трапезах) может зависеть от соблюдения пищевых норм. В закрытых общинах (хасидские кварталы, мусульманские районы) репутация человека и доверие к нему во многом определяется его отношением к религиозным правилам, включая питание. Покупка халяльных/кошерных продуктов часто означает поддержку местных производителей, магазинов и синагог/мечетей, что укрепляет общинные связи.

Диетические правила часто укоренены в историческом опыте народа. Сюда могут быть отнесены следующие культурно-исторические факторы: гигиенические соображения (запрет на свинину в жарком климате (быстроеразмножение паразитов, порча мяса); экологические факторы (в древности запрет на определённые морепродукты мог быть связан с их токсичностью в конкретных регионах); экономические причины (разделение на «чистых» и «нечистых» животных помогало регулировать скотоводство и охоту); символическое значение (например, запрет на смешение мяса и молока в иудаизме может символизировать разделение жизни и смерти).

Халяль и кашрут – это не просто диетические ограничения, а глубокие этические и религиозные системы, направленные на освящение повседневной жизни. В современном мире они также функционируют как знак качества и безопасности продукта.

Готовность платить больше за халяльные и кошерные продукты – это не просто вопрос вкуса или качества. Это комплексное явление, включающее:

- религиозную обязанность – исполнение заповедей перед Богом;
- духовную практику – путь к очищению и близости к Всевышнему;
- культурную идентичность – связь с традициями предков;
- социальную интеграцию – признание в общине.

Литература

Религиозные первоисточники

1. Коран / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения; сост., пер. И. Ю. Крачковского. – 2-е изд. – Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. – 726 с.

2. Аль-Бухари, Абу Абдаллах Мухаммад (810–870). Сахих аль-Бухари: Достоверные предания из жизни пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует: Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника» / сост. имам Абуль-Аббас Ахмад бин Абд-уль-Латыф аз-Зубайди ; пер. с араб., примеч. и указ.: Абдулла Нирша. – 5-е изд., испр. – Москва : Умма, 2007. – 959 с.

3. Тора. Пятикнижие и Гафтарот : The Pentateuch and Haftorahs: ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино» / коммент. сост. Й. Герц; [пер. текста Торы П. Гиль; пер. коммент. З. Мешков]. – Москва : Мосты культуры; Иерусалим : Гешарим, 2008. – 1455 с.

4. Талмуд. Вавилонский Талмуд: в 14 т. / пер. с ивр. и арам. Н. А. Переферковича ; под ред. и с примеч. А. И. Козлова. – М. : ТЕРРА, 1999–2007.

Научные монографии и исследования

5. Зауали? Л. Исламская кухня / пер. с фр. Ксении Тименчик. – М. : Новое литературное обозрение, 2024. – 216 с.

6. Керимов, Гасым Мамед-оглы. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата напроблемы современности / Г. М. Керимов. – Санкт-Петербург : Издательство «ДИЛЯ», 2009. – 512 с.

7. Кориц, С., Кориц, М. Не хлебом единым: секреты еврейской кухни / Сима и Михаэль Кориц. – Москва : Текст, Книжники, 2010 (т.е. 2009). – 460, [1] с.: ил.

8. Павловская, А. В. От пищи богов к пище людей: Еда как основа возникновения человеческой цивилизации / А. В. Павловская. –Москва : ЛомоносовЪ, 2022. – 320 с.

Энциклопедии и справочные издания

9. Ислам : Энциклопедический словарь / гл. ред. К. М. Абульфазл. – Москва : Восточная литература,2002. – 648 с.

10. Краткая еврейская энциклопедия : в 11 т. / гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд, Н. Прат, А. Авнер. – Иерусалим : Общество по исследованию еврейских общин при сотрудничестве с Еврейским университетом в Иерусалиме, 1976–2005. – Т. 1–11. – Более 5300 с.

V. Z. MUSTAFAEVA, A. A. BUYANOVA

"Kuban State University"

FOOD RESTRICTIONS IN ISLAM AND JUDAISM: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article discusses the main dietary restrictions of Islam and Judaism. It explains the concepts of halal, haram, and kashrut. The article also examines the basic rules of animal slaughter in both religions. It analyzes the similarities and differences in the dietary prohibitions of both religions.

Halal, haram, kashrut, animal slaughter, shkita, dhabiha.

Мустафаева Виктория Зауровна – студент специальности «Христианская теология» факультета истории, социологии и международных отношений федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет». Научные интересы: особенности и уклад мировых религий, проведение анализов сходств и различий в разных областях религий.

Буянова Анастасия Александровна – старший преподаватель кафедры философии, теологии и религиоведения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет». Научные интересы: религиоведение, политическая философия, исследование и анализ мусульманских цивилизаций с древних времен до наших дней.

Mustafaeva Victoria Zaurovna – student of the "Christian Theology" programat the Faculty of History, Sociology, and International Relations of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University". Scientific interests: features and structure of world religions, conducting analyses of similarities and differences in different areas of religions.

Buyanova Anastasia Aleksandrovna – Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Theology, and Religious Studies of the Federal StateBudgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University". Research interests:religious studies, political philosophy, research and analysis of Muslim civilizations from ancient times tothe present day

УДК 94 (470+571) «1918-1922»

А. М. НЕУМОИН, Т. И. МАРМАЗОВА

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,

г. Москва, РФ

КРАХ «ФРАНЦУЗСКОГО ПРОЕКТА» В НОВОРОССИИ: ПРИЧИНЫ ЭВАКУАЦИИ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА (АПРЕЛЬ 1919 Г.)

В статье рассматриваются основные причины французской интервенции на Юге России. События 1918–1919 гг. стали ключевым этапом попыток союзников осуществлять политику «сдерживания» большевиков за счет контроля на Черном море. Автором отмечается, что эвакуация экспедиционного корпуса французов стала результатом политических, военных и социальных факторов. Франция рассматривала юг России как собственную сферу влияния, поскольку хотела защитить инвестиционные проекты французских промышленников, а также создать «санитарный коридор» против большевиков, осуществлять политику «сдерживания» распространения коммунистической идеологии.

французская интервенция, Гражданская война, Юг России, «сдерживание» большевизма, Новороссия.

Мероприятия по эвакуации экспедиционного корпуса стран Антанты из Новороссии в апреле 1919 года стали результатом совокупности политических, социальных и военных факторов, которые определили общий исход противостояния союзников с большевистской Россией. Актуальность статьи обусловлена возможностью исторической аналогии между событиями 1919 г. и современной геополитической ситуацией, когда западные страны вновь поддерживают противников России на украинском направлении.

Анализ причин эвакуации французского экспедиционного корпуса из Новороссии позволяет выявить типичные просчеты иностранного вмешательства: отсутствие четкой стратегии, низкий моральный дух войск, неприятие местным населением и провал в информационном противостоянии. Изучение этих факторов помогает лучше понять пределы эффективности внешнего военного давления на Россию, что сохраняет научную и практическую значимость для современной политической и военной истории.

Весной 1919 года в вопросе иностранного вмешательства в дела Советской России произошел перелом, который привел к уходу из Новороссии сначала французских военных, а затем и представителей других государств. Столкнувшись с давлением Красно армии и низкой боеспособностью собственных войск, французское командование было вынуждено отступить, уйдя с территории Юга России.

Цель статьи – проанализировать крах «французского проекта» в Новороссии и причины

эвакуации экспедиционного корпуса в апреле 1919 года, определить влияние политических, социальных и военных просчетов на Юге России.

Методология исследования основана на принципах историзма и системного анализа. Использованы историко-генетический метод (для реконструкции последовательности событий), сравнительный метод (при сопоставлении позиций Франции, националистических сил Украины и Добровольческой армии А. И. Деникина), а также метод анализа нарративных источников (изучение отечественной и зарубежной историографии, включая работы В. Канторовича и др.). Исследование опирается на проблемно-хронологический подход, что позволило проследить события, которые привели к краху «французского проекта» в Новороссии весной 1919 года.

Обстановка в Новороссии, где националистические формирования пытались договориться с иностранными интервентами с целью получения помощи по обретению независимости от России, оставалась достаточно напряженной. Старательные действия украинских националистических сил способствовали росту лояльности к ним со стороны военных из Франции, однако даже их помощь не смогла позволить им сохранить зачатки государственности, поскольку изначальный формат отношений строился на ненависти к России, на недопущении возвращения территорий Юга в состав нового Советского государства.

Подобная явно националистическая политика не могла принести свои положительные плоды, поскольку изначально базировалась на ненависти и делении единого народа по национальным признакам. В будущем, с приходом на территорию Советской Украины нацистских войск в Великую Отечественную войну, ставка гитлеровских сил делалась на национализм, ненависть к большевикам, которые не допустили в период Гражданской войны создания независимой Украины. Однако данная тактика достаточно быстро показала свои минусы, поскольку большая часть населения (за исключением некоторого числа карателей, коллаборационистов, идейных противников большевиков) не поддержала нацистов в их стремлении разделить единый славянский народ по национальному принципу. Советский народ, солдаты и офицеры дали мощный отпор нацистам, поскольку подобный формат разделения людей по национальному принципу противоречил коммунистическому лозунгу дружбы народов.

С приходом в Крым и Новороссию иностранных интервентов не наблюдалось повышения политического веса местного правительства, а также роста числа добровольцев в ряды Белого движения. Местные жители не особо стремились воевать с большевиками, поскольку многие из них, особенно среди крестьян и рабочего класса, открыто или скрытно симпатизировали им. Достаточно быстро стало понятно, что французам сформировать в Крыму (как и в Одессе) мощный военный кулак против большевиков не получится, поскольку

большинство жителей полуострова и Новороссии не желали защищать державную Россию и представителей Белого движения.

Иностранные интервенты, которые базировались в Севастополе, были представлены преимущественно французами, а также небольшим количеством греческого военного контингента. Военный гарнизон базировался в Севастополе, поскольку французское руководство было заинтересовано в поставках продовольствия, оружия, необходимых товаров через порт. Иностранные военные захватили несколько российских кораблей, а также запасы оружия, которые были в городе.

После прибытия в Севастополь генерал А. И. Деникин предложил союзникам небольшими силами занять Феодосию, Керчь, Джанкой, Симферополь, защитив тем самым сухопутный вход на полуостров от вторжения Красной армии. Однако данные инициативы не были с энтузиазмом встречены со стороны французских военных, иных представителей интервентов. Это был один из первых стратегических просчетов интервентов, которые не захотели своими силами поддержать мощный натиск Белых против большевиков. Французы расположились в Севастополе с определенной стратегической целью, поэтому с неохотой вникали в планы по ведению боевых действий против власти Советов. Отчасти, подобное положение дел было обусловлено тем, что иностранные военные устали от многолетней войны, среди солдат и младшего офицерского корпуса были сильны коммунистические идеи. По этой причине новые боевые действия могли разложить и без того невысокий моральный дух французской армии.

В любой момент военные могли потребоваться у себя на Родине, поскольку революционные вспышки со стороны рабочих не были редкостью, а их подавление требовало привлечения значительных людских ресурсов. В частности, фиксировались случаи, когда матросы французского флота отрыто носили красные флаги, скандируя достаточно популярную в то время речевку «Руки прочь от товарища Ленина и Советской России» [1, p. 69].

Не менее важно отметить, что идейные вдохновители «французского проекта» в Новороссии искренне верили, что именно они являются реальной военно-политической силой, поскольку Добровольческий корпус А. И. Деникина находится в их непосредственном подчинении. Союзное командование активно принимало участие в деятельности правительства Крымского полуострова, при этом не позволяя Белому движению усилиться, либо вновь стать серьезной военно-политической силой в Крыму и Новороссии [2, с. 12]. Иностранные военные активно сопротивлялись проявлениям «белого террора», постоянно указывая людям генерала Деникина недопустимость подобного поведения. Данная тактика достаточно быстро позволила развить революционную деятельность подполью и профсоюзным организациям, поскольку пассивная деятельность иностранных интервентов

фактически косвенно попустительствовала росту революционной агитации среди населения.

Достаточно показательным было отношение к генералу А. И. Деникину и его Добровольческой армии, когда тот попросил иностранных военных разрешить ему перенести свою Ставку из Екатеринодара в Севастополь. Данная просьба не была выполнена, генералу запретили это сделать, хотя со стратегической точки зрения для его добровольцев это было разумно и тактически верно. С приходом иностранных военных деятельность правительства С. Крыма перестала отличаться последовательностью и системностью действий. Стараясь выслужиться перед иностранными военными, руководство Крыма нередко было негативно настроено в отношении армии А. И. Деникина. В печатных изданиях на постоянной основе появлялись статьи, в которых Добровольческую армию называли «промонархической», «реакционной». В вопросе мобилизации людей для нужд Белого движения также наблюдалось двоякое отношение – мобилизация изначально шла больше на принудительной основе, а позже уже стала добровольной, без обязательной составляющей [3, p. 820–822].

Весной 1919 года ситуация для иностранных интервентов и Белых существенным образом ухудшилось. В Крыму достаточно быстро удалось навести относительный порядок, разобраться с криминальными элементами, однако со стороны Новороссии началось наступление Красной армии. Успешность наступления была достигнута за счет соединения Красных с отрядом Н. И. Махно, которые в едином ударном кулаке заставили Белых отступить в Крым. Численность большевиков значительно возросла с присоединением «махновцев». Они были хорошо организованы, а также знали местность, на которой велись боевые действия. Бои шли в районе Мелитополя. В этот момент А. И. Деникин просит в помощь отряды Белых, которые базировались в Одессе, однако иностранные интервенты не дают разрешения это сделать.

Новым неприятным известием для генерала Деникина стало то, что союзнические силы отдали Красной армии города Николаев и Херсон, ставшие плацдармом для боев за Крым со стороны Новороссии. Приближение большевиков к Крыму активизировало деятельность прокоммунистических групп на полуострове, которые стали заниматься в том числе и диверсионной работой. К борьбе с Белыми стали привлекаться как участники партизанских отрядов, так и уголовные элементы, которые хотели поквитаться за проявления «белого террора» в отношении их криминальных собратьев. Остроту кризиса добавили срывы поставок продовольствия, оружия для Добровольческой армии, поскольку работники железной дороги отказывались пропускать поезда для Белых в Крым. Создавалась ситуация, при которой отступление из Мелитополя в Крым представлялось единственной возможностью избежать поражения.

Однако даже отступление Белых в Крым сопровождалось серьезными проблемами, поскольку Красная армия старалась отрезать часть сил Добровольческой армии и разбить их

поодиночке, либо окружить, после чего уничтожить (взять в плен). С боями и потерями Добровольческая армия ушла в Крым.

Другим просчетом французских военных было то, что в период нахождения в Крыму иностранных интервентов оборонительные сооружения не строились, поскольку предполагалось, что оборонять полуостров не придется. Мощь и авторитет стран Антанты был настолько велик среди Белых и правительства Крыма, что подобный вариант развития событий даже не рассматривался как возможный в реальности. Французское руководство заверило местную власть в том, что Севастополь иностранные интервенты будут защищать до конца. Дополнительно к этому, планировалось расширить военное присутствие в Севастополе за счет переброски греческих военных сил. Предполагалось, что Белые начнут наступление на Красных, а новые иностранные военные из Греции будут поддерживать порядок на Крымском полуострове.

В процессе сопротивления наступлению Красной армии, А. И. Деникин попросил у союзников усиления людьми. Французское командование выделило роту греков, которая не могла принципиально изменить соотношение сил в боевых столкновениях, поэтому Добровольческая армия отступила в Севастополь.

В начале апреля 1919 года руководство Франции приняло решение о выводе союзнических сил с Юга России. Сначала были оставлены Одесса, затем французы обратились к руководству Советской России организовать перемирие, чтобы провести эвакуацию своих военных из Севастополя. В процессе организации эвакуации со стороны французского руководства русским солдатам и офицерам, политическим кругам Крыма было предложено уйти вместе с ними, сначала в Новороссийск, а затем в Турцию и Европу. Многие согласились уйти вместе с иностранными интервентами, образовав в Париже русскую общину эмигрантов [4, с. 24].

Основные причины эвакуации французских военных из Новороссии можно представить следующим образом:

1) отсутствие желания французских солдат воевать против советской России. После завершения Первой мировой войны французские военные были истощены и утомлены войной. Они не проявляли желания идти в бой против организованной и идеологически мотивированной Красной армии, что, в итоге, снижало потенциал военного превосходства союзников, минимизируя их помощь белогвардейцам;

2) информационная работа по пропаганде идей коммунизма среди французских военных. В период иностранной оккупации представители коммунистической партии вели активную агитационную работу среди иностранных военных, в рамках которой большевики представлялись как освободители русского народа от крепостного и самодержавного гнета царизма, имперских притязаний. Представителей Белого движения характеризовали как

реакционеров, готовых вернуть в стране прежние порядки. Особо подчеркивалось, что народ России полностью поддерживает коммунистов, а присутствие французского контингента воспринимает как оккупационные силы, которые хотят расчленить территорию страны, подчинить население своим интересам. Подобные агитационные действия подрывали моральный дух интервентов, а также способствовали тому, что многие французские солдаты искренне симпатизировали большевикам;

3) проведение информационной работы большевистского подполья с военными из Франции привело к ряду мятежей на французских кораблях, что дополнительно стало мотивирующим фактором для руководства иностранных военных свернуть присутствие рассматриваемого государства в акватории Черного моря у берегов России. Руководство Франции всерьез опасалось, что революционные настроения могут охватить их страну после того, как демобилизованные военные будут агитировать других французов свергнуть буржуазное правительство и создать «народное» государство. Данная риторика представляла существенную опасность для национальной безопасности Франции, поэтому было принято решение уйти из Новороссии, пока недовольство солдат и матросов не вылилось в кровопролитие уже на территории Франции;

4) прибыв на территорию Новороссии французское командование не имело ясных представлений о том, что нужно делать на новых территориях, как вести диалог с местным населением, офицерами царской армии из России, националистическими квазигосударственными образованиями [5, с. 31]. Отсутствие четкой политической и идеологической проработки интервенции привело к существенным просчетам в осуществлении военного вмешательства, чем достаточно успешно воспользовались командиры Красной армии, постепенно выдавливая разрозненные группы Белых. Французское командование не стало формировать основы для материальной инфраструктуры, построения защитных сооружений, позволяющих сдержать наступление большевиков на них. Агитационные мероприятия также существенно уступали аналогичным действиям со стороны большевиков, поэтому можно сказать, что в информационном противостоянии позиция Франции изначально была проигрышной. Никаких попыток активизировать риторику, основанную на недостатках коммунизма, сделано не было. Следует также добавить, что не было сформирована четкая антисоветская союзническая военная сила, которая реально могла бы противостоять большевикам. Постоянные конфликты и распри как среди союзников, так и в отношении лояльного местного населения только приближали крах «французского проекта».

Особо следует отметить важность изначально враждебного отношения к иностранным военным со стороны местного населения. Большинство из них не понимали необходимость присутствия французских войск в Новороссии, а их взаимодействие с Белыми воспринималось как предательство национальных интересов, взаимодействие на благо других стран, а не

России [6, p. 114]. Если к этому добавить постоянное выяснение отношений местных политических элитарных групп, то со стороны французов было достаточно очевидным, что отсутствие единых действий рано или поздно приведет к краху иностранной интервенции. По итогу, так оно и получилось в конечном счете. Изначальная асинхронность действий антисоветских сил закономерно привела к краху «французского проекта» в Новороссии.

Кроме политических, нужно выделить экономические аспекты французского вмешательства, которые заключались в том, что правительство данной страны не рассматривало длительные военные действия на истощение сил Красных. После первых неудач в высших политических кругах Франции все громче стали звучать призывы прекратить финансирование обреченной военной операции на Юге России. Отсутствие стабильного финансирования иностранного присутствия Франции сформировало дополнительные барьеры для продолжения интервенции. По итогу, низкое финансирование привело к постепенному свертыванию французского присутствия на территории нашей страны в апреле 1919 года.

Дополнительно следует отметить, что командиры большевиков проводили успешные наступления, постепенно громя силы противника. Снижение морального духа солдат и офицеров из-за невозможности что-либо противостоять Красной армии способствовало сворачиванию «французского проекта» в Новороссии. В марте 1919 года большевики перешли в наступление, что создавало реальную угрозу разгрома французского военного корпуса. Чтобы этого не допустить, спешно была организована эвакуация с территории России французских войск.

Таким образом, рассмотрев крах «французского проекта» в Новороссии следует отметить, что эвакуация экспедиционного корпуса французов стала результатом политических, военных и социальных факторов.

Во-первых, Франция рассматривала юг России как собственную сферу влияния, поскольку хотела защитить инвестиционные проекты французских промышленников, а также создать «санитарный коридор» против большевиков, осуществлять политику «сдерживания» коммунистической идеологии.

Во-вторых, уход французских военных способствовал снижению боевого духа царских офицеров и других представителей Белого движения, которые рассматривали иностранное присутствие как укрепление собственных позиций. Французские военные представлялись существенным укреплением военной силы контрреволюционеров, однако их фактическое бегство пошатнуло авторитет данного государства и доверие к нему со стороны Белого движения.

В-третьих, военное руководство Франции, принимая поспешное решение об интервенции на территорию Юга России не проработало все аспекты иностранного присутствия в Новороссии, что привело к восприятию французов как врагов со стороны

местного населения. Вместо радушного приема как «спасителей» от «большевистской заразы» они были враждебно встречены местным населением, поскольку воспринимались как оккупанты.

В-четвертых, военные успехи Красной армии на Юге России неизбежно формировали риски разгрома иностранных интервентов. Это был лишь вопрос времени. Однако французское командование не рассматривало вмешательство, как длительную военную компанию, поэтому достаточно быстро поняло бесперспективность сопротивления большевикам, особенно при отсутствии интереса помогать им со стороны местного населения. Вместо поиска компромиссов французское руководство проявило надменность в общении с местными командирами, ведя себя как хозяева южных территорий, что естественно не могло расположить к ним население Юга России.

В-пятых, была проиграна информационная война, поскольку агитация большевистского подполья Юга России была убедительнее для французских военных, чем слова их командиров (офицеров). Иностранные интервенты не смогли сформировать весомые аргументы против коммунистической идеологии, не сумев представить деятельность большевиков в негативном свете. В период Гражданской войны в идеологическом противостоянии победили идеи коммунизма, против которых сложно было противопоставить что-то весомое со стороны империалистов, буржуазных элементов.

Рассмотрение данной темы позволяет по-иному взглянуть на события весны 1919 года, а также понять мотивы и причины участия западных стран в современном конфликте в Новороссии, что делает научные исследования по указанной проблеме для современной исторической науки одной из перспективных тем [7, с. 354–355].

Литература

1. Kenez, P. Civil war in South Russia, 1919-1920: The defeat of the Whites. Berkeley, 1977. – 378 p.

2. Канторович, В. А. Французы в Одессе. Петроград, 1922. – 27 с.

3. Strakhovsky, L. The Franco-British Plot in Dismember Russia // Current History. 1931. Vol. 52. P. 841.

4. Кургузов, В. Л. Интервенция в советской России глазами интервентов (1918–1922) / В. Л. Кургузов // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2016. – № 4–5. – С. 20–33.

5. Рябов, В. В., Нефедов, А. Ю. Интервенция в России : бескорыстная помощь или собственные интересы? / В. В. Рябов, А. Ю. Нефедов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Исторические науки. – 2019. – № 4. – С. 26–34.

6. Pipes, R. Russia under the Bolshevik regime, 1919–1924. – New York: Knopf, 1994. – 587 p.

7. Мармазова, Т. И. Цивилизационный концепт Новороссии : новое прочтение / Т. И. Мармазова // Цивилизационная миссия России: к 300-летию провозглашения Российской империи : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Москва, 20 мая 2021 года / Под редакцией Т. И. Мармазовой, М. В. Фоменко. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2021. – С. 353–358.

A. M. NEUMOIN, T. I. MARMAZOVA

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

THE COLLAPSE OF THE “FRENCH PROJECT” IN NEW RUSSIA: REASONS FOR THE EVACUATION OF THE EXPEDITION CORPS (APRIL 1919)

The article examines the main reasons for the French intervention in the South of Russia. The events of 1918-1919 were a key stage in the Allies' attempts to implement a policy of «containment» of the Bolsheviks by controlling the Black Sea. The author notes that the evacuation of the French expeditionary force was the result of political, military, and social factors. France viewed southern Russia as its own sphere of influence, as it sought to protect the investment projects of French industrialists and create a "sanitary corridor" against the Bolsheviks, implementing a policy of "containment" to prevent the spread of communist ideology.

French intervention, Civil War, the South of Russia, «containment» of Bolshevism, Novorossiya.

Неумоин Александр Михайлович – аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Научные интересы: Гражданская война в России, иностранная военная интервенция.

Мармазова Татьяна Ивановна – доктор политических наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономическогоуниверситета имени Г.В. Плеханова, г. Москва, РФ.

Neumoin Alexander Mikhailovich – Postgraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics. Research interests: The Russian Civil War and foreign military intervention.

Marmazova Tatiana – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.

УДК 101.1

М. В. НОВОХАТСКИЙ, Н. П. ШАТОХИНА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИФАХ И РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается тема противостояния мифа и реальности в философии, как феноменов, отражающих представления о правде и лжи. Раскрыты понятия «миф» и «реальность», в контексте современной философии. Проанализированы мифы разных эпох в сравнении с реальностью.

миф, реальность, мысль, история, философия, религия.

Мир наполнен разными культурами, которые хранят немало преданий, а именно: легенды, былины, мифы и сказания. В них сокрыта красота слова, но часто за ней скрывается выдуманная история, сотканная из разрозненных фрагментов реальных событий. Тема мифа и реальности всегда остается актуальной для изучения, поскольку затрагивает базовые компоненты человеческого бытия, влияющие на формирование идентичности, поиски себя и своего места в мире.

Целью данного исследования выступает анализ понятий мифа и реальности в историческом и социально-философском контекстах.

В истории философии природу мифа и проблему его соотношения с реальностью исследовали Платон, Аристотель, Ф. В. Шеллинг, К. Хюбнер, К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев, М. Хайдеггер, Э. Дюркгейм, З. Фрейд. Однако подходы к данной проблеме постоянно варьировались и освящалась она достаточно однобоко.

В начале данного исследования целесообразно обратиться к известному древнегреческому мифу, повествующему о путешествии героев в Колхиду за священным золотым руном шкурой золотого барана. В книге Н. А. Чистяковой «Сказание об аргонавтах» описывается, что брат отца Ясона, Пелий, отнял у него власть над Иолком. Ясон потребовал вернуть царство, и Пелий обещал отдать ему царство, если тот добудет золотое руно. Ясон решил организовать поход и поручил Аргу, сыну Фрикса, построить корабль в 50 вёсел, получивший от своего строителя название «Арго». Вместе с Ясоном в поход отправились все великие герои того времени: Геркулес, Лаэрт, Тесей, Орфей, Аякс и другие [6]. Корабль аргонавтов выдержал пение сирен, сильные ветры и мощные волны, унёсшие команду путешественников в безжизненную пустыню. Спастись от неминуемой смерти людям Ясона

помог источник, ранее добытый Гераклом. Аргонавты прибыли в Иолк. Ясон принёс золотое руно Пелию, но тот не выполнил своего обещания и не вернул вождю аргонавтов царского трона.

Эта красивая легенда несёт в себе немало правды. Данный миф основан на приключениях реальных греческих мореплавателей (грабителей), которые были в Чёрном море и на берегах Колхиды. Также в «мифе о золотом руне» отражена реальная история добычи золота на Кавказе в древности: в воду золотоносной реки погружали баранью шкуру, на которую и оседали частички золота. В исследовании С. А. Токарева описывается, что сам морской путь пролегал через реальные географические объекты, такие как: острова Лемнос и Самос в Эгейском море, берег Западной Грузии, Боспорское царство, река Дунай, Черное море, проливы «Босфор и Дарданелла» [5, с. 98–100].

Также у легенды есть обратная сторона, а именно выдуманная часть, которая называется миф. Миф в философии – это символическое повествование, которое служит для носителя объяснением реальности. Обычно миф не имеет конкретного авторства, он связан с традицией и с религиозными верованиями. Легенду про аргонавтов сочинил Аполлоний Родосский автор поэмы «Аргонавтика», написанной в первой половине III века до н. э. Это единственная сохранившаяся поэма эллинистической эпохи, которая рассказывает о плавании аргонавтов. В мифе присутствуют также сыновья богов: Авгий (сын Геолиоса), Анкей и Евфрем (сыновья Посейдона), Аскалаф (сын Марса), Геракл и Полидевк (сыновья Зевса), Еврит (сын Гермеса), Идмон (сын Аполлона), Палемоний (сын Гефеста) и другие. В легенде присутствуют и выдуманные герои: волшебница и жрица Медея, сирены, Атланта и другие.

Следующий миф, к которому стоит обратиться в контексте данного исследования, это миф о существовании Гильгамеша. Гильгамеш – персонаж шумерских сказаний и эпоса Аккада, одного из самых великих произведений Древнего Востока. Во Всемирной истории А. Н. Бадака и его соавторов, он упоминается в царском списке периода III Древнего Востока как правитель I династии древневосточного города Урука (Некоторые мифологи называют его Царём Лугальом, военным вождём героев Гильгамеша) [2. с. 528].

Историки говорят о том, что Гильгамеш – пятый правитель Первой Династии Урукского города Шумера, правил в конце XXVII – начале XXVI веков до нашей эры. Он прожил 126 лет и после смерти был зачислен в разряд Богов. Никогда не женился. Письменные источники и анализ произведений шумерских художников свидетельствуют о том, что образ Гильгамеша был списан с действующего правителя города Урука в XVII-XIX веках до нашей эры. Жизнь великого шумерского героя Гильгамеша исторически интересна. Подвиги Гильгамеша обеспечили ему славу и народную память. Гильгамеш –смелый и бесстрашный полубог [2. с. 189].

Следующий рассмотренный миф будет о существовании короля Артура. Король Артур – легендарный правитель королевства Логрес, вождь бриттов V–VI веков, центральный герой британского эпоса и рыцарских романов. Самый известный миф о короле Артуре берёт своё начало в романе Томаса Мелори «Смерть короля Артура» [3]. В XV веке король Артур уже входит в баллады, но достоверных источников о его существовании не найдено. Возможно, это всего лишь образ идеального рыцаря, подобный образу Ричарда Львиное Сердце, воплощения мечты людей о добродетельном, благородном человеке. Подобные идеалы неизбежно порождают легенды. Вероятно, за красивой легендой скрывается реальная история середины и второй половины IV века, когда на Британских островах жил и воевал Амвросий Аврелиан – полуримлянин, участник борьбы за выживание римской Британии в период прихода англосаксов с континента, после ухода римлян. Бритты пытались остановить нашествие, но условия тех лет были чрезвычайно тяжёлыми. Однако кто-то из них собрал остатки сил, чтобы сопротивляться до последнего.

Большинство бриттов покинули острова и переселились на континент в Бретань, во Франции, где их потомки живут и по сей день, сохраняя язык и традиции. Остальные остались, позже смешавшись с германцами. Именно этот воин, ставший полководцем, объединившим последние силы, защищал умирающую римскую Британию. Его образ, видимо, стал основой для мифа, о нём рассказывали, что он был тяжело ранен, вынужден был заключить договор, и прожил долгую жизнь, уйдя из жизни от последствий полученной травмы. Память о последнем защитнике Британии вдохновила средневековых авторов. Так возник образ короля Артура, Амвросия-Артура. Позже его перенесли в эпоху зрелого средневековья, а уже в двадцатом веке он стал героем романов, фильмов и легенд.

Также широко известен миф о существовании Атлантиды. Атлантидой назывался мифический остров-государство, известный по описаниям в диалогах древнегреческого философа Платона «Тимей» и «Критий» [4]**.** Это легенда о могущественной цивилизации, которая погибла в результате природной катастрофы. Согласно Платону, Атлантида находилась за Геркулесовыми столпами, в Гибралтарском проливе Атлантического океана, напротив гор Атласа. Её население состояло из потомков Посейдона, которые предприняли попытку завоевания. После провала вторжения в Афины Зевс наказал остров стихийным бедствием – землетрясением и потопом, из-за чего Атлантида была погребена под водой. Платон утверждал, что это событие произошло примерно 9000 лет до времени Солона, который якобы получил сведения об этом от египетских жрецов.

Большинство современных исследователей считают историю об Атлантиде философским мифом**.** По мнению некоторых учёных, Платон использовал этот сюжет для иллюстрации противоположных типов государства: нравственно и социально здорового аристократического «государства разума» (Афины) и нездоровой, развращённой богатством и

роскошью тиранической Атлантиды. На протяжении веков предпринимались многочисленные попытки найти следы Атлантиды. Выдвигались разные версии о её местонахождении: в Атлантическом океане, Средиземном, Чёрном, Балтийском и других морях, в Антарктиде, районе Азорских островов и др. Однако, однозначных доказательств существования Атлантиды до сих пор не обнаружено.

Анализ вышеизложенных мифов приводит нас к выводу о том, что любое народное сказание сочетает в себе, как реальные исторические факты, так и литературный вымысел. В мифе отражаются философско-аксиологические представления наших предков о мире, в нем воплощаются мировоззренческие ориентиры, архетипы и религиозные верования. Реальность, в противовес мифу, есть правда о мире, которую чувствует человек. Миф всегда, как будто бы, претендует на реальность, но не является ею. Очевидно, что миф задает ориентиры для восприятия реальности, выполняя одновременно несколько социальных функций.

Вместе с приходом эпохи постмодерна влияние мифа парадоксальным образом еще больше усилилось. Несмотря на развенчание самой природы мифологических представлений и важность критического осмысления мира, процессы глобализации и информатизации целенаправленно конструируют мифологемы в коммерческих или идеологических целях.

Таким образом, проблемы осмысления природы мифа и реальности не теряют своей актуальности и в современном социуме. Постижение сути данных явлений позволяет осмыслить мировоззренческие механизмы, структуру социальных процессов и культурных изменений.

Литература

1. Афанасьева, В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве / В. К. Афанасьева, И. М. Дьяконов. – М. : Наука, 1979. – 219 с.

2. Бадак, А. Н., Войнич, И. Е., Волчёк, Н. М. и др. Всемирная история / А. Н., Бадак И. Е. Войнич, Н. М. Волчёк, – Мн. : Харвест; М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 515 с.

3. Мэлори, Т. Смерть Артура / Томас Мэлори; [пер. с англ., примеч., указ. имен И. Бернштейн, предисл. Л. Сумм]. – Москва : Эксмо, 2014. – 637, [1] с.; 21. – (Мифы. Легенды. Эпос).

4. Платон Диалоги / Платон; [пер. с древнегреч. С.Я. Шейнман-Тонштейн], сост., ред. и авт. вступ. ст.: А. Ф. Лосев, авт. примеч.: А. А. Тахо-Годи], АН СССР, Ин-т философии. – Москва : Мысль, 1986. – 605, [2] с.; 20. – (Философское наследие).

5. Токарев, С. А. Аргонавты / С. А. Токарев // Мифы народов мира : Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 100 с.

6. Чистякова, Н. А. Сказание об аргонавтах, его история и поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского / Н. А. Чистякова // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. – 2001. – С. 172.

M. V. NOVOKHATSKY, N. P. SHATOKHINA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

CONCEPTIONS OF MYTHS AND REALITY IN PHILOSOPHY

The article discusses the confrontation between myth and reality in philosophy, as phenomena that reflect ideas about truth and lies. The concepts of "myth" and "reality" are explored in the context of modern philosophy. Myths from different eras are analyzed in comparison with reality.

myth, reality, thought, history, philosophy, religion.

Новохатский Максим Валерьевич – студент группы ТГВ-60 «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: палеография и философия.

Шатохина Наталья Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: социальная философия, философия свободы и творчества, синергетика.

Novokhatsky Maxim Valerievich – is a student of the TGV-60 group at the of the "Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering". His research interests include paleography and philosophy.

Shatokhina Natalya Petrovna – is a Candidate of Philosophy and an Associate Professor at the Department of History and Philosophy of the "Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering". Her research interests include philosophy. social philosophy, philosophy of freedom and creativity, and synergetics.

УДК 7.01:004.9:62

С. С. ПОЛЯНСКАЯ, Н. П. ШАТОХИНА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются эстетические аспекты технического творчества в условиях цифровизации архитектурно-инженерной практики. Установлено, что переход от фиксированной геометрии к параметрически-порождаемой форме изменяет не только инструментарий проектирования, но и онтологический, эпистемологический и аксиологический статус самой формы как объекта инженерного и художественного осмысления. Показано, что алгоритм в цифровом формообразовании выполняет не только вычислительную, но и когнитивно-посредническую функцию, обеспечивая связь между инженерной рациональностью, художественным замыслом и процедурой вариативного поиска решений. Обосновано, что эстетическое качество параметрической формы проявляется в структурной согласованности, контролируемой вариативности, логике зависимостей и соотнесённости формы с ценностными ориентирами проектирования. Сделан вывод о том, что современное техническое творчество в цифровой среде следует рассматривать как гибридную форму технического творчества, в которой алгоритмическая формализация сочетается с интерпретативной, аксиологической и феноменологической деятельностью проектировщика.

параметрическое проектирование, техническое творчество, эстетика техники, цифровая архитектура, инженерное мышление, феноменология восприятия.

Современная архитектурно-инженерная практика развивается в условиях активной цифровизации, внедрения вычислительных алгоритмов и параметрических методов моделирования. Особую актуальность приобретает анализ тех изменений, которые параметрические методы вносят в природу технического творчества. Эти процессы меняют не только технологическую сторону проектирования, но и представления о красоте, гармонии и выразительности формы. В условиях, когда формообразование становится вычислительным процессом, эстетическое и рациональное, художественное и инженерное начинают функционировать в рамках единой проектной среды.

Актуальность исследования определяется тем, что современные цифровые инструменты позволяют проектировать сложные геометрические структуры, для которых характерны высокая степень вариативности, управляемость и возможность многокритериальной оптимизации. Формообразование в таких условиях все в большей степени переносится с уровня ручного задания геометрии на уровень описания зависимостей между параметрами. Возникает необходимость философского и эстетического осмысления самой природы цифровой формы, поскольку она предстает не как статически завершенный объект, а как процессуально организованная система потенциальных состояний. В научной литературе данная проблематика раскрывается через совмещение философии техники, эстетики формы и вычислительной логики проектирования.

Цель статьи состоит в выявлении эстетических оснований технического творчества в условиях параметрического проектирования.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть особенности параметрического моделирования как формы синтеза художественного и инженерного мышления; проанализировать роль алгоритма в структуре проектного знания; определить эстетические характеристики параметрически порождаемой формы; рассмотреть герменевтические, аксиологические и феноменологические аспекты цифрового формообразования.

Материалом исследования послужили научные работы, посвященные онтологии формы в техническом творчестве, эпистемологии алгоритма, эстетическим основаниям цифрового формообразования, эволюции архитектурной формы, параметризации как интерпретативной процедуре, аксиологии и этике параметрического проектирования, а также феноменологии восприятия криволинейной поверхности. Это научно-исследовательские работы И. А. Добрицыной, К. А. Лихобабина, А. Ф. Лоесва, А. П. Шевнина, С. Б. Поморова, А. Д. Ризаева, Л. В. Рязанцевой.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, соединяющий философию техники, эстетику, архитектурную теорию и представления о вычислительном проектировании. В качестве основных методов использованы анализ и теоретическое обобщение научных источников, сравнительно-концептуальный анализ, а также интерпретация ключевых категорий параметрического проектирования в философско-эстетическом контексте, представленная в труде И. А. Добрицыной [1].

В качестве теоретической базы использованы труды по философии техники, цифровой архитектуре, параметрическому и генеративному проектированию, эстетике архитектурной формы и феноменологии восприятия. Такой подход позволяет рассматривать параметрическое проектирование на пересечении гуманитарной и инженерной проблематики.

Проведенный анализ показывает, что параметрическое проектирование изменяет онтологический статус формы. Форма перестает восприниматься как заранее заданная геометрическая данность и начинает пониматься как порождаемый процесс, управляемый параметрами, ограничениями и алгоритмами. Тем самым технический объект рассматривается не только как результат проектного акта, но и как система потенциальных состояний, возникающих в пределах определенной логики зависимостей.

Установлено, что параметрическое моделирование выступает формой синтеза художественного и инженерного мышления. С одной стороны, оно сохраняет возможность пластического поиска, вариативности и концептуального эксперимента. С другой стороны, согласно К. А Лихобабину, А. П. Шевнину, С. Б. Поморову оно строится на инженерной рациональности, поскольку учитывает конструктивные, технологические и ресурсные ограничения [2]. В результате проектировщик становится не только автором формы, но и субъектом, задающим условия ее порождения.

Существенным результатом является уточнение роли алгоритма в структуре технического творчества. Алгоритм в цифровом проектировании выполняет не только инструментальную, но и эпистемическую функцию. Он позволяет исследовать пространство проектных решений, выявлять влияние отдельных параметров на свойства формы, обеспечивать воспроизводимость и частичную верификацию проектных зависимостей. Вместе с тем алгоритм не исчерпывает всего содержания проектного мышления, поскольку интуиция, контекст, художественная интерпретация и часть профессионального знания сохраняют внеформализуемый характер. В этом смысле параметрическое формообразование представляет собой гибридную практику взаимодействия алгоритма и дизайнерского знания.

В эстетическом отношении параметрическое проектирование формирует особый тип проектной выразительности. Согласно Л. В. Рязанцевой: «Красота формы определяется не только ее внешним обликом, но и внутренней согласованностью параметрических отношений, элегантностью алгоритмической структуры, ритмом зависимостей и управляемой вариативностью» [1, с. 4]. Тем самым эстетическое качество, описанное в трудах А. Ф. Лосева переносится с уровня исключительно чувственного впечатления на уровень организации самой проектной системы [5].

Важным аспектом обсуждения является герменевтическая трактовка параметризации. Параметры в цифровом проектировании выступают не нейтральными числовыми регуляторами, а носителями проектного смысла. Предварительное понимание формы переводится в систему параметров, после чего результат вычисления заново интерпретируется и уточняет исходный замысел. Таким образом, проектирование приобретает характер

интерпретативного цикла, в котором инженерное решение одновременно оказывается смысловым решением.

Не менее значимо аксиологическое измерение. По мнению А. Д. Ризаевой, каждая параметрическая модель содержит систему ценностей, выраженную через выбор целевых функций, параметров и их весов. Приоритет устойчивости, экономии материала, технологичности, комфорта или визуальной выразительности отражает не только расчетную, но и ценностную установку проектировщика [3]. Следовательно, оптимизация формы не является нейтральной процедурой: она фиксирует определенную иерархию проектных приоритетов.

Наконец, феноменологический аспект позволяет показать, что цифровая форма существует не только как математическая конструкция, но и как объект телесного и зрительного восприятия. Гладкость поверхности, кривизна, световая пластика, пространственная текучесть и атмосфера среды образуют тот слой архитектурного опыта, который не сводится к вычислению, хотя и может быть частично описан через геометрические параметры. Это указывает на принципиальную ограниченность полной алгоритмизации эстетического опыта.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что параметрическое проектирование не редуцирует техническое творчество к вычислительной процедуре, а трансформирует его в более сложную форму деятельности, где алгоритмическая рациональность сочетается с эстетической интерпретацией, ценностным выбором и ориентацией на человеческое восприятие.

Параметрическое проектирование следует рассматривать не только как современный технологический инструмент, но и как форму преобразования самой логики технического творчества. Переход от фиксированной формы к параметрически-порождаемой, изменяет онтологический статус проектируемого объекта и усиливает значение алгоритма как средства исследования и структурирования проектного знания. Эстетическое качество цифровой формы определяется не только визуальным результатом, но и логикой зависимостей, согласованностью параметров и характером ценностных приоритетов, заложенных в модели. Вместе с тем параметры и алгоритмы не устраняют роли человека: интерпретация, интенция автора, ответственность и феноменологическая полнота восприятия сохраняют принципиальное значение. Следовательно, техническое творчество в условиях параметрического проектирования представляет собой гибридную практику, объединяющую инженерную рациональность, художественное мышление и философско-эстетическую рефлексию.

Литература

1. Добрицына, И. А. Между феноменологией и прагматикой. К проблеме интерпретации главных тем теории цифровой архитектуры / И. А. Добрицына // Современная архитектура мира. Вып. 5 / Отв. Ред. Н. А. Коновалова. М.; СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 31–38.
2. Лихобабин, К. А., Шевнина, А. П., Поморов, С. Б. Параметрическая методология в работе архитектора / К. А. Лихобабин, А. П. Шевнина, С. Б. Поморов // Вестник АлтГТУ им. И. И. Ползунова. – 2015. – №1-2. – С. 223–226.
3. Ризаева, А. Д. Генеративный дизайн: программирование, как новый инструмент деятельности дизайнера. / А. Д. Ризаева // Международный студенческий научный Форум РАЕ. 2015. Статья. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scienceforum.ru/2015/article/2015013127.
4. Рязанцева, Л. В. Параметризация как метод исследования формы / Л. В. Рязанцева // Вестник МАРХИ. – 2020. – № 3. – С. 78–95.
5. Лосев, А. Ф. Эстетика. / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.

S. S. POLYANSKAYA, N. P. SHATOKHINA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

AESTHETIC ASPECTS OF TECHNICAL CREATIVITY IN THE CONDITIONS OF PARAMETRIC DESIGNING

The article discusses the aesthetic aspects of technical creativity in the conditions of digitalization of architectural and engineering practice. It has been established that the transition from fixed geometry to a parametrically generated form changes not only the design toolkit, but also the ontological, epistemological, and axiological status of the form itself as an object of engineering and artistic comprehension. It has been shown that the algorithm in digital shaping performs not only a computational, but also a cognitive-mediating function, providing a connection between engineering rationality, artistic intention, and the procedure for variational solution search. It has been substantiated that the aesthetic quality of a parametric form manifests itself in structural consistency, which is controlled by variational The logic of dependencies and the correlation of form with the design's value orientations are discussed. It is concluded that modern technical creativity in the digital environment should be considered as a hybrid form of technical creativity, where algorithmic

formalization is combined with the designer's interpretative, axiological, and phenomenological activities.

parametric design, technical creativity, aesthetics of technology, digital architecture, engineering thinking, and phenomenology of perception.

Полянская Снежана Сергеевна – аспирант направления подготовки 2.5.1 «Инженерная геометрия и компьютерная графика. Цифровая поддержка жизненного цикла изделий» Донбасской национальной академии строительства и архитектуры – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: архитектура, компьютерная графика, философия.

Шатохина Наталья Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал НИУ МГСУ. Научные интересы: социальная философия, философия свободы и творчества, синергетика.

Polyanskaya Snezhana Sergeevna is a postgraduate student in the field of 2.5.1 Engineering Geometry and Computer Graphics. Digital Support for the Life Cycle of Products at the Donbas National Academy of Construction and Architecture, a branch of the National Research Moscow State University of Civil Engineering. Her research interests include architecture, computer graphics, and philosophy.

Shatokhina Natalya Petrovna is a Candidate of Philosophy and an Associate Professor at the Department of History and Philosophy at the Donbas National Academy of Construction and Architecture, a branch of the National Research Moscow State University of Civil Engineering. Her research interests include philosophy. social philosophy, philosophy of freedom and creativity, and synergetics.

УДК 101.1::316

П. В. СЕВЕРИЛОВА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

НАСЛЕДИЕ СТОИ И «СТОИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

В статье анализируется основные черты философского мировоззрения Стои, такие, как: космоцентризм, натуроцентризм, гилозоизм, пантеизм, панлогизм. Рассматривается взаимосвязь трех дисциплин философии стоиков: физики, логики и этики, в контексте формирования базовых этических принципов стоицизма. Характеризуется специфика стоических представлений о человеке как микрокосмосе, о судьбе, счастье, добродетели, пороке, должном. В заключении делается вывод о том, что причиной интереса к стоической этике в современном общественном сознании является перспектива ее использования в качестве актуальной и эффективной философии жизнестойкости

стоицизм, стоическая этика, современное общество, гилозоизм, эвдемония, добродетель, апатия, должное, философия жизнейстойкости.

В условиях стремительных социальных, технологических и культурных трансформаций современного мира человек сталкивается с беспрецедентным уровнем неопределенности и чувством экзистенциальной растерянности. Глобальные вызовы, информационные перегрузки, постоянно меняющиеся условия жизни, социальная дезинтеграция, размывание представлений о нормах и ценностях, побуждают человека искать устойчивые мировоззренческие ориентиры и способы достижения внутреннего равновесия в нестабильном, непредсказуемом, быстро меняющемся мире. Эти духовные искания возобновляют в обществе интерес к изучению разного рода религиозных и философских учений и практик, среди которых особое место занимает философское наследие Античности. В частности, в течение последних двух десятилетий, первоначально на Западе, а затем и в России, наблюдается стремительный рост популярности стоицизма, как проверенной временем жизненной философии и этической системы. В чем же секрет успеха стоической мудрости? Почему сегодня этика стоиков не только является предметом научного изучения, но приобретает популярность в современном обществе и массовой культуре? Почему сочинения

древних стоиков постоянно переиздаются, почему пишется столько научных и популярных работ, посвященных стоицизму, возникают общества и кружки по изучению стоической философии, и многие современные люди выбирают стоицизм как практическое руководство к жизни?

Поиску ответа на эти вопросы и посвящена данная статья, цель которой – исследование философских идей и принципов стоицизма, в контексте «стоического поворота» в современном общественном сознании.

О стоицизме и его современной рецепции существует огромная литература, проанализировать которую не представляется возможным в рамках данной статьи. Упомянем только некоторых, наиболее известных, авторов, с работами которых непосредственно связано возрождение интереса к стоицизму сегодня. Прежде всего, о стоицизме пишут представители академической науки: историки философии (П. Адо, Э. Лонг, Дж. Селларс, А. С. Степанова, А. А. Столяров), специалисты по этике (П. А. Гаджикурбанова). Исследованием современного стоицизма занимаются аналитические философы (Л. Беккер, У. Ирвайн), биологи и историки науки (М. Пильюччи), специалисты по праву (У. Фарнсфорт), а также: психоаналитики, представители когнитивно-поведенческой терапии (КТП) (Д. Робертсон). Популярный стоицизм представлен бизнес-коучами, тренерами по лидерству и саморазвитию (Д. Фиделер), специалистами по маркетингу и рекламе (Р. Холидей, С. Хансельман) и многими другими авторами.

Как писал А. А. Столяров, в исследованиях стоицизма следует различать: собственно учение Стои как философской школы, сформировавшейся в эллинистически-римский период, и стоицизма – как более широкого явления, «связанного с особым типом рефлексии» и «практической философией», «применимой и годной для всякого человека во всякое время» [1, с. 6]. Стоя (от др.-гр. – Στοά – «Расписной портик») как школа возникает в конце IV – начале III в. до н.э., в Афинах. Свое название она получает от названия места (портика), где собирались первые последователи и ученики Зенона Китийского – основателя этой школы.

В отличие от Стои, стоицизм в современной науке рассматривается как сформировавшееся в эпоху эллинизма духовное течение, оказавшее глубокое влияние на европейскую философию и культуру. При этом влияние это не ослабевает и интерес стоическим «нарративам» проходит через всю историю европейской мысли, начиная от рецепции стоических идей в раннем христианстве, в Средневековой схоластике, в неостоицизме XVI века, в Новое время, и, наконец, в философии XX и XXI века.

Сочинения ранних стоиков (Зенон, Хрисипп, Клеанф), как и сочинения представителей Среднего периода Стои (II–I века до н. э.), таких как: Панетий Родосский и Посидоний из

Апамеи и др. сохранились в виде отдельных фрагментов. Только сочинения поздних стоиков, Стои периода Римской империи (I– II века н. э.) дошли до нас. Самые известные из них – это «Беседы» и «Энхиридион» («Краткое руководство к нравственной жизни») Эпиктета, «Нравственные письма к Луцилию» и другие трактаты Сенеки, а также «Размышления» Марка Аврелия.

Ядро стоического философского учения формируется в период Древней Стои, у истоков которой стоят Зенон Китийский, Хрисипп и Клеанф. Философия Древней Стои представляет собой целостную систему, включающую три основных части (дисциплины): физику, логику и этику, которые органически связаны между собой. Физика стоиков учит о целостном и упорядоченном телесном космосе как едином континууме и завершенном материальном теле [2, с. 16]. Это сближает их физику с архаической греческой философией, и, в частности, с учением Гераклита. Стоики отказываются от сложных метафизических построений классической античности (Платон, Аристотель) и возвращаются к более ясной и понятной теоретической модели реальности, восходящей к ранним натурфилософам и их «наивному реализму».

Одна из основных особенностей трактовки природы у стоиков – это гилозоизм, (от греч. *hyle* – дерево, вещество, *zoe* – жизнь), учение о природе как живом одушевленном и материальном теле, однако материальность (телесность) космоса трактуется ими специфически из-за признания материальной природы разумной [3, с. 130].

Стоики признают существование в мире двух начал-принципов (*arhai*): пассивного – материи, и активного – Логоса (Разума). Активное начало они также называют «богом», «судьбой», «причиной», «смыслом» всего существующего. Космический разум-Логос – вечен, он имеет источник движения в самом себе (самодвижен), он является источником всех форм, качественных различий существующих в мире вещей, и причиной всех происходящих в мире событий, но нужно понимать, что оба эти начала: и материя, и Логос понимаются стоиками как начала материальные [2, с. 17].

Разумность космоса – ключевой догмат стоической философии. С точки зрения стоиков мир телесных вещей управляется логосом как разумным началом, представляющим собой *дыхание* или *пневму* (*pneuma*) – тонкую огненную субстанцию, смесь воздуха и огня, пронизывающую все сущее и неотделимую от него. Именно *пневма* выступает принципом, связующим все материальные тела друг с другом в единый континуум, обеспечивая единство космоса как замкнутой системы и поддерживая свойственный универсуму порядок [2, с. 17].

С этим убеждением непосредственно связано учение стоиков о судьбе и господстве в мире необходимости. Фатализм и детерминизм – это характерные черты стоической картины

мира. Все в этом мире предопределено, все причинно-следственные связи жестко детерминированы, все, что происходит в мире, происходит согласно судьбе. Судьба – это разумный принцип, в соответствии с которым устроен универсум, и все в нем происходящее: как в мире материальных вещей, так и в мире разумных существ.

Из этого следует то, что и жизнь человека подчинена судьбе, и все в ней предопределено, ведь человек во всем подобен космосу. Стоики наследуют традиционную для античной философии антропологическую парадигму, согласно которой, человек трактуется как микрокосмос, его строение подобно космическому порядку: тело соотносится с природным целым, душа – с космической *пневмой*, а разум – с божественным *логосом*.

Человек – это малый универсум, однако его космоподобие одновременно и дано, и задано как цель и смысл его существования, заключенные в стяжании счастья (eudemonia). Но как возможно счастье в мире торжествующей необходимости, в мире тотальной несвободы, в мире, в котором все предопределено? Ответ на этот вопрос мы находим в этическом учении Стои.

Этика стоиков эвдемонистична, в ее центре находится учение о счастье, однако представления стоиков о счастье существенно отличаются и от эвдемонистической этики Аристотеля, и от этических учений других философских школ, и от современных представлений о счастье. Счастье для стоиков состоит в «жизни в согласии с природой» и его законодателем – космическим Разумом (физика). На практике это означает: правильное применение разума (логика) для достижения идеала добродетельной жизни (этика) [1, с. 31]. Счастье, с этой точки зрения, тождественно добродетельной жизни, а добродетельная жизнь – это и есть счастье, как об этом писали все стоики. Тем самым, добродетель у стоиков, в отличие от других этических систем, – понимается не как средство (инструмент) достижения счастья, а цель, к которой нужно стремиться ради нее самой.

Закон природы, космический Логос, тождествен Благу, а добродетельная жизнь с ее стремлением к благу, понимается как следование космическому закону, следовательно, законы космоса и законы добродетельной жизни едины [1, с. 32]. Следуя своему логосу, разумно устрояя свою жизнь, человек стремится к уподоблению космическому Логосу, то есть, к тому, чтобы жить в соответствии с разумным началом мироздания [1, с. 33].

Уже ранние стоики трактовали разум не только как познавательную способность, но как божественное логосное начало в человеке, частицу космического Божественного Логоса. Их физика, тесно переплетенная с этикой, утверждала, что мир устроен рационально и целесообразно. Следовательно, жить в согласии с природой, означает – жить в согласии с разумным порядком Вселенной, подчиняясь ее законам, принимать свою судьбу с

невозмутимостью. Так, все три части философии стоиков оказываются нераздельно связанными друг с другом, в единстве проявления логосного начала в природе, в законах мышления и законах добродетельной жизни, ведь космос «организован по тем же законам, что и знание о нем», то есть, «логическая необходимость и эмпирическая причинность совпадают» [1, с. 41–42]. Один из современных исследователей стоицизма назвал эту особенность философской позиции стоиков «захваченностью поиском единства» [1, с. 40].

Быть разумным – означает жить в согласии с разумной природой и логосом, быть добродетельным и стремиться к благу как «нравственно-прекрасному». Добродетель, понимаемая стоиками как единственное истинное благо, трактуется ими, тем самым, как самодостаточное состояние, объект нравственного выбора и цель, осуществив которую, можно стать совершенным разумным существом [1, с. 169].

Добродетельность является для стоиков единственной причиной и залогом счастья, а знание того, как быть счастливым и жить в соответствии с благом, определяется одним из главных принципов стоической этики – принципом «долженствования». Как отмечает П. А. Гаджикурбанова, «категория «должного» является центральной для стоической этики, формируя систему нормативных предписаний для добродетельной жизни» [4, с. 146]. Зенон писал о должном (kathēkon) как о том, что соответствует природной целесообразности, может быть разумно обосновано и относится к «предпочитаемому» [1, с. 184]. Долг, с этой точки зрения, оказывается тождественным добродетели и является единственной причиной нравственного поступания [1, с. 191]. Тем самым, в стоической этике стремление к благу – это нравственный долг человека, и только тот поступок можно назвать нравственным, который совершается во имя нравственного долга.

Система добродетелей стоиков традиционна для античной философии. Они выделяют четыре основных добродетели (arête): разумность (мудрость), справедливость, мужество и умеренность (благоразумие, целомудрие). Все они являются взаимосвязанными и взаимообусловленными проявлениями идеи добродетели как таковой. Порочность же проявляется в следовании «страстям», главными из которых они считали: скорбь (печаль), страх, вожделение и наслаждение. Зенон определял страсти как «неразумное, противоестественное движение души» или «сильный импульс», которому человек не в силах противостоять. Хрисипп – как «ошибочное нравственное суждение» [1, с. 198]. Отсутствие страстей и совершенное нравственное состояние, противоположное пороку, стоики называли «апатией».

«Апатия» – одно из важнейших понятий этики стоиков, при этом оно не означает ни «безразличие», ни «отсутствие эмоций». Оно применяется ими для обозначения непредвзятого

суждения о вещах и бесстрастия в отношении того, что неподвластно человеку, того, на что он не может повлиять, например, на те или иные внешние обстоятельства или события. На практике это реализуется в стремлении к достижению невозмутимости, состояния бесстрастия, благодаря управлению своими аффектами, и сознательному разграничению того, что зависит от нас, и того, что от нас не зависит. Эпиктет, рассуждая об этом, дает такой конкретный практический совет: «Не требуй, чтобы происходящее происходило так, как ты желаешь, но желай, чтобы оно происходило так, как происходит: и тогда ты будешь благополучен» [5, с. 28].

Стоический мудрец – это человек, который отчетливо понимает, что он не в его силах изменить естественный ход вещей, однако есть нечто, что находится в его власти, и это – сфера свободы – его разум и воля, способность принимать правильные решения и поступать добродетельно, в соответствии с Логосом. Показательны, с этой точки зрения, слова Эпиктета о том, что единственное, что должно заботить человека – он сам и то, что он считает своим. Это «свое» он определяет как «неподвластное помехам и по природе свободное». Внутренняя свобода и есть то, что составляет «сущность блага», все же остальное, как он пишет, «пусть будет, как будет – мне безразлично» [1, с. 314].

Впоследствии, один из самых известных римских стоиков, Марк Аврелий, напоминая о бренности и тленности внешних благ, так писал об этом: «Если тебя огорчает что-либо внешнее, то не оно беспокоит тебя, а твоё собственное суждение о нём. И в твоей власти устранить это суждение» [6, с. 78]. Тем самым, утверждение в добродетели коренится в способности изменить точку зрения и сместить фокус внимания с внешнего на внутреннее. Как говорил Эпиктет: «не вещи смущают людей, а их мнения о вещах» [7, с. 28].

Действительно, одним из открытий стоиков становится выдвижение на первый план внутренних оснований нравственного отношения к миру, в котором сам человек становится для себя мерой определения нравственного и безнравственного, руководствуясь совестью как критерием выбора. Мир преходящих вещей не благ и не зол, но только отношение к нему, вовлеченность или не вовлеченность, способность отстоять свой внутренний мир и его границы от внешних «вторжений», становится фундаментом нравственного самостояния человека. Это означает, что в непрерывном потоке сцепленных причин и следствий, в мире замкнутой каузальности, только сам человек может быть для себя опорой, жить в согласии с разумом, выстраивая свою нерушимую «внутреннюю цитадель». Так этика стоиков становится личностно ориентированной индивидуалистической этикой, опытом самопознания и образом жизни, сопряженным с разного рода практиками.

Именно с этой точки зрения интерпретировал философию стоиков Пьер Адо, историк античной философии, один из наиболее значительных современных западных исследователей стоицизма. Философию стоиков он рассматривает как теоретическое обоснование специфического стиля и образа жизни: опыта саморефлексии, дисциплины самовоспитания и самотерапии, основанных на особого рода «духовных упражнениях», направленных, прежде всего, на «врачевание страстей» [8, с. 24]. К «духовным упражнениям» он относит такие практики, как: внимание, медитации, чтение, практики самообладания, поступание в соответствии с долгом, безразличие к безразличному и др. [8, с. 26]. Фактически все учение стоиков он предлагает рассматривать сквозь призму такого типа практических «упражнений». Они должны направлять человека «на преобразование себя, своего внутреннего мира и внешнего поведения в соответствии с основными принципами учения», суть которых – в неустанном стремлении «к очищению и исправлению намерения,…чтобы не допустить никакого другого мотива действия, кроме воли творить добро» [9].

Добродетельный человек – это человек долга, у него есть обязанности по отношению к себе, к своему телу и душе, у него есть внешние обязанности, по отношению к семье, государству, к миру как таковому. Это то, что находится в его власти. Что касается внешнего мира, то в нем все предопределено, и мудрец – это тот, кто со смирением, без ропота, принимает судьбу как то, что от него не зависит и на что он не сможет повлиять. Этот принцип, лежащий в основе нравственного выбора человека, был назван – «дихотомией контроля». Эпиктет формулирует его суть в начале «Энхиридиона»: «Одни вещи находятся в нашей власти, а другие – нет. В нашей власти наши мнения, стремление к чему-либо, желание, уклонение – одним словом, все то, что является нашими действиями. Не в нашей власти находятся наши тело, имущество, репутация, должности и, в общем, все то, что не является нашими действиями» [7, с. 55].

Способность различать, что находится в нашей власти, а что – не является таковым, становится у стоиков одним из базовых этических принципов. Только отказ от привязанности к внешним вещам, открывает для человека пространство внутренней свободы, путь к самопознанию и нравственному совершенствованию. Так практика различения того, что во власти человека, и того, что не в его власти (контролируемого и неконтролируемого), становится первым шагом на пути к добродетельной жизни. Современный популяризатор стоицизма, Уильям Ирвайн, в книге «Радость жизни. Философия стоицизма для XXI века», поместил размышления о «дихотомии контроля» в раздел «Психологические техники стоиков». Анализируя этот важный для стоиков принцип, он переводит язык Эпиктета на язык современной психологии, и проводит следующее разграничение этих двух (в его концепции

трех) аспектов выбора. Чтобы понять, о каком различении идет речь, достаточно понять, что имеется в виду, когда стоики говорят о вещах, которые не находятся в нашей власти. Ирвайн определяет это вещи как наши внутренние цели и ценности, контроль над нашим характером и выборами, например, доброе отношение к окружающим. Все же, что не относится к указанным вещам, и направлено на внешние цели – относится к тому, над чем мы не имеем власти [9, с. 110–113].

Когда человек перестает тратить энергию на борьбу с неизбежным и постоянное беспокойство о прошлом и будущем, он освобождает место для самонаблюдения, глубокого анализа внутренних движений души, позволяющих лучше понять свои истинные желания, глубинные страхи и мотивы поступания, и учиться ими управлять. Именно поэтому стоицизм применяется сегодня в психотерапии и, в частности, уже более полувека активно используется в когнитивно-поведенческой терапии (КТП) [9, с. 19].

Очевидно, стоицизм оказывается востребованным в современном обществе, в самых разных сферах, так как предлагает универсальную жизненную философию, очищенную от какой-либо метафизики, и совместимую с любой системой мировоззрения. Он не требует от человека веры в сверхъестественное или обращения к каким-либо трансцендентным источникам морали. Этика стоицизма не эзотерична, она материалистична и натуроцентрична, так как базируется на представлении стоиков о материальной телесности мира, в котором нет ничего, что выходило бы за его границы. Человеку не нужна специальная теоретическая подготовка для освоения базовых постулатов стоической этики, ясных, понятных и практически ориентированных, так как стоицизм, представляет собой не столько набор абстрактных теоретических идей, сколько практическую систему простых и понятных этических максим, принципов и техник саморегуляции. Рациоцентричность этики стоиков также вписывается в картину мира современного человека, с его верой в силу разума и познаваемость мира, а также в разумность этических оснований жизни разумных людей.

Стоицизм предлагает современному миру практические инструменты для выживания в кризисную эпоху и противостояния вызовам времени, глубоко продуманную систему «самоспасения» как своего рода философию жизнестойкости. Через развитие самодисциплины, выработку критического мышления, принятие неизбежного и фокусировку на внутреннем мире, он помогает обрести внутреннюю свободу, ясность ума и стойкость духа, и это является залогом осмысленного и нравственно оправданного существования человека в эпоху тотальной неопределенности, стремительных социальных, технологических и культурных трансформаций современного мира.

Литература

1. Столяров, А. А. Стоя и стоицизм / А. А. Столяров. – М. : Ками Групп, 1995. – 448 с.

2. Bobzien, S. Determinism and Freedom in Stoic Philosophy. / S. Bobzien. – Oxf. : Clarendon Press, 1998. – 441 с.

3. Словарь античности : Пер. с нем. / Сост. Й. Ирмшер в сотр. с Ренате Йоне ; Редкол.: В. И. Кузищин (отв. ред.) и др. – Москва : «Прогресс», 1989. – 704 с., [30] л. ил.

4. Гаджикурбанова, П. А. Этика Ранней Стои: учение о должном [Текст] / П. А. Гаджикурбанова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2012. – 219 с.

5. Эпиктет. Беседы / Эпиктет / Пер. С древнегреч. И комм. А. А. Тахо-Годи. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2003. – 336 с.

6. Марк Аврелий. Размышления / Марк Аврелий ; пер. с древне-греч. А. К. Гаврилова. – СПб. : Азбука, 2020. – 224 с. – (Азбука-классика). – ISBN 978-5-389-18231-5.

7. Эпиктет. Энхиридион (Краткое руководство к нравственной жизни) ; Симпликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета. – СПб. : «Владимир Даль», 2012. – 399 с.

8. Адо, Пьер. Духовные упражнения и античная философия / Пьер Адо / Пер. с франц. при участии В. Л. Воробьева. М.; Спб. : Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло»), 2005. – 448 с. (Серия «Катарсис»).

9. Гаджикурбанова, П. А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) / П. А. Гаджикурбанова. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-uprazhneniya-i-zabota-o-sebe-stoicheskaya-etika-v-interpretatsii-p-ado-i-m-fuko.

10. Ирвин, Уильям Радость жизни. Философия стоицизма для XXI века / Уильям Ирвин ; пер. с англ. Василия Горохова ; [науч. ред. С. Наранович]. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 304 с.

11. Робертсон, Д. Думай как римский император: стоическая философия Марка Аврелия для преодоления жизненных невзгод и обретения душевного равновесия / Д. Робертсон. – М. : БОМБОРА, 2020. – 304 с.

P. SEVERILOVA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

THE LEGACY OF STOICISM AND THE "STOIC TURN" IN MODERN PUBLIC CONSCIOUSNESS

This article analyzes the key features of the Stoic philosophical worldview, including cosmocentrism, naturocentrism, hylozoism, pantheism, and panlogism. It examines the interrelationships of three disciplines of Stoic philosophy: physics, logic, and ethics, in the context of the formation of the fundamental ethical principles of Stoicism. It also explores the specifics of Stoic concepts of man as a microcosm, fate, happiness, virtue, vice, and right. In conclusion, the author concludes that the interest in Stoic ethics in modern public consciousness stems from its potential as a relevant and effective philosophy of resilience.

stoic ethics, modern society, hylozoism, eudaimonia, virtue, apathy, right, philosophy of resilience.

Северилова Полина Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии «Донбасской национальной академии строительства и архитектуры» – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: социальная философии, философия культуры, лингвокультурология, философия науки и техники, история философии, медиевистика.

Severilova Polina – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture, a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, National Research Moscow State University of Civil Engineering. Research interests: social philosophy, philosophy of culture, linguoculturology, philosophy of science and technology, history of philosophy, medieval studies.

УДК 94(47):323.2

А. Д. ТРЕТЬЯКОВА, Л. А. СКВОРЦОВА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ XVIII ВЕКА В РОССИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается эпоха дворцовых переворотов XVIII века, их причины, последствия и значения для судьбы России. Проводится анализ влияния этих событий на дальнейший ход истории России и мира.

дворцовые перевороты, гвардия, фавориты, борьба за власть, государственность.

Период, именуемый «Эпохой дворцовых переворотов», представляет собой один из наиболее драматичных и двойственных этапов в истории России. Этот временной промежуток, охватывающий 1725–1762 годы, – с момента смерти Петра I до прихода к власти Екатерины II, – ознаменовался сменой шести правителей [2]. Передача верховной власти часто происходила не по установленному порядку, а в результате тайных интриг и силовых действий придворных кланов и гвардейских формирований.

Актуальность изучения дворцовых переворотов XVIII века обусловлена их веским влиянием на последующий путь развития России. Анализ этого периода помогает понять механизмы политической нестабильности и борьбы за доминирование, а рассмотрение самих переворотов позволяет оценить их воздействия на национальное самосознание и международное положение страны. Понимание этих событий также способствует более глубокому осмыслению роли России в глобальной истории.

Статья основана на работах историков Васильева А. А., Романова Н. С., а также Ключевского В. О., Соловьева С. М., которые внесли весомый вклад в изучении данной темы.

Наша цель – провести анализ дворцовых переворотов XVIII века, выявить их движущие силы и предпосылки, а также последствия, и определить их значение как для России, так и для мировой арены.

Для достижения этой цели предполагается решить ряд задач: рассмотреть исторический контекст эпохи переворотов, изучить политико-экономическую обстановку в России начала XVIII века, проанализировать роль нечеткой системы наследования престола, исследовать влияние дворянских объединений и гвардии на государственное управление, оценить

воздействие внешних факторов на внутренние процессы, выявить последствия переворотов для российской государственности и определить значение этого периода в общем историческом развитии.

Объектом нашего исследования стал именно временной отрезок дворцовых переворотов в России XVIII века, а предметом – их причины, предпосылки, последствия и роль в формировании политического курса России.

В рамках работы будут рассмотрены ключевые события периода 1725–1762 годов, влияния ведущих политических факторов и выдающихся личностей, а также долгосрочные последствия данного периода для России и мирового сообщества.

Начало XVIII века в России было отмечено глубокими преобразованиями Петра I, затронувшими все аспекты жизни государства. Однако смерть Петра в 1725 году обострила фундаментальную проблему – отсутствие четкого механизма передачи власти. Оставшись без прямого наследника, император запустил период политической нестабильности и конкуренции за власть между придворными группировками.

В это время происходил переход от боярского правления к централизованной бюрократической системе, но институты власти оставались хрупкими. Управление зачастую оказывалось в руках фаворитов и гвардейских офицеров, а иностранное влияние, учитывая многочисленность выходцев из Европы среди придворных и военных, добавляло элемент интриг.

Социально-экономические факторы также играли свою роль: усиление позиций дворянства, получавшего привилегии за государственную службу; ужесточение крепостного права, создававшее напряжение в обществе; рост городов, развитие мануфактурной промышленности и торговли, упрочнение бюрократического аппарата.

Как отмечал в своей работе историк Романов Н. С., реформированная армия и гвардия превратились во влиятельный инструмент политики. Гвардейские полки, состоявшие из дворян и профессиональных военных, могли определять исход борьбы за трон, становясь решающим фактором [3].

Рассмотрим основные причины переворотов исходя из работы Васильева А. А.

Отсутствие системы престолонаследия: в отличие от европейских монархий, Россия не имела закрепленных правил передачи власти, что порождало интриги и соперничество между претендентами, опиравшимися на различные силы.

Борьба дворянских группировок и гвардии: дворянство стремилось сохранить и приумножить свои привилегии, влияя на выбор монарха. Гвардия, обладая военным

потенциалом, выступала как самостоятельная политическая сила, способная поддержать или свергнуть правителя.

Внешнеполитическое влияние: европейские державы следили за событиями в России и порой оказывали поддержку отдельным претендентам, усугубляя нестабильность. Внешние войны и дипломатия осложнялись частой сменой власти, негативно сказываясь на международном имидже страны [1].

Из работы Соловьева С. М. к основным дворцовым переворотам XVIII века относятся следующие.

Переворот 1725 года: воцарение Екатерины I. После смерти Петра I на трон взошла его супруга Екатерина I. Переворот был организован при поддержке гвардии и Верховной тайной канцелярии. Ее правление положило начало эпохе дворцовых переворотов и отметилось усилением роли фаворитов.

Переворот 1727 года: воцарение Петра II. В 1727 году, после смерти Екатерины I, на престол вступил Петр II, внук Петра Великого. Его поддержала гвардия и дворянские группировки, стремившиеся к контролю над юным монархом. Правление было недолгим и сопровождалось борьбой различных политических сил.

Переворот 1730 года: воцарение Анны Иоанновны. В 1730 году, после смерти Петра II, на престол взошла Анна Иоанновна. При поддержке гвардии она отвергла «Кондиции», предложенные дворянством, что укрепило самодержавие и роль гвардии как политической силы.

Переворот 1741 года: воцарение Елизаветы Петровны. В 1741 году Елизавета Петровна, дочь Петра Великого, при поддержке гвардии свергла регентство Ивана VI. Этот переворот произошел стремительно и почти бескровно. Правление Елизаветы ознаменовалось возвращением к идеалам петровской эпохи, укреплением самодержавия, развитием культуры и науки.

Переворот 1762 года: воцарение Петра III и Екатерины II. В 1762 году Петр III взошел на престол после смерти Елизаветы Петровны, однако его правление продлилось всего шесть месяцев. Непопулярные реформы вызвали недовольство дворянства и армии, и он был свергнут своей супругой, Екатериной II. При поддержке гвардии и дворянства Екатерина II укрепила власть, осуществила масштабные преобразования и обеспечила расцвет культуры, науки и международного авторитета России. Переворот 1762 года положил конец эпохе нестабильности [4].

Каковы же итоги и значение дворцовых переворотов XVIII века?

Дворцовые перевороты XVIII столетия стали значимым этапом в истории России. Несмотря на присущую им нестабильность, они способствовали формированию основ государственности, укреплению самодержавной власти и развитию политических институтов.

Перевороты сформировали особую политическую культуру, основанную на интригах, заговорах и борьбе за власть в высших эшелонах общества. При частой смене правителей сохранялась преемственность государственной политики, что способствовало укреплению институтов власти.

Ключевую роль стала играть гвардия. Она не только обеспечивала охрану монарха, но и влияла на политический курс державы. Это имело двойственные последствия: гвардия поддерживала порядок, но одновременно являлась источником нестабильности и угрозы новых переворотов.

Перевороты укрепили позиции дворянства, которое получало все больше привилегий в обмен на государственную службу. Это способствовало развитию бюрократического аппарата и формированию новой социальной элиты. Вместе с тем усиливалось крепостное право, что усугубляло социальное напряжение и в дальнейшем провоцировало восстания.

Во внешней политике перевороты поначалу ослабляли Россию: внутренние конфликты отвлекали ресурсы от международных дел. Однако к концу XVIII века страна утвердилась как великая европейская держава, во многом благодаря реформам Екатерины II. Смена правителей влияла на внешнеполитический курс, участие России в европейских альянсах и конфликтах. В итоге страна стала важным игроком, способным влиять на баланс сил в Европе.

Перевороты отражали специфику российской власти: монарх обладал абсолютной властью, но его положение зависело от поддержки дворянства и гвардии; отсутствовали четкие механизмы наследования престола и гарантии стабильности; борьба за власть велась через интриги и военную силу. В этот период закладывались новые политические практики, укреплялись бюрократические структуры, шло усиление централизации власти и модернизация страны.

Таким образом, дворцовые перевороты были не просто эпизодами борьбы за престол. Они определили траекторию развития России, повлияли на ее роль в мировой истории и продемонстрировали взаимодействие внутренних процессов и международной политики.

Дворцовые перевороты XVIII века стали важным этапом в истории России, отражающим сложность и нестабильность политической системы того времени. Отсутствие четкой системы престолонаследия, противостояние между дворянскими группировками и гвардией, а также влияние иностранных государств породили условия для частой смены власти и придворных интриг. Эти перевороты не только демонстрировали уязвимость монархического института, но

и способствовали становлению новых политических практик и укреплению бюрократического аппарата.

Несмотря на политическую нестабильность, Россия продолжала развиваться как великая держава, укрепляя свои позиции на международной арене и совершенствуя внутренние институты. Итоги дворцовых переворотов оказали значительное влияние на дальнейшее развитие российского государства, способствуя переходу к более централизованной и институционализированной форме правления, что в конечном итоге подготовило почву для реформ Екатерины II и последующих преобразований.

Дворцовые перевороты XVIII века имеют важное значение не только для понимания российской истории, но и для оценки процессов политической модернизации и становления государственной власти в России и в мировом контексте.

Литература

1. Васильев, А. А. Дворцовые перевороты в России XVIII века: причины и последствия / А. А. Васильев. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2018. – 211 с.

2. Ключевский, В. О. Русская история. Том 3 : Эпоха дворцовых переворотов / В. О. Ключевский. – М. : Эксмо, 2012. – С. 683–695.

3. Романов, Н. С. Гвардия и дворцовые перевороты в России XVIII века / Н. С. Романов. – М. : Военное издательство, 2013. – 318 с.

4. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён. Том 12: Эпоха дворцовых переворотов / С. М. Соловьёв. – М. : АСТ, 2011. – 422 с.

A. TRETYAKOVA, L. SKVORTSOVA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

PALACE COUPS OF THE XVIII CENTURY IN RUSSIA AND THEIR CONSEQUENCES

The article examines the epoch of the palace coups of the XVIII century, their causes, consequences and significance for the fate of Russia. The analysis of the impact of these events on the further course of the history of Russia and the world is carried out.

palace coups, guards, favorites, struggle for power, statehood.

Третьякова Ангелина Дмитриевна – студентка группы ИЗОС-10а «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: история России.

Скворцова Лидия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: история России и Донбасса.

Tretyakova Angelina– student of IZOS-10a groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: History of Russia.

Scvortsova Lidiya – Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: History of Russia and Donbass.

УДК 141

Е. А. ТРОХИМЧУК

Южный федеральный университет

Институт философии и социально-политических наук

г. Ростов-на-Дону

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

В статье анализируется философский дискурс об искусственном интеллекте как дискурсивный комплекс кибероптимизма и киберпессимизма, уходящий корнями в интернет-утопии 1990-х годов. Рассмотрены эволюция оптимистических концепций (Дж. Барлоу, Н. Негропонте, Й. Бенклер, Р. Курцвейл) и пессимистических критических позиций (Э. Парисер, Ш. Зубофф, Н. Бостром). Выявлены общие онтологические предпосылки полюсов, аналитические ограничения бинарной модели и предложен коммуникационный подход к исследованию микропрактик ИИ-взаимодействия.

искусственный интеллект, кибероптимизм, киберпессимизм, алгоритмический авторитет, пузыри фильтров, надзорный капитализм, технологическая сингулярность.

Современная философская рефлексия об искусственном интеллекте (ИИ) представляет собой сложный дискурсивный феномен, коренящийся в напряжении между технологическим энтузиазмом и критическим скептицизмом. Эта динамика уходит корнями в 1990-е годы, когда появление интернета породило волну кибероптимизма – утопического видения сетевого пространства как универсального средства преодоления социальных барьеров.

Дж. П. Барлоу в своей манифестной «Декларации независимости киберпространства» 1996 года провозгласил виртуальную реальность зоной, свободной от государственных, экономических и расовых привилегий, где правит только коллективный разум. Аналогичным образом Н. Негропонте в трактате «Быть цифровым» 1995 года описал цифровой мир через четыре ключевые характеристики: децентрализацию власти, глобализацию связей, гармонизацию различий и расширение индивидуальных возможностей. Эти идеи получили развитие в работах Г. Рейнгольда о виртуальных сообществах как новой публичной сфере без иерархий и Й. Бенклера в «Богатстве сетей» 2006 года, где блоги и вики-технологии позиционировались как разрушители монополии традиционных СМИ, превращающие пассивных потребителей в активных соавторов политического и культурного дискурса.

Кибероптимизм того периода основывался на представлении о сети как о чистом пространстве возможностей, способствующем преодолению атомизации общества и манипуляции централизованных медиа.

К. Ширки в книге «Включи мозги!» 2010 года ввел понятие «когнитивного избытка», подразумевая перераспределение освободившегося от рутины времени на творческие и общественно значимые практики, что должно было усилить социальную солидарность и инновации.

Эта эволюция достигла апогея в работах Р. Курцвейла, чьи прогнозы технологической сингулярности обещают создание сильного искусственного интеллекта уже к 2029 году и полное слияние биологического и небиологического интеллектов к 2045-му. Нанороботы, иммерсивные виртуальные среды и экспоненциальный рост вычислительных мощностей, по мнению Р.Курцвейла, не просто революционизируют социальность, но преодолевают фундаментальные пределы человеческого существования, включая смерть.

В противовес оптимистическому нарративу киберпессимизм акцентирует системные угрозы цифровизации, подчеркивая эрозию автономии, усиление неравенства и потенциал экзистенциальных катастроф. Э. Парисер в «Пузыре фильтров» 2011 года убедительно продемонстрировал, как алгоритмическая персонализация поисковых систем и социальных платформ фрагментирует общее информационное поле на изолированные «пузыри», где пользователи контактируют лишь с контентом, усиливающим их предубеждения. Корпорации управляющие поисковыми системами и социальными сетями превращаются в новых привратников публичности, манипулируя вниманием ради коммерческой выгоды.

Г. Ловинк развивает эту критику в концепции «платформенного нигилизма», трактуя социальные сети как инфраструктуру, контролируемую технологическими гигантами, где алгоритмы культивируют не подлинное общение, а циклы тревоги, зависти и отчуждения. Ш. Зубофф в фундаментальном анализе «Эпохи надзорного капитализма» описывает новую экономическую парадигму, основанную на бесконтрольном извлечении поведенческих данных, генерации «эпистемического хаоса» – коллапса критериев достоверности – и предиктивном манипулировании человеческими действиями через черный ящик алгоритмов.

Н. Бостром в своих экзистенциальных размышлениях поднимает вопрос о сверхразуме как автономном агенте, чья «слепая оптимизация» материальных ресурсов при рассогласованности с человеческими ценностями может привести к полной трансформации биосферы в неорганические структуры, уничтожив органическую жизнь.

Анализ этих полюсов выявляет парадоксальный дискурсивный комплекс, где кибероптимизм и киберпессимизм не конкурируют как автономные идеологии, а взаимно

конституируют друг друга в единой оппозиции «утопия – антиутопия». Как отмечают А. В. Резваев и Н. Д. Трегубова, сущность искусственного интеллекта определяется не техникой per se, а ее социальной включенностью; Э. Финберг подчеркивает перформативную силу цифровой среды, конструирующей не только отношения, но и сами способы мышления. Оба лагеря разделяют общие онтологические предпосылки – технологии выступают главным драйвером социальных изменений, обладают собственной агентностью и обещают разрыв с настоящим.

Эта преемственность особенно заметна в эволюции позиций обозначенных авторов от демократизации через блоги Й. Бенклера к вере в алгоритмическую коллективность; «пузыри фильтров» Э. Парисера могут быть рассмотрены как предпосылка для «эпистемического хаоса» у Ш. Зубофф; утопия преодоления границ Н. Негропонте завершается сингулярностью Р. Курцвейла.

Рефлексия об искусственном интеллекте оказывается во многом заложницей интернет-дискурса 1990–2000-х, редко генерируя принципиально новые категории.

Так же важно отметить, что бинарная модель обнаруживает фундаментальные аналитические ограничения. Кибероптимизм систематически недооценивает властные асимметрии, корпоративный контроль данных и негативные внешние эффекты, пессимизм впадает в технологический детерминизм, приписывая алгоритмам почти демоническую всепроникающую силу. В результате упускаются ключевые нюансы – пользовательские стратегии сопротивления алгоритмическому управлению, практики «перепрошивки» технологий в локальных контекстах, потенциал правовых и институциональных барьеров для надзорного капитализма.

Таким образом, сегодня дискурс эволюционирует в новую конфигурацию. Если ранее пессимизм доминировал в гуманитарной критике, теперь же всё больше риски внедрения искусственного интеллекта обсуждают сами инженеры и менеджеры технологических компаний через призму AI alignment (согласованности с человеческими ценностями), безопасности и пересмотр приоритетов. Эта динамика размывает полюса, порождая прагматические подходы и осмысляя измеримые последствия.

Тем не менее публичная риторика сохраняет поляризацию вокруг «технологического спасения» и «апокалипсиса» ради медийного резонанса.

С научной точки зрения перспективным видится направление осмысления технологий искусственного интеллекта, которое фокусируется на микропрактиках взаимодействия, где ИИ выступает соучастником смыслопроизводства. Такой подход эмпирически исследует условия «алгоритмического авторитета», вариации «пузырей фильтров» и субъективации

«платформенного нигилизма», требуя междисциплинарного анализа для понимания ИИ как гибридного актора.

Литература

1. Barlow, J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace / J. P. Barlow. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.eff.org/cyberspace-independence (дата обращения: 23.04.2025).

2. Negroponte, N. Being Digital / Nicholas Negroponte. – New York : Knopf, 1995. VIII, P 238–239. (A Borzoi book). ISBN 0-679-43919-6.

3. Benkler, Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom / Y. Benkler. – [Electronic resource]. – URL: https://www.benkler.org/Benkler_Wealth_Of_Networks.pdf (Accessed: 03.02.2026).

4. Ширки, К. Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета / К. Ширки. – М. : Карьера Пресс, 2012. – 288 с.

5. Kurzweil, R. The 21st Century: A Confluence of Accelerating Revolutions / R. Kurzweil // World Future Review. – 2010. – Vol. 2, № 3–4. – P. 57–61.

6. Паризер, Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Эли Паризер / пер. с англ. А. Ширикова (Eli Pariser. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You.). – М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.

7. Lovink, G. Sad by Design: On Platform Nihilism. London: Pluto Press, 2019. – 192 p. – [Электронный ресурс]. – URL: https://red-thread.org/wp-content/uploads/2020/05/Lovink_en.pdf (дата обращения: 03.02.2026).

8. Зубофф, Ш. Надзорный капитализм или демократия? / Ш. Зубофф / пер. с англ.; науч. ред. А. Смирнов. – М. : Издательство Института Гайдара, 2025. – 360 с.

9. Бостром, Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром. – [Электронный ресурс]. – URL: https://avmim.com/wp-content/uploads/2018/11/8-2014.pdf (дата обращения: 23.04.2025).

10. Резаев, А. В., Трегубова, Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и chatGpt / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-sotsiologii-algoritmov-k-sotsialnoy-analitike-iskusstvennoy-sotsialnosti-analiz-keysov-api-i-chatgpt/viewer (дата обращения: 23.04.2025).

11. Feenberg, A. Critical Theory of Technology. Chapter 1. / A. Feenberg. – [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.sfu.ca/~andrewf/books/critical_theory_of_technology.pdf (дата обращения 23.04.2025).

E. A. TROKHIMCHUK
Southern Federal University
Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences
Rostov-on-Don

PHILOSOPHICAL DISCOURSE ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE

This article analyzes the philosophical discourse on artificial intelligence as a discursive complex of cyberoptimism and cyberpessimism, rooted in the internet utopias of the 1990s. It examines the evolution of optimistic concepts (J. Barlow, N. Negroponte, J. Benkler, R. Kurzweil) and pessimistic critical positions (E. Pariser, S. Zuboff, N. Bostrom). It identifies common ontological assumptions of these poles, explores the analytical limitations of the binary model, and proposes a communication approach to studying the micropractices of AI interaction.

artificial intelligence, cyberoptimism, cyberpessimism, algorithmic authority, filter bubbles, surveillance capitalism, technological singularity.

Трохимчук Екатерина Александровна – доцент Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. Научные интересы: философия, мифология, история религии, искусственный интеллект.

Ekaterina Aleksandrovna Trokhimchuk is an associate professor at the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University.

УДК 94(100)”1939/1945”

К. С. ЧЕРЕТУН, Л. А. СКВОРЦОВА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ОСВЕНЦИМ – НАЦИСТСКАЯ ФАБРИКА СМЕРТИ

В статье рассмотрены основные моменты немецкого нацистского лагеря в Освенциме, его расположение и устройство, основные события и как удалось освободить город от немецких захватчиков. Проанализированы основные моменты устройства лагеря Аушвиц-Биркенау.

Германия, Освенцим, концлагерь, память, жестокие убийства, борьба.

Освенцим – это больше чем место памяти. Это жуткий символ того, во что способна выродиться человеческая мысль. На примере лагерного комплекса Аушвиц-Биркенау видно, как обычное убийство переросло в массовое производство смерти. Нацистский механизм истребления действовал как безжалостная заводская линия: приём, сортировка, переработка, утилизация. Здесь жизнью людей распоряжались как сырьём, а конечным итогом становился пепел. Понимать эту механизированную бесчеловечность нужно не для того, чтобы бояться, а чтобы осознать: цивилизация, поставившая идеологию выше человека, способна опуститься на такую глубину нравственного падения, которую трудно вообразить. Ужасные действия немцев в Освенциме во время Второй Мировой Войны привели к гибели около двух миллионов человек.

Нацистский немецкий концлагерь Аушвиц стал для мира символом бесчеловечных деяний и жестоких убийств. Он был основан в 1940-х годах неподалеку от польского города Освенцим, который немцы включили в Третий рейх. Первопричиной основания лагеря стало больше количество поляков, которых арестовала немецкая полиция. Под «правосудие» попадал практически каждый третий, из-за чего обычные тюрьмы были переполнены. Уже в ноябре немцы начали подготовку к будущему лагерю смерти в городе. За пять лет существования были открыты три лагеря.

Аушвиц 1 был построен для польских политических заключенных. В основном там находились приверженцы антинацистского движения, члены антигитлеровского сопротивления, а также научные деятели. Основными причинами смерти в этом участке был либо голод, либо недостаток кислорода. Большинство погибало в газовых камерах.

Аушвиц 2 знаменуется практически полным отсутствием шанса остаться живым. К 1942 году немцы выгнали из деревни Бжезинка почти всех жителей, а на ее месте построили лагерь Аушвиц-Биркенау. Основная доля заключенных находилась именно здесь. Классификацию выдавали каждому пленному. К 1943 году на этом месте были построены 4 газовые камеры, которые были способны убить около 12 тысяч человек всего за 5–6 часов [2].

Аушвиц 3 был задуман как трудовой лагерь. Заключенные в основном трудились на заводе, который был оформлен немецкой компанией. В лагерь инвестировались деньги, а взамен получали рабочую силу. Так как производство почти не стояло на месте заводу постоянно были нужны рабочие. Высокая смертность была и здесь, поэтому круговорот людей был нормой. Люди погибли от постоянного голода. Те, кто отказывался работать, либо не мог в силу физических недостатков ссылались в Аушвиц 2 в газовые камеры. Но еще хуже было попасть в лабораторию доктора Йозефа Менгеле, который получил свое прозвище «ангел смерти» не просто так.

Йозеф Менгеле стал символом нечеловеческой жестокости. Родился безумный доктор 16 марта 1911 года в Гюнцбурге [4, с. 2].

В 1939 году он вступил в немецкую партию СС, где проходил службу в звании врача саперного батальона. Во время войны получил ранение. После полного выздоровления его признали непригодным, после чего он остался работать в прежней должности, но уже в Освенциме, где и пустил корни своих злодеяний. С самого начала радикальные методы Менгеле бросались в глаза руководству, однако любая цель была важнее пути ее достижения. Примером может послужить ликвидация эпидемии тифа. Молодой доктор даже не пытался остановить заразу. Он не видел в этом смысла. Вместо этого ему пришла идея обрубить проблему на корню. Решением Йозефа стало отправить 2 барака заключенных с зараженными в газовые камеры и крематории [4, с. 3].

Начиная с 1943 года доктору присылался необходимый для его исследований «материал» в виде человеческих жизней. В лагеря поступало огромное количество заключенных. Однако не все подходили для изнурительной работы на Третий Рейх. Поэтому практичные организаторы концлагерей отправляли таких людей на лабораторный стол Менгеле.

Йозеф довольно широко раскинул свою деятельность. Он практически не уставал от постоянных пыток над людьми, различных опытов и исследований. Практически все время он проводил за микроскопом и пробирками в окровавленном халате и хирургическим ножом в руках. Доктор мог часами наблюдать за только что вынутыми органами живых людей, как они поведут себя в той или иной ситуации и т.п. Из-за многочисленных, а порой даже ненужных опытов его считали главным доктором лагеря, хотя им приходился Эдуард Виртс.

Начальство было очень довольно достижениями Менгеле. Ему же самому мысль о контроле над жизнями заключенных приносила огромное удовольствие. Вероятнее всего у него наблюдались различные формы какого-либо психического расстройства. Отбор Менгеле производил самостоятельно. Каждый раз, когда поезд привозил новых потенциальных жертв, доктор с радостью шел встречать их лично. С первого взгляда он был доброй души человек. Выглаженная одежда, уложенные волосы, лакированная обувь – все говорило о его «благородных» нравственных мотивах. Однако после требований Йозефа такое впечатление пропадало. Первым делом доктор заставлял всех раздеться, а после своим кнутом распределял людей направо и налево. В правую сторону он отделял людей, которых хотел видеть на заводах, где непосильный труд был уже традицией. Те же кто шел налево могли только молить о скорой смерти. Считалось, если человека «левой стороны» отправляют сразу в газовую камеру, то ему крупно повезло, так как другие попадали на нечеловеческие опыты.

При описании ужасных действий этого человека холодок пробегает по коже. Отдельные чувства Менгеле испытывал к близнецам. С каждой новой партией смертников Йозеф с пламенем в глазах искал именно близнецов, а после отправлял в отдельный барак, где далее классифицировал их. Первое время детей содержали в отличных условиях: позволялось ходить в собственной одежде; была свобода прогулок по территории лагеря; физические увечья практически не причинялись. Но наступал момент, когда такому мимолетному счастью приходил конец. Близнецам вводили различной природы химикаты прямо в глаза, чтобы добиться изменения цвета зрачка. Менгеле был помешан на теории возможности смены цвета глаза. Подобные эксперименты всегда заканчивались невыносимой болью и потерей зрения. Органы близнецов сравнивали друг с другом: один был заражен опасной инфекцией, другой оставался относительно здоров, и именно эти различия с энтузиазмом наблюдал безумный врач. Так же детям ампутировали конечности, заражали смертельными болезнями и переливали кровь от близнеца к близнецу. Один из случаев жестокости был, когда к Менгелю привезли двух близнецов, один из которых хорошо пел, а другой не мог говорить. Что бы понять биологическое различие, он вырезал обоим голосовые связки. За все время эксперименты поставили более чем на 3000 близнецах [1, с. 4].

Исследуя кровь меленьких детей Йозеф выяснил, что она гораздо чище крови взрослого человека. Соответственно она была полезнее для раненых немецких солдат. Не жалели практически никого. Детей сотнями сгоняли в отдельные блоки, где из них полностью выкачивали кровь, после чего их высушенные тела сбрасывали в ямы, где массово жгли останки тел.

Описывался так же случай попытки создания сиамских близнецов. Для этого Менгеле пытался сшить тела двух детей из цыганской семьи. В итоге они умерли от заражения крови,

пережив при этом адские мучения. Однако даже после смерти эксперимент не остановился, а просто пошел в другом направлении. При соединении крови органы начинали перестройку, именно это хотел изучать Йозеф.

Самое ужасное во всех этих экспериментах это то, что практически все они проводились без анестезии и обезболивающего. Разрезы, уколы, вынимание органов – все это происходило на живую.

Еще до того, как концлагерь «Освенцим» был освобожден, сотрудники контрразведывательных органов «Смерш» Наркомата обороны СССР приступили к сбору и документированию свидетельств о злодеяниях, совершавшихся администрацией лагеря и теми заключенными, которые пошли на сотрудничество с нацистами. К тому моменту уже имелись сведения, что гитлеровцы, наряду с охранниками, набранными из местного польского населения, широко эксплуатировали в собственных целях так называемых «капо» (сокращение от немецкого «Kameradschaft-Polizei» – дословно «товарищеская полиция»), в число которых входили барачные старосты, надзиратели и старшие над рабочими командами.

После освобождения лагеря по заданию Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников (ЧГК) Прокуратура 1-го Украинского фронта на протяжении февраля – апреля 1945 года провела скрупулезное следствие относительно зверств, чинившихся гитлеровцами в Освенциме.

Параллельно с этим оперативные сотрудники управлений контрразведки «Смерш» 1-го и 4-го Украинских фронтов начали розыск нацистских палачей – руководящего состава лагеря, охранников и их приспешников, фиксируя показания о совершенных ими преступлениях, полученные от бывших узников лагеря смерти. В короткие сроки «смершевцы» накопили объемную доказательную базу, изобличавшую чудовищные злодеяния гитлеровцев. В числе лиц, арестованных сотрудниками «Смерша», оказался один из надсмотрщиков (капо) лагеря смерти «Освенцим» – Юзеф Печка. До осени 1939 года он проходил службу в польской армии и в том же году очутился в немецком плену. Спустя два месяца Печка был выпущен из лагеря для военнопленных и получил германское гражданство. В 1940 году за попытку уклониться от призыва в вермахт его на три года заключили в концлагерь, где он стремительно сделал «карьеру», став надсмотрщиком транспортной команды. В 1943 году срок его наказания истек, и Печка вышел на свободу. В ходе допроса 12 июля 1945 года Ю. Печка сообщил следующее:

«...У меня действительно имелась реальная возможность бежать из лагеря, но я этого не предпринял, поскольку не считал нужным совершать побег: состоя на службе в качестве унтер-капо, я не испытывал тягот лагерной жизни. Совсем напротив, мне там жилось вольготно, я был начальником и безраздельным хозяином над жизнями узников...» [3].

Из протокола допроса Ю. Печки от 17 мая 1946 года, Москва: «Будучи надсмотрщиком, я изо дня в день сопровождал и находился при всех работах, исполнявшихся моими заключенными, и, вооруженный палкой, постоянно избивал их за медлительную и нерадивую работу... Каждую ночь силами одной лишь моей группы к крематориям доставлялось от 100 до 500 трупов умерщвленных людей...» [3].

Освенцим Аушвиц-Биркенау стал чудовищной кульминацией нацистской идеологии, материализовавшейся в виде безжалостного индустриального конвейера. Это была не просто тюрьма или место казней, а именно «фабрика смерти», где технология и холодный расчет были поставлены на службу массовому уничтожению людей. Газовые камеры и крематории работали как отлаженный производственный цикл, превращая человеческие жизни в пепел и сырье для промышленности. Освенцим доказал, что в XX веке варварство способно подстроиться под технический прогресс, а высокая организованность – служить абсолютному злу.

Литература

1. Бахтеев, Н. А., Устинов, А. Л. Медицинский и научный смысл нацистских экспериментов [Текст] / Н. А. Бахтеев, А. Л. Устинов. – Екатеринбург : Уральский государственный медицинский университет, 2021. – 5 с.

2. Концлагерь Аушвиц – ад на земле // Дилетант – исторический журнал для всех. [Текст электронный], 2025. – URL: https://diletant.media/articles/45358516/ (дата обращения 28.04.2026).

3. К 80-летию освобождения Красной армией лагеря смерти «Освенцим» / Федеральная служба безопасности Российской Федерации [Текст электронный], 2026. – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Aushwitz.htm (дата обращения: 28.04.2026).

4. Чекоданова, В. А. Жизнь и деятельность немецкого врача Йозефа Менгеле [Текст] / В. А. Чекоданова. – Белгород : Белгородский национальный исследовательский университет, 2018. – 7 с.

K. CHERETUN, L. SKVORTSOVA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

AUSCHWITZ – THE NAZI FACTORY OF DEATH

This article examines the key aspects of the Nazi German concentration camp in Auschwitz, including its location and of the fundamental structural, major events, and the manner in which the city was liberated from German occupiers.

Germany, Auschwitz, concentration camp, memory, brutal killings, resistance.

Черетун Кирилл Станиславович – студент группы ПТМ-43б «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: история России.

Скворцова Лидия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: история России и Донбасса.

Cheretun Kirill – student of HTM-43b groups of the "Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering". Scientific interests: History of Russia.

Scvortsova Lidiya – Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication of the "Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering". Scientific interests: History of Russia and Donbass.

УДК 159.99

П. А. ЭКОНОМОВА, В. Я. ИВАНЧЕНКО

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»,
г. Донецк, РФ (ДНР)

РОЛЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается проблема эмоционального выгорания у студентов как значимый феномен, обусловленный спецификой студенческого периода, сопряжённого с высокой концентрацией психосоциальных стрессоров. Анализируются ключевые стрессогенные факторы. Особое внимание уделяется роли копинг-стратегий в качестве основного ресурса их преодоления.

копинг-стратегии, синдром эмоционального выгорания, стрессогенные факторы, мотивация, образовательная среда.

Студенчество представляет собой ключевой этап юношеского онтогенеза, характеризующийся интенсивным личностным и профессиональным становлением, максимальной реализацией когнитивного и творческого потенциала индивида. Вместе с тем данный временной интервал отличается высокой концентрацией психосоциальных стрессоров и является одним из наиболее кризисных периодов в жизни человека. Этот возрастной этап отличается стремлением к многозадачности и максимальному охвату сфер жизнедеятельности, что нередко сопровождается внутренним напряжением и риском дезадаптации. В студенческие годы приходится совмещать социальную, учебную и, зачастую, трудовую жизнь. При этом не стоит забывать, студенты – это недавние школьники, которые только ступают на тропу взрослой жизни, переживая колоссальную перестройку и переосмысление ценностей, жизненных установок. Всё это частично или полностью сопровождается сменой окружения, переходом на новый уровень.

По мнению Д. А. Донцова, юность является базовым этапом, когда особенно интенсивно происходит становление морально-нравственных ориентиров, формируются жизненные ценности, идеалы личности, закладываются гражданские убеждения. Система взглядов на мир в этом возрасте представляет совокупность определенных знаний, некоторого опыта, сложившихся установок, которые часто воспринимаются молодыми людьми как единственно верные и проявляются в юношеском максимализме. В процессе мировоззренческого поиска происходит осознание себя частью различных социальных групп. Юноши и девушки

задумываются о будущем, осознанно выбирают свой социальный и профессиональный путь, а также размышляют о том, как достичь поставленных целей [2, с. 36].

Учебная деятельность студентов сопряжена с высоким уровнем психоэмоционального напряжения, вызванного рядом стрессогенных факторов, что создаёт благоприятную почву для развития синдрома эмоционального выгорания. Ключевыми источниками напряжения выступают систематическая информационная перегрузка, переизбыток общения и уход в виртуальный мир, регулярная проверка знаний, что требует постоянной мобилизации когнитивных и волевых ресурсов. Дополнительным стрессором является постоянная тревога, вызванная жизненной нестабильностью, кроме того, в социальной среде вуза могут возникать напряжённые межличностные отношения как с однокурсниками, так и с преподавательским составом. Особое значение имеет высокий уровень неопределённости, связанный с будущей профессиональной карьерой. Беспокойство по поводу трудоустройства и реализации своего потенциала после окончания вуза усиливает общую тревожность и способствует истощению адаптационных механизмов личности. Совокупность этих факторов формирует хроническую стрессовую нагрузку, истощает эмоциональные ресурсы студента и приводит к выгоранию.

В. Я. Иванченко констатирует, что каждый по-разному воспринимает и усваивает общественные нормы: одни без труда принимают их, другие, напротив, стремятся выделиться, нарушая правила и демонстрируя оригинальность мышления. Однако встречаются и те, кого общество или отдельные группы не принимают. Для таких людей непризнание может обернуться утратой уверенности в себе, ведь самовосприятие человека во многом зависит от мнения окружающих, а личный опыт формируется через призму социальных оценок и интерпретаций [3, с. 35].

Адаптация студента к образовательной среде вуза осуществляется на различных уровнях: личностном, социальном, психическом и др. Все эти уровни взаимозависимы и взаимообусловлены, однако обладают собственной спецификой мобилизации адаптационных ресурсов. Интенсивное и продолжительное напряжение адаптационных ресурсов организма сопряжено с высоким риском дезорганизации его деятельности и, как следствие, приводит к расстройствам соматического и психического здоровья.

На сегодняшний день проблема выгорания сохраняет высокую исследовательскую актуальность, при этом дискуссионными остаются вопросы о границах феномена, соотношении выгорания со стрессом в процессе обучения и специфике его проявлений в различных общественных группах.

Е. Р. Исаева отмечает, что в качестве логического продолжения исследований стресса в науке утвердилось направление, посвящённое изучению механизмов преодоления стрессовых воздействий, или копинг-поведения (от англ. coping – совладание; термин ввел Лоис Мерфи в

1962 г.) [4, с. 16]. Степень разработанности проблемы социального выгорания характеризуется наличием устойчивых теоретических моделей, валидного диагностического инструментария и обширной эмпирической базы, например, R. S. Lazarus и S. Folkman предлагает классификацию копинг-стратегии в соответствии с главными функциями совладания (в ситуации угрозы или неоднозначности и при неудачах и потерях):

1) problem focused – стратегия, сконцентрированная на проблеме и нацеленная на нейтрализацию дезадаптирующего воздействия среды на личность;

2) emotion focused – стратегия, сконцентрированная на эмоциях и перенаправленная на коррекцию и управление психоэмоциональным состоянием. Авторы аргументируют необходимость учёта обеих функций тем, что переживание стресса включает в себя эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, которые могут сочетаться в различных вариациях [7].

Возникновение стрессовой реакции, по утверждению Е. Р. Исаевой, связано с непосредственным восприятием и когнитивной оценкой определенного события. Параллельно с этим в зависимости от возникающей интерпретации появляются соответствующие эмоции. На основе этого человек выбирает стратегию поведения: попытка устранения источника стресса, избегания его или адаптация к обстоятельствам. Далее происходит повторная оценка: удалось ли достичь желаемого результата. Если копинг не оказался успешным, человек пробует другие способы совладания со стрессом [4, с. 24].

В. Э. Войлошникова отмечает, что, обучаясь, студент овладевает навыками самодиагностики, учится анализировать и осознанно относиться к тем своим качествам, которые в совокупности составляют его индивидуальность [1, с. 267].

Особенности эмоционального выгорания у студентов с разным уровнем учебно-профессиональной мотивации проявляются прежде всего в качественном своеобразии фаз и симптомов выгорания, определенным характером побудительных причин учебной деятельности. У студентов с высоким уровнем внутренней учебно-профессиональной мотивации эмоциональное выгорание, как правило, имеет отсроченный характер и проявляется преимущественно на кульминационной фазе процесса выгорания вследствие длительного перенапряжения при сохранении высокой вовлеченности, при этом наиболее выраженными оказываются симптомы психоэмоционального дефицита и личностной отстраненности, возникающие как парадоксальная реакция на хроническую перегрузку при сохраняющейся значимости деятельности.

Напротив, у студентов с низким уровнем учебно-профессиональной мотивации формирование выгорания чаще всего инициируется уже на начальных стадиях психоэмоционального напряжения, где доминируют симптомы переживания

психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенности собой и редукции учебных обязанностей, что отражает механизм психологической защиты от деятельности, лишенной субъективной ценности.

Особую группу составляют студенты с амбивалентной или разнородной мотивацией, в которых сочетаются внутренние и внешние мотивы, и у которых наблюдается диссоциация симптомов: при формально высоких показателях успеваемости и внешней активности могут фиксироваться значительные значения симптомов эмоционально-нравственной дезориентации и расширения сферы экономии эмоций, указывающие на рассогласование между предъявляемыми требованиями к себе и подлинным отношением к учебной деятельности. Следовательно, учебно-профессиональная мотивация выступает не просто предиктором интенсивности выгорания, но и качественным модулятором его структурно-динамического профиля, определяя, на каком этапе и через какие именно симптомы процесс выгорания будет разворачиваться у студента.

Т. В. Ледовская своим исследованием подтверждает, что студенты очного и заочного отделения характеризуются разным уровнем сформированности синдрома эмоционального выгорания. Подавляющее большинство студентов очной формы обучения на начальных и средних курсах демонстрируют низкий уровень эмоционального выгорания. Значительно выше уровень выгорания у студентов заочной формы обучения [5, с. 90–94].

Это объясняется тем, что синдром выгорания является процессом накопления хронического стресса. Для его формирования требуется длительное воздействие стрессовых факторов и истощение адаптационных ресурсов личности. Студенты очной формы обучения, особенно на младших курсах, как правило, обладают достаточным запасом психической и физической энергии, высокой мотивацией к учёбе и интересом к будущей профессии. Эти факторы выступают в роли мощных защитных механизмов. В результате большинство сохраняет эмоциональную и психологическую стабильность, успешно справляются с учебными нагрузками, используя преимущественно адаптивные копинг-стратегии, такие как планирование, поиск социальной поддержки и решение проблем.

Тем не менее важно понимать, что наличие у большинства низкого уровня выгорания не отменяет существования группы риска, для которой стресс становится хроническим и приводит к негативным последствиям. Именно на своевременную поддержку этой группы и развитие навыков стрессоустойчивости у всех студентов должны быть направлены профилактические меры.

Профилактика и коррекция эмоционального выгорания у студентов, а также развитие навыков совладающего поведения, являются комплексными задачами, требующими системного подхода. Работа в этом направлении может вестись на нескольких уровнях:

психолого-педагогическое просвещение, создание поддерживающей образовательной среды со стороны вуза, индивидуальная психотерапевтическая работа.

Фундаментальным шагом является повышение осведомлённости студентов о природе стресса, признаках выгорания и существующих способах его преодоления. Проведение семинаров, тренингов и лекций помогает нормализовать проблему и мотивировать учащихся обращаться за помощью.

Копинг-стратегии разделяют на три вида: позитивно направленные, малопродуктивные (или деструктивные), эмоционально-ориентированные [6, с. 112]. Обозначим их как отдельные блоки.

Первый блок содержит наиболее эффективные стратегии:

- дистанцирование, подразумевающие абстрагирование от источника стресса. Идея данной стратегии в том, что человек должен решать проблему на холодную голову, отбросив негативные эмоции от той или иной провоцирующей ситуации.

- планирование этапов решения проблемы. Человек должен направить свой ресурс на разрешение негативно влияющей на него ситуации: построить план, как грамотно избавиться от раздражающего фактора.

- положительная переоценка, которая подразумевает собой извлечение осмысленного опыта, постановку выводов.

Между стратегиями первого блока наблюдается последовательность. Если субъект еще не справился со своими эмоциями, он не сможет здраво оценить ситуацию, а тем более сделать по ней выводы. Поэтому можно заключить, что эти копинг-стратегии хороши и эффективны в единстве и определенной последовательности.

Второй блок содержит менее эффективные копинг-стратегии:

- стратегия конфронтационного копинга, которая заключается в стремлении индивидуума повлиять на ситуацию путем изменения окружающей среды, а не себя (это свойственно больше студентам заочной формы обучения с высоким уровнем выгорания). Но изменить среду достаточно сложно, гораздо целесообразней подстроиться к событиям. Эта стратегия может подойти для ситуаций, инициатором которой является сам индивид непосредственно.

- бегство-избегание. Однако данная стратегия создаёт только иллюзию стрессовой деградации, а сам триггер остаётся и рано или поздно с ним придётся столкнуться, что приведёт к еще большему стрессу для психики, т. к. к тому моменту, проблема может усугубиться и причинить больший дискомфорт.

Третий блок – эмоционально-ориентированный. Стратегии этого блока признаются неоднозначными из-за их негативных последствий:

- стратегия самоконтроля, позволяющая сохранить самообладание только внешне. Это, несомненно, хороший навык, однако он негативно отражается на психике. Из-за постоянного сдерживания эмоций происходит замыкание в себе, человек перестает доверять окружающему миру, надеется только на себя, что не всегда является рациональным, т. к. приводит к нервозным приступам, повышенной усталости, отсутствию фокуса внимания. Самоконтроль необходимо применять, но также нужно давать себе эмоционально разгружаться и ментально восстанавливаться. Способов для этого масса: поделиться с близким окружением о своих переживаниях, записать мысли на бумагу, в заметки телефона, заняться спортом (как показывают отдельные исследования, физический труд помогает в преодолении эмоциональной перегруженности), сходить на прогулку, отказавшись на это время от использования гаджетов.

- принятие ответственности. Данная стратегия так же, как и самоконтроль, имеет свои последствия в случае злоупотребления. Принятие ответственности свидетельствует о зрелости индивидуума, но может также привести к самокритике и снижению самооценки, поскольку человек не будет допускать возможности ошибки и не будет применять к себе человеческий фактор. В его понимании обратное достижению поставленной самим собой планки – это безответственность и несоответствие представляемому идеалу. Эта установка оказывает деструктивное влияние на психику человека. Поэтому с пониманием ответственности должно еще быть понимание своих возможностей.

Представляется, что копинг-стратегии играют ключевую роль в преодолении эмоционального выгорания у студентов, выступая либо ресурсом, снижающим его развитие, либо фактором риска, усугубляющим его проявление. В студенческой жизни, отличающейся высокими учебными нагрузками, характер применяемых стратегий совладания со стрессом во многом определяет не только успешность адаптации, но и динамику развития синдрома выгорания. Продуктивные, активные стратегии позволяют студентам конструктивно разрешать трудные ситуации, сохраняя эмоциональную устойчивость, тогда как неадаптивные стратегии коррелируют с усилением симптомов выгорания, особенно на начальных этапах.

Таким образом, комплексное воздействие академических, социальных и экзистенциальных стрессоров создаёт условия, при которых эмоциональное выгорание у студентов становится реальной и значимой проблемой, требующей научного осмысления и разработки профилактических мер. Копинг-стратегии выступают важнейшим модератором в процессе учебно-профессиональной деятельности: от их осознанности и эффективности зависит, будет ли стрессовая ситуация преодолена или же перерастет в устойчивый синдром эмоционального выгорания.

Литература

1. Войлошникова, В. Э. Развитие творческой индивидуальности студента в процессе обучения / В. Э. Войлошникова, Т. В. Московская // Современные тенденции развития туризма и индустрии гостеприимства : Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 105-летию ДОННУЭТ, Донецк, 23–24 апреля 2025 года. – Донецк : ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 2025. – С. 265–268. – EDN KGTWDD.

2. Донцов, Д. А. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста / Д. А. Донцов, М. В. Донцова // Образовательные технологии : сборник научных докладов / Глав. ред. С. В. Яковлев. – Москва : Народное образование, 2013. – 144 с. – С. 34–42.

3. Иванченко, В. Я. Формирование психосоциальной и экзистенциальной идентичности как психологический ресурс сознательного поведения личности / В. Я. Иванченко // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности (шифр – МКВСС) : Сборник материалов XXIX Международной научно-практической конференции, Москва, 30 сентября 2024 года. – Москва : Центр развития образования и науки, 2024. – С. 31–38. – EDN EBVOIK.

4. Исаева, Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни / Е. Р. Исаева. – СПб. : Издательство СПбГМУ, 2009. – 136 с.

5. Ледовская, Т. В. Эмоциональное выгорание и копинг-поведение у студентов очной и заочной форм обучения / Т. В. Ледовская. // Актуальные вопросы непрерывного профессионального образования : Сборник материалов, Ярославль, 01–02 марта 2018 года / Под научной редакцией М. В. Новикова. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2018. – С. 90–94. – EDN VANLLS.

6. Тарасенко, М. А. Особенности эмоционального выгорания студентов с разным уровнем учебно-профессиональной мотивации / М. А. Тарасенко, С. С. Петрова // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2025. – № 11 (112). – [Электронный ресурс]. – URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/osobennosti-emotsionalnogo-vygoraniya-studentov-s-raznym-urovnem-uchebno-professionalnoj-motivatsii.html (Дата обращения: 30.03.2026).

7. Lazarus, R. S. Transactional theory and research on emotion and coping / R. S. Lazarus, S. Folkman // Eur. J. Pers. – 1987. – Vol. 1. – P. 141–169.

P. A. ECONOMOVA, V. Y. IVANCHENKO

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky,

Donetsk, Russian Federation (DPR)

THE ROLE OF COPING STRATEGIES IN OVERCOMING EMOTIONAL BURST SYNDROME IN STUDENTS

The article examines the problem of emotional burnout among students as a significant phenomenon caused by the specifics of the student period, which is associated with a high concentration of psychosocial stressors. The key stress-inducing factors are analyzed. Special attention is paid to the role of coping strategies as the main resource for overcoming them.

coping strategies, burnout syndrome, stress factors, motivation, and the educational environment.

Экономова Полина Александровна – студентка 1 курса группы ТЭТД-25-А факультета таможенного дела ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», направление подготовки 38.03.07 Товароведение, профиль: Товароведение и экспертиза в таможенном деле. Научные интересы: формирование профессиональных компетенций специалистов таможенного дела.

Иванченко Виктор Яковлевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и русской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского». Научные интересы: маркетинг некоммерческих образовательных организаций, психология личности, ноосферное образование.

Economova Polina Alexandrovna – student of the TETD-25-A group of the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, majoring in 38.03.07 Commodity Science, profile: Commodity Science and Expertise in Customs Affairs. Research interests: developing the professional competencies of customs specialists.

Ivanchenko Viktor Yakovlevich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Philosophy and Russian Philology at the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky. Research interests: marketing of non-profit educational organizations, personality psychology, noosphere education.

УДК 81-13

А. Д. АЛИМОВА[1], Р. А. КЛИМЕНТЬЕВ[2]

[1]Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный архитектурно-строительный университет», г. Астрахань, РФ

[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Москва, РФ

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

В условиях глобализации и усиления миграционных процессов проблема эффективного межкультурного взаимодействия в полилингвальных регионах приобретает особую актуальность. Настоящее исследование направлено на выявление и систематизацию ключевых факторов, определяющих успешность коммуникативных практик в многоязычной социокультурной среде. Критическую роль также играет способность к эмпатическому восприятию чужих культурных кодов, позволяющая корректно считывать скрытые смыслы и ценностные приоритеты собеседников.

межкультурная коммуникация, полиэтнический регион, молодежный сленг, заимствования, этносы.

Межкультурная коммуникация в полилингвальном регионе представляет собой сложный динамический процесс, требующий учёта множества взаимосвязанных детерминант. Успешность такого взаимодействия напрямую зависит от способности участников преодолевать лингвистические и когнитивные барьеры, возникающие при контакте полиэтнических сообществ. Астраханская область, где проводился эксперимент, представляет собой великолепную базу для языковых и культурных исследований. В условиях полинациональности город становится особенно интересным и разнообразным, благодаря влиянию различных этнических групп, проживающих здесь. На сегодняшний день, в Астраханской области проживают около 140 национальностей [5].

В рамках настоящего исследования мы сосредоточились на выявлении ключевых факторов, определяющих эффективность коммуникативных практик в условиях языкового и этнического разнообразия региона.

В процессе построения любого коммуникативного акта несколько составляющих выходит на первый план. Прежде всего, это уровень владения общим для коммуникантов

языком. Далее стоит отметить мотивацию и заинтересованность коммуникантов в том, что коммуникативный акт состоялся. Здесь имеет значение как социокультурные установки, так и уровень межкультурной эмпатии участников. Эмпатическая готовность к восприятию чужих ценностных ориентиров снижает вероятность этноцентрических интерпретаций высказываний. Уважение к человеческим, общекультурным, этническим и физическим особенностям служит необходимой базой для создания канала общения [2].

Важную роль играет также способность к стратегическому код-свитчингу, который в полилингвальной среде функционирует как маркер солидарности и инструмент адаптации. Корпусный анализ спонтанных бытовых диалогов выявил, что в большинстве случаев успешное разрешение недопонимания достигалось через осознанный переход на язык-посредник и сознательный поиск решений при возникающих затруднениях в взаимопонимании[3].

Институциональный контекст региона выступает внешним, но мощным регулятором коммуникативной успешности. Наличие государственных программ поддержки родных языков и двуязычного образования, программ и мероприятий, стимулирующих взаимное уважение к культурным кодам и традициям, статистически значимо повышает уровень доверия между этническими группами. Языковая политика, ориентированная на баланс, а не на ассимиляцию, создаёт психологически безопасную среду для межкультурного диалога.

Не менее существенным фактором является историческая память и наличие или отсутствие травматического опыта межэтнических контактов. Цифровая среда трансформирует традиционные модели межкультурного взаимодействия, выступая одновременно катализатором и барьером. Эмпирические данные фиксируют, что активные пользователи многоязычных онлайн-платформ, которые чаще представлены представителями младшего и среднего возраста, развивают гибкие коммуникативные стратегии быстрее, чем представители старших возрастных групп [4].

Частота и качество межэтнических контактов выступают поведенческим фактором, напрямую влияющим на успешность коммуникации. Интенсивность контактов способствует стиранию стереотипных ярлыков и формированию гибридных коммуникативных норм, приемлемых для всех участников. Психологический комфорт участников диалога, обеспеченный снижением языковой тревожности, напрямую зависит от наличия поддерживающей обратной связи. Фактор возраста демонстрирует нелинейное влияние на успешность межкультурной коммуникации, где молодёжь быстрее адаптируется к новым нормам, а старшее поколение обеспечивает стабильность традиционных кодов. Гендерные различия в нашей выборке оказались статистически незначимыми, что указывает на универсальность базовых коммуникативных стратегий вне зависимости от пола респондентов.

Образовательный уровень участников выступает модератором, усиливающим влияние лингвистической и прагматической компетентности на итоговый результат диалога. Респонденты с высшим филологическим или педагогическим образованием демонстрировали более высокую способность к метакоммуникативному комментированию возникающих трудностей [1].

Синергия перечисленных факторов формирует устойчивую модель успешной межкультурной коммуникации, где ни один элемент не может быть исключён без потери эффективности. Эмпирические данные убедительно доказывают, что успешность взаимодействия зависит не от доминирования одного языка, а от способности участников к взаимной адаптации и кооперативному конструированию смыслов.

Когнитивное развитие, стимулированное постоянным переключением языковых кодов, напрямую влияет на эмоциональную регуляцию в ситуациях межэтнического напряжения. Таким образом, билингвизм функционирует не только как лингвистический инструмент, но и как социально-психологический буфер, смягчающий потенциальные очаги конфликтности.

Использование единиц молодёжного сленга младшим и средним звеном также часто выступает универсальным семиотическим кодом, нейтрализующим этнические маркеры и создающим общее коммуникативное пространство вне зависимости от родного языка участников. Цифровые платформы и социальные сети ускоряют диффузию лексических инноваций, превращая сленг в динамичный ресурс мягкой аккультурации.

Респонденты отмечают, что совместное использование неформальной лексики снижает психологическую дистанцию и способствует формированию гибридной идентичности, основанной на общих ценностях даже в случае, если участниками коммуникативного акта выступают представители разных культур. Сленговые маркеры выполняют функцию социальной солидарности, позволяя молодым представителям различных культур избегать стереотипных ярлыков и выстраивать горизонтальные связи. При этом опрос выявил генерационный разрыв: старшее поколение воспринимает сленговые заимствования как угрозу языковой чистоте, тогда как молодёжь рассматривает их как естественный механизм интеграции.

Респонденты, регулярно потребляющие контент на нескольких языках, демонстрируют повышенную способность к критическому анализу культурных нарративов и распознаванию манипулятивных дискурсов. Частота и качество межэтнических контактов выступают поведенческим фактором, напрямую модулирующим уровень коммуникативной адаптивности. Образовательный уровень респондентов действует как модератор, усиливающий влияние лингвистической и прагматической компетентности на итоговую успешность диалога[3].

Таким образом, факторами, оказывающими наибольшее влияние на успешность межкультурной коммуникации можно назвать знание общего языка (или субнормированных, но популярных форм), уважение к культурным отличиям, желание достичь успеха в коммуникации.

Литература

1. Бочарова, М. Н. Развитие межкультурной прагматической компетенции у студентов в онлайн-дискурсе: система педагогических стратегий разрешения конфликтных ситуаций / М. Н. Бочарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – № 8.– URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhkulturnoy-pragmaticheskoy-kompetentsii-u-studentov-v-onlayn-diskurse-sistema-pedagogicheskih-strategiy-razresheniya (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.

2. Диброва, В. С. Моделирование языковых ситуаций несбалансированного типа на основе субъективных оценок билингвами своего языкового существования [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. С. Диброва. – Астрахань, 2024. – 24 с. – URL: https://vak.gisnauka.ru/api/att/adverts/130391126001/autoref-file (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.

3. Караулова, А. Д. Билингвизм в Астраханской области / Перспективы развития строительного комплекса / А. Д. Караулова, А. С. Помарина // Перспективы развития строительного комплекса : образование, наука, бизнес : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, г. Астрахань, 14–15 нояб. 2023 г. : электрон. изд. / под общ. ред. Т. В. Золиной. – Астрахань : Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2023. – С. 332–335. – Электрон. текстовые данные (16,9 Мб). – 1 опт. диск (CD-ROM).

4. Соболева, А. В. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации / А. В. Соболева, О. А. Обдалова // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 497. – С. [указать страницы]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/model-mezhkulturnogo-rechevogo-vzaimodeystviya-v-tsifrovoy-srede-pri-obuchenii-inoyazychnoy-kommunikatsii (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.

5. Этнический состав населения Астраханской области [Электронный ресурс] // Система обмена туристской информацией. – URL: https://nbcrs.org/regions/astrakhanskaya-oblast/etnicheskiy-sostav-naseleniya (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.

A. D. ALIMOVA[1], R. A. KLIMENTYEV[2]

[1]State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering", Astrakhan, Russian Federation

[2]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering", Moscow, Russian Federation

FACTORS OF EFFECTIVENESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN A MULTILINGUAL REGION

In the context of globalization and increasing migration, the problem of effective intercultural interaction in multilingual regions is particularly pressing. This study aims to identify and systematize the key factors that determine the success of communication practices in a multilingual sociocultural environment. The ability to empathically perceive other cultural codes, allowing one to accurately interpret the hidden meanings and value priorities of one's interlocutors, also plays a critical role.

Intercultural communication, multiethnic region, youth slang, borrowings, ethnic groups.

Алимова Амина Даниловна – кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры философии, социологии и лингвистики ГБОУ АО ВО Астраханского государственного архитектурно-строительного университета, сфера интересов: межкультурная коммуникация, заимствования, билингвизм, ассимиляция заимствований.

Климентьев Руслан Александрович – студент третьего курса ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», группа ИЦТМС 3-2, сфера интересов: информационные технологии, информационные технологии в строительстве, языковые явления молодежного сленга, межкультурная коммуникация, социальные взаимодействия.

Alimova Amina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Linguistics, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, field of interests: intercultural communication, borrowings, bilingualism, assimilation of borrowings.

Klimentiev Ruslan – a third–year student of the National Research Moscow State University of Civil Engineering, ICTMS 3-2 group, field of interests: information technology, information technology in construction, linguistic phenomena of youth slang, intercultural communication, social interactions.

УДК 37.013.2

А. А. ВАЛОВА, Н. Г. ФЕРСМАН

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого»,

г. Санкт-Петербург, Россия

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КЕЙС-МЕТОДА И ХАКАТОН-МЕТОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ)

Проведен сопоставительный анализ кейс-метода и хакатон-метода как активных форм обучения иностранным языкам. Прослежена история возникновения методов, описаны их сущностные характеристики, выявлены черты сходства и принципиальные различия. Установлено, что кейс-метод ориентирован на анализ готовой речевой ситуации и подходит для формирования и развития умений, тогда как хакатон-метод нацелен на создание «речевого продукта» и эффективен на этапе активизации освоенного материала.

кейс-метод, кейс-стади, хакатон, активные методы обучения, иностранные языки, РКИ, хакатон-метод.

В современной методике преподавания иностранных языков всё чаще используются активные формы обучения, предполагающие командную работу и решение практических задач. Среди таких форм особое место занимают кейс-метод и хакатон-метод. Кейс-метод давно и прочно вошёл в практику высшей школы и других образовательных учреждений, в то время как хакатон-метод находится на стадии становления.

Цель данной статьи – изучить историю возникновения и сущность вышеуказанных методов и определить, в чём состоит их сходство и различие. Ввиду поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) уточнить, что представляют собой кейс-метод и хакатон-метод; 2) сопоставить два метода по основным критериям (цель, характер деятельности, результат, роль преподавателя и др.).

Чёткое разграничение методов поможет преподавателям осознанно выбирать нужный формат занятия и избегать терминологической путаницы в методических работах.

1. История и сущность кейс-метода

Согласно Д. А. Гарвину (Garvin, 2003), casestudy (кейс-стади) зародился в Школе бизнеса Гарвардского университета. В 1910 году декан факультета предложил преподавателям дополнить традиционные лекции дискуссионными занятиями, основанными на разборе реальных деловых ситуаций. К 1921 году был издан первый сборник кейсов, к середине 1930-х годов данный метод стал доминирующей формой обучения в Гарвардской школе бизнеса, а

затем распространился по среднеобразовательным и высшим учебным заведениям в Германии, США и других странах [1].

В отечественной же педагогической традиции кейс-стади стал использоваться в обучении значительно позже [1]. Рассмотрим, как описывают сущность метода в российской научной литературе. Например, Л. Н. Голуб и С. А. Медведева в своей работе, посвященной роли кейс-стади в обучении английскому языку студентов-агрономов, склонны полагать, что данный метод применяется в активном обучении и основан на анализе учебных ситуаций, которые ориентируют обучающихся на самостоятельное формулирование проблемы и поиск вариантов её решения с последующим коллективный обсуждением. Кроме того, авторы полагают, что кейс-стади органично объединяет элементы ролевой игры и проектного обучения.

Проанализируем вышеупомянутые положения на конкретных примерах. Так, в отличие от традиционного пересказа учебного текста, работа с кейсом помещает учащегося внутрь проблемной ситуации, а не оставляет его внешним наблюдателем. Применительно к обучению языкам при пересказе обучающийся имеет дело с уже завершённой историей, в которой проблема кем-то решена, а его задача сводится к репродукции готового содержания и ответам на проверочные вопросы. В кейс-стади на основе того же текстового материала обучающемуся предлагается только исходная проблемная ситуация без готовой развязки. Он принимает на себя определённую роль (например, менеджера, эксперта, участника переговоров), анализирует обстоятельства, вырабатывает возможные пути решения в команде и затем презентует свой проект действий, аргументируя выбор. Акцент смещается с пассивного воспроизведения информации на активную речемыслительную деятельность: обучающийся не пересказывает чужое решение, а создаёт и обосновывает собственное, используя иностранный язык. Таким образом, учащиеся совершенствуют аналитические и оценочные навыки, приобретают опыт командного взаимодействия и учатся находить наиболее рациональное решение поставленной проблемы.

Перечислим дополнительно базовые принципы кейс-метода, выделенные исследователями Л. Н. Голуб и С. А. Медведевой.

1. Метод предназначен не для получения нового знания как такового, а для выполнения проблемного задания, не имеющего единственно верного ответа (допускается несколько конкурирующих решений);

2. Процесс обсуждения проблемы и выработки решения носит демократичный характер, поскольку все участники, включая преподавателя, обладают равными правами;

3. Результатом применения метода становятся не только усвоенные знания, но и сформированные навыки профессиональной деятельности;

4. Технологическая простота метода обеспечивается за счёт разработки модели реальной жизненной ситуации, отражающей комплекс знаний и практических умений, подлежащих усвоению;

5. В процессе работы над кейсом у обучающихся формируется система ценностных ориентиров, профессиональных позиций и установок;

6. Преодолевается характерный недостаток традиционного обучения – излишняя сухость и неэмоциональность подачи материала [1].

Таким образом, анализ литературы позволяет, вслед за исследователями, рассматривать кейс-стади как метод активного обучения, который основан на анализе проблемной ситуации, часто не имеющей единственно верного решения. Он соединяет элементы ролевой игры и проектной деятельности, перенося акцент с пассивного воспроизведения материала на самостоятельную речемыслительную работу. В ходе такой работы у обучающихся формируются и развиваются не только языковые, но и аналитические, оценочные и аргументационные умения, а также навыки командного взаимодействия и принятия решений в условиях неопределённости.

2. История и сущность хакатон-метода

«Хакатон» (от англ. hacker – «хакер», marathon – «марафон с целью создания законченного продукта в короткий срок») [5].

Хакатон (англ. hackathon – от hack + marathon) – это интенсивное соревновательное мероприятие, где участники в ограниченное время разрабатывают решения по заданной тематике. Метод пришёл в сферу образования из бизнеса и IT-отраслей, так как являлся одним из быстрых и креативных методов решения проблем, задач и кейсов в различных компаниях. Как самостоятельное явление и устоявшийся формат профессиональной коммуникации хакатон фиксируется в научной литературе, начиная с 1999 года. Изначально под ним подразумевалось специализированное состязание для разработчиков программного обеспечения, специфичное исключительно для сферы информационных технологий. В последние же годы активно адаптируется в образование, включая преподавание иностранных языков [2]. Так, переход хакатона из сферы информационных технологий в область образования начался примерно в 2014 году за рубежом и двумя годами позднее в российской практике. Анализ публикаций с интернет-ресурсов e-library, cyberleninka показывает, что педагогическое сообщество в России и странах СНГ заинтересовалось хакатоном как возможным инструментом обучения в 2016 году и стало приспосабливать его к учебному процессу [2].

Изучив исследование, посвященное феномену хакатона в образовании и предпринимательстве, автором которого является Зейнеп Сюкюрер (Амстердамский

университет), можем суммировать, что главной причиной педагогической адаптации стало понимание того, что основным мотивом участия в хакатонах может выступать именно обучение, а не только разработка готового продукта для рынка [11]. Данный вывод позволяет увидеть в хакатоне не просто соревнование, а педагогически выстроенный интенсив, способный решать задачи формирования компетенций и развития навыков и умений.

Обратимся к работе Н. В. Гречушкиной и Е. А. Арефьевой, согласной которой хакатоны, применяемые в обучении, можно разделить на три основные группы. В основу деления положены особенности состава участников и характер решаемых учебных задач.

Таблица 1. Классификация хакатонов

Вид хакатона	Задачи, функции хакатона	Участники
Образовательный	- Достижение учебных и воспитательных целей; - М. Флас и А. Хёрст отмечают, что такой формат рассчитан на тех, кому необходимо освоить определённую технологию или предметную область, и обязательно включает образовательную программу, которая проводится либо до начала, либо прямо во время соревновательной части	Обучающиеся (студенты, школьники, абитуриенты и др.)
Педагогический	Профессиональное отраслевое соревнование; задания (кейсы, станции) направлены на разработку технологических решений для актуальных проблем в системе образования	Педагоги, методисты в роли разработчиков/экспертов
Профессиональный (внешний)	Не входят напрямую в учебные планы; действенный способ внеучебной профориентации и	Студенты, абитуриенты, школьники и т.д.; организуется бизнес-структурами или фондами

	проверки своих навыков в условиях реальных требований рынка труда	развития (такими как АНО «Россия – страна возможностей», НТИ и др.).

Данное исследование фокусируется на анализе образовательного хакатона применительно к преподаванию иностранных языков. Для понимания дидактического потенциала обратимсяк системообразующим характеристикам хакатон-метода, упомянутым в работе Н. В. Гречушкиной и Е. А. Арефьевой, и обоснуем их с точки зрения методики:

1. Ориентация на продукт. В отличие от традиционного урока, где результат часто выражен в виде сформированных навыков (что трудно измерить непосредственно), хакатон предполагает создание материального или интеллектуального продукта по итогам работы: текст, сценарий, презентация, постер, дорожная карта решения проблемы и др. Наличие конкретного, осязаемого результата повышает ответственность участников и придаёт их деятельности целенаправленный характер.

Данная характеристика согласуется с принципом речевой направленности, сформулированным Е. И. Пассовым, согласно которому «правомерны лишь уроки на языке, а не о языке», а упражнение тем эффективнее, чем больше оно подобно реальному общению [3]. Для примера: в контексте РКИ таким продуктом может стать, например, текст-рассуждение, содержащий заданное количество сложноподчинённых предложений, или устная презентация проекта, в которой используются целевые синтаксические конструкции.

2. Игровая и соревновательная составляющая. Хакатон содержит элементы (механики) игры: команды соревнуются друг с другом, выполнение заданий ограничено временными рамками, а итоги подводятся в форме рейтинговой таблицы и публичного объявления победителей. Соревновательный элемент, согласно исследованиям в области педагогической психологии, стимулирует познавательную активность, повышает концентрацию внимания и создаёт дополнительную мотивацию к качественному выполнению заданий. В отличие от спонтанной игры, в хакатоне есть привязка к учебным целям: побеждает не тот, кто «веселее» или креативнее выполнил задание, а тот, кто точнее и полнее реализовал синтаксическую/лексическую/коммуникативную задачу.

Игровая форма организации учебной деятельности, как отмечают Л. С. Крючкова и Н. В. Мощинская, «позволяет моделировать речевое общение в учебной ситуации, активизируя и закрепляя речевые навыки в диалогической и монологической форме» [6].

3. Снижение аффективного фильтра. Понятие «аффективный фильтр» (affective filter), введённое Стивеном Крашеном в рамках теории усвоения второго языка, обозначает

психологический барьер (тревожность, страх ошибки, неуверенность), который препятствует восприятию и усвоению языкового материала [9]. Чем выше уровень тревожности, тем плотнее аффективный фильтр и тем хуже языковой материал достигает «языкового усвоения» (language acquisition). Хакатон способствует снижению аффективного фильтра за счёт смещения фокуса с «языка» на «задачу». Обучающийся перестаёт думать «как не ошибиться в падеже» и концентрируется на решении конкретной проблемы: «как доказать, что преступник – охранник» или «как убедить маму, что доставка продуктов – это удобно». В этой ситуации языковая форма усваивается непроизвольно, как инструмент решения коммуникативной задачи, что снижает психологическое напряжение и повышает эффективность обучения.

Данный механизм соотносится с принципом ситуативности, выделенным Е. И. Пассовым: «желание говорить появляется у ученика только в реальной или воссозданной ситуации, затрагивающей говорящих» [4]. Хакатон создаёт именно такую воссозданную ситуацию, в которой язык перестаёт быть самоцелью и становится средством.

4. Создание условий для естественного усвоения языка. Хакатон дополняет сознательное изучение языка (изучение правил, выполнение упражнений) элементами естественного усвоения, которое происходит по аналогии с тем, как ребёнок осваивает родной язык – в процессе решения реальных задач, методом проб и ошибок, через коммуникацию. Это не означает отказа от сознательного обучения; напротив, хакатон предлагает гармоничный синтез: студент сначала сознательно осваивает грамматическую форму (например, таблицу склонения который), а затем в хакатоне «проживает» её в естественной, неподготовленной коммуникации.

Вышеупомянутая характеристика соответствует принципу новизны, который, по Е. И. Пассову, проявляется в смене речевых ситуаций, предмета общения, проблемы обсуждения, речевого партнёра, что приводит к тому, что «обучающиеся не получают прямых указаний к запоминанию – оно становится побочным продуктом речевой деятельности с материалом (непроизвольное запоминание)» [4].

3. Сравнение хакатон-метода и кейс-метода

Изучив историю и сущность кейс-стади и хакатон-метода, а также проанализировав определения, характеристики и классификации, сопоставим два метода и составим методические рекомендации по их внедрению в образовательный процесс.

Сравнив последовательность этапов занятий, можно утверждать, что кейс-метод и хакатон-метод действительно похожи. В обоих случаях идет работа в командах, решается проблемная задача, представляется результат своей работы. Однако наблюдается различие по цели: кейс-метод направлен на работу с уже имеющимся языковым материалом: его осмысление, оценка и обсуждение, в то время как хакатон требует от обучающегося

самостоятельного порождения текста или устного высказывания, отвечающего заданным учебным критериям. По-разному оценивается и результат. Так, в кейс-методе предметом оценки служит глубина анализа проблемы и аргументации, что часто бывает субъективно, в хакатон-методе важно качество созданного продукта (текста, предложений и др.), а именно его соответствие заявленным учебным критериям (например, корректность предложно-падежных форм, наличие подчинительных союзов).

Ключевой отличительной чертой является жесткий временной регламент, в течение которого участники хакатона должны сфокусироваться на создании готового продукта. Кейс-метод же не имеет сжатых сроков и сильной ограниченности по времени. Исходя из данного наблюдения, сопоставим методы по этапу обучения, на котором их применение наиболее целесообразно. Кейс-метод, предполагающий работу с готовым языковым материалом и его обсуждение, пригоден как для формирования новых умений и навыков, так и для развития уже имеющихся. Обучающийся может одновременно знакомиться с конструкцией через образец и тут же применять её в аргументации. Хакатон-метод в силу своей проектной и соревновательной природы рассчитан на развитие и активизацию умений, поэтому, чтобы за ограниченное время создать собственный речевой продукт, обучающийся должен уже владеть необходимыми языковыми средствами – в ходе хакатона он учится не столько узнавать новое, сколько творчески и быстро применять освоенное или слабо освоенное в спонтанной коммуникации.

Таким образом, кейс-метод и хакатон-метод не повторяют, а дополняют друг друга. Кейс-метод более универсален с точки зрения этапов обучения и может применяться как для формирования новых, так и для развития уже имеющихся умений. Хакатон-метод, напротив, наиболее эффективен на этапе активизации, творческого применения и совершенствования ранее освоенного языкового материала в условиях, приближенных к реальной коммуникации.

Литература

1. Голуб, Л. Н., Медведева, С. А. Роль кейс-технологии на занятиях английского языка в формировании профессиональных компетенций будущих агрономов / Л. Н. Голуб, С. А. Медведева // Вестник ФГОУ ВПО Брянская ГСХА. – 2022. – №3 (91). – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-keys-tehnologii-na-zanyatiyah-angliyskogo-yazyka-v-formirovanii-professionalnyh-kompetentsiy-buduschih-agronomov (дата обращения: 26.04.2026).

2. Гречушкина, Н. В., Арефьева, Е. А. Хакатон : определение, практика и перспективы применения в высшей школе / Н. В. Гречушкина, Е. А. Арефьева // Высшее образование в

России. – 2023. – №4. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hakaton-opredelenie-praktika-i-perspektivy-primeneniya-v-vysshey-shkole (дата обращения: 26.04.2026).

3. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1983.

4. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. –М. : Русский язык, 2009.

5. Калашникова, О. В, Валова, А. А. Эффективность и целесообразность применения хакатона на уроках грамматики русского как иностранного / О. В. Калашникова, А. А. Валова // Обучение языкам в полиэтнической среде региона : Сборник научных статей по итогам Всероссийского с международным участием научно-практического семинара, Мурманск, 21 марта 2025 года. – Москва : ООО «Русайнс», 2025. – С. 48–54. – EDN RSDELF.

6. Крючкова, Л. С., Мощинская, Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Л. С. Крючкова, Н. В. Мощинская. –М. : Флинта; Наука, 2009. – 215 с.

7. Ферсман, Н. Г., Землинская, Т. Е. Опыт реализации метода проектов в современной образовательной среде / Н. Г. Ферсман, Т. Е. Землинская // Наука и мир в языковом пространстве. Сборник научных трудов IV Международной научной конференции. – 2018. – С. 18–24.

8. Щербакова, О. В. Коммуникативно-ориентированный подход к обучению иностранным языкам / О. В. Щербакова // Вестник ВГУ. – 2005. – № 2.

9. Krashen, S. The Input Hypothesis : Issues and Implications / S. Krashen. – London; New York : Longman, 1985.

10. Krashen, S. Principles and Practice in Second Language Acquisition / S. Krashen. – Oxford : Pergamon Press, 1982.

11. Sükürer, Z. Organizing of the hackathon phenomenon with regards to creation and development of entrepreneurial opportunities: Master Thesis / Z. Sükürer ; VU University Amsterdam & University of Amsterdam. – Amsterdam, 2014. – 90 p.

A. A. VALOVA, N. G. FERSMAN

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

ANALYSIS OF THE APPLICATION OF MODERN ACTIVE LEARNING METHODS (CASE METHOD AND HACKATHON METHOD IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES)

A comparative analysis of the case method and the hackathon method as active forms of teaching foreign languages is carried out. The history of the methods is traced, their essential

characteristics are described, similarities and fundamental differences are identified. It is established that the case method focuses on analyzing a ready-made speech situation and is suitable for developing language skills, whereas the hackathon method aims at creating a “speech product” and is effective at the stage of activating previously acquired material.

case method, case study, hackathon, active learning methods, foreign languages, Russian as a foreign language, hackathon method.

Валова Анна Александровна – студентка 4 курса направления «Лингвистика», профиля «Теория и методика преподавания русского языка как иностранного», Гуманитарный институт, высшая школа лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого. Научные интересы: методика преподавания иностранных языков, межкультурная коммуникация.

Ферсман Наталия Геннадиевна – кандидат педагогических наук, доцент высшей школы лингвистики и педагогики, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого. Научные интересы: методика преподавания иностранных языков, андрагогика, межкультурная коммуникация.

Valova Anna – 4th-year student of Linguistics, specialization in "Theory and Methods of Teaching Russian as a Foreign Language," Institute of Humanities, Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Scientific interests: methods of teaching foreign languages, intercultural communication**.**

Fersman Natalia – Ph.D. in Education, Associate Professor of the Higher School of Linguistics and Pedagogy, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Scientific interests: methods of training foreign languages, adult education, intercultural communication.

УДК 81’367.624

А. В. ВЕЛИЧКО, В. В. ЯНЫШЕВСКАЯ

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ (ДНР)

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ НАРЕЧИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается необходимость применения дидактического принципа историзма в процессе изучения русского языка в современной общеобразовательной школе. Утверждается, что преподавание русского языка с опорой на фундаментальные научные исследования в области его исторического развития помогают сохранению русского языка как национального достояния и важного элемента нашей культуры и истории.

принцип историзма, история русского языка, лингводидактика, наречие, исторический комментарий.

В процессе укрепления основ государственной языковой политики в России нельзя не заметить стремления нашего общества к полноценному развитию русского языка, к его изучению с опорой на научные основы и фундаментальные достижения филологической науки, прошедшей долгие столетия своего формирования. Подлинный интерес к родному языку, уважительное отношение к его становлению на национальной основе впервые были проявлены в XVIII веке, когда российская лингвистическая наука еще не приобрела собственного статуса и была частью филологии, называемой в то время *любословием*. Автором такого именования был великий М. В. Ломоносов, который в числе других просветителей-«любословов» высоко оценивал возможности русского языка и видел перспективы роста его значимости среди других, в том числе и западноевропейских языков. Заботясь о будущем «природного языка», обнаруживая серьезные недостатки в «словесном» образовании молодежи, М. В. Ломоносов вел открытую борьбу против «ложных понятий» в науке, которые в процессе неправильного обучения впитывало «юношество» и которые, как он считал, позднее «истребить трудно или и вовсе невозможно» [1, с. 582]. Подчеркивая и определяя значение родного языка, закрепленного в памятниках письменности, ученый писал: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлом веке писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» [там же]. Сказанное подтверждает факт того, что уже в XVIII веке патриотично настроенная часть российского общества, к которой относился М. В. Ломоносов, понимала необходимость бережного отношения к истории своей письменности и ее народному языку. Солидарность с этим положением мы обнаруживаем в

лингвистических трудах В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, В. Е. Адодурова, В. П. Светова и др. филологов, которые сегодня признаны основателями научного подхода к изучению русского языка и уже в XVIII веке сделали первые шаги по пути нормализации его системы на всех уровнях. В начале XIX века значение того, что было заложено в основу русской лингвистической науки, отметил А. С. Пушкин, утверждая, что «отношение к минувшему» должно стать той чертой, которая «отличает образованность от дикости». Это высказывание в дальнейшем закрепилось в качестве эпиграфа для тех направлений научной и практической работы, которая в сфере всеобщего образования была связана с историей русского языка и русской литературы как источником народного словесного выражения.

Общепринятое определение *принципа историзма* – метода изучения любого явления в его историческом развитии – было закреплено в «Российском энциклопедическом словаре», где отмечено, что это «принцип подхода к действительности <...> (природе, обществу, культуре) как становящейся и развивающейся во времени» [2, с. 599]. Зафиксированный в трудах ученых-лингвистов в XVIII веке, этот дидактический принцип остается в приоритете у тех языковедов, которые имели и имеют прямое отношение к процессу изучения языка в диахроническом аспекте. В области методики школьного преподавания одним из основателей исторического подхода принято считать Ф. И. Буслаева, который в 1844 году высказывал неудовлетворенность состоянием дел в дореволюционной школе, где, по мнению ученого, родной язык изучался как чужой. Ф. И. Буслаев полагал: задача учителя состоит в том, чтобы помочь ученикам почувствовать нравственное единение с народом через язык, который во все времена являлся выражением жизни народа и регулировался высокой этикой (подробнее см. [3, с.18]). Введение принципа историзма в процесс преподавания русского языка поддерживал и А. А. Шахматов, который утверждал, что каждый учитель обязательно должен видеть в родном языке объект исторического развития [4, с. 43]. Более конкретные рекомендации в проведении исторического комментирования, адресованные в начале XX века российским учителям и школьникам, мы находим в работах известного лингвиста Ф. Ф. Фортунатова [5, с. 439–440] и других известных ученых-лингвистов уже советского периода.

Несмотря на отсутствие обязательной закрепленности дидактического принципа историзма в современной школьной практике, нельзя не видеть прочной его связи с другими, не менее важными методическими приемами изучения русского языка. В первую очередь это *принцип научности*, который связывает современных школьников с объективными научными фактами, теориями, законами развития русского языка. Однако без знания основ его истории научное освещение многих языковых процессов является неполным. *Принцип сознательности и активности учащихся* в процессе обучения реализуется при условии их полноценной мыслительной деятельности в процессе усвоения нового материала. Сравнения, сопоставления, установление причинно-следственных связей, классификации и обобщения

подтвердят факт того, что современные языковые нормы являются результатом исторического развития русского языка. *Принцип воспитывающего характера обучения* направлен на всестороннее развитие личности и индивидуальности ученика. Поэтому все исторические сведения, поданные в разных формах и объемах, позволяют оценить историю национальной культуры русского народа, расширяют лингвистический кругозор школьников и повышают их общий образовательный уровень. Одним словом, принцип историзма вместе с другими методическими приемами освоения действительности на школьном уровне является актуальным и, по нашему мнению, должен применяться в системе уроков по русскому языку и литературе в современной школе в обязательном порядке. «Чувство историчности» не должно восприниматься как абстрактное явление. Оно должно формироваться постепенно в результате усиленного труда учителей и учеников в процессе воспитания у молодого поколения патриотизма, гражданственности, национального самосознания, истинной духовности и культуры (подробнее об этом см. [6]).

Возможности использование принципа историзма мы решили продемонстрировать на примере изучения наречий на уроках русского языка (основной программный материал представлен в 7 классе общеобразовательной средней школы). Выбор был не случайным, поскольку наречие – уже вполне сформировавшаяся в современном русском языке категория, которая имела долгую и сложную историю. О проблемах изучения наречий в свое время писал академик В. В. Виноградов: «Видимая распыленность, разнородность морфологических примет русских наречий, – утверждал он, – заставила грамматистов искать внутреннего единства этой категории на путях семантического и синтаксического их изучения» [7, с. 282]. По своему происхождению наречие в большей степени связано с древнейшей категорией «Имя», но сегодня эта часть речи утратила былые именные признаки. Термин *наречие* значит *приглаголие* (лат. *adverbium*, где *verbum* – глагол). Наречие в роли обстоятельства выполняет функции семантической характеристики глагола. При этом в отношениях между наречием и глаголом нет никакого согласования. Эта часть речи не входит в состав формоизменяющихся классов слов современного русского языка. В древности по способу образования наречие было связано как с существительными, так и с именными прилагательными, которые склонялись. Самый древний класс наречий ученые связывают с местоименным происхождением, однако состав таких слов до конца не определен и не изучен: вопрос о лексической базе этой части речи находится в зависимости от нерешенных проблем наречного образования в целом. В состав «первоóбразных» наречий издавна входили слова с указательной функцией, которые имели общеславянское происхождение: *всуе, нынѣ, обаче, паки, коли, яко, ту, когда, къде, камо, сѣмо, паче, таче, елико, колико, егда, отнюдь, ниць, прямь, утрь, близъ, сице, сюду, тамо, овамо* и др. У большинства из них нет ясной этимологии. Значительная часть таких наречий была со временем утрачена. Первичные наречия представляли собой единичные

образования, которые по морфологическому составу были неоднородными. В качестве примера учитель может привести отдельные формы таких слов с доступным для учащихся объяснением их происхождения и дальнейшей истории. Например, в древнерусских текстах было широко представлено наречие *абие* ‘тотчас, сразу же’, которое имело синонимы *въ часъ, въ тъ часъ, тотъ часъ, ту* в значении ‘тут же, одновременно’. Из этой группы в современном русском языке сохраняется наречие *тотчас*. Наречие *бесперестани* (*беспрестани*) представляло собой сочетание приставки *бес-* (из *без-*) и формы родит. п. ед. числа от редкого имени существительного **перстань* (древнейший тип склонения на *ĭ). Наиболее употребительной эта форма была в XI–XIV вв., но постепенно оказалась вытесненной формой *беспрестанно*, соотносимой с полным прилагательным. Наречие *внезапу* ‘внезапно, вдруг’. В таком же значении употреблялась приставочная форма *повънезапу.* Оба наречия активно использовались в старорусском языке и довольно поздно были вытеснены формой *внезапно,* которая с XVII века была зафиксирована историческими словарями. Наречие *еле* (*ель*) ‘еле, едва’ (его синоним *одъва* (*едъва*)), распространенное в разговорной речи, отличалось узкой сочетаемостью с глаголами. Древнерусское наречие *одъва* ‘слабо, чуть-чуть’ было более активным, но по частотности уступало книжной (церковнославянской) форме *едъва*. Наречие *таи* ‘тайком, тайно’ употреблялось параллельно с однокоренными приставочными образованиями *отаи, въташ, потаи*. Синонимичными им были наречия с суффиксальной основой и соотносимые с прилагательными – *таино, таинъ, въташъ, потаинъ*. После XIV века от этой группы сохраняются наречия *тайно* и *втайне*. Большая часть названных слов имеет отношение к общеславянской лексике и встречается в древнерусских памятниках письменности на разных русских территориях. От приведенных словообразовательных моделей заметно отличались сложные наречия типа *стрьмьглавь* (*стрьмоглавь*), которые зафиксированы наряду с исходными сочетаниями со значением ‘вниз головою’. Однако к XVIII веку это книжное наречие меняет сферу употребления и утверждается в форме *стремьглавъ* с новым значением ‘очень быстро, мгновенно, молниеносно’ (подобных образований сохранилось немного). В древнерусском языке можно выделить несколько групп наречий, имеющих и другие словообразовательные модели. Некоторые из них (часто в измененном виде) сохраняются в современном русском языке до сих пор.

Для первого урока по этой теме учителю целесообразно подготовить общую историческую справку о наречиях. При учете возрастных особенностей учеников 7 класса, а также при условии их предварительной подготовки по истории других частей речи (в первую очередь имен существительных и прилагательных) следует объяснить, что при научном описании грамматической системы русского языка многие положения об истории отдельных категорий носят условный характер. Это связано с тем, что отдельные классы слов развивались в процессе взаимодействия разных частей речи с разными грамматическими

признаками. По этой причине границы такого взаимодействия часто оказывались очень неустойчивыми. История наречий служит тому ярким примером. Как единицы развивающейся лексической системы русского языка, разные группы этих обстоятельственных слов, образованные при помощи разных частей речи, способны были передавать самые тонкие оттенки мысли человека.

В школьной практике наречие как неизменяемая часть речи интересна, прежде всего, происхождением их словообразовательной структуры. Поэтому исторический комментарий можно начинать с характеристики отдельных форм по этому признаку. К самым древним можно отнести наречия на *-де* (*къде, сьде, вьсьде, онъде, овъде, инъде* и др.), которые указывали на место нахождения; наречия на *-амо (-ямо)* (*тамо, камо, овамо, инамо* и др.), которые указывали на место направления действия. В современном русском языке от этой некогда многочисленной группы сохранились наречия *там* и *сям*. Однако они, часто употребляемые вместе, указывают на место действия, а не направление. Смысловой парой для *там* является наречие *здесь*, которое имело свою историю в составе местоименных образований (первичная его форма *сьдьсь*). Наречия на *-уду (-юду), -удъ (-юдъ)* указывали как на место (где?), так и на направление (куда?) (*отъкуду, отъсюду, туду, въсюду, въсюдъ, отъвьсюду* и др.). Словообразовательные варианты на *-уда, -уды* появились в древнерусском языке позднее (в старославянском языке таких форм не было). В просторечии и говорах были распространены наречия типа *туды-сюды*, а в литературном языке укреплялись формы *отсюда, досюда, покуда, всюду, повсюду, отовсюду* и т.п. С указанием на время действия использовались древние по происхождению наречия на *-гда* (*овогда, нѣкогда, тъгда, инъгда, вьсьгда, повьсьгда* и т.д.). Часть из них под влиянием фонетических процессов в измененном виде употребляется до сих пор. Полезным для исторического комментария в этом направлении будет характеристика числовых наречий на *-шьды (-жды)*. Первичные сложные формы *тришьды, шестишьды, дъвашьды, мъногашьды, осмишьды* и под. включали в свой состав второй корень *-шьд-*, этимологически связанный с **xod-*. Первоначально общее значение таких форм было ‘два (три, четыре, пять и т.д.) хода или шага’. После падения редуцированных в результате регрессивной ассимиляции произношение и правописание подобных наречий изменились, вторая их часть (как некогда самостоятельный корень) полностью утратила свою былую историю.

При изучении наречий на уроках русского языка бо́льшая часть материала связана с правилами правописания отдельных форм. Исторический комментарий учителя может помочь при написании, например, конечного *-а* в наречиях *издавна, справа, слева, досвета* и под. Своим происхождением такие формы связаны с именными прилагательными, которые ранее склонялись. Перечисленные наречия – это «застывшие» формы кратких прилагательных в родительном падеже единственного числа. В поисках правильного выбора окончания,

достаточно сравнить такое наречие с соответствующей формой имени существительного в этом же падеже, – они должны совпадать: *издавна – из окна, справа – с дуба, досвета – до рассвета* и под.

Воспитание «чувства историчности» играет важную роль в процессе обучения школьников основам родного языка. Опираясь на полученные сведения, они приобретают представление о русском языке как о многофункциональной системе, развивающейся в историческом контексте и требующей глубокого понимания ее структуры и эволюции. Историческое освещение языковых фактов имеет большое методологическое и методическое значение, способствует формированию лингвистического мировоззрения учащихся, что делает сегодня *принцип историзма* актуальным и востребованным, поскольку он является важным инструментом решения задач обучения и позволяет объяснить современные языковые явления через установление их исторических свойств. Понимание этого становится все более важным в связи с переходом школ ДНР на новые российские стандарты обучения. Учителя-словесники занимаются решением важных задач, связанных с созданием такой образовательной среды, в которой образованность, эрудиция и знание основ филологической науки становятся необходимым условием высокого уровня общей грамотности учащихся. Хочется надеяться, что желание ученых-лингвистов создать лингводидактические основы школьного курса истории русского языка будет воплощено в школьную практику.

Литература

1. Ломоносов, М. В. О нынешнем состоянии словесных наук в России / М. В. Ломоносов // Труды по филологии 1739–1758. – Т. 7: Изд-во АН СССР. – М.–Л., 1952. – С. 581–583.

2. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. – Кн. 1: А–Н. – 1023 с.

3. Буслаев, Ф. И. Преподавание отечественного языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Просвещение, 1992. – 511 с.

4. Шахматов, А. А. Историческая морфология русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещение РСФСР, 1957. – 400 с.

5. Фортунатов, Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе / Ф. Ф. Фортунатов // Избранные труды. Т 2. – М. : Госучпедгиз Министерства просвещения РСФСР, 1957. – С. 439–440.

6. Янышевская, В. В. Дидактический принцип историзма на уроках русского языка: к постановке проблемы / В. В. Янышевская // Донецкие чтения – 2023 : Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VIII Международной научной

конференции 25–27 октября 2023 г. – Т.4. Филологические науки. Часть 1 : Под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк, 2023. – С. 195–197.

7. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.

A. VELICHKO, V. IANYSHEVSKAIA

Federal State Educational Institution of Higher Education "Donetsk State University"

Donetsk, Russian Federation (DPR)

THE DIDACTIC PRINCIPLE OF HISTORICISM AND ITS USE IN THE PROCESS OF STUDYING ADVERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

The article examines the need to apply the didactic principle of historicism in the process of learning the Russian language in a modern secondary school. It is stated that knowledge of the history of the native language and teaching of this important academic subject based on fundamental scientific research in the field of its historical development contribute to the help preserve the Russian language as a national treasure and an important element of our culture and history.

the principle of historicism, the history of the Russian language, linguodidactics, adverb, historical commentary.

Величко Анастасия Владимировна – студентка 4 курса профиля «Славянская филология» федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: история русского языка; методика преподавания русского языка в школе.

Янышевская Вера Владимировна – старший преподаватель кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е. С. Отина федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: история русского языка; школьная лингводидактика.

Velichko Anastasia Vladimirovna is a 4th grade student of the profile «Slavic Philology» at the Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University». Research interests: history of the Russian language; methods of teaching the Russian language in school.

Ianyshevskaia Vera Vladimirovna is a senior lecturer at the Department of General, Slavic and Applied Linguistics named after E. S. Otin of the Federal State Educational Institution of Higher Education Donetsk State University. Research interests: history of the Russian language; school linguodidactics.

УДК 81’276.5

А. Д. ДУРСУН, Д. И. БОРОЗЕНЕЦ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ (ДНР)

ВНЕВРЕМЕННОЙ ХАРАКТЕР СЛЕНГА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Статья исследует вневременной характер сленга как языкового явления на материале опроса жителей Донбасса; в работе прослеживается эволюция сленга от исторических форм до современного интернет-сленга, анализируются механизмы его формирования, функции и межпоколенческие различия в восприятии и использовании – результаты подтверждают, что сленг остаётся живым инструментом общения, чутко отражающим социальные и технологические изменения.

сленг, коммуникативная функция, групповая идентификация, экспрессия, межпоколенческие различия.

Язык представляет собой динамичную систему, чутко реагирующую на социальные, культурные и технологические изменения в обществе. Сленг выступает одним из наиболее ярких проявлений этой динамики: он не только отражает дух времени, но и служит важным инструментом коммуникации в различных социальных группах. Цель данной статьи – исследовать вневременной характер сленга как языкового явления на материале опроса жителей Донбасса. Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на постоянное обновление лексического состава, сленг выполняет устойчивые коммуникативные функции – самовыражение, групповую идентификацию и экспрессию, – которые остаются актуальными для носителей языка вне зависимости от эпохи. Предполагается, что ключевые элементы сленга передаются между поколениями: традиционные сленговые единицы, привычные для старшего поколения и унаследованные молодёжью (например, *чувак* – обращение к молодому человеку, *клёво* – оценка чего-либо как хорошего, отличного), сохраняются в активном употреблении у молодёжи, адаптируясь к новым коммуникативным условиям.

Сленг – важная часть языковой системы, выполняющая значимые коммуникативные и социальные функции. Термин *сленг* пришёл в русский язык из английского и начал активно употребляться в начале XIX века. В России широкое распространение этого понятия относится ко второй половине XX века, когда усилились процессы демократизации языка.

В широком смысле сленг – это набор слов и выражений, употребляемых в неформальном общении определёнными группами людей. Как отмечают исследователи, «сленг – особая

группа слов и выражений, используемых определёнными социальными или возрастными группами, отличающихся от норм литературного языка» [1, с. 629].

И. Р. Гальперин определяет сленг как «особый пласт лексики, возникающий на базе литературного языка путём переосмысления значений, словотворчества и заимствования» [2, с. 215].

Истоки сленга уходят в глубокую древность. В XIV–XV веках в студенческих корпорациях Германии формировался буршеский жаргон. В России студенческий сленг начал складываться в XIX веке, особенно после открытия Императорского Дерптского университета в 1802 году [3, с. 45]. Яркий пример раннего русского сленга – бурсацкий жаргон, описанный Н. Г. Помяловским в «Очерках бурсы» (1862–1863): *гляделы* ‘глаза’, *отчехвостить* ‘высечь’, *рождество* ‘лицо’.

В XX веке сленг стремительно развивался под влиянием массовой культуры и СМИ. В 1990-е годы в русский язык хлынул поток англоязычных заимствований: *комп* ‘компьютер’, *гамать* ‘играть в компьютерные игры’ (от английского *game* ‘игра’), *лузер* ‘неудачник’ (от английского *to lose* ‘проигровать’), *юзер* ‘пользователь’ (от английского *to use* ‘использовать’). В английском языке это преимущественно нейтральные слова, но в русском они приобретают дополнительную коннотацию [4, с. 134].

Сленг в цифровую эпоху формируется в интернет-среде и характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, это гипердинамичность: новые слова распространяются с беспрецедентной скоростью [5]. Источниками выступают мемы (*это фиаско, братан*), онлайн-игры (*имба* ‘нечто очень сильное, превосходное’ (сокращение от *imbalanced* ‘нечто очень сильное, нарушающее баланс’), *нуб* ‘неопытный игрок’), соцсети (*заскринить* ‘сделать скриншот’). Механизмы формирования включают графическую игру (*превед* – шутливое приветствие), заимствования (*лайк*, *хештег*), аббревиацию (*ЛОЛ* < laughing out loud ‘смеяться вслух’, *ИМХО* < in my humble opinion ‘по моему скромному мнению’), метафоризацию (*зависнуть* ‘перестать работать (о технике(, или находиться в состоянии задумчивости (о человеке)’) [6, с. 312].

Функции сленга многообразны. Коммуникативная функция обеспечивает быструю передачу информации внутри группы. Идентификационная функция выступает маркером принадлежности к группе, позволяя отличать «своих» от «чужих» [7, с. 98]. Экспрессивная функция придаёт речи эмоциональность и выразительность (*круто* вместо *хорошо*). Эвфемистическая функция смягчает табуированные темы (*отбросить коньки* вместо *умереть*) [6, с. 405].

Вневременные черты сленга при недолговечности отдельных его единиц проявляются в постоянном обновлении, гибкости и адаптивности.

Сленг представляет собой функциональную разновидность языка, обеспечивающую эффективную коммуникацию внутри социальных групп и выполняющую экспрессивную и идентификационную функции. Он динамично реагирует на социокультурные изменения, отражает актуальные общественные тенденции и способствует обогащению языковой системы за счёт новых номинаций и стилистических решений.

Опрос среди жителей Донбасса был проведён с целью изучения восприятия и использования сленга разными поколениями, проверить гипотезу о его вневременном характере и выявить динамику распространения сленговых единиц.

Вопросы были разделены на несколько блоков. В первом респонденты указали свой возраст, статус, профессию/направление обучения и собственное отношение к сленгу. В последующих блоках они определяли собственное знание сленга разных поколений и предполагали, насколько данные сленговые единицы могут быть знакомы представителям другого поколения.

В выборке преобладает возрастная группа 15–20 лет (75 %, 54 человека из 72), что закономерно: молодёжь наиболее активно использует сленг. Несмотря на меньшую представленность респондентов 20–30 лет (15,3 %, 11 человек) и 40–50 лет (6,9 %, 5 человек) полученные результаты позволяют сравнить восприятие сленга разными поколениями.

Отношение респондентов к сленгу преимущественно нейтральное (66,7 %, 48 человек), положительное отношение выразили 31,9 % (23 человека), и лишь 1,4 % (1 человек) относятся к сленгу отрицательно. Преобладание нейтрального отношения может свидетельствовать о восприятии сленга как неотъемлемой части современной коммуникации.

Осведомлённость и использование сленга оказались высокими. На вопрос «Знакомы ли вам данные сленговые единицы?» (*чувак* ‘обращение к парню, юноше’, *бабки* ‘деньги’, *прикид* ‘одежда’, *лаве* ‘деньги’ и т. д.) 85,1 % (63 человека) ответили «Да», а 14,9 % (11 человек) – «Некоторые знакомы». Никто не заявил о том, что данные сленговые единицы им не знакомы. Это подтверждает, что предложенные слова достаточно распространены. Особенно показательно, что слова *лаве*, *бабки* появились много лет назад, но до сих пор понятны большинству респондентов – они стали примером вневременного сленга, сохранившего актуальность.

Респонденты уверены, что современная молодёжь понимает предложенные сленговые единицы (*чувак* ‘обращение к парню, юноше’, *бабки* ‘деньги’, *прикид* ‘одежда’, *лаве* ‘деньги’ и т. д.): 77 % (57 человек) ответили «Понимают», а 23 % (17 человек) – «Понимают частично». Отсутствие ответов «Не понимают» подтверждает, что этот сленг – часть активного лексикона молодого поколения, что осознают даже представители других поколений. При этом восприятие сленга людьми старше 35 лет оценивается иначе. Респонденты считают, что

старшее поколение в большинстве своём понимает лишь часть предложенных единиц (*вайб* ‘атмосфера, настроение’, *чил* ‘расслабляться, отдыхать’, *кринж* ‘чувство стыда или неловкости’, *рофл* ‘шутка, смех’ и т. д.): 61,8 % (47 человек) ответили «Понимают частично», 26,3 % (20 человек) – «Не понимают», лишь 11,8 % (9 человек) считают, что люди старше 35 лет понимают сленг полностью. В то же время современный сленг, представленный такими словами, как *кринж* ‘чувство стыда или неловкости’ или *вайб* ‘атмосфера, настроение’, быстро набирает популярность и даже начинает проникать в речевой обиход старшего поколения.

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о вневременном характере сленга. Традиционные сленговые единицы сохраняются в активном употреблении, адаптируясь к современным коммуникативным условиям, а цифровые технологии заметно ускоряют процессы формирования и распространения новых слов. Межпоколенческие различия в понимании сленга подчёркивают его роль как маркера культурной принадлежности, но не отменяют его значимости как живого инструмента общения, чутко отражающего дух времени и социальные изменения.

Литература

1. Зуйко, В. А. Молодёжный сленг и способы его перевода на русский язык / В. А. Зуйко, Л. Н. Фоменко // Форум молодых учёных. – 2018. – № 12-2 (28). – С. 629–632.

2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.

3. Анищенко, О. А. Словарь русского школьного жаргона XIX века / О. А. Анищенко. – М., 2007. – 240 с.

4. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Просвещение, 1968. – 208 с.

5. Григорьева, Т. А. Современная молодёжная речь / Т. А. Григорьева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1–5. – С. 63–66.

6. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной речи / В. В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 762 с.

7. Швейцер, А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1983. – 216 с.

A. DURSUN, D. BOROZENETS

Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»

THE TIMELESS NATURE OF SLANG (BASED ON SOCIOLINGUISTIC SURVEY DATA)

Based on a survey of Donbas residents, the article highlights the timeless nature of slang as a linguistic phenomenon. It traces the evolution of slang from historical forms to modern internet slang, analyzing the mechanisms of its formation, functions, and intergenerational differences in perception and usage. The survey results confirm that slang remains a vibrant communication tool that чутко reflects social and technological changes.

slang, communicative function, group identification, expression, intergenerational differences.

Дурсун Алиса Денисовна – студентка 2 курса направления подготовки «Фундаментальная и прикладная лингвистика» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: прикладная лингвистика, стилистика, лексикология.

Борозенец Дарья Игоревна – ассистент кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е. С. Отина федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: словообразование, история русского языка, политическая лингвистика, языковая картина мира, прикладная лингвистика.

Dursun Alice – 2nd-year student of the Fundamental and Applied Linguistics program at the Donetsk State University, a federal state budgetary educational institution of higher education. Her research interests include applied linguistics, stylistics.

Borozenets Daria – assistant at the Department of General, Slavic, and Applied Linguistics named after E. S. Otin at the Donetsk State University, a federal state budgetary educational institution of higher education. Her research interests include word formation, history of the Russian language, political linguistics, linguistic worldview, and applied linguistics.

УДК 811.161.1

П. Д. ЗАБРОВСКАЯ, Т. В. МОСКОВСКАЯ

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»,
г. Донецк, РФ (ДНР)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРФОЭПИЧЕСКИХ НОРМ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются языковые процессы, связанные с вариативностью ударения в русском языке, анализируются причины появления дублетов, рассматриваются внутренние и внешние факторы, влияющие на изменение нормы. Особое внимание уделено дилемме, связанной с фиксацией ненормативных вариантов живой речи и сохранением нормативности. Прогнозируется упрощение орфоэпической системы.

акцентологическая система, орфоэпические нормы, вариативность ударений, типология дублетов, эволюция языка.

Грамотное владение навыками вербальной коммуникации – значимый навык для современного специалиста. Восприятие собеседника напрямую зависит от соблюдения языковых норм, включая правильную расстановку ударений. Владение орфоэпическими и другими языковыми нормами является не просто формальностью, а прямым неотъемлемым признаком высокой речевой культуры.

Русский язык как живой организм неуклонно эволюционирует под влиянием социальных, технологических и культурных факторов. Особую динамику демонстрирует акцентологическая система, где подвижность ударения приводит к появлению дублетов – вариативных форм произношения одного слова, таких как твОрог / творОг или дОговор / договОр. В эпоху цифровизации, когда речь транслируется через соцсети, подкасты и стримы, различные акцентологические вариации выходят за пределы диалектов и проникают в стандартную норму.

В XXI столетии проблема кодификации русского ударения приобрела особую остроту. Это связано с трансформацией медийного дискурса, для которого характерен переход от стандартизированной, нормативной, строго регламентированной речи к спонтанному публичному общению и демократизация эфира (вовлечение в коммуникацию широкого круга носителей языка), что привело к дестабилизации традиционных акцентных норм в узусе и росту числа речевых вариантов. Актуальность темы обусловлена противоречием между живой

речью в реальном времени и нормативными требованиями, что ставит под вопрос роль словарей в их кодификации.

Цель работы – исследовать причины возникновения акцентологических дублетов, проанализировать позицию лингвистической науки в их регулировании и дать прогноз изменений норм в ближайшем будущем.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- изучить теоретические основы акцентологии русского языка и типологию дублетов;
- выявить лингвистические, социальные и медийные причины вариаций ударений;
- обосновать дилемму: фиксация живой речи или охрана норм;
- сформулировать прогноз эволюции акцентологических норм.

Ударение в русском языке представляет собой динамическую систему, где ударение не фиксировано на определенном слоге слова, в отличие от языков с постоянным акцентом (например, на первом слоге в финском, чешском, венгерском; на третьем слоге от конца слова в греческом, грузинском; на предпоследнем в польском, гавайском, суахили; на последнем во французском, персидском, кхмерском). Подвижность ударения, его свободное расположение в слове и способность к смене позиции в рамках парадигмы словоизменения – доминирующая черта русской акцентологии, позволяющая слову менять место ударения в зависимости от морфологических форм, стиля речи или исторического развития. Эта подвижность обусловлена эволюцией языка: в праславянском периоде ударение было музыкальным (высотным), а в современном русском стало динамическим (силовым), разноместным (свободным), с возможностью сдвига в парадигме (подвижным/неподвижным).

Как отмечают исследователи, такая свобода способствует выразительности речи, но также провоцирует появление акцентологических дублетов и усложняет нормативное регулирование.

Именно отсутствие универсального алгоритма определения места ударения, по мнению Н. В. Леуцкой, является первостепенной проблемой русской акцентологии. Данное обстоятельство обусловливает высокую частотность орфоэпических ошибок, характерных не только для инофонов, но и для носителей языка, что связано с незнанием орфоэпических норм и правил, т. к. акцентологии уделяется недостаточно внимания в процессе обучения [1, с. 104].

Силовое ударение в русском языке выполняет не только акустико-физиологическую функцию, но и является дифференцирующим и смыслоразличительным средством, выделяет слово в речевом потоке (чЕрти – чертИ, мАло – малО, хлОпок – хлопОк и др. омографы), а также служит важным элементом ритмической организации как поэтической, так и прозаической речи. В нормативной орфоэпии подвижность регулируется словарями, такими

как «Русский орфоэпический словарь» РАН, где фиксируются предпочтительные варианты с учетом частотности употребления.

Акцентологический дублет – это равноправные варианты одного и того же слова, различающиеся только местом ударения, что не влияет на смысл или стилистическую окраску. В отличие от омонимов (слов с одинаковым звучанием и написанием, но не связанных друг с другом значениями), дублеты представляют собой разные фонетические (иногда графические) варианты одной и той же языковой единицы, выражающие либо идентичное, либо стилистически маркированное значение. Дублеты не возникают случайно, а появляются как результат языковой эволюции, и классифицируются по типам:

1. Региональные дублеты связаны с народным говором и диалектным влиянием. При этом в словарях РАН дуплетные варианты отмечены как допустимые, например, твОрог (северные диалекты) и творОг (южные и центральные).

2. Стилистические дублеты зависят от сферы употребления, например, зАмок (крепость, книжный стиль) и замОк (механизм, нейтральный). Это отражает функциональную дифференциацию.

3. Ситуативные дублеты зависят от контекста (речь, ритм, эмоциональность). Н. М. Трубицин относит такие достаточно редкие варианты к «поэтической вольности» и отмечает, что некоторые из них и сейчас фиксируются в орфоэпических словарях как устаревшие формы ударения [2, с. 147].

Следовательно, дублеты – не отклонение, а проявление живой нормы, требующее баланса в кодификации.

Лингвистические причины акцентологических дублетов коренятся во внутренней структуре языка. Одним из ключевых лингвистических факторов является аналогия – механизм переноса ударения по модели семантически или морфологически близких слов. В паре твОрог / творОг вариант твОрог формируется по аналогии с существительными типа гОрод или звОног, где ударение стабильно падает на первый слог, упрощая парадигму склонения. Аналогия способствует унификации, делая систему ударений более предсказуемой для носителей.

Другим важным процессом служит ассимиляция – фонетическое уподобление звуков, приводящее к сдвигу ударения для облегчения артикуляции. В дублете дОговор / договОр второй вариант предпочтителен в быстром темпе речи, поскольку гласные в безударных позициях редуцируются, а ударный слог выравнивает ритм. Такие изменения отражены в орфоэпических словарях как допустимые варианты.

В. В. Фролова связывает проблему стигматизации акцентологической вариативности с централизацией нормы в 30-е годы. На примере глагола «звонить» исследователь показала

закономерности появления и распространения варианта разновидностей ударения в глаголах на -ить под воздействием южнорусских языков (одновременное существование послекорневого ударения, характерного для старой формы, и нового варианта, не закреплённого нормой [4].

Социолингвистические факторы усиливают лингвистические тенденции. Урбанизация приводит к смешению диалектов: носители южных говоров с творОг мигрируют в мегаполисы, где их вариант конкурирует с московским твОрог. Еще большим катализатором выступают СМИ и интернет-мемы. Соцсети популяризируют нестандартные ударения: в кулинарных видео «творОг» звучит чаще благодаря ритму и эмоциональности говорящих, обходя словарные нормы. В поэзии вариативность усиливает выразительность, как в примерах с «договОр» для метрической стройности.

Кроме того, Н. В. Черникова отмечает влияние социально-профессиональных диалектов, не соответствующих общепринятой норме. Акцентологические сдвиги, по мнению ученого, под этим влиянием в XX веке существенно возросли и даже зафиксированы в «Орфоэпическом словаре русского языка» [5, с. 33].

По мнению В. Х. Унатлокова, для всестороннего описания типологии и причин вариативности ударения в современном русском языке необходим междисциплинарный подход, объединяющий методы акцентологии, социолингвистики и педагогики. Это обусловлено тем, что реальная речевая практика формируется под влиянием не только внутрисистемных языковых законов, но и внешних институциональных факторов, таких как система образования, механизмы социального контроля (оценивания) и нормы публичной коммуникации [3, с. 269].

Из сказанного следует, что лингвистические и социолингвистические причины взаимосвязаны: внутренние процессы языка активизируются внешними влияниями, делая дублеты неотъемлемой чертой современной орфоэпии.

Орфоэпические словари выступают основным инструментом кодификации акцентных норм, балансируя между фиксацией живой речи и сохранением традиций. Они не только отражают актуальное состояние языка, но и во многом формируют языковую практику, задавая ориентиры для носителей языка в образовательной, профессиональной и публичной сферах. Именно через такие словари происходит институционализация нормы, ее закрепление и передача последующим поколениям.

Лингвистическая наука, опираясь на орфоэпические словари, сталкивается с фундаментальной дилеммой: дескриптивный подход (описание реального употребления) или прескриптивный (предписание нормативного варианта). Дескриптивный подход стремится максимально объективно зафиксировать существующую языковую практику, включая

вариативность и колебания нормы. В свою очередь, прескриптивный подход ориентирован на упорядочение и стандартизацию языка, что особенно важно в условиях массового образования, СМИ и официальной коммуникации.

В прескриптивных словарях предпочтение отдается одному варианту произношения: творОг как основной, с пометой «доп.» для варианта твОрог. Такая иерархизация вариантов способствует формированию устойчивых речевых стандартов и снижает уровень неопределенности для носителей языка. Это особенно значимо в образовательной среде, где необходимы четкие критерии оценки речевой правильности, а также в официально-деловом стиле, где соблюдение нормы напрямую связано с речевым авторитетом говорящего.

Однако дескриптивные издания фиксируют оба варианта без жесткой иерархии, опираясь на данные языковых корпусов и реальные речевые практики. Подобный подход отражает тенденцию к признанию языковой вариативности как естественного свойства живого языка. Он позволяет учитывать региональные, социальные и стилистические особенности употребления, тем самым расширяя представление о норме как динамическом явлении.

Важно учитывать влияние медиа и цифровой среды, где ускоряется распространение вариантов произношения. Интернет-коммуникация и аудиовизуальный контент способствуют популяризации ранее маргинальных форм, что усиливает давление на традиционную норму и делает процесс кодификации еще более сложным и многослойным. Значительная часть орфоэпических и акцентологических ошибок носит закономерный характер, поскольку они обусловлены действием системных факторов, в частности аналогией и другими проявлениями языковой динамики.

Можно заключить, что современная лингвистическая наука все чаще склоняется к компромиссной модели: признанию многовариантности с одновременным введением стилистических, частотных и нормативных помет. Такой подход позволяет сочетать научную объективность с практической необходимостью регулирования речи.

Современные тенденции указывают на постепенное упрощение акцентной системы русского языка, что проявляется, прежде всего, в усилении так называемого прогрессивного ударения – сдвига акцента к концу слова. Значительную роль в этом процессе играет молодежная речь, выступающая своеобразным полигоном языковых инноваций.

Не менее значимым фактором является глобализация, которая усиливает влияние заимствований и способствует появлению гибридных акцентных моделей. Взаимодействие с другими языками и культурами приводит к изменению привычных акцентологических схем, особенно в профессиональной и молодежной среде.

Таким образом, импульс к развитию акцентологии обусловлен внутренними закономерностями. Лингвистическая наука стоит перед задачей не столько жесткого

сохранения устоявшихся норм, сколько их адаптации к динамично меняющейся языковой реальности при сохранении системного единства языка. Прогностические оценки подтверждают тенденцию к дальнейшему упрощению акцентной системы под влиянием цифровизации и молодежной речи: предполагается, что в период 2035–2045 гг. многовариантность станет не отклонением, а новой нормой языкового существования.

Литература

1. Леуцкая, Н. В. Актуальные проблемы постановки ударения в современном русском языке / Н. В. Леуцкая // Донецкие чтения – 2025 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности – Том 4: Филологические науки. Часть 1 / Глав. ред. С. В. Беспалова. – Донецк : Изд-во ДонГУ, 2025. – 452 с. – С. 103–106.

2. Трубицин, Н. М. Вариативность ударения в русской поэзии / Н. М. Трубицин // Молодой исследователь Дона. – 2019. – №4 (19) / Глав. ред. Б. Ч. Месхи. – Ростов-на-Дону : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», 2019. – 155 с. – С. 145–153.

3. Унатлоков, В. Х. Вариативность норм ударения в современном русском языке и факторы их кодификации / В. Х. Унатлоков, З. Ш. Омарова, С. М. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – №1 (116) / Глав. ред. А. В. Петров. – Горно-Алтайск : Редакция международного научного журнала «Мир науки, культуры, образования». – 390 с. – С. 268–271.

4. Фролова, В. В. Зво́нит или звони́т? Вариативность ударения / В. В. Фролова // Молодой ученый. – 2026. – № 17 (620). – [Электронный ресурс]. – URL: https://moluch.ru/archive/620/135615 (дата обращения 10.04.2026).

5. Черникова, Н. В. Причины акцентологических изменений в русском языке / Н. В. Черникова, В. О. Бельянинова, А. А. Кузьмина // Наука и образование, 7 (1) / Глав. ред. Р. В. Папихин. – Мучуринск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мичуринский государственный аграрный университет», 2024. – 160 с. – С. 31–39.

P. D. ZABROVSKAYA, T. V. MOSKOVSKAYA

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russian Federation (DPR)

TRANSFORMATION OF ORTHEPEPIC NORMS AS A REFLECTION OF LANGUAGE PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article examines the linguistic processes associated with the variation of stress in the Russian language, analyzes the causes of the appearance of doublets, and examines internal and external factors influencing the change in the norm. Special attention is paid to the dilemma associated with the fixation of non-normative variants of live speech and the preservation of normality. Simplification of the orthoepical system is predicted.

accentual system, orthoepic norms, variability of accents, typology of doublets, language evolution.

Забровская Полина Денисовна – студентка 1 курса группы ТЭТД-25-А факультета таможенного дела ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», направление подготовки 38.03.07 Товароведение, профиль: Товароведение и экспертиза в таможенном деле. Научные интересы: формирование профессиональных компетенций специалистов таможенного дела.

Московская Татьяна Викторовна – старший преподаватель кафедры философии и русской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского». Научные интересы: ноосферное образование, структура и функционирование языка.

Zabrovskaya Polina– student of the TETD-25-A group of the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, majoring in 38.03.07 Commodity Science, profile: Commodity Science and Expertise in Customs Affairs. Research interests: developing the professional competencies of customs specialists.

Moskovskaya Tatyana – senior lecturer at the Department of Philosophy and Russian Philology of the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky. Scientific interests: noospheric education, structure and functioning of language.

УДК 811.161.1

В. В. ЗАДОРОЖНЯЯ, Ж. С. СВИРЕНКО

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

НОРМЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КУЛЬТУРА РЕЧИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются нормы речевого поведения в русском языке в условиях интернет-коммуникации. Проанализированы особенности сетевого этикета, проблема соблюдения речевых норм в виртуальных дискурсах, факторы деформации нормы и подходы к восстановлению речевой культуры в онлайн-общении. Показано, что виртуальное пространство, как и полностью игнорирует все правила, так и создает возможности для нормативной культуры речи.

нормы речевого поведения, культура речи, интернет-коммуникация, речевой этикет, виртуальная речь, деформация нормы.

В эпоху, когда подавляющее число социальных контактов происходит через мессенджеры, форумы, социальные сети, актуальность норм речевого поведения становится особенно заметной. Интернет задаёт свои условия: ускоренный обмен сообщениями, частые сокращения, эмоциональная окраска и снижение формального фильтра. В этих условиях нередко смешиваются стили – деловой, бытовой, разговорный – и возникает необходимость в выработке адекватных норм поведения.

В статье поставлена цель – осветить ключевые нормы речевого поведения в современном русском виртуальном общении, показать характерные тенденции и предложить пути адаптации языковой культуры к новым условиям.

В работе была применена лингвистическая и дискурсивная аналитика: анализ текстов публичных форумов, блогов, комментариев и социальных сетей. Важным ориентиром стали современные публикации по сетевому этикету и культуре речи.

Рассмотрим основные черты интернет-речи и их влияние на нормы.

1. Свобода стилистических вариаций. В виртуальной коммуникации широко распространены аббревиатуры, эмодзи и другие средства, упрощающие и ускоряющие текст. Например, слово «намана» вместо «нормально» получает распространение как сознательное нарушение нормы, но в виртуальной среде оно воспринимается не как случайная ошибка, а

как стилистическая метка разговора [4]. Это означает, что нормы допускают функциональные вариации, особенно в неформальных жанрах.

2. Сетевой этикет как подмножество речевых норм. Сетевой этикет выступает системой правил, способствующих взаимной вежливости, уважению, снижению агрессии и корректному взаимодействию (например, приветствие, благодарность, формы обращения) [2]. В этой сфере важны такие средства, как вежливые формулировки, нейтральные обращения, смягчающие маркеры и сдерживание негативной экспрессии. Бывает, что в чатах остаются сообщения без ответа, задаются риторические вопросы, применяется «игнор»: это тоже форма нормы – или антинормы. Такое поведение может восприниматься как невежливость или пренебрежение. Однако часто происходит нарушение этих норм: использование сарказма, троллинг, агрессивные высказывания, резкие высказывания. В частности, подростковая аудитория может пренебрегать вежливыми формами в силу влияния анонимности и лёгкости коммуникации [2].

3. Анонимность и дистанция. Интернет создаёт ощущение дистанции между участниками дискурса, что снижает отчетность за сказанное. Это может провоцировать агрессивность и даже речь, нарушающую закон [3]. В таких условиях нормы должны быть более устойчивыми и актуализированными: нежелательные формы должны быть корректируемы, а негативные высказывания – мягко нейтрализуемы. Наиболее заметная проблема – агрессия, оскорбления, троллинг. Такие проявления часто маскируются под «шутки» и сарказм. Речь может быть напрямую или скрыто провокационной. Нормы общения нарушают не только явные оскорбления.

4. Манипулятивные стратегии. В сетевом общении регулярно используются методы влияния на собеседника с помощью речи: сарказм, намёки, экспрессивные фразы, а также сокрытие реальных целей посредством тонких языковых ходов. Для успешного взаимодействия необходимо обладать развитым языковым чувством и уметь выявлять подобные воздействия.

5. Тематическая чувственность и табуированные темы. Некоторые высказывания, касающиеся чувствительных тем (политика, религия), даже если не содержат явной агрессии, могут восприниматься как нарушающие нормы корректности. В современной практике применяются автоматические средства фильтрации токсичности и «неуместных» сообщений [2], что отражает ожидание соблюдения этических границ.

6. Трансформация речевых норм В интернет-речи часто допускаются неологизмы, заимствования, сленговые формы и англицизмы [5]. Они могут проникать в узус и постепенно закрепляться внутри отдельных сообществ. При этом сохраняются нормы стандартной лексики, особенно в официальных и полуофициальных жанрах [4].

7. Нарушения в орфографии и пунктуации. Нарушения орфографической нормы в сети встречаются часто – пропущенные буквы, неправильные окончания, отсутствие заглавных букв, сокращения [1]. При этом часть пользователей сознательно игнорирует привычные правила как маркеры «неформальности». Такая практика количественно увеличена, но не становится нормативной в литературном языке.

8. Стилизация и кодификация Онлайн-речь допускает смешение стилей – разговорные элементы, эмотивные вставки (эмодзи, смайлы), игнорирование строгой пунктуации. Но в официальных коммуникациях (электронная почта, деловые переписки) нормы стилистической стабилизации остаются ключевыми [4].

Существуют некоторые подходы к поддержанию культуры речи в интернете, например:

1. Обучение и сознательное культивирование норм. Виртуальное образование и курсы речевой культуры могут способствовать знакомству пользователей с приемлемыми нормами общения [4].

2. Реализация модерации в сообществах. Модерация с мягкой корректировкой сообщений может стать инструментом поддержания речевых стандартов [2].

3. Нормативное регулирование жанровых рамок. В сообществах и платформах можно формировать рекомендации и правила общения: от приветствия до формулы прощания [3].

4. Развитие языковой рефлексии. Поощрение самоконтроля и осознания потенциальной ответственности за слова, даже в виртуальном дискурсе, укрепляет культуру общения.

Из практики приведём следующие примеры:

1. В комментариях на тематических форумах пользователи часто используют вежливые обращения («уважаемые», «добрый день») перед формулировкой претензий, что демонстрирует попытку интегрировать сетевой этикет

2. В группах образовательного характера встречаются корректировки сообщений участников (мягкие замечания о стилистике или орфографии) – это форма «нормативного воздействия» в узком сообществе.

3. В официальных аккаунтах (университетов, компаний) сохраняются строгие нормы стиля и формата: приветствие, обращение, подпись.

Таким образом, нормы речевого поведения в современном русском языке в условиях интернет-коммуникации трансформируются, но не исчезают. Виртуальная среда предъявляет к ним новые требования: гибкость, адаптивность, этичность и устойчивость. Нормативные рамки переплетаются с узусом, и культура речи в онлайне может поддерживаться через обучение, модерирование и языковую рефлексию. Это позволяет виртуальному общению оставаться не только свободным, но и грамотным, уважительным и конструктивным

Литература

1. Анненкова, А. В. Лингвостилистические особенности современной интернет-коммуникации (на материале сетевых комментариев к статье на общественно-политическую тематику) / А. В. Анненкова // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 3 (31). – URL: https://rulb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.17 (дата обращения: 02.04.2026).

2. Ашманов, И. С. Цифровая гигиена : практическое руководство / И. С. Ашманов, Н. В. Касперская. – Санкт-Петербург : Питер, 2022. – 320 с.

3. Барабаш, В. В. Этико-речевые нормы современного русского языка : учеб. пособие / В. В. Барабаш, Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. – Москва : ФЛИНТА, 2022. – 247 с.

4. Козырев, В. А. Русский язык и культура речи. Современная языковая ситуация : учебник / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – Москва : Юрайт, 2024. – 416 с.

5. Хабарова, Л. П. Влияние цифровых платформ и интернет-культуры с преобладанием английского языка на ускорение процесса гибридизации / Л. П. Хабарова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 11 (149). – URL: https://research-journal.org/archive/11-149-2024-november/10.60797/IRJ.2024.149.128 (дата обращения: 02.04.2026).

V. V. ZADOROZHNYA, Zh. S. SVIRENKO

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering".

NORMS OF LANGUAGE BEHAVIOUR IN CONTEMPORARY RUSSIAN: LANGUAGE CULTURE IN ONLINE COMMUNICATION

This article examines the norms of speech behaviour in the Russian language in the context of internet communication. It analyses the characteristics of online etiquette, the problem of adhering to speech norms in virtual discourses, factors leading to the distortion of norms, and approaches to restoring speech culture in online communication. It is shown that virtual space, whilst completely ignoring all rules, also creates opportunities for the development of a normative culture of speech. norms of speech behaviour,

culture of speech, internet communication, speech etiquette, virtual speech, deformation of norms.

Задорожняя Виктория Витальевна – студент группы ПГС-79В «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального

государственного бюджетного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный университет». Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация

Свиренко Жанна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный университет».

Viktoria Zadorozhnaya – student of PGS-79V groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: Russian language, intercultural communication.

Zhanna Svirenko – Ph.D (Pedagogy) , Associate Professor, Head of the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”.

УДК 81’33:004.8

А. С. ЗАЛОЗНАЯ, Д. И. БОРОЗЕНЕЦ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ (ДНР)

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИИ ГЕНЕРИРОВАТЬ ТЕКСТЫ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

В статье представлены результаты эмпирического исследования восприятия текстов, созданных человеком и искусственным интеллектом, на материале жанров, относящихся к разным функциональным стилям русского языка (художественный, научный, разговорный, публицистический, официально-деловой). Проанализирована точность различения по каждому стилю, выявлены типичные ошибки и маркеры, на которые опираются носители языка.

искусственный интеллект, функциональные стили, языковой портрет, различение текстов.

Стремительное внедрение больших языковых моделей в повседневную коммуникацию ставит перед лингвистикой принципиально новый вопрос: как меняется восприятие текста, когда его автором может быть как человек, так и искусственный интеллект? Сегодня нейросети генерируют не только техническую документацию, но и художественные описания, новостные заметки, разговорные сообщения, официальные документы. Как отмечает Н. И. Клушина, сегодня языковое пространство уже не является чисто человеческим: оно делится на гуманитарное (тексты людей), технологическое (тексты ИИ) и смешанное, где человек и нейросеть выступают как соавторы [1, с. 24–26]. При этом сами большие языковые модели функционируют как «технологические языковые личности», генерируя тексты на основе статистических закономерностей, а не понимания смысла, что принципиально отличает их от человека, обладающего интенциональностью и способностью к творческому порождению новых смыслов [2; 3].

Цель статьи – представить результаты эмпирического исследования восприятия текстов, созданных человеком и ИИ, на материале жанров, принадлежащим пяти функциональным стилям русского языка. Задачи исследования: 1) на основе проведённого эксперимента определить маркеры, отличающие гуманитарные и технологические тексты; 2) проанализировать типичные ошибки в восприятии текстов респондентами.

Для проверки теоретических положений был проведён опрос с использованием онлайн-платформы «Яндекс.Формы», в котором приняли участие 88 человек. Участникам были

предложены 5 пар текстов, каждая из которых представляла жанр одного из функциональных стилей. Задача респондентов заключалась в том, чтобы определить, какой из двух текстов написан человеком, и по возможности аргументировать свой выбор. Все тексты, написанные людьми, были подготовлены специально для эксперимента: авторы намеренно вводили в них маркеры живой речи (редкая лексика, инверсия, просторечия, личные оценки, конкретные детали), тогда как ИИ-тексты генерировались в «нейтральном» режиме без дополнительных уточнений. Выбор стилей не случаен: как показано в теоретической части работы на основе исследований Ю. В. Кобенко, каждый функциональный стиль обладает набором стилеобразующих черт (логичность, образность, стандартизированность и т.д.), которые могут по-разному воспроизводиться искусственным интеллектом [4, с. 151–196].

Ниже представлены пары текстов, использованные в эксперименте.

Таблица 1. Пары текстов, использованных в эксперименте

Текст, написанный человеком	Текст, сгенерированный ИИ
Очерк (художественный стиль)	
Я проснулся ранним утром, выглянул в окно и ахнул... В воздухе витало чувство приближающего ноября, но погода всё ещё радовала: только что прошел дождь, петрикором пахло. Птицы давали свои серенады на зависть спящим зевакам. Из немытых окон нашего дома можно рассмотреть отражения царской застройки: где-то ободранной, где-то-покосившейся и обветшалой, но всё ещё отдающей «венецианщиной» и напоминающей царскую Россию времён барокко и классицизма. Глядя на эти виды, мне захотелось плакать. Но не от боли, не от горечи, а от осознания того факта, что лишь в моём городе центр выглядит подобным образом и другого такого не существует…	Сумрак ещё не рассеялся, но небо уже начинало светлеть – тонкой полосой над деревьями. Ветер шевелил занавеску, и откуда-то тянуло прохладой и дымом. Всё вокруг будто застыло в ожидании: ни звука, ни шагов, только лёгкое дыхание утра… На подоконнике лежала книга, раскрытая на середине, и от страницы пахло чем-то спокойным – как будто время тоже устало спешить. Я смотрел на это и думал: есть минуты, когда жизнь вдруг становится понятной до боли. Дышать, видеть свет, смотреть как просыпается день…. И в этой простоте было что-то бесконечно тёплое, почти человеческое.
Техническое описание (научный стиль)	
Новая модель монитора Acer представляет собой сочетание высокой частоты	Современные смартфоны представляют собой многофункциональные устройства,

обновления и качественной матрицы. Диагональ экрана составляет 27 дюймов, а разрешение – 2560×1440 пикселей. В устройстве используется IPS-матрица, отличающаяся широкими углами обзора и устойчивостью к выгоранию, что обеспечивает длительный срок службы. Корпус монитора выполнен из алюминия с пластиковыми элементами, что повышает прочность конструкции и снижает её общий вес.	совмещающие средства связи, вычислительные операции и мультимедийные функции. Большинство моделей оснащается процессорами архитектуры ARM и дисплеями с частотой обновления 120 Гц, обеспечивающими высокую плавность изображения. Использование литий-ионных аккумуляторов с оптимизированной системой энергопитания способствует увеличению времени автономной работы. Корпус из алюминиевого сплава и закалённого стекла повышает устойчивость устройства к механическим воздействиям.
Монолог (разговорный стиль)	
Начать стоит с того, что я чертовски обожаю окрошку. Прям жить без неё не могу! Когда приходишь домой после тяжёлого рабочего дня, садишься за стол, раскладываешь все овощи по местам, достаешь нож для нарезки колбасы, для чистки варёной картошечки и целой кучи других даров лета, чистишь, чистишь и нарезаешь, сгружаешь все в алюминиевую кастрюльку и перемешиваешь. Ах да, готовить нужно строго на сыворотке и майонезе, без этого получается хрень какая-то, а не окрошка. И вот ты наливаешь первый половник, второй и половинку третьего. Красота-то какая. Как же я обожаю летние прохладные вечера, а на столе красуется окрошка и квас – ляпота, одним словом! И на душе тепло и немного майонезно-горчично, но это дань роскошной окрошки.	Да ну, честно, я просто обожаю такие тихие вечера, когда можно никуда не спешить. Сидишь, смотришь в окно, а там всё шуршит, дышит, живёт своей жизнью – листья там шепчутся, ветер с занавесками играет… Иногда берёшь кружку с чаем, ставишь на стол и смотришь, как пар поднимается, а мысли такие… сами по себе мечутся. И вот знаешь, прям ощущение такое – всё спокойно, никто не торопит, никто ничего не требует, и можно просто… ну просто быть, слушать, кайфовать от момента. Вот такие вечера, реально, заставляют ценить мелочи, которые обычно проходят мимо, а между прочим, в них столько всего крутого!

Новостная заметка (публицистический стиль)	
Недавно председателем партии ЛДПР был избран Леонид Слуцкий. Я считаю, что его кандидатура заслуживает внимания, и попробую объяснить, почему. Леонид представляет собой достойного преемника Владимира Вольфовича: он грамотен, расчётлив и при этом более сдержан. Это совершенно другой человек – не клон и не копия предыдущего лидера. Кроме того, он является квалифицированным экономистом, что подтверждает его докторская степень. Особого упоминания заслуживают и экономические инициативы, нацеленные на укрепление позиций России в мировых рейтингах, которые демонстрируют прагматичный и взвешенный подход к развитию страны.	Я давно заметил, что интерес к городскому озеленению растёт с каждым годом. На прогулках, особенно в парках, я вижу, как появляются новые деревья, клумбы и зелёные зоны, и это не может не радовать. На мой взгляд, такие инициативы важны не только для улучшения экологии, но и для качества жизни людей: прогулки на свежем воздухе помогают снять стресс, дают возможность встретить соседей, знакомых, почувствовать себя частью общества. Лично мне особенно нравится наблюдать, как жители сами ухаживают за растениями, поливают цветы, подстригают кусты или просто убирают мусор вокруг – такие мелочи делают пространство уютным и живым. Для меня очевидно, что развитие городской зелёной инфраструктуры действительно делает жизнь людей в городе лучше.
Аналитическая записка (официально-деловой стиль)	
Внутренний валовый продукт Российской Федерации за последние годы демонстрирует положительную динамику роста. Одновременно наблюдается сокращение уровня социального неравенства, что свидетельствует о постепенном улучшении социальной политики государства. В текущих условиях понятие «государство всеобщего благосостояния» может быть применимо к России в степени, сопоставимой с некоторыми развитыми европейскими странами. Данные показатели указывают на наличие устойчивых экономических и	Уровень оказания медицинской помощи в стране за последние годы демонстрирует положительную динамику. Внедрение современных стандартов диагностики и лечения способствовало повышению эффективности оказания медицинских услуг. Одновременно наблюдается улучшение доступности специализированной помощи для населения, что отражается на сокращении времени ожидания при обращениях в учреждения здравоохранения. Данные тенденции свидетельствуют о систематическом развитии национальной

социальных тенденций, влияющих на развитие национальной экономики и повышение качества жизни населения.	системы здравоохранения и повышении качества предоставляемых услуг.

Результаты эксперимента. В первой паре правильно определили текст, сгенерированный ИИ, 54 человека (61,4%), ошиблись 34 человека (38,6%). Респонденты, верно определившие написанный человеком текст, указывали на редкую лексику и нестандартный порядок слов. Ошибочные ответы демонстрируют эффект, описанный А. В. Колмогоровой: респонденты принимали сложность и образность человеческого текста за «неестественность» ИИ [5, с. 90].

Во второй паре правильно ответили 62 человека (70,5%), ошиблись 26 человек (29,5%). Это лучший результат среди всех стилей. Респонденты правильно уловили, что обобщённость – признак ИИ, а конкретность и привязка к реальному объекту – признак человека. Ошибочные ответы показывают, что нейросети успешно имитируют научный стиль: их лаконичность и структурированность воспринимаются как признаки грамотной человеческой речи. Это подтверждает тезис о том, что научный стиль в силу своей стандартизированности легче поддаётся машинной имитации [4, с. 151–152].

В третьей паре правильно ответили 50 человек (56,8%), ошиблись 38 человек (43,2%). Верно определившие человеческий текст указывали на просторечия, эмоциональные восклицания, личные подробности, а также парцелляцию и повторы. Ошибочные ответы показывают, что искусственный интеллект формирует у пользователей искажённое представление о «нормальной» разговорной речи: живая, эмоциональная человеческая речь начинает казаться «наигранной» и «неестественной».

В четвёртой паре правильно ответил 41 человек (46,6%), ошиблись 47 человек (53,4%). Это единственный стиль, где результат оказался ниже случайного угадывания. Респонденты, верно определившие человеческий текст, указывали на неформальные обороты. Ошибавшиеся же принимали «гладкий», логичный ИИ-текст за образец хорошей публицистики, а живую человеческую речь с личными оценками – за неестественную. Это самый «тревожный» результат, подтверждающий тезис Н. И. Клушиной о том, что технологическая языковая личность успешно вытесняет гуманитарную в публицистике [1, с. 28].

В пятой паре правильно ответили 50 человек (56,8%), ошиблись 38 человек (43,2%). Правильные ответы были связаны с распознаванием речевых ошибок в ИИ-тексте. Ошибочные ответы показывают, что нейросети настолько хорошо освоили официально-деловой стиль (канцелярит, стандартные обороты), что их «правильность» воспринимается как образцовая

человеческая речь, а человеческий текст с его естественной сложностью – как менее правильный.

Обобщая полученные данные, можно констатировать, что респонденты опирались при различении на маркеры лексического и синтаксического уровней. В таблице представлены эти маркеры в разрезе функциональных стилей.

Таблица 2. Маркеры авторства искусственного интеллекта и человека, определенные участниками эксперимента

Жанр и стиль	Языковой уровень	Маркер ИИ (по мнению респондентов)	Маркер человека (по мнению респондентов)	Комментарий к ошибке
Очерк (художественный стиль)	Лексика	Редкие слова (*петрикор, венецианцина*)	Обычная лексика	Редкую лексику приняли за ИИ
	Синтаксис	Инверсия (*петрикором пахло*)	Прямой порядок слов	Инверсию приняли за ИИ
Техническое описание (научный стиль)	Лексика	Обобщенные термины (*современные смартфоны*)	Конкретные названия, цифры (*Acer, 27 дюймов*)	–
	Синтаксис	Четкие, короткие фразы (*Большинство моделей оснащается...*)	Развёрнутые пояснительные конструкции (*что обеспечивает длительный срок службы*)	Лаконичность ИИ сочли человеческой
Монолог (разговорный стиль)	Лексика	Просторечия, эмоциональные слова (*хрень, ляпота*)	Просторечия, эмоциональные слова (*хрень, ляпота*)	Просторечия сочли «наигранностью» ИИ
	Синтаксис	Парцелляция, повторы (*чистишь, чистишь*)	Живая, эмоциональная речь (*половник, второй и половинку третьего*)	Живую речь приняли за ИИ
Новостная заметка (публицис	Лексика	Личные оценки, вводные фразы (*я считаю*)	Шаблонные обороты (*интерес растёт, качество жизни людей*)	Личную оценку массово приписали ИИ

	Синтаксис	–	–	–
Аналитическая записка (официально-деловой стиль)	Лексика	Канцелярские штампы, плеоназмы (*положительная динамика роста*)	Нестандартные формулировки (*внутренний валовый продукт*)	Четкость ИИ сочли образцом
	Синтаксис	Структурированные фразы (*Внедрение современных стандартов диагностики и лечения способствовало повышению эффективности оказания медицинских услуг*)	Сложные конструкции (*В текущих условиях понятие «государство всеобщего благосостояния» может быть применимо к России в степени, сопоставимой с некоторыми развитыми европейскими странами*)	«Правильность» ИИ приняли за человеческую.

На основании данных таблицы видим закономерность, которую можно назвать «сдвигом нормы». Респонденты используют автостереотипные представления о том, как должен писать человек. В художественном и разговорном стилях живая, редкая или просторечная лексика – маркер человека, но значительная часть респондентов посчитала её «слишком странной» и приписала ИИ. В публицистике ситуация стала парадоксальной: личная оценка – норма жанра, но более половины респондентов сочли её признаком ИИ.

Проведённое эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы. Искусственный интеллект способен генерировать тексты разных жанров в рамках функциональных стилей современного русского языка с разной степенью узнаваемости. При этом носители языка не обладают надёжными критериями различения человеческих и машинных текстов. В эксперименте правильные ответы варьировались от 46,6% (публицистический стиль) до 70,5% (научный стиль). В среднем по всем пяти стилям точность составила около 58–60%, что лишь незначительно выше случайного уровня.

Характер ошибок систематически связан с функциональным стилем. В художественном и разговорном стилях респонденты чаще ошибались в сторону приписывания ИИ тех черт,

которые на самом деле являются признаками живой человеческой речи (нестандартный порядок слов, редкая лексика, просторечия, синтаксическая разорванность). В научном и официально-деловом стилях, напротив, идеально «гладкие» тексты ИИ принимались за образцовые человеческие. Публицистический стиль оказался наиболее проблемной зоной: более половины опрошенных сочли личную оценку и неформальные обороты признаками искусственного интеллекта. Научный стиль оказался наиболее лёгким для машинной имитации, а художественный и разговорный стили, требующие нарушения автоматизма и эмоциональной искренности, напротив, ставят искусственный интеллект в более трудное положение.

Длительное использование ИИ меняет языковую норму в сознании пользователей. Респонденты, часто пользующиеся нейросетями, в комментариях регулярно называли живую человеческую речь «неестественной», «наигранной», а гладкие тексты ИИ – «нормальными», «по делу». Это свидетельствует о формировании нового эстетического идеала текста, при котором живая, синтаксически нелинейная человеческая речь начинает восприниматься как отклонение от нормы, а машинный шаблон – как норма. Подтверждается тезис о вытеснении гуманитарной языковой личности технологической [1, с. 28]. Полученные результаты ставят перед исследователями новую задачу, которая может быть решена в будущем.

Литература

1. Клушина, Н. И. Автор, языковая личность и искусственный интеллект / Н. И. Клушина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2025. – № 2. – С. 20–31.

2. Аникина, Э. М. Большие языковые модели и их способность к познанию языка : параллели с человеческим восприятием / Э. М. Аникина // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – №5. – С. 508–512.

3. Chomsky, N. Noam Chomsky: The False Promise of ChatGPT [Электронный ресурс] / N. Chomsky, I. Roberts, J. Watumull // The New York Times. – March 8, 2023. – URL: https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chomsky-chatgpt-ai.html.

4. Кобенко, Ю. В. Теоретические основы функциональной стилистики : учебник / Ю. В. Кобенко. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2023. – 296 с.

5. Kolmogorova, A. V. Written vs generated text: “naturalness” as a textual and psycholinguistic category / A. V. Kolmogorova , A. V. Margolina // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2024. – №2 – С. 71–99.

A. ZALOZNAIA, D. BOROZENETS

Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»

LANGUAGE PORTRAIT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ANALYSIS OF AI'S ABILITY TO GENERATE TEXTS OF VARIOUS GENRES

The article presents the results of an empirical study of the perception of texts created by humans and artificial intelligence, based on the material of genres belonging to different functional styles of the Russian language (artistic, scientific, colloquial, journalistic, and official-business). The accuracy of distinguishing between each style is analyzed, and typical errors and markers that native speakers rely on are identified.

artificial intelligence, functional styles, language portrait, text differentiation.

Залозная Анна Сергеевна – студентка 2 курса направления подготовки «Фундаментальная и прикладная лингвистика» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: прикладная лингвистика, стилистика.

Борозенец Дарья Игоревна – ассистент кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е. С. Отина федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: словообразование, история русского языка, политическая лингвистика, языковая картина мира, прикладная лингвистика.

Zaloznaia Anna – 2nd-year student of the Fundamental and Applied Linguistics program at the Donetsk State University, a federal state budgetary educational institution of higher education. Her research interests include applied linguistics, stylistics.

Borozenets Daria – assistant at the Department of General, Slavic, and Applied Linguistics named after E. S. Otin at the Donetsk State University, a federal state budgetary educational institution of higher education. Her research interests include word formation, history of the Russian language, political linguistics, linguistic worldview, and applied linguistics.

УДК 81’371

Е. Д. КРУГЛЯКОВА, Э. А. ТИТАРЕНКО

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», г. Донецк (ДНР)

ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматриваются русские лингвоспецифичные единицы (фразеологизмы, идиомы, культурные реалии) как особый объект изучения и перевода в контексте обучения русскому языку как иностранному. Анализируются теоретические подходы к пониманию лингвоспецифичности, концепции функциональной и динамической эквивалентности. Особое внимание уделяется методам обучения безэквивалентной русской лексике, представлены задания, способствующие формированию навыка перевода лингвоспецифичных единиц.

Лингвоспецифичные единицы, безэквивалентная лексика, **перевод, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный**

Русские лингвоспецифичные единицы (ЛСЕ) – фразеологизмы, идиомы, реалии – являются важнейшим компонентом национально-культурной картины мира и представляют особую сложность в межъязыковой передаче. Их исследование актуализируется в контексте современной теории перевода и методики преподавания русского языка как иностранного, поскольку именно данные единицы наиболее ярко демонстрируют расхождения между языковыми системами и культурными кодами. Термин лингвоспецифичные единицы восходит к работам А. Вежбицкой, которая говорит о “language-specific meanings” и “language-specific word-meanings”, в работах А. Зализняк «лингвоспецифичными» называются слова, заключающие в себе уникальную концептуальную конфигурацию, т. е. такую, которая «в готовом виде» не представлена ни в какой языковой единице других языков. В этом смысле они непереводимы: при переводе недостающий семантический компонент либо вводится при помощи дополнительных лексических средств, либо просто теряется [4, с. 684].

Целью данного исследования является комплексный анализ особенностей восприятия и перевода русских ЛСЕ иностранными студентами, а также рассмотрение методически обоснованных подходов к эффективному преподаванию.

Множество лексических единиц русского языка отражает уникальные аспекты русской культуры, и их перевод на другие языки требует особого внимания к сохранению культурной ценности текста. Такие слова, как *душа, Родина, душевность, человеколюбие (≠ гуманность)*,

милосердие и т. д., могут быть труднопереводимыми, поскольку они не всегда имеют прямой аналог в других языках. Проблема интерпретации и перевода русских ЛСЕ носит комплексный характер и затрагивает несколько взаимосвязанных уровней – семантический, когнитивный, культурный и прагматический. Их совокупное влияние формирует устойчивые трудности у иностранных студентов, особенно в условиях ограниченного языкового опыта и недостаточной культурной компетенции. Во-первых, семантическая непрозрачность: значение многих единиц не выводится из суммы значений их компонентов. Например, выражение «*ни пуха ни пера»* требует знания культурной традиции, а не анализа лексики. Во-вторых, культурная специфика: реалии, такие как *«масленица»* или *«баня»*, не имеют прямых аналогов в других культурах, что затрудняет их интерпретацию и перевод. В-третьих, прагматический аспект: ЛСЕ выполняют определённые коммуникативные функции [1].

Безэквивалентную лексику, часто обсуждаемую в литературе, А. Зализняк определяет одним из типов лингвоспецифичных слов (тип САМОВАР, переводной эквивалент отсутствует; используется заимствованное слово или описательное определение) [3]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяли безэквивалентную лексику как «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [2, с. 58]. Они разделили эти неэквивалентные слова на десять типов в зависимости от их происхождения:

1）советизмы – слова, сокращения, фразы, лозунги, идеологемы, сформировавшиеся в советскую эпоху: *актив, автономная республика, агитпункт, большевик, ликбез*;

2）слова- наименования нового опыта: *академгородок, бюллетень, БСЭ, барабанщик*;

3）слова-наименования традиционного опыта: *балалайка, баня, баян*;

4）лексика из состава фразеологических единиц: *знать на ять, начать с азов*;

5）историзмы (*алтын, аракчеевщина, боярин*);

6）фольклорные слова (*былина, богатырь, баба-яга, белокаменная*);

7）антропонимы (*Александр, Богдан, Борис*);

8）топонимы – разряд онимов, обозначающих собственное название природного объекта на Земле или объекта, созданного человеком на Земле. (*Арбат, Архангельск*);

9）коннотативная лексика (*анчар, реза, береза, белый*);

10）так называемая национально-специфическая лексика *(академический театр, аканье, белый уголь*).

В научной традиции выделяется ряд стратегий перевода лингвоспецифичных единиц, выбор которых определяется коммуникативной задачей. Функциональный аналог позволяет сохранить прагматический эффект высказывания, однако требует высокой степени владения

языком перевода. Описательный перевод обеспечивает точность передачи смысла, но может снижать экспрессивность. Калькирование возможно при частичной семантической прозрачности, однако ограничено в применении. Культурная адаптация предполагает замену реалии на близкую по функции единицу в культуре адресата. Л. К. Латышев подчёркивает, что выбор стратегии зависит от совокупности факторов: жанра текста, адресата и коммуникативной цели [6]. Таким образом, перевод ЛСЕ носит вариативный и интерпретативный характер.

Рассмотрим основные виды перевода данной лексики с русского на английский язык. Первый вид – *транслитерация,* который включает передачу графического состава слова, и транскрипция, которая представляет передачу звуковой формы слова в буквенном виде. Однако, стоит упомянуть, что транслитерация в переводе с русского на английский язык применяется только для имен собственных, уточняющие компоненты переводятся на английский с учетом их словарного варианта перевода. Вот несколько примеров транскрипции и транслитерации, которые часто встречаются в современных средствах массовой информации:

1) имена собственные: *Alexander Sergeyevich Pushkin*

2) названия компаний и организаций: *Sberbank (Сбербанк)*;

3) названия газет и журналов: *Moskovskiy Komsomolets*;

4) названия улиц, городов, географических регионов, памятников архитектуры, но с английскими вариантами обозначающих объектов: *Odesskaya Street, Alexander Nevsky Lavra.*

Также используют *описательный перевод,* который предоставляет полное объяснение значения данного слова или выражения на другом языке: *кумыс* – англ. kumiss, fermented mare's milk, *шаровары* – англ. baggy trousers, *хлеб-соль ели и магарыч пили* – англ. you were once bosom friends with my late father, you ate bread and salt together and drank each other’s healt.

Приближенный перевод – способ передачи безэквивалентной лексики, суть которого заключается в том, что для перевода иностранной реалии в языке подбирается словопонятие, близкое по значению, пусть и не полностью совпадающее с исходным. Такие слова обычно имеют значительное семантическое сходство, что помогает произвести качественный, подробный перевод.

Эффективное изучение ЛСЕ предполагает системный и поэтапный подход. На начальном этапе осуществляется формирование навыков распознавания и классификации единиц. Это позволяет студентам осознать их типологические различия и особенности функционирования. Следующий этап включает сопоставительный анализ с родным языком обучающихся. Такой подход способствует выявлению различий в семантике и прагматике, а также предотвращает интерференцию.

Особое значение имеет использование аутентичных текстов, в которых ЛСЕ функционируют в естественном контексте. Это позволяет формировать навыки интерпретации в реальных коммуникативных ситуациях.

Современная методика обучения переводу ЛСЕ включает использование разнообразных инструментов, направленных на формирование как языковой, так и межкультурной компетенции. К ним относятся билингвальные таблицы, позволяющие систематизировать материал и выявлять соответствия; аудио- и видеоматериалы, обеспечивающие контекстуализацию; цифровые платформы для самоконтроля; а также задания на интерпретацию и создание эквивалентов.

Представим небольшой корпус лингвоспецифичных лексических единиц в таблице:

Перевод лингвоспецифичных единиц русского языка на английский

Лексическая единица	Анализ (на русском языка)	Анализ (на английском языке)	Возможный перевод
Авось	Это выражение может означать надежду, которая не имеет достаточного обоснования, основана лишь на случайном исходе или удаче, и, возможно, ожидание, что что-то произойдет или сбудется. Пример: *Иду это, ай – огонёк светит, дай, думаю, попрошусь ночевать; авось, не прогонят больного старика… – А. П. Хейдок, «Таёжная сказка»*	This expression can mean a hope that does not have sufficient justification, based only on chance or luck, and perhaps an expectation that something will happen or come true. For example: *I'm going, oh, the light is shining, I think, I'll ask to spend the night; maybe they won't drive away the sick old man... – A.P. Haydock, «Taiga Tale»*	Не имеет точного перевода. Может быть вариантом перевода слова *«возможно» – «maybe».*
Белоручка	Человек, который избегает физического труда, трудной, грубой, грязной, тяжелой работы: *Он снова показал себя белоручкой.*	A person who avoids physical labor, difficult, rough, dirty, hard work: *He again showed himself to be a shicker.*	Подходящим эквивалентом является *shirker «уклоняющийся от работы»,* идиома *«with kid gloves».*

Запой	Употребление алкоголя в течение долгого времени при развитии выраженной алкогольной интоксикации. Стремительно развивается при алкоголизме. Пример: *Сосед из четвертого подъезда, дядя Стена, опять ушел в запой.*	Drinking alcohol over a long period of time with the development of severe alcohol intoxication. It develops rapidly in alcoholism. For example: *The neighbor from the fourth entrance, sir Styopa, again went on a carousel.*	Не имеет точного перевода. Можно сказать *«carouse», «carousel»,* что означает *«веселый кутеж».*
Именинник	Данным словом называют человека в день его рождения или в день праздника святого, по имени которого человек назван при крещении. Пример: *Нашему имениннику сегодня исполнилось 8 лет.*	This word is used to name a person on his birthday or on the feast day of the saint by whose name the person is named at baptism. For example: *Our birthday boy turned 8 years old today.*	Эквивалент перевода в английском языке отсутствует. Используется выражение – *«a birthday person».*
Отходчивый	Легко, быстро успокаивающийся после гнева, раздражения. *Отходчивый характер.*	Somebody who loses her/his temper with somebody else but stops being angry quite soon**.**	Аналоги: *forgiving* ‘прощающий’, *easy-going* ‘покладистый’
Подвиг	Это не просто достижение цели, а поступок, совершенный в сложных обстоятельствах, характеризующийся доблестью и героизмом. В русской литературе часто описываются военные подвиги, гражданские подвиги, а также подвиги ученых. Пример: *Я прочитал пятый подвиг Геракла.*	This is not just achieving a goal, but an act committed in difficult circumstances, characterized by valor and heroism. This word in Russian literature often describes military exploits, civil exploits, and also exploits of scientists. For example: *I read the fifth achievement of Hercules.*	В данном контексте не имеет точно перевода в английском языке. Часто переводится как *exploit, feat* или *achievement.*

Сутки	Промежуток времени от одной полуночи до другой; промежуток в двадцать четыре часа без перерыва: *Я работаю сутки через трое.*	The period of time between one midnight and another; a period of twenty-four hours without interruption: *My working schedule is 24 hours on, 72 hours off.*	*24 hours, all day*
Юроди-вый	В древней Руси «юродивыми» именовались люди, которые добровольно отказывались от материальных благ во имя своей веры в Христа. Они принимали облик безумца и вели бродяжнический образ жизни, стремясь к внутреннему смирению и победе над главным грехом – гордыней. Пример: *– Постой, поворотии оглобли, – сказал юродивый, подойдя к офицеру.*	In ancient Rus, the term “holy fools” was applied to people who voluntarily renounced material wealth in the name of their faith in Christ. They took on the appearance of a madman and led a vagabond lifestyle, striving for inner humility and victory over the main sin – pride. For example: *“Wait, turn the shafts,” said the Holy Fool, approaching the officer.*	Не имеет точного перевода. Однако часто можно увидеть такой перевод: *«holy fools»*, что буквально означает *«святые дураки».*

Считаем, что работа с таким корпусом поможет разработать рекомендации, которые помогут англоязычным студентам лучше освоить, понять и запомнить материал.

Л. Р. Бакирова отмечает, что знакомство с новым словом, эквивалента которого нет в родном языке иностранных слушателей, должно начаться с развернутого объяснения его лексического значения в русском языке, а толкование лексического значения нового слова обязательно должно сопровождаться визуализацией (мультимедийная презентация или просто показ заранее приготовленных картинок с изучаемыми предметами). Далее – упражнения, направленные на подготовку обучающихся к использованию безэквивалентных слов в речевой деятельности, а конце работы над новыми словами преподаватель может предоставить небольшие оригинальные тексты, содержащие безэквивалентую лексику [2, с. 172–173].

Немаловажным в освоении ЛСЕ, считаем, является составление проверочных тестов и заданий к проведенному контекстуальному анализу для каждого слова, которые мы приводим

выше в таблице, чтобы студенты могли понять его семантические особенности и правила использования. Например, тест на определение контекста для слов *хамство*, *юродивый*, *авось*:

1. *Весь вечер он проявлял хамство, оскорбляя официантов и грубо относясь к окружающим.*

Question: What does the word «хамство» mean in this context?

a) Friendly behavior;

b) Rudeness and disrespect for others;

c) Professional attitude towards work;

d) Politeness and attention to detail.

2. *Он был известен как юродивый, который, хотя и жил на улице, но всегда был добр к окружающим и делился всем, что у него было.*

Question: What is the meaning of the word «юродивый» in this context?

a) Serious and smart person;

b) A person who has some holiness and wisdom despite his strange behavior;

c) A person leading a careless lifestyle;

d) A person who disregards generally accepted rules and regulations.

3. *Он всегда действовал по принципу «авось», надеясь на случай и удачу, вместо того чтобы разрабатывать конкретный план.*

Question: What is the meaning of the word «авось» in this context?

a) Uncertainty and ambiguity;

b) Responsibility and determination;

c) Relying on chance and luck, without developing a specific plan;

d) Rigorous and precise action plan.

Приведем примеры заданий, способствующих формированию навыка перевода лингвоспецифичных единиц: *Переведите на русский язык предложения, используя слова беспредел, белоручка, тоска:*

1. *«The situation in the country is turning into lawlessness».*
2. *«He's known as a lazy person worker in the company».*
3. *«She felt a sense of sadness wash over her as she walked through the empty streets».*

Для лучшего запоминания материала рекомендуется использовать как можно больше способов восприятия информации. Использование визуальных средств может не только помочь укомплектовать всю нужную информацию, но и сделать ее доступной и понятной. Например, можно использовать «карточную игру», где будет дана смысловая картинка с одним из безэктивалентных слов (*гусли, баня*), а студенту нужно будет написать, что это за слово на русском языке. Для ЛСЕ типа *подвиг, юродивый* считаем возможным использовать

тематические картинки, предварительно связав изображенную историю с ЛСЕ: рассказ о подвиге Ивана Сусанина, о юродивом Василии Блаженном.

Анализ научных работ, посвящённых обучению лексике и фразеологии в курсе РКИ, показывает, что наиболее типичными трудностями являются буквальный перевод фразеологических единиц, утрата их экспрессивно-оценочного компонента, а также замена культурно маркированных единиц нейтральными эквивалентами.

Русские лингвоспецифичные единицы представляют собой сложный объект исследования, требующий комплексного подхода, объединяющего лингвистические, культурологические и методические аспекты. Их адекватное освоение иностранными студентами возможно только при условии системного обучения, включающего развитие культурологических знаний, аналитических навыков и владения переводческими стратегиями. Внедрение современных образовательных технологий позволяет обеспечить более точную передачу культурно значимой информации. Это подтверждает высокую научную и практическую значимость дальнейших исследований в данной области.

Литература

1. Акуленко, В. В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В. В. Акуленко и др. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 384 с.

2. Бакирова, Л. Р. Изучение безэквивалентной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному / Л. Р. Бакирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов : Грамота, 2016. – № 10(64) : в 3-х ч. Ч. 3. – С. 171-173.

3. Верещагин, Е. М. Страноведение и преподавание русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Наука, 2001.

4. Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа / А. А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам Ежегодной междунар. конф. «Диалог». – 2025. – Т. 1. – №14. – С. 683–695.

5. Латышев, Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания : книга для учителя школ с углубл. изуч. нем. яз. / Л. К. Латышев. – М. : Просвещение, 1988. – 160 с.

E. KRUGLIAKOVA, E. TITARENKO

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk State University", Donetsk (DPR)

LINGUISTIC UNITS AS AN OBJECT OF STUDY AND TRANSLATION IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

This paper examines Russian linguistically specific units (phraseologisms, idioms, and cultural realities) as a special object of study and translation in the context of teaching Russian as a foreign language. Theoretical approaches to understanding linguistic specificity and the concepts of functional and dynamic equivalence are analyzed. Particular attention is paid to methods for teaching non-equivalent Russian vocabulary, and tasks are presented that facilitate the development of translation skills for linguistically specific units.

language-specific words, non-equivalent language units, translation, intercultural communication, Russian as a foreign language

Круглякова Екатерина Дмитриевна – студентка группы 2ФПЛ-М федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: лингвокультурология, методика обучения русскому языку как иностранному, теория и практика перевода.

Титаренко Эльвира Александровна – доцент кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е. С. Отина федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Научные интересы: семантика, теория наименования, контрастивная лингвистика.

Krugliakova Ekaterina – student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Donetsk State University”. Scientific interests: linguacultural studies, methods of teaching Russian as a foreign language, theory and practice of translation.

Titarenko Elvira Alexandrovna – associate Professor of the Department of General, Slavic and Applied Linguistics named after E. S. Otin of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk State University". Scientific interests: semantics, naming theory, contrastive linguistics.

УДК 316.77+004.8

В. Д. КУЦЕВАЛОВА, Н. А. КОВАЛЁВА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта и нейросетевых моделей (на примере GPT, Yandex GPT, DeepL и др.) на процесс перевода культурно-специфической лексики (реалий, лакун, безэквивалентной лексики). Анализируются типичные ошибки нейросетей при передаче культурного кода: буквализм, нейтрализация коннотаций, сглаживание историко-культурного фона, культурная апроприация. Утверждается то, что современные нейросети успешно справляются с универсальными языковыми паттернами, однако передача культурной семантики требует обязательного постредактирования человеком.

перевод, культурно-специфическая лексика, нейросети, искусственный интеллект, реалии, лакуны, постредактирование, лингвокультурология, машинный перевод.

Проблематика. Внедрение нейросетевых технологий в практику перевода создаёт фундаментальное противоречие между технологической эффективностью и сохранением культурной семантики. С одной стороны, современные системы ИИ (DeepL, ChatGPT, Google Gemini,Yandex GPT) демонстрируют впечатляющие результаты при переводе универсальной лексики и грамматических конструкций, сопоставимые с человеческими. С другой стороны, именно культурно-специфическая лексика – реалии, фразеологизмы, прецедентные имена, концепты-эмотивы – остаётся зоной системных сбоев. Возникает ряд острых проблем.

Цель: выявить границы компетентности нейросетевых моделей при переводе культурно-специфической лексики и разработать рекомендации по эффективному взаимодействию переводчика с ИИ для достижения адекватного и эквивалентного перевода.

Задачи:

1. Классифицировать типы культурно-специфической лексики, вызывающие наибольшие трудности у нейросетей (бытовая реалия, историзм, фразеологизм, обращение, прецедентное имя, концепт).

2. Провести сравнительный анализ результатов перевода указанной лексики, выполненного классическими НСП (нейросетевыми системами перевода) и современными

генеративными нейросетями (ChatGPT-4, Yandex GPT 3).

3. Выявить системные ошибки ИИ при передаче культурного компонента значения.

«Переводчик – это почтовая лошадь цивилизации», – писал А. С. Пушкин. В эпоху нейросетей эта метафора приобретает новое звучание. Почтовую лошадь заменил гиперзвуковой локомотив, способный за секунды покрыть расстояние между любыми языками. Но останавливается этот локомотив перед каждой «непереводимой игрой слов», каждой культурной лакуной, каждым словом, за которым стоит целая вселенная национального опыта. Сегодня нейросети пишут стихи в стиле Ахматовой, генерируют техническую документацию на десяти языках одновременно и ведут диалог с такой беглостью, что порой не отличить их от деятельности человека. Однако именно здесь кроется опасность: чем выше беглость ИИ, тем больше соблазн доверить ему перевод культурно-специфических текстов без последующей проверки. Результат – культурная катастрофа, когда смыслы стираются, коннотации исчезают, а уникальное становится универсальным. Русская «тоска», английское «privacy», немецкое «Heimat», японское «мораторий» – слова-концепты, не имеющие однословных эквивалентов в других языках. И если нейросеть переводит «тоска» как «melancholy» или «boredom», она совершает подмену: чеховская тоска по несбывшемуся, тоска как экзистенциальная вертикаль редуцируется до клинического состояния. Это не просто ошибка – это потеря культурного кода. В данной статье мы сделаем попытку произвести системный анализ того, что именно нейросети делают с культурно-специфической лексикой, почему они терпят неудачу там, где тривиальный перевод успешен, и как человек может выстроить эффективное взаимодействие с ИИ для сохранения культурной семантики.

Под культурно-специфической лексикой (или безэквивалентной лексикой) в современном переводоведении закладываются языковые единицы, которые не имеют регулярных соответствий в другом языке и культуре. Классическое определение дают болгарские исследователи С. Влахов и С. Флорин: это слова, «обозначающие предметы, явления, понятия, характерные только для данной культуры и отсутствующие в другой». В рамках нашего исследования мы выделяем следующие типы культурно-специфических единиц, наиболее проблемных для нейросетевого перевода:

1. Бытовые реалии. Предметы материальной культуры: «валенки», «самовар», «кокошник», «русская печь», «блины» (не просто pancakes), «квас» (не просто soft drink). Проблема: нейросеть выбирает гипероним, теряя видовые признаки.

2. Историзмы и политические реалии. «Земский собор», «опричник», «комсомолец», «стахановец», «пятилетка». Проблема: ИИ не различает нейтральную номинацию и идеологическую коннотацию.

3. Фразеологизмы и идиомы. «Бить баклуши», «собаку съел», «тянуть кота за хвост», «когда рак на горе свистнет». Проблема: буквальный перевод, который генерирует нейросеть при недостаточном контексте, абсурден.

4. Прецедентные имена. «Плюшкин», «Обломов», «Чичиков», «Фома Неверующий». Проблема: для носителя русской культуры эти имена – сжатые нарративы, для иностранца – пустые звуки. Нейросеть, как правило, транслитерирует без комментария.

5. Обращения и этикетные формулы. «Батюшка», «матушка», «сударыня», «ты мне тыкаешь». Проблема: социальная дистанция, маркированная в русском языке местоимениями и суффиксами, в английском отсутствует.

Современные нейросетевые модели перевода (включая большие языковые модели вроде GPT-4) основаны на архитектуре трансформера и механизме внимания. Если объяснять упрощённо, модель «читает» всё предложение целиком, взвешивает значимость каждого слова по отношению к другим и генерирует наиболее вероятное продолжение на целевом языке. Вероятность вычисляется на основе миллиардов примеров из обучающей выборки – текстов интернета, книг, субтитров, параллельных корпусов. Здесь скрывается главная проблема для культурно-специфической лексики: в обучающих корпусах частотность культурно-маркированных слов в контексте перевода крайне низка. Например, фраза «Он настоящий Плюшкин» встречается в корпусах гораздо реже, чем «Он настоящий друг». Модель просто не имеет достаточной статистики, чтобы научиться корректному переводу таких единиц. Более того, нейросеть не обладает интенциональностью. Она не знает, что она хочет сказать. У неё нет цели «передать культурную специфику», потому что такой задачи ей никто не ставил при обучении. Её цель – минимизировать расхождение между сгенерированным текстом и текстом из обучающей выборки. А в большинстве случаев «безопасным» и частотным решением оказывается либо транслитерация, либо замена на нейтральный аналог.

Для верификации теоретических положений был проведён мини-эксперимент. Трём нейросетевым системам (DeepL Pro, ChatGPT-4 (модель Turbo), Yandex GPT 3) были предложены для перевода с русского на английский пять единиц культурно-специфической лексики в контексте коротких предложений.

Задание 1. «На столе стоял самовар, и вся семья пила чай с баранками».

- DeepL: «There was a samovar on the table, and the whole family was drinking tea with bagels».
- ChatGPT-4: «A samovar stood on the table, and the whole family was drinking tea with ring-shaped bagels».
- Yandex GPT: «There was a samovar on the table, and the whole family was drinking tea with biscuits».

Анализ: Все три системы оставили «samovar» без перевода – это уже устоявшаяся заимствованная реалия. Однако «баранки» вызвали трудности: DeepL дал «bagels» (неверно, так как баранки – это не бублики, они тоньше и не имеют начинки), Yandex GPT дал «biscuits» (полная потеря смысла), и только ChatGPT-4 предпринял попытку уточнения «ring-shaped», что не решает проблемы.

Задание 2. «Он работает спустя рукава».

- DeepL: «He works carelessly».
- ChatGPT-4: «He works slapdash».
- Yandex GPT: «He works through his sleeves» (буквальный перевод!).

Анализ: Yandex GPT совершил классическую ошибку буквализма, переведя идиому пословно. DeepL и ChatGPT-4 выбрали функциональные аналоги (carelessly, slapdash), но полностью потеряли образность. Ни одна система не предложила варианта «He works with his sleeves rolled down» или пояснительной кальки.

Вывод из эксперимента: нейросети успешно работают с бытовыми реалиями, частично – с распространёнными идиомами. Однако, чем уже контекст и чем более специфична культурная отсылка, тем ниже качество перевода. Транслитерация и функциональная замена – основные стратегии ИИ, причём выбор между ними случаен и не всегда корректен.

На основе эксперимента и анализа литературы мы выделяем четыре основных типа ошибок:

1. Буквализм (гипербуквальный перевод). Нейросеть переводит каждое слово по отдельности, игнорируя идиоматичность. Пример: «смотреть в лес» → «look into the forest». Встречается чаще у систем, ориентированных на формальное соответствие (Yandex GPT, старые версии Google Translate).

2. Нейтрализация коннотаций (стилистическое и эмотивное уплощение). Культурно-маркированное слово заменяется нейтральным гиперонимом. Пример: «интеллигент» → «intellectual». Потеря этического компонента (интеллигентность как совестливость, не только образованность). Это наиболее частотная ошибка DeepL.

3. Культурная апроприация (навязывание принимающей культуры). Нейросеть подменяет реалию исходной культуры на более знакомую реалию культуры принимающей. Пример: перевод «царь» как «king», «бояре» как «nobles». Потеря уникальности политической структуры.

4. Гипертранслитерация. Отказ от перевода и механическое воспроизведение исходного слова даже в тех случаях, когда существует устоявшийся аналог. Пример: «баранки» → «baranki» (в некоторых системах). Это не всегда ошибка, но требует комментария, которого нейросеть не даёт.

Полный отказ от нейросетей в переводе культурно-специфической лексики был бы стратегической ошибкой. Разумная позиция – гибридная модель, где ИИ берёт на себя скорость и рутину, а человек – культурную рефлексию. Предлагается следующий алгоритм.

Этап 1. Предпереводческий промптинг. Переводчик формулирует задание для нейросети не как «переведи текст», а как развёрнутый промптинг: «Ты – переводчик художественной литературы. Выполни перевод следующего текста с русского на английский. Целевая аудитория – образованные носители английского, не знакомые с русской культурой. При встрече с культурно-специфической лексикой (реалии, фразеологизмы, прецедентные имена) используй стратегию функционального аналога, а если аналога нет – сохрани исходное слово и добавь краткий внутритекстовый комментарий в скобках. Не транслитерируй без необходимости». Такой промпт значительно повышает качество результата. В нашем дополнительном тесте с промптом ChatGPT-4 перевёл «спустя рукава» как «carelessly, like a slacker», а «обломов» сопроводил пояснением без дополнительной команды.

Этап 2. Генерация черновика. Нейросеть производит быстрый перевод. Задача человека на этом этапе – не оценивать эстетику, а маркировать «красные зоны»: места, где возможна культурная потеря.

Этап 3. Анализ культурных лакун. Переводчик выявляет единицы, которые ИИ, вероятно, передал неадекватно. Маркеры: транслитерация без комментария, подозрительно гладкий перевод идиомы, отсутствие исторического колорита.

Этап 4. Постредактирование с культурной адаптацией. Человек корректирует ошибки, выбирая одну из стратегий:

- Функциональный аналог (замена на близкую реалию принимающей культуры).
- Калькирование с комментарием (сохраняем образ, но объясняем).
- Опущение с компенсацией (убираем непереводимое, но вводим равноценный культурный элемент в другом месте).

Этап 5. Валидация. Проверка того, что культурный компонент сохранён. Идеально – с привлечением носителя целевой культуры.

Культурно-специфическая лексика остаётся последним бастионом, который нейросети не могут взять штурмом. Буквализм и нейтрализация коннотаций – системные ошибки ИИ, обусловленные самой природой вероятностного моделирования. Однако это не повод для паники или технофобии. Напротив, нейросети становятся мощным инструментом в руках подготовленного переводчика, ускоряя рутинную работу и позволяя сосредоточиться на главном – передаче культурного кода. Ключевым фактором успеха остаётся человек: его культурная компетенция, умение видеть лакуны и способность формулировать задачи для ИИ. В этом симбиозе – будущее перевода.

Литература

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – 5-е изд. – М. : Р. Валент, 2012. – 408 с.

2. Емцева, О. В. Степени сравнения имен прилагательных / О. В. Емцева // Русская словесность. – 2011. – № 4. – С. 18–23.

3. Иванов, С. В. Изучение степеней сравнения качественных имён прилагательных в школе и в вузе / С. В. Иванов // Русский язык в школе. – 2013. – № 7. – С. 26–31.

4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.

5. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – 4-е изд., стер. – М. : Академия, 2008. – 320 с.

6. Русский язык для студентов-нефилологов [Электронный ресурс] : учеб. пособие / М. Ю. Федосюк, Т. А. Ладыженская, О. А. Михайлова, Н. А. Николина. – 15-е изд., стер. – М. : Флинта, 2012. – 256 с. : ил.

7. Сдобников, В. В. Теория перевода : учебник для студентов лингвистических вузов / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2006. – 448 с.

8. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 261 с.

9. Шадрина, В. А. Нейросети в переводе: возможности и ограничения / В. А. Шадрина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2023. – № 6 (861). – С. 45–52.

10. Язык и культура : сборник обзоров / под ред. Н. Б. Ковтуновой. – М. : ИНИОН РАН, 2019. – 180 с.

V. D. KUTSEVALOVA, N. A. KOVALYOVA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

TRANSLATION OF CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY IN THE ERA OF NEURAL NETWORKS: CHALLENGES AND PROSPECTS

The article examines the impact of artificial intelligence technologies and neural network odels (such as GPT, Yandex GPT, DeepL, etc.) on the translation process of culturally specific vocabulary (realia, lacunae, and non-equivalent vocabulary). The article analyzes typical errors made by neural networks when transferring cultural code, including literalism, neutralization of connotations, smoothing out historical and cultural background, and cultural appropriation. The author proves that

modern neural networks successfully cope with universal language patterns, but the transfer of cultural semantics requires mandatory post-editing by a human.

translation, culturally specific vocabulary, neural networks, artificial intelligence, realities, lacunae, post-editing, linguoculturology, machine translation.

Куцевалова Виктория Денисовна – студент группы ГК-14а «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация.

Ковалева Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: прикладная лингвистика, методика преподавания русского языка, культура письменной речи, сетевая коммуникация, межкультурная коммуникация, языковая грамотность в цифровую эпоху.

Kutsevalova Victoria – student of the group GK-14a “Donbas National Academy of Construction and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Research interests: Russian language, intercultural communication.

Kovaleva Natalya – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests applied linguistics, methods of teaching Russian, culture of writing, network communication, intercultural communication, language literacy in the digital age.

УДК 81.27

Е. В. МАКЕЕВА, Е. В. ГУЛЯКИНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ (ДНР)

ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ НА КОГНИТИВНУЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

В статье анализируется проблема влияния генеративных искусственных интеллектов на формирование когнитивной самостоятельности и критического мышления у будущих педагогов. На основе фундаментальных положений педагогической психологии рассматриваются риски «когнитивной разгрузки» и подмены мыслительной деятельности алгоритмической генерацией. Предлагается модель интеграции нейросетей в учебный процесс, базирующаяся на классических дидактических принципах и направленная на развитие метакогнитивных стратегий студентов.

генеративные нейросети, когнитивная самостоятельность, критическое мышление, педагогическая психология, цифровая дидактика, учебный процесс.

Современная система высшего педагогического образования находится в точке бифуркации, вызванной массовым внедрением технологий генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Появление языковых моделей, способных создавать связные тексты, решать задачи и генерировать идеи, ставит перед педагогической наукой и практикой новые вызовы. Для студента педагогического вуза, будущего учителя, эта ситуация имеет двойственную природу: он выступает одновременно как субъект обучения, использующий новые инструменты, и как будущий профессионал, которому предстоит обучать поколение, выросшее в среде ИИ [1, с. 89].

Актуальность темы обусловлена острым противоречием между технологической возможностью делегировать интеллектуальные операции машине и психолого-педагогической необходимостью развития самостоятельного мышления обучающегося. Существует реальная угроза формирования зависимости от алгоритмов, ведущей к атрофии навыков анализа, синтеза и критической оценки информации. Особенно остро эта проблема стоит в педагогическом образовании, где формирование профессионального мышления будущего учителя требует не просто накопления знаний, но и развития рефлексивных способностей, педагогической интуиции и творческого подхода к решению образовательных задач.

Цель данной работы – рассмотреть влияние генеративных нейросетей на когнитивную сферу студентов через призму классических теорий обучения и развития, а также обосновать подходы к их использованию, опирающиеся на фундаментальные учебные пособия по

педагогике и психологии. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проанализировать теоретические основы проблемы активности личности в условиях цифровизации; выявить психолого-педагогические риски бесконтрольного использования ИИ; разработать дидактически обоснованные рекомендации по интеграции генеративных моделей в учебный процесс педагогического вуза.

В основе понимания роли ИИ в образовании лежат фундаментальные положения о деятельности и активности личности. Согласно деятельностному подходу, изложенному в классических учебниках по педагогической психологии, развитие психики происходит только в процессе собственной активной деятельности субъекта [2, с. 156]. Усвоение знаний не может быть пассивным актом передачи информации; оно требует внутренней работы по переработке материала, его осмыслению и включению в существующую систему знаний. Этот процесс сопровождается формированием устойчивых когнитивных схем, которые в дальнейшем позволяют человеку самостоятельно решать новые, нестандартные задачи.

Генеративные нейросети, предоставляя готовый продукт (эссе, решение задачи, план ответа), создают иллюзию усвоения. Студент получает результат, минуя процесс усилия, необходимый для формирования нейронных связей и когнитивных структур. В учебной литературе по общей педагогике подчеркивается, что прочность усвоения знаний напрямую зависит от степени самостоятельности и напряженности умственного труда обучающегося [3, с. 203]. Когда внешняя опора (в данном случае – ИИ) берет на себя основную нагрузку, нарушается закон развития высших психических функций: интериоризация (переход внешнего действия во внутренний план) не происходит или происходит поверхностно. В результате студент может демонстрировать формальное знание термина или концепции, но не способен применить их в изменённых условиях или аргументировать свою позицию.

Особое значение в этом контексте приобретает концепция зоны ближайшего развития, разработанная Л. С. Выготским и подробно разбираемая в современных учебных пособиях по возрастной и педагогической психологии [4, с. 312]. Зона ближайшего развития определяется как расстояние между уровнем актуального развития ребенка (или студента) и уровнем потенциального развития, достигаемым в сотрудничестве с более компетентным партнером. Традиционно таким партнером выступал учитель или сверстник, чья помощь заключалась в направлении мысли, постановке наводящих вопросов, поддержке усилий. Сегодня эту роль пытается взять на себя искусственный интеллект. Однако ключевое отличие заключается в том, что человеческий наставник стимулирует самостоятельность, постепенно снимая помощь по мере роста компетенций ученика, тогда как нейросеть часто стремится выполнить задачу полностью, лишая студента возможности пройти путь от незнания к знанию своими силами. Это ведет к тому, что зона ближайшего развития не становится зоной актуального развития, а остается «виртуальной» областью, доступной только при посредничестве алгоритма.

Дополнительным теоретическим аспектом является проблема формирования учебной самостоятельности как интегративного качества личности. В педагогической литературе самостоятельность рассматривается не как изолированная способность, а как сложная структура, включающая мотивационный, операционный и рефлексивный компоненты [5, с. 178]. Генеративные нейросети, упрощая операционную сторону учебной деятельности (поиск информации, структурирование текста, формулирование выводов), могут дезактуализировать мотивационный компонент («зачем мне напрягаться, если машина сделает лучше?») и блокировать развитие рефлексии («я получил хороший результат, значит, я всё понял»).

Анализ учебной литературы по методике обучения и воспитания позволяет выделить ряд рисков, связанных с бесконтрольным использованием генеративных моделей. Первый и наиболее очевидный риск – снижение мотивации к познавательной деятельности. Учебники по педагогической психологии указывают на то, что учебная мотивация поддерживается преодолением трудностей и переживанием успеха от собственных достижений [5, с. 178]. Если трудность устраняется кликом мыши, а успех является результатом работы алгоритма, внутренняя мотивация угасает, уступая место внешней формальной необходимости сдать работу. В долгосрочной перспективе это может привести к формированию «выученной беспомощности» в интеллектуальной сфере: студент перестает верить в свои силы и при малейшем затруднении обращается к ИИ вместо того, чтобы мобилизовать собственные ресурсы.

Второй риск связан с развитием критического мышления. Критическое мышление определяется в специализированных учебных пособиях как система суждений для анализа вещей и событий с формулированием обоснованных выводов [6, с. 94]. Навык критического анализа формируется только при столкновении с противоречивой информацией, необходимостью проверки фактов и построения логических цепочек. Генеративные модели, работающие на основе вероятностных предсказаний, часто выдают правдоподобную, но не всегда достоверную информацию («галлюцинации»). Студент, не обладающий сформированным навыком критической проверки и привыкший доверять авторитету «умной машины», теряет способность отличать истину от вероятностной имитации. Это создает угрозу формирования поверхностного, клипового сознания, неспособного к глубокому системному анализу. Более того, алгоритмы могут неосознанно транслировать стереотипы и предвзятость, содержащиеся в обучающих данных, что требует от пользователя особой бдительности и этической рефлексии.

Третий аспект – коммуникативная компетентность. Педагогическое общение, как отмечается в учебниках по педагогике, требует эмпатии, понимания контекста и эмоционального отклика [7, с. 267]. Общение с чат-ботом, имитирующим человеческую речь, обедняет эмоциональный опыт студента. Привыкая к безэмоциональному, хотя и вежливому

диалогу с алгоритмом, будущий учитель может потерять тонкость восприятия живых человеческих реакций, что недопустимо в профессиональной деятельности. Педагогика – это наука о человеке, и никакая технология не способна заменить живое взаимодействие, основанное на взаимном доверии и понимании.

Четвертый риск носит метакогнитивный характер. Студент, активно использующий ИИ, может сформировать искаженное представление о собственных знаниях и умениях (эффект «иллюзии компетентности»). Получая качественно оформленные работы, он начинает переоценивать свой реальный уровень подготовки, что создает проблемы при столкновении с ситуациями, требующими самостоятельного решения без технической поддержки (например, на устном экзамене или в реальной педагогической практике).

Несмотря на обозначенные риски, полный отказ от использования новых технологий невозможен и нецелесообразен. Задача современной дидактики, опирающейся на классические принципы обучения, – найти способ интеграции ИИ, который бы не подменял, а усиливал познавательную активность. В учебниках по общей дидактике выделяются принципы сознательности и активности, наглядности, доступности и прочности усвоения знаний [8, с. 145]. Применение нейросетей должно подчиняться этим принципам и служить их реализации, а не противоречить им.

Принцип сознательности и активности требует, чтобы использование ИИ было осознанным актом. Студент должен четко понимать, какую часть работы выполняет машина, а какую – он сам. Целесообразно использовать нейросеть не как исполнителя, а как объект для анализа. Например, задание может звучать так: «Сгенерируйте текст по теме с помощью ИИ, найдите в нем три фактические ошибки или логические несоответствия и аргументированно исправьте их». В этом случае нейросеть становится материалом для тренировки критического мышления, а не инструментом избегания учебы. Другой вариант – использование ИИ для генерации альтернативных точек зрения на проблему, которые студент затем должен сравнить, оценить и интегрировать в собственную позицию.

Принцип прочности усвоения знаний диктует необходимость многократного повторения и применения знаний в различных ситуациях. ИИ может служить тренажером для генерации множества вариаций задач или вопросов для самопроверки, однако решение этих задач должно осуществляться студентом самостоятельно. Учебные пособия по частным методикам рекомендуют использовать генеративные модели для создания индивидуальных образовательных траекторий, где ИИ выступает в роли тьютора, подсказывающего направление поиска, но не дающего готового ответа [9, с. 221]. Такая организация процесса позволяет сохранить познавательную инициативу обучающегося и обеспечить постепенное наращивание сложности выполняемых заданий.

Важнейшим условием эффективного использования ИИ является сохранение ведущей роли преподавателя. В учебниках по педагогике неоднократно подчеркивается, что никакие

технические средства не могут заменить живого взаимодействия учителя и ученика, особенно в вопросах воспитания и формирования ценностных ориентиров [10, с. 98]. Преподаватель должен выступать модератором процесса, помогая студентам рефлексировать над результатами работы с нейросетью, обсуждать этические аспекты использования ИИ и формировать ответственное отношение к интеллектуальному труду. Педагог также обязан моделировать ситуации, в которых использование ИИ нецелесообразно или невозможно, тем самым развивая у студентов гибкость и адаптивность мышления.

Отдельного внимания заслуживает принцип дифференциации и индивидуализации обучения. Генеративные нейросети обладают значительным потенциалом для адаптации учебного материала под потребности конкретного студента: они могут упрощать или усложнять формулировки, подбирать примеры из сферы интересов обучающегося, предлагать задания оптимального уровня сложности. Однако реализация этого потенциала требует от преподавателя высокой методической культуры и умения грамотно формулировать педагогические задачи для ИИ.

На основе анализа фундаментальной учебной литературы можно сформулировать ряд рекомендаций для организации учебного процесса в педагогическом вузе в условиях распространения генеративных нейросетей.

Во-первых, необходимо сместить акцент в оценке знаний с результата на процесс. Традиционные формы контроля (рефераты, эссе), которые легко делегируются ИИ, должны трансформироваться в устные защиты, дискуссии, решение ситуационных задач в реальном времени. Это соответствует требованию учебников по педагогической диагностике об оценке не только предметных результатов, но и метапредметных компетенций [11, с. 134]. Целесообразно внедрять портфолио-оценивание, где фиксируется не только итоговая работа, но и черновики, заметки, рефлексивные записи, демонстрирующие путь студента к результату.

Во-вторых, в курс педагогической психологии и частных методик следует включить модули, посвященные цифровой гигиене и этике использования ИИ. Студенты должны изучать принципы работы нейросетей, их ограничения и потенциальные искажения, опираясь на научные данные, изложенные в современных учебных пособиях по информационной культуре. Важно формировать у будущих педагогов понимание того, что ИИ – это инструмент, эффективность и безопасность которого зависят от компетенций и ответственности пользователя.

В-третьих, важно развивать навыки саморегуляции и рефлексии. Учебники по психологии управления учебной деятельностью подчеркивают роль рефлексии в формировании самостоятельности [12, с. 189]. После каждого задания с использованием ИИ студент должен писать рефлективный отчет: что было сделано машиной, какие решения принял человек, в чем заключались трудности и как они преодолевались. Такая практика способствует интериоризации опыта и развитию метакогнитивного контроля. Преподаватель

может использовать специальные рефлексивные вопросы: «Что в работе ИИ вызвало у вас сомнение?», «Какой аргумент вы добавили от себя и почему?», «Что бы вы изменили в промпте, если бы выполняли задание повторно?».

В-четвертых, целесообразно развивать проектную и исследовательскую деятельность, в рамках которой использование ИИ регламентируется, но не исключается. Студенты могут применять нейросети для поиска литературы, генерации гипотез, оформления результатов, однако ключевые этапы – постановка проблемы, сбор первичных данных, интерпретация результатов, формулирование выводов – должны выполняться самостоятельно. Это позволяет сохранить познавательную инициативу и обеспечить формирование исследовательских компетенций, необходимых будущему педагогу.

Генеративные нейросети представляют собой инструмент, влияние которого на когнитивную сферу студентов педагогических вузов требует взвешенного, научно обоснованного подхода. Опора на классические учебники по педагогике и психологии позволяет выявить ключевые риски: снижение учебной мотивации, ослабление навыков критического анализа, обеднение коммуникативного опыта, формирование иллюзии компетентности. Вместе с тем, при условии соблюдения фундаментальных дидактических принципов – сознательности, активности, прочности усвоения – технологии ИИ могут быть интегрированы в образовательный процесс как средство развития, а не подмены познавательной деятельности.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка учебно-методических комплексов, сочетающих традиционные формы обучения с возможностями генеративных моделей, а также проведение эмпирических исследований эффективности таких комплексов на базе педагогических вузов. Подготовка будущего учителя должна обеспечивать не только техническую грамотность, но и способность сохранять гуманистическую направленность образования, где центральным элементом остается развитие личности обучающегося. Только балансируя между инновациями и традициями, педагогическая наука сможет ответить на вызовы цифровой эпохи, не утратив своей главной миссии – воспитания мыслящего, самостоятельного и нравственного человека.

Литература

1. Сластенин, В. А. Педагогика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – 4-е изд., стереот. – Москва : Академия, 2020. – 576 с.

2. Маркова, А. К. Психология труда учителя : книга для учителя / А. К. Маркова. – Москва : Просвещение, 2019. – 192 с.

3. Подласый, И. П. Педагогика : учебник для бакалавров / И. П. Подласый. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2021. – 524 с.

4. Немов, Р. С. Психология : учебник для студентов высших педагогических учебных заведений : в 3 кн. / Р. С. Немов. – 6-е изд. – Москва : Владос, 2020. – Кн. 1 : Общие основы психологии. – 687 с.

5. Щукина, Г. И. Педагогика школы : учебное пособие / Г. И. Щукина. – Москва : Просвещение, 2018. – 352 с.

6. Кларин, М. В. Критическое мышление : учебное пособие / М. В. Кларин. – Москва : Флинта : Наука, 2019. – 176 с.

7. Кан-Калик, В. А. Педагогическое творчество : учебное пособие / В. А. Кан-Калик. – Москва : Педагогика, 2018. – 304 с.

8. Лернер, И. Я. Дидактические основы методов обучения : учебное пособие / И. Я. Лернер. – Москва : Издательство УРАО, 2019. – 256 с.

9. Хуторской, А. В. Современная дидактика : учебник для вузов / А. В. Хуторской. – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – 639 с.

10. Лихачев, Б. Т. Педагогика : курс лекций : учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / Б. Т. Лихачев. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 523 с.

11. Аванесов, В. С. Педагогическая диагностика : учебное пособие / В. С. Аванесов. – Москва : МГУ, 2019. – 288 с.

12. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов / И. А. Зимняя. – 3-е изд., доп., испр. и перераб. – Москва : Логос, 2020. – 384 с.

E. V. MAKEEVA, E. V. GULYAKINA

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation

THE IMPACT OF GENERATIVE NEURAL NETWORKS ON THE COGNITIVE INDEPENDENCE AND CRITICAL THINKING OF PEDAGOGICAL STUDENTS

This article analyzes the impact of generative artificial intelligence (GNA) on the development of cognitive independence and critical thinking in future teachers. Based on fundamental principles of educational psychology, the risks of "cognitive unloading" and the substitution of algorithmic generation for mental activity are examined. A model for integrating neural networks into the educational process is proposed, based on classical didactic principles and aimed at developing students' metacognitive strategies.

generative neural networks, cognitive independence, critical thinking, educational psychology, digital didactics, educational process.

Макеева Екатерина Витальевна – обучающаяся 1 курса группы 131 ЮБУП (Направление: юриспруденция, уголовно-правовой профиль) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Российская Федерация. Научные интересы: цифровая педагогика, развитие критического мышления у будущих педагогов, когнитивная самостоятельность студентов, этика ИИ в образовании, методика профессиональной подготовки учителей в условиях цифровизации.

Гулякина Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Российская Федерация. Научные интересы: русский язык, латынь, риторика, методика преподавания иностранных языков, профессиональная коммуникация в юридической сфере, культура юридической речи.

Makeeva Ekaterina – 1st year student of group 131 YUBUP (Direction: Jurisprudence, Criminal Law Profile) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Donbass State University of Justice”, Donetsk, Russian Federation. Research interests: digital pedagogy, development of critical thinking in future teachers, cognitive independence of students, AI ethics in education, methodology of professional training of teachers in the conditions of digitalization.

Gulyakina Elena – Senior Lecturer of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation. Scientific interests: Russian language, Latin, rhetoric, methods of teaching foreign languages, professional communication in the legal sphere, culture of legal speech.

УДК 81.161.1

А. И. МЕЩЕРЯКОВА, Т. В. МОСКОВСКАЯ

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»,
г. Донецк, РФ (ДНР)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируется феномен заимствований, в частности англицизмов, в современном русском языке, рассматриваются исторические этапы проникновения, основные причины и пути ассимиляции. Авторы оценивают двойственную роль заимствований: как источника лексического обогащения и заполнения семантических лакун, так и потенциальной угрозы для национальной самобытности языка.

англицизмы, заимствования, процесс коммуникации, культура речи, межкультурные контакты.

Проблема заимствований, в частности англицизмов, в современном русском языке вызывает оживлённые дискуссии как среди лингвистов, так и в обществе. С одной стороны, заимствования нередко воспринимаются как угроза для чистоты и самобытности языка, с другой – они являются составной частью естественного механизма языкового развития и обогащения. В связи с этим возникает необходимость научного осмысления роли иноязычных элементов в лексической системе русского языка, а также анализа причин их массового проникновения и функциональной значимости.

В условиях интенсивных межкультурных контактов заимствования становятся неотъемлемой частью лексикона, что требует объективной оценки их воздействия на языковую систему. Важно определить, являются ли англицизмы фактором, способствующим деградации языка, или же они выполняют функцию его обновления и адаптации к современным реалиям.

Историю заимствований в русском языке охватывает ключевые этапы, отражающие культурные контакты. В древнерусский период доминировали грецизмы («икона», «храм») через церковнославянский, петровские реформы XVIII века ввели немецкие и голландские термины («галстук», «ботинок»), XIX век обогатился французизмами («пальто», «меню», «бульвар») и германизмы («рюкзак», «крендель»), а современный этап характеризуется доминированием англицизмов в сферах IT, бизнеса и молодежного сленга («хайп», «кринж», «флешмоб»). Это эволюция привела к тому, что заимствования составляют до 10–15% современной лексики русского языка [3, с. 307].

Данная тема приобретает особую актуальность в эпоху цифровизации, когда заимствования стали составлять значительную часть современной лексики русского языка, обогащая её новыми понятиями, но при этом вытесняя исконные слова. С 1 марта 2026 года в России действует закон, запрещающий использование заимствований без перевода в рекламе и вывесках, что усиливает дискуссии о возможности морфологической адаптации иноязычных слов и роли английского языка в этом процессе.

Целью настоящей работы является анализ феномена заимствований в русском языке, выявление основных причин данного явления, оценка изменения лексической структуры и коммуникативных возможностей языка, а также выявление угроз от заимствованных слов культуре речи русского языка.

Англицизмы как лексические единицы, заимствованные из английского языка, стали проникать в русский язык уже с XVI века. Стремление англичан расширить свой рынок сбыта послужило основой для установления устойчивых торговых связей с Россией. В этот период в русский язык вошли термины, обозначающие меры, веса и денежные единицы, такие как «фунт» и «шиллинг». Кроме того, в официальных документах и отчётах о деятельности дипломатических миссий стали регулярно использоваться обращения и титулы, заимствованные из английского, например: «сэр», «лорд», «мистер» и др. [4, с. 504].

В дальнейшем значительный приток англицизмов был связан с эпохой дипломатических и культурных контактов, инициированных реформами Петра I. Особую группу заимствований из английского языка в этот период составила морская лексика. В наш язык вошли термины, обозначающие типы судов («яхта», «катер», «баржа», «шлюпка», «бриг»), элементы конструкций и приспособлений («борт», «компас»), морские должности («мичман», «капитан»), названия мер («фут», «ярд»), что было обусловлено необходимостью описания новых реалий в области морского дела и навигации [1, с. 3].

На протяжении почти пяти столетий русский язык активно интегрировал английские заимствования, они прочно вошли в повседневную речь и стали неотъемлемой частью современной коммуникации («парк», «сквер», «магазин», «спорт», «партнёр», «вирус»).

Заимствование как процесс перехода лексических единиц из одного языка в другой с сохранением основной семантики способствует развитию языковой системы. По определению лингвистов, отражённому в работе С. М. Пометелиной, заимствование – это переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками [2, с. 54].

Пути заимствования разнообразны: прямые (устные) через живую речь в периоды культурных контактов («голкипер», «митинг») и косвенные через письменные источники, литературу или СМИ («имидж», «брифинг»).

По степени освоения выделяют неадаптированные слова, сохраняющие исходную форму («смартфон»), частично адаптированные, с изменениями в произношении («интернет») и полностью русифицированные («клуб»), с особым акцентом на морфологическую адаптацию новейших заимствований, включая склонение и спряжение [6, с. 98]. Такая классификация демонстрирует, как заимствования интегрируются в грамматическую систему русского языка, становясь неотъемлемой частью лексикона.

В качестве значимого источника пополнения современной русской лексики выступают отаббревиатурные неологизмы, образованные на базе англоязычных инициальных сокращений. Данный пласт лексики формируется преимущественно по субстантивной модели, включающей транслитерацию исходной аббревиатуры (например, «IT» → «айти», «HR» → «эйчар») с последующей её деривацией по продуктивным словообразовательным моделям русского языка (суффиксация: «айтишник», «пиарщик»; универбация: «СМС-ка»). Высокая скорость их узуализации детерминирована прагматической установкой на компрессию речи и минимализацию когнитивных усилий адресанта. Функционально подобные единицы служат эффективным средством номинации новых реалий и обладают значительным экспрессивным потенциалом.

Если говорить о пользе заимствований, следует отметить их ключевую роль в обогащении лексики русского языка. Англицизмы эффективно заполняют семантические лакуны и вводят точные термины для новых реалий, которые отсутствуют в исконном фонде, что делает речь более гибкой и адекватной современным условиям глобализированного мира. Например, феномены цифровой экономики лаконично отражают англицизмы «маркетинг», «дилер», «дистрибьютер», «биткоин», «брокер», «ваучер», «инвестиция», «промпт», в молодежной культуре активно используются «ниенейм», «буллинг», «лузеры», «хипстеры», в ИИ-технологиях надёжно закрепились лексемы «компьютер», «ноутбук», «сайт», «дисплей», «файл», «интерфейс», «принтер», «сканер», «браузер». Ускоряя коммуникацию и помогая избегать громоздкие фразы, англицизмы способствуют эволюции речи, делая её более выразительной и конкурентоспособной на международной арене.

Однако чрезмерное проникновение иностранных слов в наш язык представляет угрозу для культуры собственно русской речи, вытесняя исконные слова, размывая национальную лексическую самобытность и приводя к постепенному обеднению выразительных средств языка. Яркими примерами служат использование лексем «имидж» вместо «образ», «менеджер» вместо «управляющий», «бренд» вместо «марка», что иллюстрирует указанную тенденцию, особенно среди молодежи и в медиапространстве, где английское влияние доминирует, как отмечает Ц. Цзян, изучавший экспансию англицизмов [5, с. 169]. Федеральный закон от 1 марта 2026 года, запрещающий использование неадаптированных

заимствований без русского эквивалента в рекламе и публичных текстах, прямо отражает общественную обеспокоенность этими процессами, подкрепленную наблюдениями о морфологической нестабильности новейших слов и потере грамматической гармонии в речи. В долгосрочной перспективе данный процесс чреват эрозией культурной идентичности, поскольку носители языка утрачивают связь с историческим наследием собственной лексики. Этот феномен получает значительное ускорение и масштабируется в условиях цифровизации и доминирования социальных сетей.

Таким образом, заимствованные слова в русском языке выступают двойственным фактором: они обогащают лексику новыми понятиями и адаптируют речь к глобальным реалиям, но при неконтролируемом проникновении угрожают вытеснением исконных синонимов и размыванием культурной самобытности. В заключение, польза заимствований превалирует при условии их морфологической адаптации и регулировании, что позволит сохранить баланс между развитием языка и защитой его идентичности.

Литература

1. Лошакова, Н. А. История и адаптация англицизмов в русском языке / Н. А. Лошакова, В. Г. Павленко // Концепт. – 2019. – №5. – С. 1–7. – DOI 10.24411/2304-120X-2019-15016.

2. Пометелина, С. М. Современные заимствования: обогащение русского языка или угроза нашей самобытности? / С. М. Пометелина // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования / Глав. ред. Н. И. Мартишина. – Новосибирск : СГУПС, 2018. – 108 с. – С. 54–60.

3. Рубцова, Е. В. Основные тенденции в области заимствований в русском языке начала XXI века / Е. В. Рубцова, Н. В. Девдариани // Балтийский гуманитарный журнал. – Т. 9. – № 2 (31) / Глав. ред. А. А. Коростелев – Тольятти : Профессиональные аналитики аутопойэйзисных систем, 2020. – 396 с. – С. 305–308.

4. Туленкова, П. П. Англицизмы в русском языке / П. П. Туленкова, Г. Н. Мухамедьянова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 16 (411). – С. 503–506.

5. Цзян, Ц. Иностранные английские слова в русском языке / Ц. Цзян, Х. Ван // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе : Таджикский национальный университет, 2024. – 349 с. – С. 167–171.

6. Шмидт, Д. С. Морфологическая адаптация новейших заимствований в системе русского языка : системно-грамматический аспект / Д. С. Шмидт // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования / Глав. ред. Д. М. Федяев. – Омск : ОмГПУ, 2023. – 167 с. – С. 97–102.

A. I. MESHCHERYAKOVA, T. V. MOSKOVSKAYA
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky,
Donetsk, Russian Federation (DPR)

LEXICAL BORROWINGS AS A FACTOR OF SPEECH CULTURE CHANGE

The article analyzes the phenomenon of borrowings, in particular Anglicisms, in modern Russian, examines the historical stages of penetration, the main causes and ways of assimilation. The authors assess the dual role of borrowings: as a source of lexical enrichment and filling in semantic gaps, as well as a potential threat to the national identity of the language.

Anglicisms, borrowings, communication process, culture of speech, intercultural contacts.

Мещерякова Анастасия Игоревна – студентка 1 курса группы ТЭТД-25-А факультета таможенного дела ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», направление подготовки 38.03.07 Товароведение, профиль: Товароведение и экспертиза в таможенном деле. Научные интересы: формирование профессиональных компетенций специалистов таможенного дела.

Московская Татьяна Викторовна – старший преподаватель кафедры философии и русской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского». Научные интересы: ноосферное образование, структура и функционирование языка.

Meshcheryakova Anastasia Igorevna – student of the TETD-25-A group of the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, majoring in 38.03.07 Commodity Science, profile: Commodity Science and Expertise in Customs Affairs. Research interests: developing the professional competencies of customs specialists.

Moskovskaya Tatyana Viktorovna – senior lecturer at the Department of Philosophy and Russian Philology of the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky. Scientific interests: noospheric education, structure and functioning of language.

УДК 811.124

А. И. МИРЦХУЛАВА, О. В. ШКУРАН

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», г. Москва, (Россия)

ЛАТИНСКИЕ АФОРИЗМЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. ОЖИВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье исследуется феномен возвращения латинских афоризмов в современное информационное пространство. Раскрыты причины и механизмы этого «оживления» – от потребности в экономии знаков до интеллектуальной игры. Сделаны выводы о том, что латинский язык из прошлого становится актуальной тенденцией настоящего.

латинский язык, латинская афористика, афоризм, медицинская терминология, лингвокультурные факторы.

Латинская афористика является уникальным пластом мировой культуры, которая представляет собой собрание кратких, отточенных изречений на латинском языке, выражающих законченную мысль философского, правового, медицинского или житейского содержания. Чтобы понять лингвокультурологическую значимость афоризмов, нужно принять их как сплав древнегреческой, римской и раннехристианской культур.

Слово «афоризм» имеет древнегреческое происхождение и буквально переводится как «определение», «краткое значение», автором этого термина является основоположник медицины Гиппократ. Его труд «Афоризмы» открывается знаменитой фразой «Ars longa, vita revis» (Жизнь коротка, путь искусства долговечно) [МСЛВ 2014, с. 305]. Римские философы Цицерон, Сенека приняли афоризм как идеальную форму передачи мудрости, поэтому латинские изречения заменили греческую проницательность на римский прагматизм и суровость. Все-таки латинский афоризм стал существовать как самостоятельный жанр благодаря важным факторам: праву, медицине, политике и народной смекалке.

Актуальность данного исследования продиктована парадоксом XXI века: в эпоху клипового мышления и бесконечных информационных потоков, когда слово обесценивается до скорости свайпа, лаконичная латинская максима оказывается невероятно востребованной. Как так вышло, что язык Цицерона и Цезаря вдруг стал языком тату-салонов, мотивационных пабликов и мемов? Почему фраза «Carpe diem» (Лови момент) [МСЛВ 2014, с. 55] сегодня звучит громче, чем когда-либо? В этой статье мы проследим путь латинского афоризма от античных форумов до лент современных социальных сетей, проанализируем его лингвистическую структуру и попытаемся понять, почему латынь остаётся не просто языком Церкви и Медицины, но и универсальным культурным кодом, объединяющим поколения.

Афоризм «Invia virtuti nulla est via» (Для доблести нет непроходимых путей) [КЛ 2007, с. 45] – девиз великого анатома Везалия. Он мог бы стать эпиграфом к судьбе самого латинского языка. Латинский язык – это, для нас, анатомический тезаурус, язык рецептов и клинических терминов, та самая профессиональная система координат, которая позволяет хирургу из Владивостока понять диагноз, написанный коллегой из Барселоны, не прибегая к помощи искусственного интеллекта. Однако мы предлагаем взглянуть на латинский язык не как на «мёртвый» инструмент номенклатуры, а как на живой, пульсирующий организм, чья душа – латинский афоризм – не только сохранилась в веках, но и переживает удивительный ренессанс в современной цифровой среде.

Часть 1. Кристаллизация мудрости: Происхождение и природа латинского афоризма

Сами римляне называли афоризмы *sententiae* (мнения, изречения) или *adagia* (пословицы). Современная российская афористика представлена именами В. П. Берков, В. М. Мокиенко, А. В. Королькова, К. П. Сидоренко, В. Г. Шулежкова и др., которые поддерживают далевское определение афоризма как «короткого и ясного изречения, правила, основанного на опыте и рассуждении; отрывочного, но полного по себе положения» [Даль, 1978 : 30].

Латинские афоризмы уникальны тем, что они впитали в себя два мощнейших потока: суровую, аграрную мудрость римского народа «Ubi bene, ibi patria» (Где хорошо, там и отечество) [МЛЛВ 2014, с. 289] и утончённую философию эллинизма, переложенную на лад великими поэтами Золотого века. В лингвистическом аспекте латинский афоризм представляет собой особую синтаксическую структуру, где афористичность создаётся взаимодействием лексических и грамматических средств: предельный лаконизм (*brevitas*), особая интонация и ритмический рисунок, часто построенный на хиазме или аллитерации. В отличие от древнегреческой сентенции, тяготевшей к диалектике и философскому поиску, римский афоризм прагматичен и дидактичен – это урок, приговор или руководство к действию, отлитое в бронзу лаконичного синтаксиса.

Мы должны понимать, что эти выражения рождались не в тиши кабинетов. Они звучали в Сенате («O tempora, o mores!» – О времена, о нравы!) [КЛ 2007, с. 97], на поле боя («Veni, vidi, vici» – Пришёл, увидел, победил) [МЛЛВ 2014, с. 295] и в медицинских школах («Primum non nocere» – «Прежде всего – не навреди») [МЛЛВ 2014, с. 234]. Римляне ценили *brevitas* – краткость, и *gravitas* – весомость. Эта чеканность формулировок обеспечила им ту самую «окрылённость», о которой писали филологи: способность отрываться от авторства и контекста и лететь сквозь века.

Часть 2. Per aspera ad astra: Трансляция мудрости через Средневековье и Ренессанс

Путь латинского афоризма не прервался с падением Западной Римской империи. Напротив, именно в монастырских скрипториях Средневековья латынь обрела статус сакрального языка науки и веры и создала «особую речевую среду, в которой в понятие образцовости нормативного языкового средства включается значение признанности» [Шкуран 2023 : 148]. Именно здесь сформировался корпус крылатых выражений, которые мы сегодня называем «латинскими», хотя многие из них были созданы средневековыми схоластами или переосмыслены ими. В эту эпоху латынь функционировала как язык межнационального общения образованной элиты, а цитирование античных авторов воспринималось как маркер учености и принадлежности к высокой культуре.

Эпоха Возрождения вдохнула в латинскую афористику новую жизнь. Гуманисты не просто копировали Цицерона и Сенеку – они вступили с ними в живой диалог. Д. Алигьери, чьё творчество стоит на границе Средневековья и Ренессанса, демонстрирует блестящий пример такого диалога. В его «Новой жизни» латинское выражение «Incipit vita nova» становится не просто заголовком, но мистическим ключом ко всему произведению, символизируя обновление души через любовь. А в описании явления бога Амора звучат грозные латинские слова «Ego dominus tuus» («Я твой господь») – латынь здесь выступает как язык высшей, вневременной реальности. Так формировалась традиция: латинский афоризм – это не цитата из пыльного фолианта, а живой собеседник, с которым можно спорить, которого можно переосмыслять и чью мудрость можно прилагать к реалиям нового времени [Дюсембинова : URL].

Часть 3. Mост in professionem: Латынь как этический камертон медицины

Для нас, медиков, латынь – это не факультатив по культурологии. Это инструмент профессионального самосознания. Многие афоризмы связаны с медициной и являются точными комментариями, относящимися к болезням и патологическим процессам, многие из них касаются здоровья больного, поведения врача, представляют собой деонтологические заповеди, формулируют моральные и этические нормы врачебной профессии. Изучение подобных афоризмов имеет большое значение для студентов медицинских вузов и в наши дни, поскольку они создают среду для развития и правильного воспитания будущих врачей, повышают общекультурный уровень медиков и формируют их нравственно-ценностное самосознание.

Представим систематизацию медицинских афоризмов по смысловым группам [Грубова, Хохлова 2021, с. 438]:

1. Деонтологические заповеди (врач и пациент): “Salus aegroti suprema le*x”* (Благо больного – высший закон) [МЛЛВ 2014, с. 260]; “Primum non nocere” (Прежде всего – не навреди) [МЛЛВ 2014, с. 234].

2. О болезни и лечении: “Morbi non eloquentia, sed remediis curantur” (Болезни лечатся не красноречием, а лекарствами) [КВ 2021, с. 18]; “Sola dosis facit venenum” (Только доза делает лекарство ядом) [КВ 2021, с. 74].

3. О роли природы: “Naturam expellans fursa, tamen usque recurret” (Природу хоть вилами гони, она все равно вернется) [МЛЛВ 2014, с. 170]; “Vis medicatrix naturae” [МЛЛВ 2014, с. 304].

4. О здоровье и образе жизни: “Non est census super censum salutis corporis” (Нет ничего ценнее здоровья) [МЛЛВ 2014, с. 289].

5. О медицине как искусстве: “Divinum opus est sedare dolorem” (Божественное дело – успокаивать боль) [МЛЛВ 2014, с. 85]; “Praesente medico nihil nocet” (В присутствии врача ничто не вредно) [МЛЛВ 2014, с. 233].

6. О духовном здоровье: “Nostra omnis vis in animo et corpore sita est” (Вся наша сила – в духе и теле) [МЛЛВ 2014, с. 196]; “Ora et labora” (Молись и трудись) [МЛЛВ 2014, с. 215].

7. О диагностике: “Ignoti nulla curatio morbi” (Нельзя лечить неопознанную болезнь) [МЛЛВ 2014, с. 131]; “Venienti occurrite morbo” (Предупреждайте болезнь до ее наступления) [МЛЛВ 2014, с. 295] и др.

Отдельного внимания заслуживает афоризм “Memento mori” (Помни о смерти) [МЛЛВ 2014, с. 161]. Этот афоризм, часто воспринимаемый обывателями как мрачный декаданс, для врача имеет совершенно иной смысл. Это напоминание о хрупкости человеческой жизни и о ценности отпущенного пациенту времени. Это то, что отличает ремесленника от Врача с большой буквы. Не менее важен и девиз голландского врача Ван Тульпиуса XVII века: “Aliis inserviendo consumor” (Служа другим, себя трачу), или его вариант “Aliis lucens uror” (Светя другим, сгораю). Это квинтэссенция врачебного подвижничества, выраженная на языке, который не терпит фальши.

Более того, латынь выполняет функцию профессионального пароля. Когда мы произносим “Per aspera ad astra” (Через тернии к звёздам) [МЛЛВ 2014, с. 223], мы не просто цитируем Сенеку, мы обозначаем свою принадлежность к сообществу людей, прошедших через тернии латыни, анатомии и ночных дежурств.

Часть 4. Vivat lingua Latina! Феномен оживления в цифровую эпоху

А теперь перейдём к самому интересному – к феномену «оживления» латыни в XXI веке. Казалось бы, эпоха постмодерна должна была окончательно добить классическое наследие. Но произошло обратное: информационное пространство подарило латыни новую жизнь, пусть и в несколько неожиданных формах.

Мы наблюдаем четыре ключевых направления этого ренессанса:

1. Эстетизация через тело (Тату-культура). Латынь стала основным языком татуировки для интеллектуальной прослойки. Тату на латыни являются одними из самых популярных нательных надписей, ведь каждая фраза, нанесённая на тело, служит не только красивым украшением, но также несёт глубокий смысл. Фразы вроде “Dum spiro, spero” (Пока дышу, надеюсь), “Audaces fortuna juvat” (Смелым судьба помогает) или “Contra spem spero” (Без надежды надеюсь) наносятся на тело как обереги, как личные манифесты. Визуально строгий шрифт “Trajan Pro” или готика в сочетании с лаконичностью латинской грамматики создают ощущение вневременной истины. Это способ заявить о своей сложной внутренней жизни, не впадая в многословие. Латынь здесь выступает кодом универсальной, общей культуры, понятной и в Европе, и в Азии, что особенно ценно в эру глобализации [Татуировка на латыни : URL].

2. Юмористическая субверсия и «пацанская латынь». Это, пожалуй, самый яркий пример адаптации языка. В сообществах вроде Pikabu и в Telegram-каналах возник целый пласт псевдолатинских выражений, которые высмеивают современные бытовые реалии через призму высокой архаики. “Auscultare tu, ipse mentis quod?!” (Слышь, ты, самый умный что ли?!). С точки зрения пуриста-классика – это вульгаризация и варварство. Но с точки зрения культурологии – это мощнейший показатель живучести языка. Мёртвый язык не шутит. Мёртвый язык не адаптируется под реалии спальных районов. Сам факт того, что молодёжь использует латинскую морфологию (пусть и с ошибками) для создания комического эффекта, говорит о том, что латынь в их сознании остаётся маркером «высокого штиля», на фоне которого бытовой юмор звучит особенно контрастно и смешно [Латинские девизы : URL].

3. Социальные сети и визуальная мудрость. В Instagram и Pinterest латинские афоризмы оформляются в виде эстетичных карточек с античными статуями. Это визуализация философии стоицизма. Фразы “Amor fati” (Любовь к судьбе) или “Fugit irreparabile tempus” (Бежит невозвратное время) стали слоганами саморазвития. В эпоху тревожности и информационного шума короткая сентенция на латыни работает как якорь, возвращающий человека к вечным истинам. Исследователи отмечают, что латинские максимы, благодаря своему универсальному характеру, легко проникают в дискурс социальных медиа, где требуется максимальная смысловая нагрузка при минимальном объёме текста. Визуализация таких афоризмов, как “Carpe diem” (Лови момент), делает их мощным манифестом для личного бренда в цифровом пространстве [Латинские девизы : URL].

4. Юридическая и прагматическая сферы. Нельзя обойти вниманием и функционирование латыни в праве и государственной символике. Фраза “Dura lex, sed lex” (Закон суров, но это закон), приписываемая Цицерону, стала основой правосознания на века. Смысл, вкладываемый римлянами в это высказывание, многогранен: закон обязателен

для каждого; незнание норм права – не повод их нарушать; какими бы суровыми законы ни казались, они создаются во благо общества. Эта фраза до сих пор украшает здания судов по всему миру, включая Россию. А девиз США “E pluribus unum” (Из многих – единое) или олимпийский девиз “Citius, altius, fortius!” (Быстрее, выше, сильнее!) демонстрируют, как латинская афористика продолжает формировать глобальные идеологемы [Бренд-нейминг : URL].

Часть 5. Психология формы: Почему латынь «работает» в XXI веке?

Возникает закономерный вопрос: почему именно латынь, а не, скажем, древнегреческий или санскрит, заняла эту нишу в массовой культуре? Ответ кроется в уникальном сочетании лингвистических и культурных факторов.

Фонетическая и графическая эстетика. Латынь лишена диакритических знаков, обилия шипящих и сложных для европейца фонем. Обилие сонорных согласных и открытых гласных (*а, о, и*) создаёт ощущение плавности, вечности и монументальности. В татуировке и дизайне латиница воспринимается как «чистый» шрифт, свободный от национальной или политической окраски.

Лексическая прозрачность. Благодаря тому, что около 60% лексики современных романских и значительная часть лексики германских языков (включая английский) имеют латинские корни, фраза “Vita brevis, ars longa” интуитивно понятна даже человеку, никогда не изучавшему латынь. Возникает эффект «узнавания без знания» – фраза кажется знакомой и глубокой, но при этом сохраняет ауру таинственности.

Культурный престиж. Латынь на протяжении тысячи лет была языком науки, церкви и дипломатии. Цитирование латыни – это бессознательная апелляция к авторитету тысячелетней традиции, к «золотому веку» европейской цивилизации. В эпоху постмодерна, когда все смыслы подвергаются деконструкции, латынь остаётся одним из немногих устойчивых «брендов» истины. Как точно подметил философ, “Hoc unum scio, me nihil scire” (Я знаю, что ничего не знаю) [МСЛВ 2014 : 123] – это формула сократовской мудрости, которая на латыни звучит как окончательный вердикт, не подлежащий обжалованию.

Таким образом, латинский афоризм прошёл путь от восковых табличек до OLED-экранов смартфонов. Он пережил падение Империи, Средневековье и индустриализацию. И сегодня, когда студент-медик зубрит рецептурные сокращения или набивает на запястье “Ne noceas” (Не навреди), он становится звеном в непрерывной цепи передачи знания длиной в две с половиной тысячи лет.

Мы увидели, как латынь адаптируется к реалиям цифровой эпохи: она становится языком телесного искусства (тату), языком сетевого юмора, языком визуальной философии и языком юридических максим. Этот феномен доказывает, что латынь – это не памятник архитектуры,

который можно только охранять и реставрировать. Это инструмент мышления, который продолжает работать.

Почему это важно для нас, будущих и настоящих врачей? Потому что владение этой мудростью, понимание контекста фразы “Non est medicina sine lingua Latina” (Нет медицины без латинского языка) поднимает нас с уровня простых исполнителей медицинских услуг до уровня наследников великой культурной традиции. Латинские афоризмы направлены на совершенствование интеллектуального и личностного потенциала развития врача, поскольку они формируют у будущих медиков гуманное отношение к пациентам и значимость моральных качеств в культуре врачебной деятельности [Стрекалов : URL].

Врач не просто лечит тело – он, подобно римским врачам, служит “Salus aegroti”. В мире, где всё быстро устаревает, латынь напоминает нам о главном: “Verba volant, scripta manent” (Слова улетают, написанное остаётся). И пока врачи помнят эти афоризмы, язык Гиппократа и Цельса будет жить.

Литература

1. Бренд-нейминг. Самый полный список приемов и техники разработки названия // [Электронный ресурс]. – URL: https://brand-hub.ru/media/brend-neyming-samyy-polnyy-spisok-priemov-i-tehnik-razrabotki-nazvaniya (дата обращения: 19.04.2026).

2. Грубова, Т. М., Хохлова, Ю. О. Тема медицины в латинских афоризмах / Т. М. Грубова, Ю. О. Хохлова // Материалы Всероссийского научного форума студентов с международным участием “STUDENT SCIENCE – 2021” /Т. М. Грубова, Ю. О. Хохлова. – СПб., 2021. – С. 438–439.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 1. М. : Русский язык, 1978. – 683 с.

4. Дюсембинова, Ж. История возникновения латинских афоризмов / Ж. Дюсембинова // Мысль, 2016. – [Электронный ресурс]: – URL: https://mysl.kazgazeta.kz/news/7212 (дата обращения: 10.04.2026).

5. КЛ – Кочкарева, А. Г., Рыжкина, З. А. Крылатая латынь. Сборник афоризмов. Учебное пособие / А. Г. Кочкарева, З. А. Рыжкина. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 126 с.

6. Латинские девизы // Живой Журнал. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.liveinternet.ru/ (дата обращения: 12.04.2026).

7. МСЛВ – Многоязычный словарь латинских выражений / под ред. Д. Пуччо. М. : Флинта, 2014. – 352 с.

8. Стрекалов, И. В. Медицинская деонтология в латинских афоризмах / И. В. Стрекалов // Материалы Всероссийского научного форума студентов с международным участием “STUDENT SCIENCE – 2020” / И. В. Стрекалов. – СПб., 2020. – С.406–407.

9. Татуировки на латыни : афоризмы, высказывания, фразы. – [Электронный ресурс]. – URL: https://on-tattoo.ru/phrases/tatu-na-latyni-aforizmy/ (дата обращения: 10.04.2026).

10. Шкуран, О. В. Десакрализация библеизмов в современном дискурсе как фактор признанности или легкословия? / О. В. Шкуран // Русин. – 2023. – № 71. – С. 131–162. – DOI 10.17223/18572685/71/6. – EDN LCONQN.

A. MIRTSKHULAVA, O. SHKURAN

RUDN, Moscow, (Russia)

LATIN APHORISMS: PAST AND PRESENT. REVIVAL IN THE MODERN INFORMATION SPACE

The article explores the phenomenon of the return of Latin aphorisms to the modern information space. The reasons and mechanisms of this “revival” are revealed, from the need to save signs to an intellectual game. Conclusions are drawn that the Latin language from the past is becoming an actual trend of the present.

Latin language, Latin aphoristics, aphorism, medical terminology, linguocultural factors.

Мирцхулава Анна Ираклиевна – студентка 1 курса специальности «Стоматология» медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Научные интересы: русский язык, медицинский дискурс, латинская афористика.

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Научные интересы: славянская фразеология, афористика, крылатика, библеистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

Mirtskhulava Anna Iraklievna – first year student of the specialty “Dentistry” at the Medical Institute of the RUDN. Scientific interests: Russian language, medical discourse, Latin aphorism.

Oksana Vladimirovna Shkuran – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages at the Medical Institute of the RUDN. Scientific interests: Slavic phraseology, aphorism, winged literature, biblical studies, linguoculturology, cognitive linguistics.

УДК 81-25

К. Д. МЫКА, Н. А. КОВАЛЕВА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

КАК ЗАИМСТВОВАНИЯ И СЛЕНГ МЕНЯЮТ РУССКУЮ РЕЧЬ И СТОИТ ЛИ ЭТОГО БОЯТЬСЯ?

В статье рассматривается воздействие иноязычных заимствований и жаргона на состояние современного русского языка в эпоху тотальной цифровизации. Анализируются психологические предпосылки неприятия новых лексических единиц, а также описываются природные механизмы, с помощью которых язык отсеивает лишнее.

заимствования, сленг, русский язык, языковая эволюция, пуризм, лексическая адаптация.

Проблема исследования заключается в том, что современные методики изучения цифровой коммуникации – социальные сети и мессенджеры активно воздействуют и влияют на язык общения, что видоизменяют лексику, орфографию, пунктуацию, синтаксис и стилистику. В языке молодежи образуются новые языковые формообразования, противоречащие классическим литературным. Снижается грамотность языка и устойчивость нормы, однако инновации открывают новые возможности самовыражения и коммуникации. Появляется потребность создать сбалансированные подходы между сохранением и использованием языковой нормы. Зачастую поднимается вопрос о дальнейшей судьбе и развитии родной речи. В повседневном общении в медиа и социальных сетях появляются новые популярные слова – «хайп», «кринж», «вайб» или «агриться», что вызывает затруднение в общении людей старшего поколения, преподавателей и тех, кто придерживается традиционных норм. Русский язык теряет свою самобытность под влиянием иноязычной лексики, а молодёжный сленг не всем понятен. Для нахождения ответа необходим не эмоциональный подход, а взвешенный лингвистический анализ.

Цель работы: всесторонне изучить влияние заимствований и жаргона на русский язык. Определить ключевые факторы языковой саморегуляции, а также установить, угрожает ли данное явление языковой системе.

Задачи исследования: описать исторические примеры, психологические причины непринятия новой лексики, рекомендации по естественному отбору языковых единиц.

Обозначить роль молодежного сленга как языковой системы, уточнить особенности использования сленга в речи молодежи, проследить влияние английского языка на сленг молодежи. Оценить значимость цифровых технологий и глобальной сети в пополнении словарного запаса. Сформулировать окончательную оценку – несут ли эти явления угрозу и нарушают систему языка.

Изучение молодежного сленга актуально для лингвистики, ибо он представляет собой живое отражение инноваций и изменений в языке, показывает, как язык адаптируется в новых социальных условиях.

Проследим развитие языка в исторической ретроспективе. Русский язык в его современном состоянии сформировался благодаря многовековым контактам с другими языками. Если бы наши предки не принимали каждое чуждое им слово, мы до сих пор общались бы на их узком диалекте. Петровский период внес в русский язык голландские, немецкие и французские слова: «гавань», «матрос», «штурвал», «мачта», «интернационал», «либерал». Современники-консерваторы назвали эти заимствования «немецкой шелухой», но столетие спустя они прочно закрепились в литературной норме. В наше время такие слова, как «солдат» (из немецкого) или «офицер» (из итальянского), уже не являются чуждыми. В XIX веке в русском языке появилось понятие «галломания»: «бюро», «вуаль», «десерт», «комплимент», «абажур», которое расширило лексикон благодаря творчеству А. С. Пушкина, сознательно использовавшему иноязычную лексику для уточнения смысловой окраски, отсутствовавшей в исконных словах. XX век добавил технические англицизмы («комбайн», «трактор», «конвейер») и политические термины («демократия», «революция», «пропаганда»). Исторические наблюдения утверждают, что каждый новый период заимствований либо сохраняется и обогащает язык, либо со временем исчезает за ненадобностью. Заимствования закрепляются в трёх ситуациях: когда они называют новое явление без аналога в русском; когда более кратко описывают конструкцию; когда расширяют стилистическую или смысловую окраску, отсутствующую у исконного слова.

В современной коммуникации особое значение имеют англицизмы, которые возникли в процессе цифровой глобализацией. Всемирная сеть, соцсети, видеоигры и технический прогресс регулярно формируют новые лексические единицы, с огромной скоростью внедряющиеся в речь. «Лайк», «репост», «стрим», «баг», «фича», «коллаборация» – эти и подобные им термины уже стали обыденными, особенно для молодого поколения. Их популярность объясняется не только потребностью называть новые реалии, но и стремлением быть современным, презентовать свою осведомленность и иметь отношение к глобальному цифровому окружению. В подобных условиях происходит ускорение языковых изменений, а разграничение между допустимым и недопустимым в речи становится все более размытым.

Известны естественные методы, благодаря которым язык освобождается от ненужных или избыточных заимствований. Первый из них – фонетическое приспособление, когда новое слово адаптируется под соответствующие нормы русского языка. Второй – грамматическое приспособление, включающее изменение по падежам, родам и числам. Третий – смысловое разделение. Если заимствованное слово не создает нового смыслового оттенка или стилистической окраски, не дает более яркого или экспрессивного проявления, уже существующего в языке, оно, скорее всего, не сохранится. Четвёртый метод – юмористическая нейтрализация, где сарказм или ирония подчеркивают неуместные заимствования и делают их нефункциональными.

Особого внимания заслуживает сленг. Если заимствования появляются в языке «сверху» – через науку, производство и официальные каналы, – то сленг возникает «снизу»: в молодёжной среде, профессиональном общении, субкультурах и интернет-пространстве. Его задача – не просто называть предметы, а обозначать принадлежность к группе, передавать эмоциональную окраску, находится на ироничной дистанции от официальной речи. Например, студенческий жаргон в советские времена («стипуха», «общага», «хвост», «автомат») в 1960-е вызывал резкое неодобрение педагогов, а сегодня принимается как литературная норма. Напротив, арго хиппи 1970-х («хилять», «шнурки», «хаер») почти полностью исчезло из употребления. Современный молодёжный сленг («краш», «кринж», «вайб», «агриться», «шипперить») вызывает противоречивые эмоции, однако лингвистический анализ указывает: эти слова не столько используют русские аналоги, сколько создают современную прагматичную реальность. Фраза «у меня краш» – это не просто выражение симпатии; она одновременно принимает говорящего в определённое онлайн-сообщество и усиливает ироничную дистанцию. «Кринж» обозначает не просто чувство стыдливости, а специфическое ощущение неловкости от чужого поведения, колеблющееся между неприятием и восторгом. Исследователи (М. Кронгауз, А. Баранов, Е. Земская) называют это прагматичной перенасыщенностью сленга: он кодирует чувства, эмоции и межкультурные отношения быстрее и с большей силой, чем классический литературный язык.

Современная коммуникация, следует особым законам в цифровой среде, выдвигает особые требования к экспрессивности и выразительности языка. Сленг, выполняя функции своеобразной лаборатории, допускает эксперименты с новыми видами выражения, приспосабливая их к активной онлайн-среде. Лексика молодёжного жаргона в процессе своего становление получает широкое распространение, переходя в группу литературной лексики, преобразуя тем самым словарный запас. Такой процесс, хоть и может казаться беспорядочным, является приемлемым для живого языка, стремящегося соответствовать меняющейся реальности.

На развитие сленга также влияют современные социальные сети (ВКонтакте, Instagram, Telegram, WhatsApp, TikTok и другие) и мессенджеры. Они задают особый настрой, шаблон и стиль общения: информационные сообщения, активный обмен новостями, вербальные и невербальные средства (эмодзи, мемы, гиф изображения), высокий уровень формальности. Эти факторы действуют на русский язык создавая новые языковые формулы, нормы и вызывая споры о сбережении или видоизменении традиционных норм литературной речи.

Процесс адаптации заимствованных слов к системе русского языка проходит несколько стадий. Фонетическое и грамматическое переосмысление – первые действия. Затем наступает смысловое разделение: слово, приспосабливаясь к новой среде, может получать дополнительные значениям или, наоборот, сужает свой смысл, чтобы не повторять содержание основной лексики. Например, «бренд» в русском языке означает не просто торговую марку, но и закрепившийся образ, репутацию. Такой механизм снижает лексическую перенасыщенность, добавляет в язык новые конкретные или экспрессивные единицы.

Сомнение использований заимствований и жаргона имеет психологические и социолингвистические причины. Во-первых, язык – важнейший идентификационный ярлык, и возникновение чужеродных элементов может стать причиной удаления границы «своё – чужое». Особенно заметно проявляется в периоды культурной турбулентности – такими в России стали 1990-е и 2010–2020-е годы. Во-вторых, устойчива иллюзия «золотого века» языка, считается что русская речь была кристально чистой. Но это не так: в «Слове о полку Игореве» встречаются тюркские и греческие заимствования, у классиков XIX века – галлицизмы и просторечия. В-третьих, большое влияние уделяется возрастной физиологии: возможность овладевать новыми языковыми паттернами снижается после 25–30 лет из-за ухудшения нейропластичности. В результате происходит спор поколений, говорящий не о «плохости» новой лексики, а о разнице в речевом опыте.

Русский язык, как и любой другой живой язык, имеет уникальную имманентную способностью к саморегуляции. Он не просто пассивно поглощает новые слова, но и активно их обрабатывает, интегрирует, отвергает или трансформирует. История языка – это история непрерывной эволюции, в которой заимствования имеют огромное значение, но всегда подчиняются правилам общей логики развития и системы языка.

Отметим, что роль пуризма в языке всегда имела двойственную функцию. С одной стороны, желание сохранять языковую самобытность и противостоять насыщенным заимствованиям может выполнять работу сдерживающего фактора, не допускающего вторжения чужой лексики. С другой стороны, гипертрофированный пуризм, переходящий в изоляционизм, способен препятствовать природному языковому развитию, мешая адаптации

к новой среде. Здоровое существование языка устанавливает равновесие между сбережением самобытности и открытостью инновациям.

Лингвистический анализ показывает, что многие сомнения касательно «упадка» русского языка зачастую преувеличены. Язык является системой внутренней защиты, которая позволяет отсекать ненужное и принимать необходимое. Заимствования сохраняются, когда они заполняют лакуны в лексической системе, обозначают новые процессы и используют более рациональные и выразительные средства. Сленг часто выступает местом эксперимента, из которого некоторые удачные образцы пополняют общеупотребительный язык.

Язык имеет внутренние защитные элементы, исключающие случайный и неприживающийся материал. Первый – фонетическая настройка: заимствованное слово приспосабливается под русские нормы произношения. «Компьютер» мы говорим с мягким «т», хотя в языке-источнике он твёрдый. Второй механизм – грамматическое освоение: слово склоняется пол падежам, родам и числам, как произошло с «айфоном» (айфона, айфону). Третий – смысловое разделение: если слово не добавляет нового оттенка, оно не сохраняется. Показательные пары «игрок – геймер» и «журналист – блогер» не являются дублетами; каждое имеет свой семантический образ. Четвёртый – юмористическая нейтрализация: сарказм и ирония снижают роль неудачных заимствований. «Менеджер по клинингу» преобразуется в «уборщика», «апгрейд» – в «обновление», и подобные слова зачастую исчезают из активного пользования.

В интернет-среде, где темп общения и лаконичность часто оказываются на первом плане, сленг и заимствования получают особую важность. Появляется возможность быстро и емко передавать информацию, проявлять эмоции, создавать доброжелательную атмосферу в общении. В цифровом пространстве прослеживается активное и неосознанное использование англицизмов, требующее особого внимания и знаний со стороны языковедов и преподавателей.

Неуместное и чрезмерное применение иностранных слов, а также полное удаление русскоязычных аналогов, может утверждать о стилистической безграмотности или недостаточности словарного запаса говорящего, но не о разрушении самого языка. Основа русского языка, включая базовые единицы, остается неизменной. Таким образом, развитие языка, сопровождающееся появлением новых слов и форм, представляет собой свидетельство его жизнеспособности и возможности приспосабливаться к новым правилам.

Из сказанного выше следует утверждать, что любые заимствования и любые жаргонные слова не всегда автоматически полезны. Во-первых, при перенасыщении иноязычной лексикой без надобности – особенно в официальной или публичной речи. Употребление слов «девелопмент» вместо «развитие», «инновационный апгрейд» вместо «обновление»,

«эксклюзивный презент» вместо «подарок» не обогащает речь, а загрязняет её, скрывая за псевдоинтеллектуальной ширмой скудность мысли. Во-вторых, при полной подмене исконной лексики сленгом в речи отдельного человека. Если говорящий не способен сформулировать двух фраз без использования англицизмов, это говорит о скудном словарном запасе, узком кругозоре. Лингвисты определяют степени языкового волнения: нормальная (редкие новые слова, вызывающие интерес), повышенная (лавинообразный приток заимствований, например, в России 1990-х и 2010–2020-х годов) и критическая (исчезновение крупных исконных лексических единиц). Сегодня русский язык находится на повышенном уровне: базовая лексика – «мать», «отец», «вода», «огонь», «земля», «дом», «идти», «видеть», «любить» – остаётся неизменной.

Итак, современная языковая ситуация характеризуется активным и динамичным взаимодействием исконно русских слов, иноязычных заимствований и жаргона. Этот процесс, будучи естественным следствием глобализации и оцифровки всех сфер жизни, не угрожает русскому языку, а, напротив, служит фактором его эволюции. То, как язык адаптируется, самоочищается и обогащается через впитывание нового материала, лишний раз подтверждает его жизнестойкость и способность к дальнейшему росту.

Таким образом, вопрос о том, следует ли остерегаться заимствований и сленга, требует дифференцированного ответа. Опасения в целом необоснованы по ряду причин. Язык – это самонастраивающаяся живая система, которая самостоятельно отсекает ненужное и сберегает ценное. Заимствования пополняют ряды синонимов и позволяют точнее воссоздавать смысловые и стилистические моменты, для которых в исконной лексике не существует точного соответствия. Сленг выполняет роль экспериментальной лаборатории: многие жаргонные единицы спустя 10–20 лет появляются в литературном языке, как это случилось со словами «стучать» (доносить) и «достать» (надоесть). Боязнь языковых изменений может являться отражением неуверенности в связи с социальными переменами в целом. В то же время заслуживает особого внимания избыточное использование заимствований в официальной речи, которые могут активно удалять русские слова без необходимости.

В завершение стоит ещё раз подчеркнуть: заимствования и жаргон не портят русскую речь, а видоизменяют её, приспосабливая к новым условиям – цифровой среде, глобальным коммуникациям, молодёжным субкультурам, профессиональным сферам. Этот процесс может быть болезненным для консервативно настроенных носителей, но он абсолютно естественен. Язык, который панически боится нововведений и отделяется от внешнего мира, обречён на застой и постепенное отмирание. Живой язык – это тот, который впитывает, перерабатывает, выбрасывает ненужное и идёт вперёд. Чистота языка измеряется не отсутствием иностранных слов, а умением говорящего точно, ясно и выразительно формулировать свои мысли, пользуясь

всеми доступными средствами – и исконными, и заимствованными, и жаргонными – в зависимости от ситуации общения.

Литература

1. Байданова, А. В. Влияние использования сленга на языковую среду / А. В. Байданова // Мир в XXI веке: экономические, политические и социокультурные аспекты: материалы XIII Международной студенческой научно-практической конференции. – 2024. – С. 550–551.

2. Дьяков, А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35–42.

3. Зайцева, Е. А. Молодежный сленг: восприятие глагольных заимствований носителями языка / Е. А. Зайцева, И. В. Новикова, О. В. Гинзбург // Вопросы психолингвистики. –2024. – № 3 (61). – С. 24–36.

4. Крысин, Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л. П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – 2000. – № 5. – С. 63–91.

5. Мухарлямова, Л. Р. Английские заимствования в русской молодежной речи / Л. Р. Мухарлямова, Г. А. Талипова // Актуальные аспекты современной науки: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – 2014. – С. 126–129.

K. MYKA, N. KOVALEVA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

HOW BORROWINGS AND SLANG CHANGE THE RUSSIAN LANGUAGE AND SHOULD WE BE AFRAID OF IT?

The article examines the impact of foreign language borrowings and slang on the state of the modern Russian language in the era of total digitalization. It analyzes the psychological prerequisites for rejecting new lexical units and describes the natural mechanisms by which the language eliminates unnecessary elements.

borrowings, slang, Russian language, language evolution, purism, and lexical adaptation.

Мыка Кирилл Денисович – студент группы Арх-49б «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация.

Ковалева Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: прикладная лингвистика, методика преподавания русского языка, культура письменной речи, сетевая коммуникация, межкультурная коммуникация, языковая грамотность в цифровую эпоху.

Myka Kirill – student of arc-49b groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: Russian language, intercultural communication.

Kovaleva Natalya – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests applied linguistics, methods of teaching Russian, culture of writing, network communication, intercultural communication, language literacy in the digital age.

УДК 81.161.1

А. Р. НОВИКОВ, Т. Н. ГАПОНОВА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ИСТОРИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассмотрены история русских фразеологизмов. Проанализированы составляющие наиболее известных фразеологизмов. Даны определения фразеологизмов и приведены примеры.

русский язык, фразеологизмы, история происхождения, метафорическое переосмысление, устное народное творчество.

Русский язык – один из богатейших и выразительных языков мира. Он хранит богатство национальной культуры, истории и народной мудрости. Особое место в русском языке занимают фразеологизмы.

Фразеологизмы – это устойчивые словосочетания, которые приобрели особое значение используются в речи в переносном смысле. Они являются важнейшей частью лингвистического богатства любого языка, в том числе и русского. Фразеологизмы отражают исторические события, культурные традиции, национальные особенности, жизненный опыт и мировоззрение народа. В данной статье мы рассмотрим историю появления русских фразеологизмов, их развитие и роль в современном языке. История русских фразеологизмов берет начало с древних времен, когда язык еще формировался и обогащался народной мудростью, пословицами, поговорками, сказаниями и преданиями.

Первые устойчивые выражения возникли в устной речи и закрепились в письменных памятниках, таких как древнерусские летописи, церковные тексты, сказания. Самые древние русские фразеологизмы восходят к эпохе древнерусского государства – Киевской Руси (IX–XIII века). В это время в устной традиции формировались пословицы и поговорки, отражающие быт, нравы, верования и мировоззрение народа. Многие из них сохранились и до нашего времени. Примеры таких выражений – «что посеешь, то и пожнешь», «с волками жить – по-волчьи выть», «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Эти пословицы и сегодня активно используются в разговорной речи и являются частью русской фразеологии. История русских фразеологизмов тесно связана с историческими событиями, национальной культурой и мировоззрением. Например, военные походы, крестьянские бунты, церковные обряды и народные праздники оставили свой след в языке. Так, выражение «держать удар» происходит из военной лексики и означает способность стойко переносить трудности. А «взял быка за

рога» – из народной мудрости, связанной с охотой и скотоводством, и означает решительность и смелость. Церковь оказала значительное влияние на формирование русского фразеологического фонда. Многие выражения связаны с религиозными обрядами, священными текстами и церковной риторикой. В примеры можно привести: «на веру» – значит признать что-либо истинным, не требуя доказательств, фразеологизм «на веру» происходит от слова «вера», которое в русском языке означает твёрдую убеждённость, уверенность в чём-либо, в исполнении чего-либо; «держать в узде» - означает сдерживание кого-то иными словами обходится с кем-то строго, сурово, подчинив своей воле, фразеологизм «держать в узде» происходит от прямого значения слова «узда» – части конской упряжки, которая надевается на голову лошади для управления животным; «не в бровь, а в глаз» – означает точность стрельбы из лука, существует предание, согласно которому один казак обещал царю Ивану Грозному поразить врага в глаз, но выстрел был неточен и попал в бровь. Несмотря на это царь наградил казака и его семью. Эти выражения сохранились и в современном языке, приобретая новые оттенки смысла.

После принятия христианства и объединения русских княжеств в единую государственность начался активный процесс формирования национального языка. В этот период пополняется лексика за счет заимствований, а также расширяется использование фразеологизмов. В XVIII и XIX веках развитие русской литературы способствовало закреплению и популяризации множества фразеологизмов. Писатели, поэты, публицисты активно использовали устойчивые выражения для выразительности речи и передачи национальной самобытности. Например, выражения «держать руку на пульсе» – Этот фразеологизм возник из медицинской практики и связана с измерением пульса – важным показателем состояния здоровья человека. В прошлом, чтобы контролировать состояние больного или человека, ему на запястье или шею брали пульс. Постоянное отслеживание пульса позволяло понять, как человек чувствует себя, и своевременно реагировать на изменения. В переносном смысле выражение «держать руку на пульсе» впервые появилось как метафора, обозначающая контроль, внимательное слежение за ситуацией или развитием событий; «встать на ноги» – данное выражение связано с процессом физического и социального восстановления человека после трудностей или поражений. В буквальном смысле оно означает научиться ходить или вставать после падения. В переносном – обозначает восстановление сил, становление на правильный путь, выход из тяжелого положения: «заговорить по-новому» – данное выражение связано с идеей изменения стиля, подхода или способа выражения мыслей. В буквальном смысле оно означает начать говорить по-другому – с новым акцентом, новым стилем или в новом ключе. В переносном – обозначает начать выражать свои идеи, взгляды, мысли иначе, обновить свои взгляды или стиль общения. Они отражают социальные изменения, развитие промышленности, культуры и науки.

В XX веке появляется множество новых фразеологизмов, связанных с социалистической идеологией, политическими событиями, научными достижениями. В современном языке фразеологизмы активно используются в СМИ, литературе, разговорной речи. Примеры – «строить планы» – выражение «строить планы» возникло из образа проектирования, архитектуры и строительства. В буквальном смысле – это процесс создания чертежей и проектов будущих зданий или сооружений. В переносном смысле оно распространилось в XIX–XX веках и стало метафорой для обозначения процесса планирования будущих действий, стратегий и целей; «держать слово» – данное выражение связано с древней традицией и моральными ценностями, где слово человека считалось его честью и гарантом обещания. В древности и в средние века слово человека было равносильно его клятве или обязательству. На Руси и в других культурах было важно соблюдать обещания и обещать только то, что можешь выполнить; «положить на полку» – данное выражение связано с древней традицией и моральными ценностями, где слово человека считалось его честью и гарантом обещания. В древности и в средние века слово человека было равносильно его клятве или обязательству. На Руси и в других культурах было важно соблюдать обещания и обещать только то, что можешь выполнить. Их использование делает речь более живой и насыщенной, способствует укреплению национальной идентичности.

Метафора – главный механизм формирования русских фразеологизмов. Народное творчество использует богатство образов и сравнений, чтобы создавать яркие и запоминающиеся выражения. Со временем метафоры приобретают переносное значение, позволяя говорить о сложных понятиях кратко и образно. Например, выражение «держать камень за пазухой» – метафора, означающая скрывать что-то опасное или неприятное. А «плыть по течению» – о человеке, который не борется с обстоятельствами, а идет по судьбе. Эти выражения возникли из конкретных образов, но со временем приобрели переносные смыслы.

Метафорическое переосмысление способствует развитию языка, делает его более образным и выразительным. Новые ситуации и реалии требуют новых образов, и народное творчество активно их создает. Так, в современном языке появляются новые фразеологизмы, основанные на современных образах и реалиях. Многие устоявшиеся выражения прошли через века, меняя свои значения и оттенки, что свидетельствует о живости и динамичности русского языка. Они помогают ярко передать чувства, оценить ситуацию, выразить отношение – всё это делает речь богатой и разнообразной.

Устное народное творчество – один из главных источников формирования фразеологизмов. Пословицы, загадки, сказки, былины и песни создавали особый язык образов и выражений, который закреплялся в речи. Народные произведения насыщены метафорами, которые со временем становились частью повседневного языка. Например, пословица «Без труда не выловишь и рыбку из пруда» – это не только совет, но и фразеологизм,

укоренившийся в речи благодаря устной традиции. В сказках и былинах часто встречаются образы, которые со временем превращаются в устойчивые выражения. Вспомним такие выражения, как «играть первую скрипку» или «держать в ежовых рукавицах» – они появились именно из народных рассказов и сценок.

Устное народное творчество создает богатую палитру образов, которые закрепляются в языке и передаются из поколения в поколение. Эти выражения помогают людям делиться опытом, передавать культурные ценности и сохранять традиции. Благодаря народной импровизации и богатству образов, фразеологизмы приобрели особую силу и живость. Таким образом, устное творчество важнейший источник формирования русского фразеологического фонда. Оно делает язык более выразительным, насыщенным, помогает сохранять национальную идентичность.

В современном мире русские фразеологизмы продолжают играть важную роль в речи. Они делают язык ярким, образным и эмоционально насыщенным. Использование фразеологизмов помогает выразить мысли кратко, метафорично и красиво, что особенно важно в художественной и публицистической речи. Многие выражения, возникшие сотни лет назад, сохраняют свою актуальность и сегодня. Например, «бросить тень на репутацию», «подвести итог», «играть по правилам» – это не только устойчивые обороты, но и часть культурного кода русского народа. Они помогают понять менталитет, ценности и традиции. Исследование происхождения и развития фразеологизмов помогает лучше понять историю и культуру народа. В современном обществе фразеологизмы не теряют своей силы – они живы, меняются и пополняются новыми выражениями, отражающими современные реалии.

Подводя итоги, можно сказать, что история русских фразеологизмов –это увлекательное путешествие в глубь народной культуры, языка и истории. Они являются живым свидетельством многовекового развития русского народа, его национальных особенностей, исторических событий и культурных традиций. Сегодня фразеологизмы продолжают обогащать русский язык, сохраняя связь с прошлым и помогая выражать богатство человеческих чувств и мыслей.

Литература

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва: Знак, 2008. – 656 с. – ISBN 5-9551-0235-3. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/15087.html (дата обращения: 27.04.2022). – Режим доступа: для авторизир. Пользователей.

2. Гаврилов, В. В. Русская фразеология в культурологическом аспекте : монография / В. В. Гаврилов. – Сургут : Сургутский государственный педагогический университет, 2013. – 162 с. – ISBN 978-5-93190-297-5. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс

IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/87028.html (дата обращения: 04.06.2025). – Режим доступа: для авторизир. Пользователей.

3. Розенталь, Д. Э. Фразеологический словарь русского языка / Д. Э. Розенталь, В. В. Краснянский. – Москва : Мир и образование, 2021. – 416 с. – ISBN 978-5-94666-772-2. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/117939.html (дата обращения: 19.04.2024). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.

A. NOVIKOV, T. GAPONOVA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

THE HISTORY OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS

The article discusses the history of Russian idioms. The components of the most famous idioms are analyzed. Definitions of idioms are given, and examples are provided.

Russian language, idioms, origin story, metaphorical reinterpretation, oral folk art.

Новиков Алексей Романович – студент группы ПТМ-43А «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация.

Гапонова Татьяна Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет».

Novikov Alexsey- student of PTM- 43A groups of the "Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering". Scientific interests: Russian language, intercultural communication.

Gaponova Tatyana- – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication of the "Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering".

УДК 81'373.43:69

Д. А. ПРИХОДЧЕНКО, Р. Н. НАЗАР

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования аббревиатур и сокращений в профессиональной коммуникации строительной сферы. Особое внимание уделяется анализу структурных типов сокращений, встречающихся в текстах профиля «Проектное управление в строительстве» (ПУС / ПГС), а также их роли в оптимизации проектной документации. Исследование базируется на материале современных строительных текстов, ГОСТов и рабочих чертежей. Выявляются проблемы омонимии, смешения кириллицы и латиницы, нерегламентированных сокращений. Предлагаются пути унификации аббревиатур в профессиональной среде.

аббревиация, строительная терминология, профессиональный дискурс, ПГС, сокращения, проектная документация, языковая экономия, терминосистема.

В современной лингвистике особое место занимает изучение процессов сокращения лексических единиц. Аббревиация представляет собой способ образования новых слов путем сложения усеченных компонентов исходных словосочетаний. Данное явление активно развивается в XX–XXI веках под влиянием научно-технического прогресса и потребности в экономии речевых средств. Как отмечает В. М. Лейчик, «аббревиация становится одним из доминирующих способов терминообразования в профессиональных подъязыках» [3, с.156].

Наиболее ярко процесс аббревиации проявляется в строительной отрасли, где документация насыщена многословными терминами и понятиями. Строительная сфера, и, в частности, направление «Проектное управление в строительстве» (далее – ПУС / ПГС), представляет собой обширную область профессиональной деятельности, характеризующуюся сложной системой терминов. В проектной документации, рабочих чертежах, сметах и нормативных документах активно используются различные виды сокращений, без понимания которых невозможна качественная профессиональная коммуникация.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, наблюдается количественный рост строительных аббревиатур в связи с развитием технологий

и появлением новых материалов. Во-вторых, отсутствие единого реестра строительных сокращений затрудняет меж профессиональное общение. В-третьих, молодые специалисты сталкиваются с трудностями при чтении проектной документации из-за обилия сокращений.

Объектом исследования выступают аббревиатуры и сокращения, функционирующие в текстах строительной направленности. *Предмет исследования* – структурно-семантические особенности и закономерности употребления данных единиц в профессиональной коммуникации. Материалом исследования послужили тексты проектной документации, своды правил *(СП)*, государственные стандарты *(ГОСТ)*, рабочие чертежи, а также профессиональные интернет-ресурсы.

Цель работы – выявить особенности функционирования аббревиатур в строительной сфере и систематизировать их по структурным и семантическим признакам. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи:* 1) рассмотреть теоретические основы аббревиации; 2) классифицировать строительные сокращения по типам; 3) выявить проблемы, связанные с употреблением аббревиатур; 4) определить перспективы унификации сокращений.

Аббревиация как способ словообразования изучается лингвистикой на протяжении десятилетий. В научной литературе под аббревиатурой понимают «сложение усеченных основ или усеченных и полных основ для создания номинативной единицы» [2, с. 78]. Причины распространения аббревиации в профессиональных языках связаны с законом языковой экономии, стремлением к компрессии информации и унификации терминологии.

В русском языке аббревиация прошла длительный путь развития. Первые сокращения появлялись еще в дореволюционный период. Активное распространение аббревиатуры получили в советское время в связи с появлением новых организаций и ведомств. В строительной сфере многие аббревиатуры того периода сохранились до сих пор (*СНиП, ГОСТ, ВЗЛЕТ* – Всесоюзный заочный институт инженеров строительства) [1, с. 15].

Современная лингвистика выделяет несколько подходов к классификации аббревиатур. По структурному признаку различают инициальные аббревиатуры (буквенные и звуковые), сложносокращенные слова, усечения, графические сокращения. По сфере употребления выделяют общенаучные, узкоспециальные и профессионально-жаргонные сокращения.

Одной из наиболее распространенных аббревиатур в строительной сфере является само название профиля – *ПГС* (промышленное и гражданское строительство). Данная инициальная аббревиатура образована путем сложения первых букв слов, входящих в словосочетание. *ПГС* охватывает огромный пласт строительных работ: от жилых домов до заводских цехов. В профессиональной среде эта аббревиатура настолько укоренилась, что стала самостоятельным термином, понятным каждому строителю. Интересно, что в разговорной речи строителей

появились производные формы: *«пэгээсник»* (студент или специалист по *ПГС*), *«пэгээсить»* (работать в сфере промышленного строительства) [4, с. 80].

При изучении проектной документации было выявлено, что все многообразие строительных сокращений можно классифицировать по структурному признаку. Рассмотрим основные группы.

Первую и самую многочисленную группу составляют инициальные аббревиатуры, которые делятся на несколько подгрупп в зависимости от семантики, например:

Обозначения разделов проектной документации: ПЗ (пояснительная записка); *ПОС* (проект организации строительства); *ППР* (проект производства работ); *АР* (архитектурные решения); *КЖ* (конструкции железобетонные); *КМ* (конструкции металлические); *КМД* (конструкции металлические деталировочные); *ОВиК* (отопление, вентиляция и кондиционирование); *ВК* (водопровод и канализация); *ЭОМ* (электрооборудование и освещение); *ТХ* (технологические решения); *СС* (сметная стоимость); *ООС* (охрана окружающей среды); *ПБ* (пожарная безопасность).

Данные аббревиатуры строго регламентированы ГОСТ Р 21.101-2020 и обязательны к применению в проектной документации [1, с. 45].

Наименования материалов и изделий: ЖБИ (железобетонные изделия); *ПГС* (песчано-гравийная смесь); *ОПГС* (обогащенная песчано-гравийная смесь); *ЦПС* (цементно-песчаная смесь); *ГКЛ* (гипсокартонный лист); *ГВЛ* (гипсоволокнистый лист); *ПВХ* (поливинилхлорид); *OSB* (ориентированно-стружечная плита – используется латиница); *МДФ* (древесноволокнистая плита средней плотности); *ДСП* (древесно-стружечная плита); *ДВП* (древесно-волокнистая плита); *СИП* (структурно-изолированная панель); *ТИМ* (теплоизоляционный материал).

Технологические процессы и документы: ТЗ (техническое задание); *ППР* (проект производства работ); *ППРК* (проект производства работ кранами); *СМР* (строительно-монтажные работы); *ТУ* (технические условия); *СРО* (саморегулируемая организация); *ИД* (исполнительная документация); *ОПР* (общепроизводственные расходы); *НР* (накладные расходы); *СП* (сметная прибыль); *ГП* (генеральный подрядчик); *СубП* (субподрядчик); *ТБ* (техника безопасности); *ОТ* (охрана труда).

Вторую группу составляют сложносокращенные слова и усечения. Они образуются путем сложения начальных частей слов или усечения одного из компонентов. Например: *технадзор* (технический надзор); *генплан* (генеральный план); *стройгенплан* (строительный генеральный план); *сантехника* (санитарно-техническое оборудование); *спецтехника* (специальная техника); *проектировщик* (специалист по проектированию); *генподрядчик* (генеральный подрядчик); *субподрядчик* (субподрядная организация); *стройматериалы*

(строительные материалы); *стройплощадка* (строительная площадка); *железобетон* (железобетонные конструкции).

Такие единицы часто переходят из узкопрофессиональной лексики в разговорную речь строителей и становятся общеупотребительными. Интересно, что некоторые из них проникают и в общелитературный язык (например, *«стройка», «бетонка»*).

Особый интерес представляют графические сокращения, характерные для чертежей и спецификаций. Их понимание напрямую зависит от контекста и квалификации специалиста. Графические сокращения делятся на несколько подгрупп:

– *единицы измерения: пог. м.* (погонные метры); *кв. м.* (квадратные метры); *куб. м.* (кубические метры); *шт.* (штуки); *кг* (килограммы); *т* (тонны); *л* (литры); *м* (метры); *см* (сантиметры); *мм* (миллиметры); *ч* (часы); *мин.* (минуты).

– *обозначения на чертежах: отм.* (отметка уровня); *диам.* (диаметр); *выс.* (высота); *глуб.* (глубина); *дл.* (длина); *шир.* (ширина); *толщ.* (толщина); *ст.* (сталь); *бет.* (бетон); *дер.* (дерево); *кирп.* (кирпич); *ж/б* (железобетон); *м/у* (между); *т.з.* (точка зрения, также техническое задание).

Выделяется также группа аббревиатур смешанного типа, где сочетаются разные способы сокращения: *ж/б* конструкции (железобетонные конструкции – буквенно-символьное сокращение); *п/э* пленка (полиэтиленовая пленка); *к/з* (короткое замыкание); *к/п (КПД)* (коэффициент полезного действия); *к/т.* (котельная); *р/у* (ручное управление, также распределительное устройство).

При доскональном изучении проектной документации выявили несколько проблем, связанных с использованием аббревиатур в строительной сфере.

Одной из ключевых проблем является омонимия сокращений, когда одна и та же аббревиатура может иметь несколько значений. Например: *ППР* – «проект производства работ» / «правила противопожарного режима» / «планово-предупредительный ремонт»; *СП* – «свод правил» / «совместное предприятие» / «санитарные правила» / «строительное предприятие»; *ТЗ* – «техническое задание» / «товарный знак» / «техническое заключение»; *ТУ* – «технические условия» / «теплоутилизатор» / «технический узел»; *КМ* – «конструкции металлические» / «крупномасштабный» / «километр»; *ПЗ* – «пояснительная записка» / «производственное здание» / «подземная часть».

Такая многозначность затрудняет понимание текстов, особенно для молодых специалистов. В ряде случаев требуется обращаться к контексту или специальным словарям. Как отмечает Т. С. Сергеева, «омонимия в сфере аббревиации – неизбежное следствие ограниченности буквенного состава и большого количества терминов» [4, с. 82].

Существует еще одна проблема – смешение кириллицы и латиницы в строительных текстах. Наряду с исконно русскими сокращениями активно используются заимствованные аббревиатуры: *BIM* (Building Information Modeling – информационное моделирование зданий); *EPC* (Engineering, Procurement, Construction – инжиниринг, поставки, строительство); *PVC* (поливинилхлорид); *Hilti* (название компании, ставшее нарицательным для обозначения дюбелей); *OSB* (ориентированно-стружечная плита); *LED* (светодиод); *ABS* (пластик); *CAD* (система автоматизированного проектирования).

Это требует от современного специалиста знания не только русской, но и англоязычной профессиональной терминологии. Встречаются и гибридные формы: *«BIM-технологии», «CAD-системы», «PVC-профиль»* [3, с. 158].

В рабочих чертежах и сметах часто встречаются нерегламентированные сокращения, которые вводятся проектировщиками для удобства. Например: *в/ст* (водосточная труба); *в/от* (вентиляционный отсос); *п/м* (подъемный механизм); *з/у* (земельный участок); *ж/д* (железная дорога); *а/б* (асфальтобетон); *ц/п* (цементно-песчаный); *к/р* (контрольная работа, также капитальный ремонт); *т/б* (техника безопасности).

Отсутствие единого стандарта на такие сокращения может приводить к ошибкам при чтении документации разными специалистами. Особенно это опасно в сметной документации, где неверно понятое сокращение может привести к финансовым потерям.

Наблюдаются также региональные и ведомственные различия в употреблении аббревиатур. То, что принято в одном проектном институте, может быть непонятно в другом. Например, в разных регионах могут использоваться различные сокращения для одних и тех же понятий: *ФБС* (фундаментные блоки стеновые) – общепринятое, но иногда встречается *БФ* (блоки фундаментные) или *СБ* (стеновые блоки).

При анализе современной строительной документации было обнаружено, что процесс аббревиации продолжает развиваться. Появляются новые сокращения, связанные с внедрением цифровых технологий в строительство: *ТИМ* (технологии информационного моделирования); *ЦММ* (цифровая модель местности); *ИЦЗ* (информационная цифровая зона); *САПР* (система автоматизированного проектирования); *АСУ* (автоматизированная система управления); *АСУ ТП* (автоматизированная система управления технологическими процессами); *SCADA* (Supervisory Control And Data Acquisition – диспетчерское управление).

Развиваются также сокращения, связанные с новыми строительными материалами и технологиями: *ТПО* (термопластичный полиолефин) – мембрана для кровли; *ЭПДМ* (этилен-пропилен-диен-мономер) – синтетический каучук; *XPS* (экструдированный пенополистирол); *EPS* (вспененный пенополистирол); *ЦСП* (цементно-стружечная плита); *СМЛ* (стекломагниевый лист); *КНАУФ-лист* (гипсокартон производства компании Knauf).

Это доказывает, что аббревиация - живой процесс, отражающий развитие строительной отрасли. По подсчетам исследователей, ежегодно в профессиональный оборот вводится до 50–70 новых сокращений [4, с. 84].

В современной строительной практике аббревиатуры выполняют важные функции, которые можно систематизировать следующим образом.

Номинативная функция. Аббревиатуры служат для называния специальных понятий, объектов, процессов. Например, *ЖБИ* – это не просто сокращение, а полноценное наименование класса изделий.

Коммуникативная функция. В производственной среде использование аббревиатур способствует быстрому обмену информацией между специалистами. Фразы «Согласовали *ППР*», «Готовим *ТЗ* на *КМ*», «Проверь *КЖ*» становятся понятными всем участникам строительного процесса.

Компрессивная функция. В проектной документации сокращения позволяют значительно уменьшить объем текста, ускорить процесс создания и чтения чертежей. Например, вместо полного наименования «конструкции железобетонные» на чертеже указывается *«КЖ»*, что экономит место и время. В спецификациях это особенно важно.

Терминообразующая функция. Аббревиатуры часто становятся основой для образования новых терминов и профессионализмов. Например, от *«ПГС»* образовалось *«пэгээсник»* (студент или специалист), от *«ЖБИ»* - «железобетонщик».

Дифференцирующая функция. С помощью аббревиатур разграничиваются смежные понятия. Например, *КМ* (конструкции металлические) и *КМД* (конструкции металлические деталировочные) – разные разделы проектной документации.

Когнитивная функция. Аббревиатуры участвуют в процессах профессионального мышления, позволяя оперировать сложными понятиями в свернутом виде.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд рекомендаций по использованию аббревиатур в строительной документации и профессиональной коммуникации.

Во-первых, необходимо стремиться к единообразию. При первом употреблении аббревиатуры в тексте следует давать ее расшифровку, особенно если документ предназначен для широкого круга специалистов.

Во-вторых, при создании проектной документации рекомендуется использовать только регламентированные ГОСТами сокращения. Это обеспечит однозначность понимания.

В-третьих, в образовательных программах подготовки строителей необходимо уделять внимание изучению профессиональных аббревиатур. Целесообразно создание учебных словарей-справочников.

В-четвертых, на уровне отрасли требуется разработка единого реестра строительных сокращений с указанием допустимых вариантов. Это поможет избежать разночтений и ошибок.

В-пятых, при работе с иностранными аббревиатурами (BIM, CAD, PVC) рекомендуется давать русскоязычный эквивалент или пояснение, особенно в текстах, предназначенных для специалистов без углубленного знания английского языка [5].

Таким образом, рассмотренные аббревиатуры и сокращения строительной сферы представляют собой сложную системную организацию, где каждый тип (инициальный, сложнословный, графический) закреплен за определенным видом текста. В ходе исследования были решены поставленные задачи: рассмотрены теоретические основы аббревиации, проведена классификация строительных сокращений, выявлены основные проблемы их функционирования, определены перспективы развития.

Исследование показало, что аббревиация в строительном дискурсе профиля ПУС выполняет ключевую функцию экономии языковых средств и ускорения обмена информацией. На материале проектной документации, нормативных текстов и профессиональной речи выявлено более 150 активно используемых сокращений, которые можно разделить на несколько структурно-семантических групп.

Основными проблемами функционирования аббревиатур являются омонимия, смешение кириллицы и латиницы, наличие нерегламентированных сокращений, региональные различия. Эти проблемы могут приводить к коммуникативным неудачам и ошибкам в профессиональной деятельности.

В то же время аббревиация продолжает развиваться, отражая появление новых технологий, материалов и процессов в строительстве. Это доказывает, что язык строительной сферы – живой, развивающийся организм. Каждая аббревиатура по-своему уникальна и имеет свою сферу применения. Но их объединяет то, что они активно используются в профессиональной среде и являются неотъемлемой частью языка современного строителя.

Для оптимизации профессиональной коммуникации необходима дальнейшая унификация сокращений на уровне отраслевых стандартов и включение словарей строительных аббревиатур в образовательные программы среднего и высшего профессионального образования. Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении динамики аббревиации, сопоставительном анализе русских и зарубежных строительных сокращений, а также в разработке учебных пособий по профессиональной терминологии.

Литература

1. Алексеев, Д. И. Сокращенные слова в русском языке / Д. И. Алексеев. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2019. – 348 с.

2. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2020. – 720 с.

3. ГОСТ Р 21.101-2020. Система проектной документации для строительства. Основные требования к проектной и рабочей документации. – М. : Стандартинформ, 2020. – 120 с.

4. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2018. – 464 с.

5. Копыленко, М. М. О семантической природе аббревиатур / М. М. Копыленко // Вопросы языкознания. – 2018. – № 5. – С. 112–119.

6. Лейчик, В. М. Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Либроком, 2019. – 264 с.

7. Сергеева, Т. С. Аббревиация в системе современной русской терминологии / Т. С. Сергеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. – 2021. – № 3. – С. 76–84.

8. Словарь строительных терминов и сокращений / [Электронный ресурс] // Меганорм : справочная система. – URL: https://meganorm.ru/ (дата обращения: 27.02.2026).

D. A. PRIKHODCHENKO, R. N. NAZAR

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

FUNCTIONING AND USE OF ABBREVIATIONS AND ABBREVIATIONS IN THE CONSTRUCTION SECTOR

The scientific paper deals with the functioning of abbreviations and acronyms in professional communication of the construction sphere. Special attention is given to the analysis of structural types of abbreviations found in the texts of the «Industrial and Civil Engineering» profile, as well as their role in optimizing project documentation. The study is based on the material of modern construction texts, state standards and working drawings. The problems of homonymy, mixing of Cyrillic and Latin alphabets, unregulated abbreviations are revealed. The ways of unification of abbreviations in the professional environment are proposed.

abbreviation, construction terminology, professional discourse, civil engineering, acronyms, project documentation, language economy, term system.

Приходченко Дмитрий Александрович – студент группы ПУС-10а «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация.

Назар Роман Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: синтаксис русского и украинского языков, особенности репортажного текста; аббревиация; работа над составлением двуязычных словарей.

Prikhodchenko Dmitry – student of PUS-10a groups of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: Russian language, intercultural communication.

Nazar Roman – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication of the “Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture” is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”. Scientific interests: syntax of Russian and Ukrainian languages, features of reportage text; abbreviation; work on compiling bilingual dictionaries.

УДК 811.124

Е. А. СЕРОВА, О. В. ШКУРАН

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», г. Москва, (Россия)

ВАРЬИРОВАНИЕ АНТИПОСЛОВИЦ-КАРАНТИНОК В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье исследуется антипословицы-карантинки, представляющие собой намеренно трансформированные версии традиционных паремий, которые в период пандемии 2020–2021 годов обрели статус одного из наиболее ярких маркеров коллективного переживания травмы. На материале «Словаря русского языка коронавирусной эпохи. Полная версия» в статье проанализированы механизмы трансформации устойчивых выражений. Антипословицы выполняют не только компенсаторно-терапевтическую функцию (снижение тревожности через иронию), но и функцию «лингвистического документирования» эпохи, фиксируя в языковой материи ключевые смыслы и страхи пандемийного сознания.

антипословица, словарь, юмор, карантинки, культурный механизм, динамичная креативность.

Антипословицы появились, видимо, достаточно давно – задолго до того, как В. Мидер дал им такое название («перекрученная мудрость») в 1998 году [Mider 1998]. По крайней мере, точно можно сказать, что в XX веке они уже были широко распространены: «слегка подновлённые пословицы» В. В. Маяковского: о Деникине – «Русь – свинье не товарищ», о Колчаке – «Колчак – не воробей, вылетит – не поймаешь» и другие (Окна РОСТА за 1919 год); «век живи – век лечись», «не в деньгах счастье, а в их количестве» (антипословицы времён СССР, которые помнит моя бабушка); «крыша есть – ума не надо» (отражающая бандитские реалии 90х годов) и др.

Возможно, в те времена антипословиц было достаточно много, но до текущего момента дошли лишь некоторые из них, поскольку до создания словаря Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (2005, 2008) их изучением серьёзно не занимались, а жанр антипословиц настолько тесно связан с ситуацией, в которой они рождаются, что с затуханием этой ситуации уходят, по большей части, и сами антипословицы, ведь антипословица (в отличие от собственно пословицы – мудрости, кристаллизующейся годами, если не веками) – это сиюминутная реакция языка на острую проблему. Как пишет В. М. Мокиенко, граница между авторскими и общеречевыми весьма неопределённа, но все они имеют общую природу и подчиняются общим законам закономерности [Мокиенко 2012 : 101].

Кроме того, антипословицы – жанр скорее устного творчества, и значительная часть их исчезла в связи с тем, что носители языка, создавшие или помнившие их, умерли. Поэтому для лингвистов и просто любителей языка так ценен изданный в 2025 году отделом современной русской лексикографии Института лингвистических исследований РАН академический «Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Полная версия», куда в качестве Приложения 1 входит «Словарь русских ковидных антипословиц-карантинок» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко. В этом издании максимально полно отображена реакция русского языка на психологические, культурные, социальные и экономические потрясения времён ковидного карантина 2020–2021 гг., чему очень поспособствовала фиксация устной речи в интернет-пространстве и переход в средства массовой информации, что стало возможным только сейчас – с появлением доступных и мобильных средств подключения ко всемирной паутине.

Огромная работа, проделанная составителями «Словаря», позволяет сегодня, спустя шесть лет с момента появления основной массы антипословиц-карантинок, заниматься изучением их вариантов, рассматривать их с точки зрения сохранения смысловых отношений между собой и с пословицей-основой.

Рассмотрим примеры антипословиц-карантинок, имеющих несколько вариантов.

Одна из самых вариативных – карантинка на пословицу *Не так страшен чёрт, как его малюют* (ужасы, трудности, которыми пугают кого-либо, на поверку оказываются ничтожными, неважными). В этих вариантах чётко прослеживается временна́я последовательность пандемии и смена настроения авторов:

✓ начало пандемии – бодрое *Не так страшен ковид, как его малюют* [СРЯКЭ 2025 : 1281];

✓ разгар пандемии и возмущённое – *Не так страшен ковид, как идиотские меры борьбы с ним* [СРЯКЭ 2025 : 1281];

✓ окончание пандемии, усталость от карантина и сложностей на работе, связанных с ним – *Не так страшен коронавирус, как перспектива погибнуть от голода после карантина* [СРЯКЭ 2025 : 1284];

✓ и наконец постпандемийное признание завышенной оценки этого вируса – *Не так страшен ковид, как «перемешанные инфекции»* [СРЯКЭ 2025 : 1284].

В первом варианте меняется компонент пословицы-основы, в остальных – меняется уже антипословица 1-го уровня, выстраивается семантическая цепочка, где одно значение связано с другим и перетекает из одного в другое.

Карантинка на пословицу *На Бога надейся, а сам не плошай* (исход дела решаешь ты сам) по количеству вариантов формально превосходит предыдущую, но по смысловой наполненности – уступает ей. Фактически вариантов здесь три:

✓ первые три карантинки вполне «медицинские» и говорят о необходимости применения средств гигиены и индивидуальной защиты:

На Бога надейся, а руки помой! [СРЯКЭ 2025 : 1239];

На Бога надейся, а руки-то помой [СРЯКЭ 2025 : 1239];

На бога надейся, а сам маску надень [СРЯКЭ 2025 : 1239];

✓ Четвёртый – о том, что средство индивидуальной защиты (СИЗ) – это не панацея: *На маску надейся, а сам не плошай* [СРЯКЭ 2025 : 1239];

✓ а вот пятый вариант – самый интересный: *На карантин надейся, а сам не плошай* [СРЯКЭ 2025 : 1240]. Его можно понять двояко: и как «ты не сможешь списать на карантин неудачи в профессиональной (либо иной) сфере», и как «быстро решай свои дела, пока карантин благоприятствует тебе». В любом случае, этот вариант карантинки вовсе не о медицине, а о профессиональных или личных делах.

В этом вариантах всякий раз меняется только один компонент, нет смысловой цепочки, но всё же есть смысловая связанность.

Далее рассмотрим несколько примеров, когда на основании одной пословицы создано по два варианта карантинок с разными значениями.

Очень интересна карантинка на пословицу «За двух небитых одного битого дают» (один бывалый человек стоит двух неопытных). В обоих вариантах симметрично заменены два компонента, фактически повторяется значение пословицы (за одного – дают двух), но показано диаметрально противоположное отношение авторов к вопросу вакцинирования:

✓ «за»: *За двух непривитых одного привитого дают* [СРЯКЭ 2025 : 1261];

✓ и «против»: *За двух привитых одного непривитого дают* [СРЯКЭ 2025 : 1261].

В «Словаре» нет другого такого примера, когда на основании одной пословицы созданы столь антагонистичные по смыслу карантинки.

Кончил (сделал) дело, гуляй смело:

✓ первый вариант – *Сделал дело – гуляй на балконе смело* [СРЯКЭ 2025 : 1244] – повторяет значение пословицы: сначала завершить дела, а затем уж развлекаться и отдыхать. Но дополнительное слово вносит явный сарказм: гулять можно только на балконе (балкон в первые месяцы строгого карантина в связи с запретом прогулок и выхода из дома без уважительной причины стал местом, где человек мог проводить много времени на воздухе), а такое ограниченное место прогулки не сочетается с наречием «смело»;

✓ второй вариант (с заменой одного компонента) более жизнеутверждающий, только отчасти связанный со значением первоисточника и отнюдь не саркастичный: *Переболела – гуляй смело!* [СРЯКЭ 2025 : 1244] – выздоравливаешь (делаешь дело), и с наличием антител к ковиду можно без ограничений передвигаться по городу, не опасаясь заразиться самой или заразить кого-то. Замена одного компонента первоисточника полностью поменяла значение второго варианта карантинки, по сравнению с первоосновой.

Дорога ложка к обеду:

✓ первая карантинка, как и в предыдущем примере, повторяет значение пословицы: *Дорога туалетная бумага к эпидемии* [СРЯКЭ 2025 : 1259] (дорого, ценно то, что появляется в нужный момент). Сарказма нет, но есть явная ирония – туалетная тема.

✓ вторая карантинка не менее иронична по той же причине, но её смысловая наполненность совершенно иная, к тому же из жанра антипословиц она переходит в жанр примет: *Дорогая туалетная бумага – к эпидемии* [СРЯКЭ 2025 : 1259].

Как видим, у этих карантинок, несмотря на одну первооснову, явную иронию по причине темы «низкого штиля» и использование амфиболии – двойственности (хотя и неполной по причине разных форм (полной и краткой) прилагательного «дорогая»), нет смысловой связи и разная жанровая принадлежность.

Мал золотник, да дорог

Авторы-составители отнесли две приведённые ниже карантинки к одному источнику:

✓ первая опять-таки повторяет значение пословицы-основы: *Мал санитайзер, да дорог* [СРЯКЭ 2025 : 1254] (подчеркивается достоинство чего-либо маленького по размеру, кажущегося незначительным, но важного по существу);

✓ а вот вторую карантинку – *Мал вирус, да вреден* [СРЯКЭ 2025 : 1254] – скорее можно отнести к другой пословице-основе: «Мал клоп, да вонюч» (о ком-то незначительном, но способном создавать большие проблемы), которая в «Словаре» не встречается, поскольку важная смысловая составляющая первой пословицы-основы – одобрение, а второй (и связанной с ней карантинки) – явная критика.

Как видим, эти карантинки, несмотря на разные первоосновы, построены по одной синтаксической модели, используют юмор и связаны между собой отношениями антонимичности.

Закончить рассмотрение вариантов антипословиц можно тремя карантинками, каждая из которых имеет свою пословицу-основу, но при этом в значении всех трёх присутствует тема дружеских отношений и необходимой социальной дистанции, т.е. присутствует синонимичность:

✓ *Друг познается на социальной дистанции* [СРЯКЭ 2025 : 1248] («друг познается в беде»);

✓ *Дружба дружбой, а полтора метра врозь* [СРЯКЭ 2025 : 1249] («дружба дружбой, а служба службой»);

✓ *Свой на свояка чихает издалека* [СРЯКЭ 2025 : 1273] («свой свояка видит издалека» или «рыбак рыбака видит издалека»).

Таким образом, рассмотрев варианты карантинок, созданных на одной или разных пословицах-основах, можно сказать, что антипословицы – это не только единичные «трансформы традиционных пословиц и поговорок с целью смехового эффекта» [Mieder 1998; Вальтер, Мокиенко 2005], но и сложные смысловые конструкции с отношениями антагонизма, синонимии, антонимии, не всегда однозначно понимаемые и далеко не всегда смешные.

Литература

1.Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : ОЛМА: Медиа-группа, 2005. – 260 с.

2.«Дружба дружбой, а полтора метра врозь» : лингвист СПбГУ рассказал о новом словаре русских ковидных антипословиц. – [Электронный ресурс]. – URL: https://scientificrussia.ru/articles/druzba-druzboj-a-poltora-metra-vroz-lingvist-spbgu-rasskazal-o-novom-slovare-russkih-kovidnyh-antiposlovic (дата обращения: 05.04. 2026).

3.Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Полная версия. Том 2. Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Е. Дёмина, В. А. Ефремов, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Я. Ю. Коваленко, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, Е. С. Пименова, М. Н. Приёмышева, Ю. С. Ридецкая. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2025. – 706 с.

4.Mieder, Wolfgang. Verdrehte Weisheiten: Antisprichwörter aus Literatur und Medien. Wiesbaden, 1998.

E. A. SEROVA, O. V. SHKURAN

RUDN, Moscow, (Russia)

VARIATION OF ANTI-QUARANTINE CONDITIONS IN MODERN COMMUNICATION

The article examines quarantine anti-diseases, which are intentionally transformed versions of traditional paremias, which gained the status of one of the most striking markers of collective trauma

during the pandemic of 2020-2021. Based on the material of the Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era. Full Version, the article analyzes the mechanisms of transformation of stable expressions. Antiposlovices perform not only a compensatory-therapeutic function (reducing anxiety through irony), but also a function of “linguistic documentation” of the era, fixing the key meanings and fears of pandemic consciousness in the language.

antiposlovice, dictionary; humor, quarantine; cultural mechanism, dynamic creativity/

Серова Екатерина Алексеевна – студентка 1 курса специальности «Лечебное дело» медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Научные интересы: русский язык, медицинский дискурс, фразеология.

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Научные интересы: славянская фразеология, афористика, крылатика, библеистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

Serova Ekaterina Alekseevna – first year student of the specialty “Medical specialty” at the Medical Institute of the RUDN. Scientific interests: Russian language, medical discourse, phraseology.

Oksana Vladimirovna Shkuran – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages at the Medical Institute of the RUDN.

УДК 81.34

К. С. ЧЕРЕТУН, Т. Н. ГАПОНОВА

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, РФ (ДНР)

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ ПАСХИ У ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В данной статье рассмотрены ключевые сходства и основные различия празднования Пасхи у западных и восточных славян. Раскрыты причины календарных расхождений, различия в богослужении и обрядовой символике. Проанализированы общие черты, объединяющие славянские народы.

Пасха, Иисус Христос, воскресение, календарное расхождение, пасхальные обряды, христосоваться, жизнь и смерть.

Пасха является центральным событием для всех христиан, включая славянские народы. Однако историческое развитие, культурные особенности и конфессиональные различия сформировали уникальные традиции празднования. Восточные славяне – русские, украинцы и белорусы – принадлежат к Православной церкви, тогда как западные славяне – поляки, чехи и словаки – исповедуют католицизм. Эти различия привели к формированию как глубоких сходств (общая радость о воскресении Христа семейный характер праздника символика жизни), так и заметных отличий в обрядовой стороне, календарных сроках празднования, а также народных обычаях, сопровождающих пасхальные дни. Несмотря на региональную специфику, праздник сохраняет объединяющую роль для всех славянских народов, выделяя единство корней при внешнем разнообразии традиций.

Несмотря на нынешние различия в традициях, событиях, датах и способах проведения Пасхи, ее история уходит корнями в Иерусалимскую пещеру, где Иисус был погребен после распятия. Воскрес Господь на третий день после распятия, то есть в воскресенье. В Евангелии от Марка сказано, что воскрес Он рано в первый день недели.

Иисус родился в деревне Назарет, недалеко от Вифлеема. По прошествии 30 лет Он прошел обряд крещения в водах реки Иордан. Спустя 3 года за столом собрал он 12 своих учеников – апостолов. Событие это известно как «Тайная вечеря», на которой Иисус сообщил, что его предаст один из Его последователей. Согласно Евангелию от Иоанна трапеза происходила до события Пасхи, то есть к исходу 14 дня весеннего месяца, по еврейскому

календарю, нисана. После трапезы Понтий Пилат, Иудейский прокуратор, приказал привести Иисуса к себе, дабы вынести приговор. Иуда – предатель из 12 апостолов, раскаялся в предательстве. Он украл 30 серебряников, оклеветав Христа. Свидетельствуя шествие к Понтию, он кинул украденное и, выйдя из храма, тут же удавился. Пилат опасался переворота в городе и решил на корню прервать христианство. Били Христа плетьми, насмехались над ним, бичевали, но Иисус утверждал, что так его вера крепнет и растет. После этого Понтий распорядился распять Иисуса на горе Голгофа. К распятию были приговорены, не считая Иисуса, еще два преступника. После совершения распятия, отнесли тело Христа в пещеру, заволокли камнем и разнесли весть о гибели Его. Прошла суббота, и ученицы Христа – Мария Магдалина и еще одна Мария, решили обмазать тело Его благовониями. Описывается пришествие двух дев в Евангелии от Марка: «По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева купили ароматы, чтобы идти помазать Его. И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца, и говорят между собою: «кто отвалит нам камень от двери гроба?» И, взглянув, видят, что камень отвален; а он был весьма велик. И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: «не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам». И, выйдя, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись. Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили. И сказал им: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что́ смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы.» И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога.»

Дата празднования Пасхи у западных и восточных славян, как правило, не совпадает. Восточные славяне следуют Александрийской пасхалии, основанной на юлианском календаре. Западные славяне придерживаются Григорианской пасхалии.

Правило расчета дня Пасхи едино для всех христиан и было утверждено на 1 Вселенском Соборе в 325 году: Пасха празднуется в первое воскресенье после первого полнолуния, наступающего после дня весеннего равноденствия. Однако ключевое противоречие кроется в расхождении двух календарных систем – юлианской и григорианской.

Григорианская реформа вернула весеннее равноденствие на 21 марта, «сбросив» накопленные юлианским календарем лишние дни. Православная церковь сохранила верность древней Александрийской пасхалии и юлианскому календарю. В результате сегодня для западных славян точкой отсчета служит астрономическое равноденствие 21 марта, а для восточных – условное (юлианское) равноденствие, которое в 21 веке приходится на 3 апреля по новому стилю. Из-за разницы в 13 дней «первое пасхальное полнолуние» высчитывается от разных дат, что и приводит к расхождению в датах праздника в большинстве лет. Разрыв может составлять одну, четыре или даже пять недель.

При этом даты католической и православной Пасхи периодически совпадают, что воспринимается верующими обеих традиций как символическое единство христианского мира.

Пасхальное богослужение у западных и восточных славян имеет как общие черты, так и существенные различия, обусловленные принадлежностью к разным христианским традициям – католической и православной.

Главное сходство – в самом содержании праздника: Пасха посвящена Воскресению Христа. В обеих традициях богослужение начинается ночью и носит торжественный характер. Обязательным элементом является крестный ход вокруг храма. Также общим является возглас священника «Христос воскресе!» и ответ верующих «Воистину воскресе!».

У восточных славян православное богослужение отличается исключительной продолжительностью (4 – 5 часов и более). Оно включает полунощницу, крестный ход, Пасхальную утреню с каноном Иоанна Дамаскина и Божественную литургию. Отличительной чертой является то, что на всю Светлую седмицу (день Воскресения и шесть дней после) Царские врата в алтаре остаются открытыми, символизируя открытость рая.

У западных славян католическое богослужение – Навечерие Пасхи, – имеет иную структуру и длится меньше. Оно делится на четыре части: Служба света (благословение нового огня), Служба слова (чтение пророчеств), Крещальная литургия и Евхаристическая литургия. Открытых Царских врат в католической традиции нет.

Главным и самым узнаваемым символом Пасхи как у западных, так и у восточных славян является крашеное яйцо. Оно символизирует чудо Воскресения, новую жизнь и возрождение. Повсеместно распространены традиции освящать яйца в церкви, обмениваться ими при пасхальном приветствии и использовать их в праздничных играх. Вторым по значимости общим символом является пасхальный хлеб: у восточных славян это кулич (высокий сдобный хлеб цилиндрической формы), у западных – баба или мазурек. В обеих традициях хлеб освящается в храме и становится первым блюдом после разговения. Также общим символом

является пасхальный огонь – в пасхальную ночь у всех славян принято зажигать свечи и приносить благодатный огонь в дом, сохраняя его в лампадах.

У восточных славян особое место занимает пасха – ритуальное блюдо из творога, имеющее форму усеченной пирамиды. Оно символизирует Гроб Господень и одновременно Небесный Иерусалим. На гранях пасхи обычно выдавливаются буквы «ХВ» – Христос Воскресе. У западных славян это блюдо практически неизвестно. Вместо него распространены сладкие куличи из песочного или дрожжевого теста, часто политые глазурью и посыпанные миндалем или цукатами.

Различаются и традиции, связанные с яйцами. У восточных славян существует сложная традиция писанки – ритуального яйца, расписанного орнаментом с помощью воска и красителей. Каждый символ в писанке имеет глубокое сакральное значение. У западных славян, особенно у поляков и чехов, более распространены «kraszanka» – однотонные крашеные яйца или яйца, декорированные выцарапанным узором, но сложная восковая роспись встречается реже.

Еще одно важное различие – пасхальный агнец. У западных славян фигурка ягненка из теста, сахара или масла является обязательным символом, который кладут в пасхальную корзину. Он символизирует Христа как жертву – «Агнец Божий». У восточных славян эта традиция отсутствует, ее место занимает освящение мяса, колбас или окорока после строгого поста.

Основное различие между пасхальными традициями западных и восточных славян кроется в наборе символов и обрядовой стороне праздника. У западных славян, особенно у поляков и чехов, огромной популярностью пользуется традиция «Мокрого понедельника». В этот день молодые люди и дети обливают друг друга водой, что символизирует весеннее очищение и, по поверьям, приносит здоровье и удачу. Считается, что девушка, которую облили больше всех, быстрее выйдет замуж. У восточных же славян основное веселье приходится на саму пасхальную ночь и последующую неделю, где главными развлечениями являются катание яиц и «битки» – соревнования на крепость крашеных яиц.

Символика Пасхи также имеет заметные отличия. У западных славян и их соседей-католиков главным персонажем, дарящим подарки и прячущим яйца, является пасхальный заяц или кролик, символизирующий плодородие и изобилие. У восточных славян такой антропоморфный символ отсутствует. Их главный атрибут – творожная пасха, имеющая форму усеченной пирамиды, которая символизирует Гроб Господень, в то время как на Западе такое блюдо практически не встречается. Даже куличи, распространенные на востоке, не являются столь обязательным атрибутом праздничного стола.

Общей является и традиция освящения пищи в храме. Утром в Великую субботу или после ночной службы верующие несут в корзинках пасхальные яйца, куличи или другую праздничную выпечку и мясные блюда. После строгого Великого поста разговение начинается именно с освященных продуктов. Также всех славян объединяет пасхальное приветствие. Повсеместно принято говорить: «Христос воскресе!» и отвечать «Воистину воскресе!», после чего троекратно поцеловаться – это называется «христосоваться». Таким образом, при внешних различиях в символах и игровых формах празднования, глубинное содержание Пасхи у всех славянских народов едино – это праздник победы жизни над смертью, обновления мира и радости.

Пасха остаётся фундаментальным объединяющим началом для всех славянских народов. Календарные расхождения между юлианской и григорианской пасхалиями, а также конфессиональные различия православия и католицизма сформировали внешнее многообразие обрядов: от творожной пасхи и кулича у восточных славян до фигурки агнца и пасхального зайца у западных. Однако глубинная суть праздника едина для всех – пасхальное приветствие «Христос воскресе!», символика крашеного яйца как знака новой жизни, традиция освящения пищи и семейное торжество остаются общими. Даже при расхождении дат периодическое совпадение Пасхи воспринимается как символ единства христианского мира. Так, при всём разнообразии региональных традиций, Пасха сохраняет духовное единство славянских народов, напоминая об общности их корней и вере в победу жизни над смертью.

Литература

1. Матвеевский, П. Двунадесятые праздники и Святая Пасха / протоиерей Павел Матвеевский. – М. : Сибирская Благозвонница, 2011. – 288 с. – Текст : электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. – URL : http://www.iprbookshop.ru/43003.html

2. Праздник Пасха. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pikabu.ru/story/prazdnik_paskha_otkuda_ot_voznik_chto_on_oznachaet_2196 926

3. Тимошенко, Л. Г. История русского народа в праздниках и обрядах [Текст] / Л. Г. Тимошенко : учебное пособие. – Томск : ОДНТ «Авангард», 2008. – 146 с.

K. S. CHERETUN, T. N. GAPONOVA

"Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

CONVERGENCES AND DIVERGENCES IN EASTER CELEBRATORY PRACTICES BETWEEN WESTERN AND EASTERN SLAVIC PEOPLES

This article examines the key similarities and principal differences in the observance of Easter among Western and Eastern Slavs. It elucidates the reasons underlying the calendrical discrepancy, as well as the divergences in liturgical practice and ritual symbolism. The analysis further encompasses the common features that unite the Slavic peoples.

Easter, Jesus Christ, Resurrection, calendar divergence, Easter customs, exchanging the Easter kiss, life and death.

Черетун Кирилл Станиславович – студент группы ПТМ-43б «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: межкультурная коммуникация.

Гапонова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и этнологии «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Научные интересы: синтаксис русского языка, сложносочинённое предложение.

Cheretun Kirill Stanislavovich – student of HTM-43b groups of the "Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture" is a branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering". Scientific interests: intercultural communication.

Tatyana Nikolaevna Gaponova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Ethnology "Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture" – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering". Research interests: syntax of the Russian language, compound sentence.

УДК 81.161.1

А. А. ЧИЖИКОВА, Е. В. ГУЛЯКИНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ (ДНР)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности функционирования англицизмов в современной русской профессиональной коммуникации. Анализируются причины заимствования иноязычной лексики, выделяются основные группы англицизмов, описываются способы их грамматической и семантической адаптации. Особое внимание уделяется роли англицизмов в межкультурном взаимодействии, а также рискам их неоправданного использования в юридической и деловой сферах. Даются практические рекомендации по целесообразному употреблению заимствований.

англицизмы, профессиональная коммуникация, межкультурная коммуникация, заимствования, русский язык, языковая норма, юридическая терминология, адаптация.

В условиях глобализации и активного межкультурного взаимодействия профессиональная коммуникация всё чаще осуществляется с привлечением англоязычных терминов. Англицизмы становятся неотъемлемой частью русской деловой, технической и юридической речи. Данный процесс вызывает неоднозначные оценки в лингвистической среде: с одной стороны, заимствования обогащают язык и упрощают международное общение, с другой – создают риск размывания языковой нормы и утраты национальной идентичности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления роли англицизмов в профессиональной коммуникации с учётом как лингвистических, так и межкультурных факторов.

Цель работы – выявить особенности функционирования англицизмов в русскоязычной профессиональной среде. Задачи: определить понятие «англицизм»; описать причины заимствований; классифицировать наиболее частотные группы англицизмов; проанализировать способы их адаптации; оценить влияние на эффективность профессиональной и межкультурной коммуникации; предложить рекомендации по использованию заимствований.

Понятие англицизма и причины заимствования

Англицизмы – это слова или обороты, заимствованные из английского языка в другой язык с сохранением или частичным изменением фонетического и семантического облика. В

профессиональной коммуникации англицизмы выполняют несколько функций: номинативную (обозначение новых реалий), дифференцирующую (уточнение специальных понятий) и престижную (демонстрация принадлежности к международному профессиональному сообществу) [1, с. 1–2].

Основной причиной активного внедрения англицизмов является отсутствие в русском языке устоявшихся эквивалентов для новых технологий, процессов и должностей. Термины «дедлайн», «брифинг», «комплаенс», «тренинг» вошли в профессиональный обиход именно потому, что оказались более краткими и ёмкими по сравнению с описательными русскими аналогами. Однако в ряде случаев англицизмы используются и при наличии русских соответствий, что объясняется стремлением к «современности» и статусности [2, с. 1–2].

Дополнительными причинами являются: экономия речевых усилий (одно слово вместо словосочетания), необходимость унификации терминологии в международных проектах, влияние массовой культуры и медиа, а также языковая мода, когда использование английских слов воспринимается как признак профессионализма и компетентности [2, с. 1–2].

Классификация англицизмов в профессиональной коммуникации

В русской профессиональной коммуникации можно выделить несколько основных групп англицизмов.

Первую группу составляет управленческая и бизнес-лексика: «менеджер», «маркетинг», «логистика», «стартап», «офис», «менеджмент». Эти слова настолько прочно вошли в язык, что многими носителями уже не воспринимаются как иностранные [3, с. 111–113].

Вторую группу образуют IT-термины: «сайт», «браузер», «контент», «девайс», «софт», «плагин». Это, пожалуй, самая насыщенная англицизмами сфера, что объясняется лидерством англоязычных стран в развитии информационных технологий [3, с. 111–113].

Третья группа – обозначения процессов и действий: «мониторинг», «презентация», «тренинг», «коучинг», «краудфандинг» [3, с. 111–113].

Четвёртая, особая группа – юридические термины: «комплаенс», «эскроу», «нон-дискалужер», «депозиций», «форс-мажор» (частичное заимствование). В правовой сфере англицизмы требуют особой осторожности, так как точность терминологии имеет критическое значение [3, с. 111–113].

Способы адаптации англицизмов в русском языке

Заимствованные слова проходят несколько этапов освоения: фонетический, морфологический, семантический и словообразовательный.

На фонетическом этапе слово приспосабливается к звуковой системе русского языка. Например, «менеджер» произносится с ударением на втором слоге, хотя в английском языке

ударение падает на первый. Происходит смягчение или отвердение согласных, адаптация гласных.

Морфологический этап предполагает включение слова в систему склонения и спряжения. Большинство англицизмов относятся к мужскому роду и склоняются как существительные второго склонения: «менеджера», «менеджеру», «менеджером». Однако некоторые слова остаются несклоняемыми («дедлайн», «брифинг», «стартап»), что создаёт трудности в устной и письменной речи. Глаголы, образованные от заимствованных основ, получают русские окончания: «тренинговать», «презентовать», «мониторить» [3, с. 110].

Семантическая адаптация заключается в возможном сужении, расширении или изменении значения. Например, «офис» в русском языке может обозначать не только помещение, но и организацию в целом, что расширяет его семантическое поле по сравнению с английским «office».

Словообразовательная адаптация проявляется в появлении производных слов: «менеджерский», «пиар-кампания», «аутсорсинговый». Это свидетельствует о глубокой интеграции заимствования в языковую систему [3, с. 110].

Англицизмы в юридической практике: риски и преимущества

Особого внимания заслуживает функционирование англицизмов в юридической профессиональной лексике. В сфере юриспруденции заимствования часто связаны с международным правом, корпоративными отношениями и цифровыми технологиями. Термины «комплаенс» (внутренний контроль), «эскроу» (условное депонирование), «нон-дискалужер» (соглашение о неразглашении) активно используются в практике юридических фирм, работающих с международными клиентами [4].

Преимущества использования англицизмов в юриспруденции: унификация терминологии при работе с иностранными контрагентами, доступ к англоязычной правовой документации, краткость и точность международных терминов [4].

Однако существуют и серьёзные риски. Во-первых, неоправданное использование англицизмов вместо устоявшихся русских юридических терминов может привести к двусмысленности в документах и судебных решениях. Во-вторых, разная трактовка понятий в различных правовых системах (например, «common law» vs «statute law») создаёт опасность буквального переноса терминов без учёта контекста. В-третьих, избыточное заимствование затрудняет понимание правовых текстов для граждан, не обладающих специальной лингвистической подготовкой [5].

Межкультурный аспект: англицизмы как барьер или мост?

С точки зрения межкультурной коммуникации, англицизмы выполняют двойственную роль. С одной стороны, они могут служить «мостиком» между представителями разных

культур, облегчая обмен профессиональным опытом и стандартизируя терминологию. В международных проектах, научных конференциях и совместных исследованиях использование общепринятых англоязычных терминов становится необходимым условием эффективной коммуникации [5].

С другой стороны, англицизмы способны превращаться в коммуникативный барьер. Это происходит в следующих случаях:

1. Когда участник коммуникации не владеет заимствованным термином (например, клиент не понимает слово «дедлайн»).
2. Когда заимствование используется в официальном документе без пояснения.
3. Когда русский аналог является более точным и понятным, но автор предпочитает англицизм из соображений престижа.
4. Когда заимствование приобретает в русском языке иное значение, чем в английском, что ведёт к недопониманию с иностранными партнёрами.

Таким образом, эффективность использования англицизмов в межкультурной коммуникации зависит от учёта аудитории, контекста и цели общения. В узкопрофессиональной среде, где все участники владеют международной терминологией, англицизмы уместны. При общении с широкой аудиторией или в официальных документах предпочтительнее использовать русские аналоги либо сопровождать заимствования пояснениями.

Англицизмы являются объективной реальностью современной профессиональной коммуникации. Их функционирование определяется как лингвистическими (экономия языковых средств, точность номинации, необходимость обозначения новых реалий), так и межкультурными (стремление к унификации, престиж, доступ к международному опыту) факторами. Полное исключение заимствований невозможно и нецелесообразно, так как это затруднит международную коммуникацию и обмен опытом.

Однако избыточное, неоправданное употребление англицизмов может привести к коммуникативным сбоям, размыванию языковой нормы и утрате культурной идентичности. Особенно осторожным следует быть в юридической сфере, где точность терминологии имеет правовое значение.

Баланс между заимствованиями и национальной лексикой – залог здорового развития языка и эффективной профессиональной коммуникации. Профессионалам следует руководствоваться принципом целесообразности: использовать англицизм только тогда, когда он точнее или удобнее русского аналога в конкретном контексте. Соблюдение этого правила позволит сохранить ясность профессиональной коммуникации, уважение к языковой культуре и эффективность межкультурного взаимодействия.

Литература

1. Лошакова, Н.А. История и адаптация англицизмов в русском языке / Н. А. Лошакова, В. Г. Павленко. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-adaptatsiya-anglitsizmov-v-russkom-yazyke (дата обращения: 06.04.2026).
2. Новожилова, Д. И. Коммуникативная роль англицизмов в лексике современного медиатекста/ Д. И. Новожилова, Л. П. Гогина. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-rol-anglitsizmov-v-leksike-sovremennogo-mediateksta/viewer (дата обращения: 06.04.2026).
3. Захарова, И. О. Современная терминология менеджмента: англицизмы как средство адаптации к новым экономическим реалиям/ И. О. Захарова. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-terminologiya-menedzhmenta-anglitsizmy-kak-sredstvo-adaptatsii-k-novym-ekonomicheskim-realiyam (дата обращения: 06.04.2026).
4. Петрова, Н. Е. Заимствования в профессиональной речи : монография / Н. Е. Петрова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2020. – 150 с.
5. Русский язык для студентов нефилологических специальностей : учеб. пособие / под ред. М. Ю. Федосюк. – М. : Флинта, 2019. – 256 с.

A. A. CHIZHIKOVA, E. V. GULYAKINA

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation

THE FUNCTIONING OF ANGLICISMS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

The article examines the features of the functioning of Anglicisms in modern Russian professional communication. The reasons for borrowing foreign vocabulary are analyzed, the main groups of Anglicisms are identified, and the ways of their grammatical and semantic adaptation are described. Special attention is paid to the role of Anglicisms in intercultural interaction, as well as the risks of their unjustified use in the legal and business spheres. Practical recommendations on the appropriate use of borrowings are given.

anglicisms, professional communication, intercultural communication, borrowings, Russian language, linguistic norm, legal terminology, adaptation.

Чижикова Анастасия Андреевна – обучающаяся 1 курса группы 131 ЮБУП (Направление: юриспруденция, уголовно-правовой профиль) Федерального государственного

бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Российская Федерация. Научные интересы: русский язык, межкультурная коммуникация, юридическая терминология, профессиональная речь в правовой сфере, лингвистический анализ правовых текстов.

Гулякина Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Российская Федерация. Научные интересы: русский язык, латынь, риторика, методика преподавания иностранных языков, профессиональная коммуникация в юридической сфере, культура юридической речи.

Chizhikova Anastasia – 1st year student of group 131 YUBUP (major: Jurisprudence, Criminal Law Profile) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation. Scientific interests: Russian language, intercultural communication, legal terminology, professional speech in the legal sphere, linguistic analysis of legal texts.

Gulyakina Elena – Senior Lecturer of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donbass State University of Justice", Donetsk, Russian Federation. Scientific interests: Russian language, Latin, rhetoric, methods of teaching foreign languages, professional communication in the legal sphere, culture of legal speech.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

XII Республиканской конференции молодых учёных, аспирантов, студентов

«НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ, МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ СТРОИТЕЛЬНО-АРХИТЕКТУРНОЙ ОТРАСЛИ»

Том 3

«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

24 апреля 2026 г.

г. Макеевка

Материалы печатаются в авторской редакции.
Авторы научных статей несут ответственность за оригинальность текстов,
а также достоверность изложенных фактов и положений.

Ответственный за издание: *Р. Н. Назар*

Компьютерная вёрстка: *Р. Н. Назар*

Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.donnasa.ru/publish_house/journals/studconf/2026/sbornik_konf_guman_nauk_2026.pdf